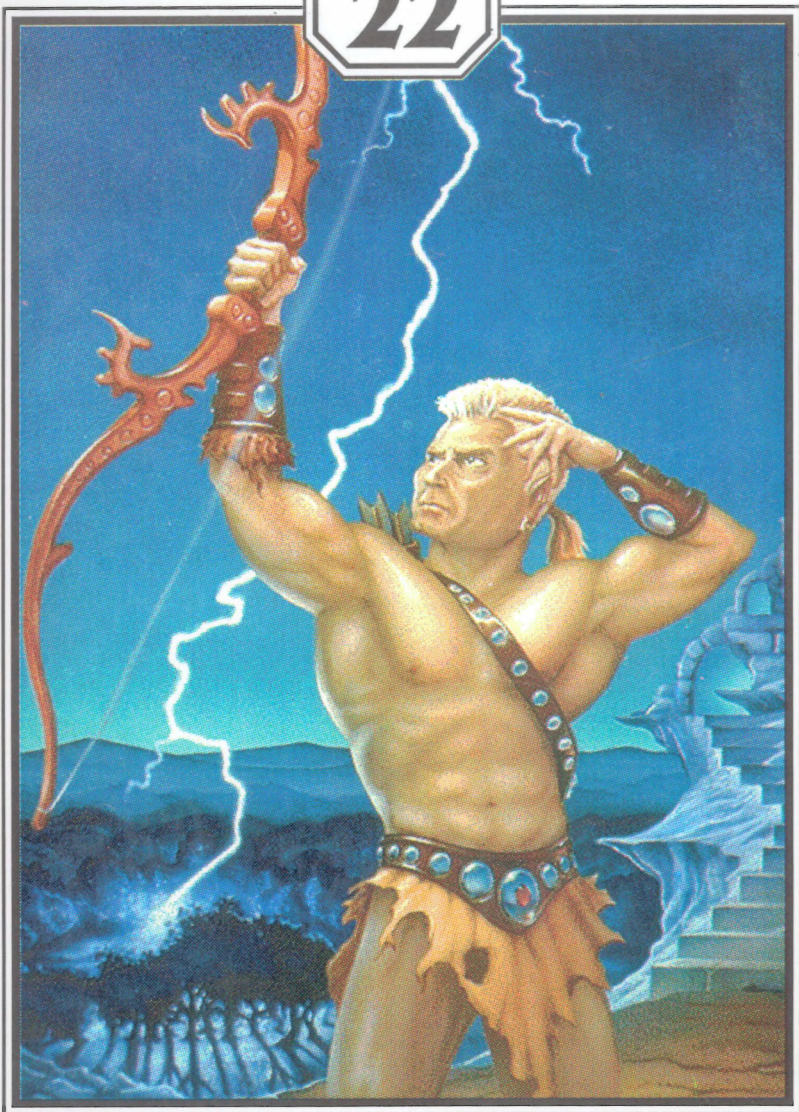

МФФ

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

22

22

ФИЛИП ФАРМЕР

WORLDS OF PHILIP FARMER

THE MEMOIRS OF LORD GRANDRITH

**A FEAST UNKNOWN
LORD OF THE TREES**

**«POLARIS» PUBLISHERS
1998**

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

МЕМУАРЫ ЛОРДА ГРАНДРИТА

**ПИР ПОТАЕННЫЙ
ПОВЕЛИТЕЛЬ ДЕРЕВЬЕВ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1998**

Серия основана в 1996 году

Миры Филипа Фармера. Т. 22 / Пер. с англ. —
Полярис, 1998. — 382 с.

Очередной том собрания сочинений знаменитого американского фантаста составили два эротико-приключенческих романа «Пир потаенный» и «Повелитель деревьев», описывающих историю лорда Грандрита — *настоящего* Тарзана, и его борьбу с загадочной Девяткой бессмертных.

Произведения, опубликованные в данном издании, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

A Feast Unknown

Copyright © 1969 by Philip José Farmer

Lord of the Trees

Copyright © 1970 by Philip José Farmer

Пир потаенный

© О. Артамонов, перевод, 1992

Повелитель деревьев

© О. Артамонов, перевод, 1992

© Издательство «Полярис»,
оформление, 1998

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1996

ISBN 5-88132-352-1

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В двадцать второй том собрания сочинений Филипа Фармера вошли два романа, представляющие собой IX и X книги «Мемуаров лорда Грандрита» — «Пир потаенный» (1969) и «Повелитель деревьев» (1970).

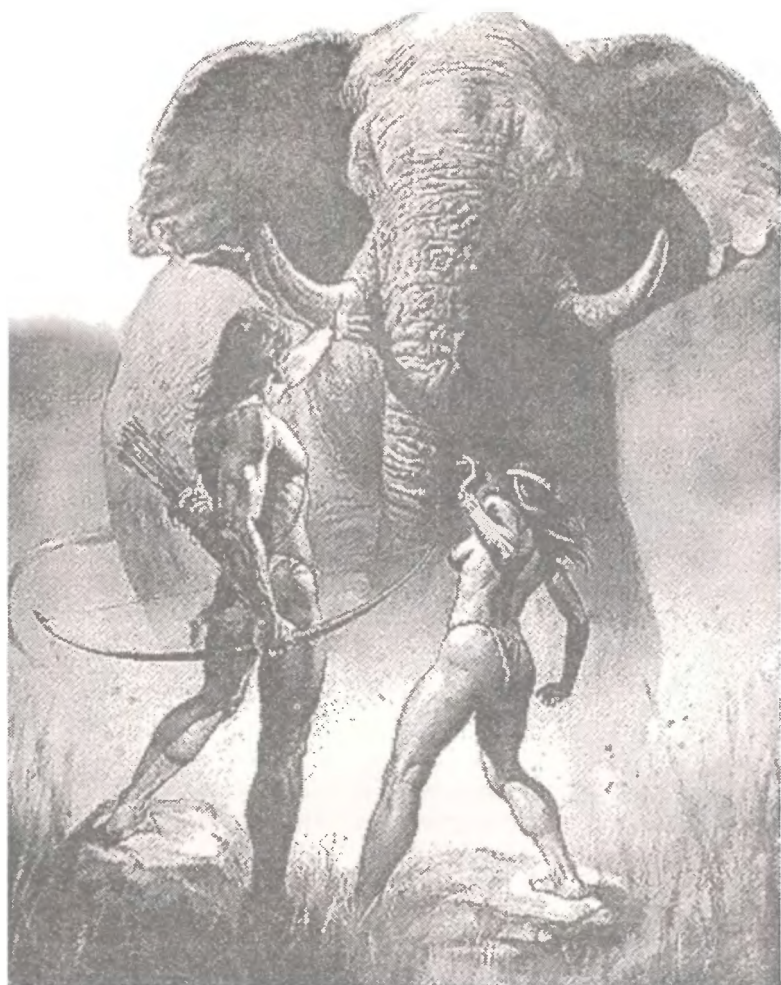
Любители творчества этого своеобразного фантаста не могут не обратить внимания на то, какое место занимают в нем образы, заимствованные из масс-культуры. И, несомненно, из них всех наиболее часто встречается в книгах Филипа Фармера образ Тарзана, владыки джунглей, — от «Владыки Тигра» до «Интервью с лордом Грейстоком». А в многотомном цикле «Уолд-Ньютон» писатель связывает воедино генеалогии и биографии всех своих любимых героев — от Тарзана до Шерлока Холмса и профессора Челленджера, — оказывающихся одним большим семейством.

«Мемуары лорда Грандрита» относятся к этому же направлению. В главных героях трилогии — лорде Грандрите и Доке Калибане — отчетливо проглядывают Тарзан-лорд Грейсток и Док Сэвидж, еще один популярный в Америке персонаж массовой культуры, рожденный фантазией Лестера Дента, автора почти сотни романов о приключениях этого супергероя. Да и рассеянные упоминания о «моем биографе», в котором явно угадывается Берроуз, якобы искадивший и превративший в угоду публике истинную историю Тарзана, помогают раскрыть «секрет Полишинеля».

Судьба сводит героев вместе, сначала как противников — потому что оба наделенных даром бессмертия героя претендуют на вакантное место в Совете Десяти, тайных правителей человечества, с каменного века ревниво оберегающих секрет эликсира молодости. А потом — как союзников, потому что

план Девяти сравить героев друг с другом завершается провалом, и остается одно — убить тех, кто осмелился посягнуть на власть незримых манипуляторов, совершающих в глубине африканских джунглей омерзительные и страшные ритуалы.

Откровенность, с которой Фармер описывает похождения лорда Грандрита (не только эротические, хотя «Пир потаенный» может сойти за справочник по сексопатологии), может шокировать непривычного читателя. Но, как метко замечает другой известный писатель и большой поклонник творчества Филипа Фармера Теодор Старджон, супергерои обычно не имеют сексуальной жизни. Настала пора приоткрыть завесу. И если вам не понравится то, что вы увидите, — помните, что жизнь не похожа на романы о Тарзане. Жизнь сурова и безжалостна... как джунгли.

Пир Потаенный

НАСИЛИЕ — НАШ МЕТОД!

Вы знаете, кто они?

Со времен Гомера и Беовульфа, и даже еще до них, рассказчики всегда умели выбрать героическую фигуру. Но, работая со своими слушателями или читателями, они неизменно убеждались, что одного рассказа обычно недостаточно, чтобы подробно описать все его (героя) приключения. Так родились саги. Рассказы гомеровского цикла редко сравнивают с эпизодами какого-нибудь приключения, представленными в картинах и выходящими серийно, типа «Gasoline Alley», что весьма прискорбно. Когда-то люди выстраивались в очереди, ожидая появления еженедельника, в котором должна была появиться публикация новой главы очередного романа Чарльза Диккенса. Ма и Па Кетл имели тысячи поклонников; успех многочисленных телевизионных сериалов базируется на том же принципе.

Секрет успеха каждой из таких саг зависит от того, в какой мере она отражает жизнь самой публики, настоящую жизнь, повседневность, со всеми ее особенностями. Они могут привлекать или своим гармоничным совпадением, или контрастом: интрига вращается либо вокруг тщательно воспроизведенных повседневных событий, как, например, в историях о Ланни Бад и в «Саге о Форсайтах», либо вокруг необычайных, экзотических событий, как в знаменитой трилогии Дж. Р. Р. Толкина «Властители колец» (Диккенс, этот веселый гений, с одинаковым успехом использовал оба эти метода). Истории, в которых в ход обычных событий вдруг вмешивается сверхъестественное, всегда привлекают к себе повышенный интерес; отсюда вся привлекательность и магия Гомера. Приключения Бэтмена в Готэм-сити также исходят из этой традиции.

Что возвращает нас, конечно, к удивительным (хотелось бы, чтобы это слово не было затаскано до такой степени, чтобы потерять свое истинное значение; они на самом деле удивительны и останутся такими навсегда) героям pulp magazines, этих старых дешевых изданий, в которых публиковались нескончаемые повести, заполненные приключениями отважных бретеров или колдунов. Мне искренне жаль тех несчастных, которые ни разу не испытали на себе лукавое очарование Северо-западного Смита, Хаука Корса, Тарзана, Джона Картера, Дока Сэвиджа, Конана-завоевателя и других доблестных рыцарей.

Но все, почти без исключения, эти эпопеи двух минувших веков вдруг стали жертвами упрямого замалчивания, чего я никак не могу себе объяснить. Чтобы лучше стало понятно, что я имею в виду, мне необходимо будет сделать небольшое отступление, чтобы рассказать вам об одном марсианине, который следует за мной повсюду.

Я никогда не видел его совершенно отчетливо, следовательно, мне будет довольно трудно его описать. В конце концов его внешность имеет гораздо меньшее значение, чем то, что он делает: он задает мне вопросы. Если я не отвечаю, или отвечаю невпопад, с его стороны не следует никаких санкций; просто вопрос продолжает терзать меня. Мой марсианин никогда не беседует со мной подолгу; сама его манера ставить вопрос подсказывает мне, быть может (а может, и нет), то, что он сам считает правильным ответом. Я никогда в этом окончательно не уверен. Во всяком случае, он не перестает задавать мне вопросы, которые никому другому даже не пришли бы в голову; вопросы о самых заурядных вещах и общепринятых идеях.

Как может случиться, чтобы я мог пробежать пять километров по оживленному бульвару, выкрикивая при этом самые грязные непристойности, или, избивая женщину, не вызвать при этом ни малейшей реакции со стороны окружающих, в то время как (и я в этом абсолютно уверен) стоит мне появиться на улице, имея в качестве одежды лишь ленту из голубого шелка, небрежно завязанную на левом запястье, и с павлиньим пером в другой руке — пусть даже моя манера держать себя известна как самая экстравагантная, — как меня тут же загребут в участок, не дав пройти и сотни метров? Почему, в то время как все моторы, которыми мы пользуемся, перегреваются, ни у кого не возникнет даже мысли придумать что-нибудь этакое, снабженное встроенной автоматической системой охлаждения? Почему общество, которое так заботится о жизни и сохранности еще не родившегося плода, отправляет его затем через семнадцать лет черт знает куда, чтобы ему продырявили шкуру? Как назвать то, когда Главное санитарное

управление какого-то большого современного города обнаруживает эпидемию и создает планы по мерам оповещения и пропаганды среди населения, чтобы предупредить бедствие, и в это время оказывается, что субсидии на это урезаны наполовину? (В данном случае речь идет об эпидемии венерических заболеваний, но это не отвечает на вопрос, не так ли?) Мой марсианин всегда неисчерпаем в своих вопросах, и очень часто мне остается лишь покачать головой и сказать: «Видишь ли, дорогой мой друг, это... ну...»

Так вот, среди подобных вопросов находится и следующий: «Почему ваши сверхлюди, ваши СУПЕРМЕНЫ, все эти бесшабашные рубахи и защитники Добра так редко обладают личной сексуальной жизнью; попросту говоря, почему они лишены секса?» Я не знаю, есть ли у Филипа Хосе Фармера личный марсианин, но, во всяком случае, книга его отвечает на этот вопрос. Причем весело, отважно и дерзко. Да, все герои обладают полом, и, думаю, они могли бы не согласиться с ошибками и искажениями их цензоров-биографов. Разве не естественно, вырастая среди обезьян, питаться как обезьяны и иметь сексуальные наклонности как у обезьян, не думая, естественно, при этом, что нарушаешь какое-то табу. Это никогда еще не мешало никому быть сверхчеловеком.

Одним из наиболее интересных аспектов этой книги является связь, абсолютно прямая и абсолютно честная, которую он видит между сексуальностью и насилием. Не надо быть слишком проницательным, чтобы догадаться, что в так называемой «популярной» литературе насилие — это всего лишь способ замаскировать сексуальность. Фармер в этой книге говорит об одной вещи, и даже если бы он не сказал ничего другого, это было бы вполне достаточно. Он сказал, что безграничное насилие вкупе с безграничной сексуальностью является не чем иным, как безграничным абсурдом. В схеме, которую он предложил, нет ничего, что противоречило бы моему глубокому убеждению, которое заключается в следующем: люди, имеющие возможность заниматься сексом столько, сколько им хочется и как им хочется, перестают быть одержимыми им и не нуждаются ни в каком его заменителе, в том числе и в насилии... Как только человеческие потребности определены, обозначены и в достаточной мере удовлетворены, они перестают быть причиной беспокойства, и человек может себя посвятить любой истинной созидательной деятельности. Я не верю, что насилие как таковое является неотъемлемой частью человеческих потребностей. Я думаю, что оно всего лишь следствие нехватки или запрета. Насильником становятся лишь тогда, когда не хватает еды; нет крыши над головой или отсутствуют

сексуальные отношения. Эта святая истина, впрочем, очень точно выражена в крылатой фразе: «Занимайтесь любовью, а не войной».

За всеми погонями и впечатляющими сражениями, поданными в неприкрыто гиперболизированной форме, которыми так изобилует его повествование, Фармер остро вглядывается еще в один глубокий феномен: деятельность Девяти, которые являются символом чего-то темного и непознаваемого, что занимает человеческое сознание с тех самых пор, как оно стало разумным и осознало себя. В сознании людей издревле таилось ощущение, что существует некое всемогущее и безжалостное «существо» или «сущность», которому мы, смертные, — так как ОНИ, естественно, бессмертные, — должны противопоставить нашу волю и твердость. Мы должны смело выступить против сил этого «могущества», не важно, понимаем мы или нет мотивы, которые движут ими, но зная при этом, что в случае неудачи нас постигнет их ужасная кара.

Установить эту Силу, выделить ее составляющие, признаки и симптомы, узнать агентов, понять цели и средства — такова главная задача, на которой заостряли свое внимание философы и теологи, с тех пор когда первый из них, с ожерельем из змеинных зубов вокруг шеи, бросил свой красный от ярости взгляд на грозящий ему ураган и обрушил свою дубинку на череп соседа, дав выход своему бессилию перед Непостижимым. Фармер, с помощью своих Девяти, развивает мысль, важность которой не может ускользнуть ни от кого: вполне могло статься, что конечная цель этой Силы является функционально первобытной. Что равносильно двум вещам: *primo*, что эта Сила находится в наших венах и в наших костях, и *secundo*, что она безнадежно устарела. Такой способ описания печальной судьбы человечества ничем не хуже любого другого. Сознанию нашему было бы весьма соблазнительно объяснить все с точки зрения голый обезьяны и ее территориальных притязаний. Но было бы не слишком разумно потакать себе в таком подходе.

Отметив все это, вы смело можете приступать к чтению «Пира...», хотя бы потому, что это роскошная, распутная, похотливая, шокирующая, захватывающая и веселящая книга. Если вы хотите развлечься, вы не будете разочарованы. Фармер не разочаровывает никогда.

Не меньшей правдой остается и тот факт, что Фармер пишет, обильно используя символы. Его игры и игроки — это природные силы и живые люди (дополняющие или противостоящие друг другу). И он вносит во все это особенности своего «я».

Он заставляет дрожать от ужаса, но делает это таким образом, что читатель обязательно задается вопросом, почему он нашел ужасным то, что только что прочел. Фармер заставляет смеяться, и вновь спрашиваешь себя, почему ты засмеялся. Он заставляет желать определенной развязки, и ты спрашиваешь себя почему. Короче, он без конца ставит вопросы; по поводу семейной верности, обо всех существующих проблемах секса, насилия, о вкоренившихся в сознание людей предрассудках: будь то непривычные для нас блюда из личинок насекомых или помощь третьему миру, одежда или охота, необходимость паспортной системы или проявления признательности, любовь или атомное оружие...

Бог мой! Я как-то совершенно забыл задать ему один вопрос: вдруг он тоже марсианин?

*Теодор Старджон
Шерман Оукс,
Калифорния, 1969 г.*

ВСТУПЛЕНИЕ

Автобиография лорда Грандрита в полном своем объеме состоит из девяти томов, то есть насчитывает почти три тысячи страниц. Тот, что вы держите сейчас в руках, и он же пока единственный, который удалось опубликовать, является последним из девяти, охватывающий период его жизни до 1968 года. Лорд Грандрит рассчитывал опубликовать все тома сразу после того, как получил бы разрешение открыть свое истинное имя и историю своей жизни. Но с тех пор обстоятельства круто изменились. Грандрит поссорился с Девятью и стал бороться против тех, кто дал ему эликсир длительной жизни.

Первые восемь томов спрятаны в месте, известном лишь Грандриту и его жене. По его личной просьбе я предпринял необходимые шаги для публикации данного тома. До этого лорд безуспешно пытался опубликовать его в Англии, Швеции, в Южной Африке и в Германии. Не получил он согласия и во многих американских издательствах. Во всех этих отказах Грандрит видит длинную руку Девяти. Поэтому он не удивляется, что столько рукописей, посланных им издателям, либо «затерялись при пересылке», либо «случайно были повреждены».

Счастливый случай свел нас у одного общего знакомого в Канзас-сити, штат Миссури. В то время я еще не знал, кем на самом деле являлся человек, что был мне представлен под именем Джеймса Клеймора. Лишь в письме, полученном мной от него из Лимы, он открыл мне свое инкогнито. В своем письме, кроме всего прочего, лорд предупредил меня об опасностях, угрожающих не только ему и его жене, но и всем его друзьям, в числе которых он видел теперь и меня. Его второе письмо было проштемпелевано в Дублине, столице Ирландской Республики. Третье, чистое, без каких-либо печатей и

штемпелей, было доставлено в мой почтовый ящик чьей-то неизвестной рукой. В соответствии с полученными от него инструкциями я отправил ответ по некоему адресу в Стокгольм. После этого я получил по почте рукопись этого тома. Она была отправлена с островов Западные Самоа.

Я скрупулезно следовал тексту рукописи, позволив себе заменить лишь истинно британские выражения их американским эквивалентом. Грандрит специально оставляет неясным истинное географическое положение тех районов Уганды и Кении, где разворачиваются основные события, описанные в рукописи. И он делает это не с целью защитить членов Девяти, а лишь из опасения за жизнь тех безумных смельчаков, которые ринулись бы отыскивать их логово и погребенные золотые прииски той таинственной долины, которую Грандрит назвал «страной Офир».

С другой стороны, рассказ о приземлении в Пенрите не совсем соответствует истине. В Пенрите никогда не существовало никакого аэропорта. События, последовавшие за приземлением самолета, действительно имели место и происходили именно так, как и описывает их Грандрит, но сам аэропорт — выдумка чистой воды. Лорд хотел подпустить туману, чтобы защитить одного из своих друзей, который взялся разложить костры в саванне для посадочной дорожки. Грандрит отказался изменить эту часть текста, несмотря на ее явную нереальность. Нам остается лишь уважать его мнение, пусть нам и не известна его истинная подоплека.

В своем последнем письме Грандрит писал мне: «Никто не захочет поверить, что все это было правдой. Но это сейчас. Будущие события, плоды тайных махинаций Девяти, убедят мир в правдивости моих слов. Хочу надеяться, что это наступит не слишком поздно, чтобы успеть спасти человечество. А пока мы живем и боремся, хотя, по правде говоря, мы больше прячемся, чем сражаемся. Я только что закончил еще один том моей автобиографии»

Ф. Х. Фармер

ПРОЛОГ

Не имея возможности опубликовать восемь первых томов своей автобиографии, лорд Грандрит к данной публикации написал специальный пролог, коротко освещающий содержание первой части первого тома. Без этого читателю были бы не ясны некоторые ссылки данного повествования.

Зачатый в 1888 году, я встретил первый день моей жизни в том же году, девять месяцев спустя.

Моим рождением я был обязан «заботам» Джека Потрошителя.

Я в этом абсолютно уверен, хотя мне было бы трудно доказать это перед трибуналом. Моя убежденность упирается только на дневник того, кто в глазах закона был моим отцом. Но на самом деле, хоть и связанный с моей матерью узами брака, он являлся моим дядей.

Мой «официальный» отец вел свой дневник почти до самого последнего дня своей жизни. За несколько дней до смерти он тщательно спрятал его в одном из шкафов. Последние слова, написанные его рукой, отражали всю степень тревоги и отчаяния, охватившие его в тот момент: моя мать только что умерла, а я, которому в то время едва исполнился год, плакал рядом, требуя молока. Но он знал, что на сотни километров в округе нет ни одного человеческого существа, кроме него.

Никто, кроме меня, не читал этот дневник полностью. Я никогда не разрешал кому бы то ни было читать ту часть, которая предшествовала отбытию моей матери и моего дяди из Дувра в Африку.

Но даже если бы я и подложил ему «такую свинью», мой биограф был бы слишком напуган правдой, открывшейся ему, чтобы представить ее на суд читателя. Закоренелый романтик, он во многих отношениях был настоящим викторианцем. Он скорее придумал бы что-нибудь другое, рискуя исказить действительные факты, как он делал это частенько, описывая мои приключения. Его, собственно, больше всего интересовало само приключение, как таковое, и, хотя он старался описать мою психологию и мою жизненную философию, ему не удалось раскрыть внутреннюю надчеловеческую суть моей личности.

Быть может, ему было просто невозможно постичь то, что было во мне от сверхчеловека, несмотря на все мои усилия объяснить ему это. Он сделал все зависящее от него, чтобы понять меня, но был не более чем «человек, слишком человек», если использовать выражение моего любимого поэта. Его обычный человеческий интеллект препятствовал осознать эту сверхчеловеческую сторону моей психики.

Та часть дневника, которую я не давал читать никому, описывает события, в которых участвовали моя мать и дядя. Дело происходило одной темной туманной ночью в бедном квартале Уайтчепела, в Лондоне. Моя мать настояла на том, что будет участвовать в розысках брата своего мужа, только что сбежавшего из камеры, где он находился в заключении в их родовом замке в графстве Камберленд. Частные детективы напали на след Джона Кламби, который вел в этот лондонский квартал, самый мрачный и грязный из всех. Джеймс Кламби, виконт Грандрит, решил тогда сам продолжить розыски, а моя мать, Александра Апплетвей, родом из старинной дворянской семьи, не захотела оставить мужа одного.

Мой дядя вначале протестовал против участия жены в розысках. К этому у него были разные причины, но главной из них была та, что его брат пытался изнасиловать Александру сразу после своего бегства из камеры, в которой он умудрился голыми руками выворотить толстенную железную решетку из окна. Ей удалось избежать насилия благодаря быстрому появлению двух слуг, вооруженных пистолетами, прибежавших на ее крики. Вопреки этому случаю, Александра вбила себе в голову безумную мысль, что она единственная, кто способен убедить Джона Кламби сдаться добровольно, если он будет обнаружен. Кроме того, она утверждала, что только она одна могла точно установить его присутствие; она настаивала на существовании между ними некоей психической связи, нечто вроде особых «колебаний» или «волн», по которым она могла определить не только, где он прячется, но и следовать за ним, будто он был для нее живым магнитом.

Если я позволяю себе, говоря о матери, употреблять термин «безумная мысль», то лишь потому, что последующие действия (они освещены моим биографом, и я сам упоминаю о них в первом томе моих «Записок») воочию показали всю меру ее умственной нестабильности.

Она пригрозила мужу, что немедленно сообщит обо всем, что случилось, в полицию и прессе, если он не разрешит ей участвовать в этих поисках.

Мой дядя уступил. Он ужасно боялся огласки, и особенно огласки именно такого рода сведений. Более того, дядя сам опасался ареста за содействие преступнику в уклонении от правосудия и даже за сообщество в убийстве. Если убийство все же имело место.

Мой дядя был абсолютно уверен, что его брат был ответствен за исчезновение двух проституток, что породило массу слухов и предположений у жителей двух деревушек, расположенных всего в нескольких лье от родового имения Грандритов. Предпринятые поиски не обнаружили никаких останков этих двух несчастных, кроме отрезанной груди одной из них на берегу пруда. Местные жители решили, что убийца скорее всего закопал где-то останки своих жертв. Мой дядя усмотрел связь между этими убийствами и его братом, который, не переставая бредить в камере, повторял без конца, что собирается «прибить всех этих блядей», начиная с его собственной матери.

Ей, правда, уже нечего было бояться его угроз, так как она умерла, когда ее трое сыновей, Джеймс, Джон и Патрик, были еще совсем маленькими. Ее муж застрелился некоторое время спустя, так как заподозрил, что отцом его троих сыновей был некий знатный швед и что его жена, быть может, сама осудила себя из-за угрызений совести, сделавших ее жизнь непереносимой. Трое мальчиков были отданы на воспитание одной из теток, которую они очень полюбили. Но Джон Кламби навсегда затаил неприязнь к своей матери, хотя никогда не позволил себе проявить ее публично, вплоть до того дня, когда им овладело безумие.

Развивая свои предположения дальше, мой дядя пришел к мысли, что именно его брат является знаменитым Джеком Потрошителем. Прежде чем погрузиться в свое безумие, Джек изучал медицину. Но если он и хотел стать врачом, то не потому, что горел желанием лечить больных. Он хотел знать все о человеческом теле, так как загорелся мыслью открыть секрет бессмертия. С этой целью он заставил себя изучить химию и ботанику и преуспел в этом до такой степени, которая и не снилась ни одному доктору от медицины. Впоследствии

было высказано предположение, что именно эта одержимость стала причиной его болезни. На самом же деле она была лишь симптомом надвигающегося безумия.

Иронией судьбы можно считать тот факт, что мне, его сыну, удалось открыть секрет того, над чем он безуспешно бился всю жизнь. По крайней мере так я думал вначале, хотя потом мне пришлось изменить свое мнение.

Если бы мои мать и дядя не последовали за моим отцом в Африку, я не стал бы бессмертным (или, если быть точным, я не наслаждался бы бесконечно продленной юностью). Во всяком случае, когда-то я думал именно так.

Я бессмертен в том смысле, что мое тело перестало стариться и я теперь всегда буду выглядеть как тридцатидвухлетний мужчина. Однако несчастный случай, убийство или самоубийство вполне могут подвергнуть мое тело разложению, как это обычно случается с остальными людьми, прежде чем они отпразднуют свой сотый день рождения.

Из этого фатального списка я исключаю болезнь, как таковую. Эликсир, который даровал мне жизненный потенциал в тридцать тысяч лет или даже больше, полностью защитил меня от любой болезни. Это, правда, не объясняет моего очевидного иммунитета ко всем известным болезням тропической зоны Африки, который защищал меня в течение более чем тридцати лет.

В своем дневнике, написанном по-французски и весьма элегантным слогом (который позволяет сравнить его с Расином, но в прозе), мой дядя поведал о трагическом событии, случившемся с ними темной туманной ночью 21 марта 1888 года. Проблуждав несколько часов в тумане в поисках своего сбежавшего брата, он, казалось, заметил наконец его удаляющийся силуэт, выскочил из экипажа и с криком бросился вдогонку. Моя мать осталась сидеть в экипаже, дрожа от холода и страха, тщетно пытаясь разглядеть что-нибудь сквозь серую сетку мелкого холодного дождя. На некотором расстоянии от нее тускло светил в тумане уличный газовый фонарь. Она осталась одна. Ее муж не захотел затруднять себя присутствием кучера, опасаясь, как бы тот не заявил в полицию о необычных событиях той ночи.

Долгое время не было слышно ничего, кроме шороха капель дождя о матерчатый верх экипажа, потом раздался быстрый сухой стук каблучков о тротуар. Появился человек, подобно морскому судну выпрыгнувший из плотного тумана. Он остановился рядом с экипажем и повернулся к Александре. В слабом свете газового фонаря мать узнала черты лица ее безумного деверя...

По возвращении Джеймс Кламби нашел жену лежащей без сознания на банкетке экипажа. Ее юбки были задраны ей на голову, обнажая тело, все иссеченное мелкими частыми порезами, нанесенными, без сомнения, тем самым скальпелем, который впоследствии сыграл такую ужасную роль в расчлениении трупов проституток из Уайтчепела.

Джон, который смертельно ненавидел своего брата, все-таки изнасиловал Александру с единственной, быть может, целью — отомстить ему. А пощадил он ее, оставив в живых, скорее всего потому, что, не будучи проституткой, в его глазах она была менее виновна, чем даже его мать, которую, несмотря ни на что, какая-то часть его «я» продолжала любить. Или он, сам любя Александру (или считая, что любит), рассчитывал таким образом оставить ей доказательство его любви? Кто может полностью понять мотивацию поступков сумасшедшего?

Поскольку моя мать не отзывалась на зов, дядя зажег спичку. Он увидел длинные белые ноги с остатками черных чулок и темный хохолок густых спутанных волос, окружающий «венерин бугорок», откуда, перемешавшись с небольшим количеством крови, вытекала струйка спермы моего истинного отца.

Самым странным для меня во всей этой истории остается то, что дядя до этого случая ни разу не видел тела своей жены обнаженным ниже, чем позволяло декольте ее платьев.

Хотя с тех пор как они поженились прошел уже месяц, их сексуальные отношения ограничивались лишь несколькими торопливыми поцелуями да тем, что дядя рисковал иногда засунуть свою руку за корсаж жены и погладить ее грудь. В день бракосочетания у нее началась менструация, которая все никак не прекращалась. Поэтому он, как истинный викторианец, не мог себе позволить заниматься любовью с ней в период, когда она оставалась «нечистой» (к счастью, не все викторианцы так строго придерживаются этих правил).

Накануне бегства Джона менструации Александры внезапно прекратились. Мой дядя, как он это сам подчеркивает в своем дневнике, пришел в восторг. Наконец-то он мог прекратить свои мастурбации и перестать заглядываться на горничных.

Но тут мой будущий отец сумел выбраться из камеры в северной, наполовину обрушившейся башне замка Грандри-тов. Молодые супруги были слишком обеспокоены случившимся, чтобы думать в тот момент о каких-то сексуальных отношениях. Так, по крайней мере, считала Александра.

И вот теперь, в холоде и сырости густого лондонского тумана, Джеймс Кламби, приведя в порядок одежду своей супруги, попытался привести ее в чувство. Наконец она очнулась, но еще долго оставалась в состоянии глубокой прострации; и

лишь на следующий день дядя наконец узнал, что насильником жены был его собственный брат.

Казалось, со временем Александра оправилась от перенесенного потрясения. Спустя несколько месяцев они отплыли в ту часть Африки, которая тогда носила название Австралийской, где Джеймс должен был выполнить очень деликатное поручение для Департамента заморских колоний (это поручение не имеет ничего общего с тем, что говорит о нем мой биограф, последний знал истинные мотивы, и то, что он о них пишет, чистой воды лукавство с его стороны).

С той ночи Александра категорически отказывалась заниматься любовью с Джеймсом. Она утверждала, что ей слишком «стыдно», что она чувствует себя «испачканной» на всю жизнь. К тому же она хотела убедиться, беременна она или нет. Но если да, если в будущем ей предстоит родить ребенка, она хотела знать наверняка, кто будет его отцом.

Джек Потрошитель совершил свое первое убийство задолго до их отъезда, во вторник 3 апреля 1888 года, то есть на третий день пасхальной недели, на Осборн-стрит. Мой дядя каким-то образом узнал про это (хотя даже в «Таймс» не просочилось ни строчки) и задал себе вопрос, в своем дневнике, не является ли это убийство делом рук его брата. Последующие события лишь еще больше убедили его в этом предположении. Но он поостерегся сообщить о своем подозрении в полицию, так как боялся этим бросить тень на все семейство Грандритов.

Однако он продолжил свои собственные розыски, наняв для этой цели частных детективов. В день своего отбытия в Африку дядя отправил в Скотленд-Ярд анонимное письмо, где описал приметы своего брата, не называя его по имени. Это письмо впоследствии куда-то исчезло и никогда не фигурировало в официальных архивах. Мои собственные розыски следов этого письма позволяют мне прийти к выводу, что своим исчезновением оно обязано вмешательству некоторых весьма влиятельных политиков.

Исчезновение Джека Потрошителя совпадает с исчезновением моего отца. И лишь в 1968 году, то есть в тот период моей жизни, которому посвящен тот том моей автобиографии, который вам предстоит прочесть, я узнал, что с ним стало.

Александра Грандрит пришла, в конце концов, к мысли, что может теперь принять мужа в своей постели. К тому времени все приметы беременности были уже налицо. Поэтому дядя продолжал страдать в тишине, а затем, как он сам выразился, он «рецидивировал» и вернулся к своим мастурбациям. Он дошел даже до того, что однажды, не выдержав, «согрешил» с горничной за несколько дней до их отплытия в Африку. Но

впоследствии всю жизнь чувствовал себя виноватым в потворстве своей слабости и провел оставшиеся годы жизни под невидимым гнетом постоянного ощущения *mea culpa**

События, в результате которых чета Грандритов оказалась выброшенной на дикий берег Австралийской Африки, хорошо известны читателям моего биографа. На самом деле все происходило совсем по-другому, но главное в том, что итог был тот же самый. Джеймс Кламби соорудил крепкую хижину на берегу моря, неподалеку от кромки джунглей, где они прожили двадцать месяцев.

Я родился 21 ноября 1888 года в 23 часа 45 минут.

Со дня моего рождения рассудок матери стал постепенно угасать. Теперь большую часть своего времени она проводила, уносясь в грезы по Англии, но не реальной Англии, а придуманной ею романтической, волшебной страны. Это, однако, не мешало ей заботиться обо мне и делать все как полагается, если верить дневнику дяди. Теперь уж Джеймс не мог заставить себя заниматься с ней любовью, так как это было бы похоже на то, что он пользуется ее слабоумием. Вот почему мой дядя вел поистине мученический образ жизни, и я думаю, что он с большим облегчением принял смерть, пав под ударом вожака одного из диких стад антропоидов. Если он и ощутил страх в тот момент, то, без сомнения, это был страх за своего племянника, годовалого младенца, терзаемого голодом и тянувшегося к материнской груди.

Но я уже больше никогда не смог ощутить всю нежность этой груди, ибо моя мать тихо умерла во сне за несколько часов до того, как был убит ее муж. Потом у меня все-таки была мать, отдавшая мне свое молоко, но это уже было не человеческое молоко.

*. *Моя вина (лат.). (Примеч. ред.)*

ГЛАВА I

Утро 21 марта 1968 года было просто восхитительным. Мне исполнилось семьдесят девять лет, но выглядел я лишь на тридцать, да и внутри чувствовал себя не более старым. В то утро меня разбудило солнце, или мне так показалось. Иногда африканское солнце выпрыгивает из-за горизонта, будто старый лев из засады, и тогда его лучи, преломляясь в утреннем тумане, напоминают огненную львиную гриву. Я проснулся, как если бы волосок этой гривы пощекотал у меня в носу.

Тишина была подобна дыханию, коснувшемуся моего лица. Эта тишина и заставила меня проснуться.

Ржание лошадей, мычание коров, кудахтанье кур и болтовня обезьян — все это вдруг застряло в их глотках, будто их кто-то сжал стальными пальцами внезапного ужаса.

Голоса поваров, слуг и садовников были слышны, но казались какими-то приглушенными. Они словно повисали в воздухе, принявшем вдруг холодный голубой оттенок. И я чувствовал, как дрожат их гортани.

Страх?

Страх опасности, подкрадывающейся неслышными волчьими шагами?

Или предательство?

Очень может быть.

Джомо Кенийя говорил, что я был единственным белым, которого он когда-либо уважал. Он хотел сказать: единственный, которого он когда-либо боялся.

Во время так называемой «революции Мау-Мау» он запретил своим людям пытаться что-то предпринимать против меня. Негры моего племени, сначала приютившие меня у себя, а затем сделавшие своим вождем, после того как подвергли

ритуальной инициации (содомия и кровопускание), ненавидели людей племени ажикуйюс. Но меня они любили не так, как любят брата, а как поклоняются полубогу. Они, не колеблясь, отдали бы за меня свои жизни, если бы это потребовалось.

Впрочем, каким бы белым я ни был, я был более африканец, чем сам Кенийята, и он это прекрасно знал. Разве не был я воспитан антропоидами?

Мои братья по крови, воины племени, приютившего меня, теперь почти все мертвы. В живых остались лишь убежденный сединой старик с ломкими хрупкими костями.

Некоторое время тому назад от меня потребовали принять кенийское подданство — что обязало бы меня объяснить происхождение моего состояния — или покинуть страну. Старик Кенийята почувствовал себя достаточно сильным, чтобы отказать мне этот ультиматум. Хотя он уже не числился официальным руководителем государства, мне не составило труда догадаться, чья рука незримо водила пером написавшего это предписание.

Я отказался делать выбор. И с тех пор стал ждать. Но ничего не происходило, и со временем я чуточку расслабился.

Солнце больше не было старым львом. Оно стало красным оком Смерти, этой старой ненасытной пьяницы, жаждущей меня вот уже скоро восемьдесят лет.

В данный момент красное око было рассечено пополам моим членом, затвердевшим от желания пописать. Я лежал на спине совершенно голый и следил, как красный шар карабкается по члену вверх, собираясь усестись на самую его маковку.

На некотором расстоянии от меня раздался глухой шлепок.

И небо разорвалось, будто старый прогнивший кусок щепки.

Солнце стояло точно над головкой члена. Можно было подумать, что оно только что выпрыгнуло из него.

В ту же секунду как я услышал шум, я уже знал, что означает треск рвущейся материи, и понял, что вызвало звук шлепка.

Красное семя солнца внезапно отделилось от моего пениса и пропало в дыму. Стены разлетелись в разные стороны, будто стая журавлей, атакованная орлом. Меня окутал клуб дыма, заполнив собой все поле зрения. Раздался оглушительный грохот, почти лишивший меня слуха.

Взрывом меня, как перчатку, вывернуло наизнанку. Я дрожал, как радиоволна, ищущая резонанса.

Первый снаряд упал, должно быть, прямо перед окном моей комнаты. Второй взорвался скорее всего совсем рядом с моей кроватью. В результате слияния тех непостижимых случайностей, которые заставляли людей издеваться над моим биогра-

фом, но которые действительно часто случались со мной, взрыв поднял меня в воздух одновременно с матрасом и кроватью и выбросил через окно на улицу.

Я приземлился на куче строительного мусора из досок, камней и штукатурки, всего, что осталось от моей веранды. К счастью, подо мной все еще оставался матрас, так что я не слишком сильно ушибся. Я медленно выкарабкался из-под этих обломков, взяв себе в качестве примера черепаху, выбирающуюся из-под осколков раздавленного панциря. Я совершенно оглох, но чувствовал, что снаряды продолжают густо вспахивать землю. Однако ни один не упал достаточно близко, чтобы поразить меня, а может быть, стрельба была перенесена на другие части дома. Сквозь дым виднелся каменный фундамент здания, из которого во все стороны летел щебень и куски измочаленного взрывами дерева и досок. Пулеметы и винтовки делали все возможное, чтобы разбить или раздробить на мельчайшие кусочки камень, штукатурку, кирпич, доски, цемент, словом, все, что не попало под взрывы снарядов. Я был весь осыпан осколками камня.

Наполовину оглушенный, я вцепился сознанием в одну мысль: добраться до убежища, которое было сооружено в предвидении именно таких событий. Дым снова окутал меня с ног до головы. Я больше ничего не видел, и к тому же на меня вдруг напала икота. Однако я все же успел заметить, что тонкая стенка из кирпича, скрывавшая за собой один из входов в мое убежище, треснула на две части. Я просунул руку под ту часть подпорки, что еще держалась в вертикальном положении, нашел на ощупь стальную рукоять, повернул ее и проскользнул внутрь.

В тот момент когда я уже собирался закрыть за собой дверь, в нее угодила пуля, заставив дверь с силой захлопнуться за мной. Я очутился в полной темноте и абсолютной тишине. Дверь отсекала за мной все звуки. Пошупав вокруг себя руками, я наткнулся на баллоны с кислородом. Чтобы убедиться, что они полны, мне пришлось открыть их клапаны. Так как я не мог слышать звука выходящего газа, я поднес к выпускнику руку и почувствовал на коже его холодящее дуновение.

Я решил зажечь лампу и осмотреться. Комната представляла собой нечто вроде металлической коробки размером три на три метра и два с половиной в высоту. В ней находились баллоны со сжатым кислородом, двадцать литров воды в пяти пластиковых контейнерах, полевая аптечка, несколько коробок с консервами, револьверы, два ружья и припасы к ним. Главным входом служил люк на потолке, который одновременно являлся полом моей спальни. Были еще два дополнительных

небольших люка, ведущих наружу, которыми можно было пользоваться как для входа, так и для выхода. Это убежище я построил лет тридцать тому назад и с тех пор регулярно его модернизировал и укреплял. К мысли соорудить его я пришел после настойчивых упреков со стороны моей жены, считавшей, что наличие подобного убежища избавит нас от многих забот в будущем. Но это был первый случай, когда мне пришлось воспользоваться им. По правде говоря, я почти перестал думать о нем, лишь изредка спускаясь, чтобы обновить запас кислорода и выбросить испорченные банки консервов.

Я очень надеялся, что снаружи никто не знает о существовании моего бункера. С тех пор как он был построен, я очень заботился о том, чтобы меня никто не видел в те моменты, когда приходилось менять в нем провизию или воду, и никогда никому не говорил о нем, кроме моей жены. Но если противнику удастся наложить свою лапу на одного из стариков бандили, которые еще могли помнить время его строительства, и если с помощью пыток они разговорят его, то я рискую оказаться в таком же безвыходном положении, как слон, угодивший в охотничью яму.

Я присел в уголке и только сейчас заметил, что моя правая нога испачкана спермой. Наверное, у меня произошла непроизвольная эякуляция во время взрыва первого снаряда.

Когда эти писаки, Хемингуэй и его эпигон Рюарк, говорят об Африке, они не могут высказать ничего, кроме кучи глупостей. Или, если употребить более образное выражение, они засрали себе глаза, что им и не позволило видеть дальше кончика пера их авторучки. Но иногда и им случалось высказывать умные замечания: я имею в виду те случаи, описанные ими, когда многие животные, в частности пантеры, выбрасывают из себя струйку спермы в момент, когда им грозит неминуемая насильственная смерть. Эякуляция, таким образом, являлась формой протеста тела против смерти. Клетки хотят жить вечно, и они пытаются пропитать, насытить атмосферу одной-единственной копуляцией, чтобы продлить себя в бесконечности, когда чувствуют, что их гибель близка.

Я так себе это объясняю. Лично у меня не было страха смерти, но мои клетки не являются такими же рационалистами, как я. Я не знаю, что делают женщины в момент гибели от насильственной смерти. Я никогда не слышал, чтобы какая-нибудь женщина извергла свои яйцеклетки. Может быть, они это и делают, но яйцеклетки эти настолько крошечные, что в любом случае не будут заметны. Конечно, не так уж редко случается, что женщины бывают бесплодны, в то время как мужчины никогда не страдают от нехватки спермы. А может

быть, у женщин сперму заменяет голос, и тогда их крики служат им эквивалентом эякуляции?

Я ждал, притаившись в моем углу. Убежище вновь погрузилось в темноту, так как я выключил лампу из опасения быстро разрядить батареи. Тишина длилась долго. У меня сильно болела голова, и, поняв, что она не хочет проходить сама по себе, я принял две таблетки аспирина, которые, впрочем, мне тоже не помогли. Время от времени я чувствовал спиной вибрацию, вызванную очередным взрывом. То, что я их чувствовал, говорило, что снаряды прицельно продолжают разрушать мой дом. Похоже, мои противники были из того сорта людей, которые используют пневматический молот для того, чтобы расколоть грецкий орех. Расстреливать из орудий одного человека — это было уж слишком! Они, без сомнения, хотели быть уверенными, что рассчитались со мной раз и навсегда, превратив в пепел, в пыль, в газ. И тут я еще раз убедился, что никогда нельзя быть слишком самоуверенным. Наружная стальная стенка убежища была вырвана очередным взрывом одного или нескольких снарядов. Следующий разметал в клочья внутреннюю. Мне показалось, что на меня рухнуло сразу несколько тонн земли, и я потерял сознание.

ГЛАВА 2

Когда я пришел в себя, то понял, что мой слух частично восстановился. Обоняние было таким же острым, как всегда, то есть гораздо острее, чем у обычного человека, хотя и уступало обонянию охотничьей собаки. (Причины этого я изложил в первом томе, приложение к которому содержит в себе объяснение мутации моих хромосом Y-Y.)

Кисло-острый, будто лезвие кинжала, запах забивал все остальные. Это был запах пороха. Булавочными уколами давал о себе знать запах пищи, разбросанной повсюду. Пахло также штукатуркой и в щепы разбитым деревом. И почти неощутимо, на самом пределе возможностей, чувствовался запах человеческого пота и собаки.

Я открыл глаза. Солнце стояло в зените, и его луч добрался до меня сквозь узкую брешь в стене. Я был чернее негра от покрывавших меня копоты, пыли и грязи. Контейнеры, хранившие воду, лопнули, и их содержимое разлилось по всему убежищу, покрыв его пол тонким слоем грязи. Повсюду валялись искореженные коробки консервов. Вероятно, по ним прошла очередь из пулемета или снаряд, срикошетировав от внутренней стены, взорвался в самой их гуще, разбросав их и их

содержимое по всему помещению. Оружие было погребено под кучей земли и обрушившейся штукатурки. В самую вершину кучи грязи воткнулся охотничий нож. Это был тот самый нож, который я нашел у скелета моего погибшего дяди.

Мне было десять лет, и я сумел открыть прогнившую дверь и проникнуть внутрь построенной им когда-то хижины. Весь пол ее был усеян костями. Обезьяны, которые ворвались в эту хижину десять лет назад, устроили здесь кровавое пиршество, пожирая тела моей матери и дяди. Затем они удалились, захватив с собой их руки и ноги. Этот нож-кинжал хорошо послужил мне в свое время, и от частой заточки он стал прямым и тонким, как стилет. Но я все равно продолжал дорожить им и всегда держал его поблизости в своей спальне, хотя и не пользовался им уже в течение долгого времени. Вероятно, взрывом его сбросило сюда сквозь щель в полу спальни, которую потом засыпало щебнем.

Этот нож в данной ситуации показался мне даром небесным. Увидев его, я почувствовал себя гораздо уверенней, несмотря на боль, разрывающую изнутри мою голову.

Я дико хотел пить. Собрав немного грязи поуже, я смочил ею рот. Затем собрал то немногое, что оставалось на дне вскрытых консервных банок, и чуть-чуть перекусил. После этого я сгреб весь мусор и землю, рухнувшие на меня с потолка, в одну большую кучу в противоположном от запасного выхода углу и спрятался за ней, предварительно уничтожив все следы на полу. Потекли часы ожидания. Мой нюх становился все острее. Я слышал ритмичный рокот барабана, крики, возгласы и взрывы смеха. Затем издали потянулся запах чего-то спиртного. Совсем рядом раздалось испуганное мычанье коровы, и вскоре в ноздри ударил пьянящий запах свежей крови. Через некоторое время в воздухе запахло дымом костра и подгорающего на огне мяса.

Прошло еще некоторое время, и я услышал чьи-то приближающиеся шаги. Кто-то решил покопаться в обломках здания. Люди переговаривались между собой на языке ажикуйос. Я представил, как они всматриваются в темноту провала в полу моей спальни. Один из них предлагал спуститься вниз и посмотреть, что это такое и нет ли там чего-нибудь интересного для них. Другой настаивал на том, чтобы бросить туда гранату и потом посмотреть, что из этого выйдет. Я сидел, весь обратившись в слух.

Теперь они заговорили тише. В конце концов они согласились на том, чтобы прийти сюда позже, ночью, так, чтобы никто не знал, и спуститься в эту дыру. Может быть, этот

англичанин спрятал там свои деньги или даже золото, которого, рассказывают, у него было огромное количество.

Темнело. Звуки барабанов, крики и топание босоногих танцовщиков становились все яростнее и сильнее. В холодном бледном свете луны, заливающим темные джунгли, рухнувшие перепутанные балки и стропила крыши, уцелевшие от огня и видимые через зияющее отверстие в потолке, казались скелетом неведомого чудовища. Я встал, потянулся и сделал несколько разминочных движений, возвращая мускулам тела всю их гибкость и эластичность. Потом я открыл маленькую дверь.

Она была придавлена снаружи обломками, но сквозь образовавшуюся щель я мог хорошо видеть все, что происходило перед ней. Темные силуэты скакали и прыгали перед ярким пламенем костров, периодически прикладываясь к горлышкам бутылок, украденных из моего запаса. Потом они бросали пустые бутылки вверх и пытались попасть в них, стреляя из ружей. Те, что еще не ходили обнаженными, были одеты в форму кенийской армии. В толпе я узнал также некоторое число людей из моего племени, в основном юношей и подростков.

Рядом с самым близким ко мне костром, метрах в двадцати, трое мужчин крепко держали мою собаку, немецкую овчарку, которую я звал Эстой. Забу, молодой воин из племени бандили, вся одежда которого состояла из плюмажа со страусиными перьями (который, по закону его племени, он не имел права носить), стоял согнувшись над задней частью туловища собаки. Его бедра быстро ходили взад и вперед, а солдаты и остальные бандили, образовавшие кружок вокруг него, смеялись и сопровождали каждое движение его таза ритмичным хлопанием в ладоши.

Бедное животное выло не своим голосом и бешено сопротивлялось, пытаясь вырваться из держащих ее рук.

Забу был вожаком молодежи всех лежащих поблизости деревень. Он ненавидел белых вообще, и среди них больше всех — меня. Обычно я не считаю необходимым отстаивать мою точку зрения или правильность моих убеждений, но я сделал исключение для молодых расистов моего собственного племени. Я пытался объяснить им, что цвет моей кожи не имеет никакого значения. Я не был таким, как другие люди, будь они белыми или черными. Так как я вырос среди обезьян, у меня не было никаких предрассудков или социальных рефлексов, связанных с цветом кожи человека.

И потом, я, в отличие от большинства белых, никогда не эксплуатировал негров. По правде говоря, бандили тоже не имели причин жаловаться на белых, какими бы те ни были. Я всегда активно вмешивался, не позволяя белым приобретать

участки и селиться на этой довольно обширной территории, принадлежащей людям моего племени. Столь же постоянно я мешал людям из племени ажикуйюс изгнать с этих земель бандили. Я истратил кучу денег, равную солидному состоянию, чтобы открыть здесь школы, пригласить и оплачивать труд квалифицированных педагогов. Я посылал юных бандили, мальчиков и девочек, продолжать их занятия в лучших университетах Европы, в Англию и даже в Соединенные Штаты.

Но для Забу и его приятелей это ничего не значило и ничего не меняло в их отношении к белым. Я был белым. Им было нужно только одно: чтобы я ушел, исчез.

Я никогда ничего не делал по принуждению. С другой стороны, я был бы лишь счастлив освободиться наконец от обязанностей, лежащих на мне, как на владельце плантаций Грандритов и как на Верховном вожде бандили. Я мог бы бежать тогда из этой перенаселенной деревни, из непрекращающегося шума, царившего там постоянно, от беспрестанных перебранок ее жителей, мелочных и лукавых.

Когда-то на всей этой территории обитала горстка мелких кланов, которым хватало места, чтобы свободно и в свое удовольствие передвигаться по ней в любом направлении, проводя время в охоте за бесчисленными стадами животных. Тогда как теперь...

Когда на меня давят, я становлюсь упрямым. И я остался. Моя жена только что уехала в Англию, чтобы заняться там торговлей, нанести визит друзьям в Лондоне и навестить наше старое родовое гнездо Грандритов в районе Озер. Так что я мог не беспокоиться по ее поводу. Мне следовало бы больше беспокоиться о себе самом. И судя по всему, сейчас наступила для этого самая пора.

Для Забу было недостаточно знать, что я просто мертв. Ему было необходимо утолить свою ненависть на этом несчастном животном, вся вина которого состояла лишь в том, что оно принадлежало мне. В данный момент я был бессилен чем-либо помочь моей собаке. Тем не менее я бесшумно выскользнул из моего убежища и спрятался за большой кучей разбитого кирпича и гравия. Я не хотел рисковать быть запертым в ловушке, если трое мужчин, решивших обшарить ночью мой бункер, все-таки примутся за задуманное. Я мог не бояться выдать себя белым цветом своей кожи, так как с головы до ног был покрыт высохшей грязью и пылью.

Кроме того, в руке у меня был мой верный нож.

По прошествии некоторого времени какой-то офицер проложил себе дорогу через кружок зрителей и резким движением оторвал Забу от собаки. Тот выпрямился и, споткнувшись, отшатнулся в сторону. Когда он повернулся ко мне, свет пла-

мени, костра позволил мне увидеть, что вся его нижняя часть живота и гениталии были в крови. Поскольку входное отверстие животного было слишком узким для него, негодяй расширил его с помощью своего ножа.

Офицер прокричал Забу что-то на диалекте его племени, потом повторил это же на суахили, прежде чем вытащить револьвер из кобуры. Я подумал было, что он собирается пристрелить Забу, но вместо этого офицер повернулся, приставил дуло своего оружия к голове моей собаки и выстрелил. Эста дернулась всем телом в последний раз и замерла.

Забу, видимо, уверенный, что теперь офицер пристрелит и его, поднял руки в умоляющем жесте. Офицер был из племени ажикуйюс, которые ненавидели всех бандили.

Поняв, что офицер не собирается убивать его, Забу разразился громким смехом, взял бутылку из рук одного из зрителей и удалился развязной походкой. Офицер только плюнул ему вслед. Я не знаю, что им двигало, когда он вмешался в это грязное дело: чувство сострадания к несчастному животному или желание увидеть страх в глазах одного из бандили.

Я ждал. Я был голоден и умирал от жажды, но было бы глупо с моей стороны пытаться сейчас пробраться через толпу при ярком свете пылающих костров. Если бы мне удалось выбраться из освещенной зоны, я мог бы сойти издалека за одного из них. По росту я значительно превосхожу большинство мужчин этих племен, но среди них есть несколько экземпляров в метр девяносто, приблизительно моего роста. К тому же я был залепан грязью настолько, что в темноте вполне мог сойти за одного из них. Но пока что все пути возможного бегства были перекрыты.

Я не сводил глаз с Забу. Ах как я его ненавидел! Через какое-то время, будто попав под гипноз моего взгляда, он неуверенным шагом направился в мою сторону. Он шел, покачивая головой и что-то бормоча себе под нос. Пропустив его мимо себя, я вскочил на ноги и свалил его одним ударом по затылку. Потом я оттащил его тело за кучу камней. Никто ничего не заметил. Все собравшиеся смотрели в этот момент на группу молодых бандили, которые танцевали вокруг трупа моей собаки, потрясая в воздухе копьями.

ГЛАВА 3

Когда Забу пришел в себя, он лежал вытянувшись на спине. Я закрыл ему рот одной рукой, а другой прижал к его горлу острие моего ножа. При виде меня его глаза полетели из орбит,

будто кипящая вода, готовая выплеснуться наружу. Все тело его охватила дрожь. Он издал звук, напоминающий свист уходящего газа, и выпустил длинную струю жидкого кала. Его смердящее дыхание было отравлено запахом страха, смешавшегося с запахом украденного у меня виски. От окровавленного низа его живота несло не менее омерзительной смесью ужаса и агонии, которую пришлось испытать моей собаке, и испарений его спермы.

— Расскажи мне, что здесь произошло, Забу, — сказал я. — Если откажешься, я немедленно убью тебя, ты меня знаешь.

Он был на все согласен, лишь бы отсрочить свою смерть хоть на несколько минут. Его дед и отец скорее бы умерли, чем сообщили врагу какие-нибудь сведения. Глаза его бешено вращались в орбитах, будто он искал взглядом в воздухе что-то, за что мог бы ухватиться и выскользнуть из-под угрожающего кончика моего ножа.

Наверняка он думал, что я давно уже мертв и что теперь мой дух явился и требует у него ответа за предательство.

В свое время я помог Забу устроиться сначала в лицей, а затем послал учиться в университет. Он добровольно отрекся от всякой веры в загробную жизнь и в каких-то фантомов и был теперь, что называется, образованным человеком.

И все-таки он верил. Нет, подсознание в итоге почти всегда оказывается сильнее, оно как мина, которая взрывается в самый неожиданный момент.

Забу рассказал мне, что кенийская армия окружила деревню при помощи нескольких молодых бандили. В последний момент старики соседней деревни пронюхали про то, что что-то готовится против меня. Им приказали держать язык за зубами, пригрозив смертью. И все же трое из них пытались предупредить меня. Среди них был и Паболи, «воин-бросающий копье», родной дед Забу. Они убили всех троих.

Странное дело, но, говоря о смерти своего деда, Забу вдруг разрыдался. Угрызения?

Чтобы незаметнее приблизиться к деревне, военные разделились на три отряда, подошедших к селению с трех сторон. Они оставили свободным лишь путь на запад, так как знали, что я отправился на охоту в этом направлении. Как только я вернулся, они спокойно замкнули кольцо.

За ночь, с тысячами предосторожностей, солдаты почти на руках доставили в деревню пушку и шесть пулеметов 50-го калибра. Они оставили грузовики вдали от деревни, в саванне, чтобы избежать всякого шума. Ребята из племени предупредили офицеров, что слухи, касающиеся моих необычайных слуховых и обонятельных способностей, вовсе не преувеличение.

Забу говорил не останавливаясь, будто надеялся возвести стену из слов, достаточно толстую, чтобы преградить ей путь моему кинжалу. Он пытался оправдать свое предательство, говоря о патриотизме и африканизме.

Люди почему-то всегда испытывают необходимость оправдать свои действия какой-нибудь идеологией. По всей видимости, Забу был убежден, что он прав. Но его мысли никогда не шли дальше двух маленьких коробочек, на которых было написано «черный» и «белый», точно так же, как и у подобных ему белых, которых он так ненавидел. Не считая меня, конечно.

И вот тут-то это случилось! Я в первую очередь сам был поражен тем, что произошло. У меня не было никакой преднамеренной мысли. Никогда в жизни я не подумал бы раньше, что способен на нечто подобное.

Сейчас, оглядываясь в прошлое, я, однако, хорошо понимаю, что это предательство, такое неожиданное для меня со стороны тех, кто в течение шестидесяти лет был моим народом, должно было наложиться на шок, вызванный взрывами, чтобы высвободить что-то новое во мне.

Или, вернее, чтобы разбудить это что-то, так как *это* должно было уже быть во мне, но где-то далеко, в самой глубине подсознания.

Я ударил его рукоятью ножа. И пока он лежал, инертный и неподвижный, я отрезал ему язык у самого корня, чтобы он не смог кричать. Вспыхнувшая в нем боль привела его в чувство. Он попытался сесть, и его рот широко открылся в немом крике. Кровь сильной струей вытекала изо рта и капала с подбородка.

Я поцеловал его в рот прежде всего, чтобы напиться крови; мне она была необходима, потому что я умирал от жажды. И еще для того, чтобы помешать ему издать хоть один звук. Какое-то неудержимое желание овладело мною и заставляло делать то, что я делал.

Кровь была соленой и ужасно невкусной, будто в ней была растворена сама эссенция морского осадка, образовавшегося из разложившейся плоти миллиона ядовитых рыб. Она еще отдавала и затхлым привкусом табака, а я просто не переношу его. Короче, кровь Забу ничем не отличалась от крови большинства людей, у которых мне приходилось пить кровь.

Но она придала мне сил, и я почувствовал, как во мне нарастает ощущение, похожее на то, что я обычно испытываю во время сражения или когда убиваю дичь. Но в этот раз чем сильнее оно становилось, тем все явственней определялась его сексуальная направленность.

Быстро, стараясь опередить оргазм, я одним движением ножа рассек живот Забу надвое, не задев при этом кишечника.

Я еще не забыл курса анатомии. И в то мгновение когда лезвие проникло в плоть, струя спермы вырвалась из моего члена, обильно оросив семенем его живот и нож в моей руке.

На какой-то момент я полностью потерял над собой контроль. Мышцы моей руки непроизвольно сократились, и кинжал по самую рукоять погрузился в живот Забу.

Прежде чем умереть, его тело дернулось в нескольких коротких судорогах, в промежутках между которыми оно дрожало подобно дереву под напором урагана.

Я присел рядом с ним. Сбитое дыхание с трудом успокаивалось. И тут я спросил себя, какая муха меня укусила? Ведь в его распоротом животе я хотел сделать то, что он сделал с моей собакой.

ГЛАВА 4

В конце концов я отказался от попыток объяснить себе мой странный порыв. Я отношу себя к заядлым охотникам, но никогда не стану охотиться вслепую, а подожду, пока у меня не будет верного следа или запаха, по которому можно было бы идти.

Я снова принялся выжидать, прячась за той же кучей строительного хлама. Шум на площадке становился все сильнее, все участники праздника уже ходили, спотыкаясь и наталкиваясь друг на друга. Когда луна миновала свою первую четверть, между бандили и ажикуйюс вспыхнула неизбежная стычка. Те редкие офицеры, что не были еще смертельно пьяны, вмешались в скандал и развели драчунов в разные стороны. Но несколько солдат, шатаясь и спотыкаясь на каждом шагу, уже направились в соседнюю деревню, расположенную метрах в двухстах отсюда. Они, конечно, жаждали женщин. Но вояки забыли про мужчин, оставшихся в деревне, настоящих воинов бандили, неустрашимых и отважных, как старые римские легионеры. Молодым сосункам удалось изолировать их на время нападения на меня, потому что их отцы и старшие братья тоже не ожидали предательства с их стороны. Но теперь воины быди свободны, и они стали драться. С другой стороны, юноши бандили не могли оставаться простыми свидетелями того, как насилуют их сестер и матерей и убивают старших мужчин. Не выдержав, они, в свою очередь, напали на солдат. И вскоре началась всеобщая свалка, в которой обе стороны беспощадно расправлялись друг с другом, убивая налево и направо. Здесь не было невиновных, как и во всех войнах. Полыхнул огонь, и в нескольких концах деревни одновременно запылали хижины.

Пользуясь всеобщей сумятицей, я мог теперь незамеченным покинуть развалины моего дома. Через несколько минут я был уже там, где солдаты установили свою пушку, и спрятался в тени. Это была английская полевая гаубица времен второй мировой войны калибра 88 мм, которая бросала гранаты весом в двадцать пять фунтов. Орудие было установлено на передке, снабженном двумя колесами, и защищено тонким стальным листом, играющим роль щита для орудийного расчета. В зарядном ящике было еще несколько снарядов с взрывными боеголовками к ним, которые ввинчивались в снаряд непосредственно перед выстрелом. Эти боеголовки были весьма чувствительными к прикосновениям и всегда хранились отдельно от основного заряда.

Четверо солдат, составляющих орудийный расчет, втащили гаубицу на вершину небольшого холма, откуда собирались открыть огонь по деревне. Они были настолько пьяны, что вряд ли уже соображали, где были свои, а где чужие, и что их снаряды в такой ситуации поразили бы как тех, так и других. Свои полуавтоматические карабины они оставили неподалеку, поставив их «шалашиком». Я спокойно взял один из них и застрелил всех четверых, сделав всего четыре выстрела. При первом же выстреле мой член начал быстро твердеть. При четвертом он был уже в том состоянии эрекции, за которым секунд через десять наступает оргазм. Потом он медленно опал, и ощущение удовольствия постепенно исчезло.

Орудие находилось слишком близко к солдатам. Прежде чем я успел бы сделать второй выстрел, они бы уже успели окружить меня. Поэтому я поднял передок за задний прицеп и потащил орудие за собой. Метров через сорок тропинка раздваивалась, и я пошел по той, что вела на пологий холм с углом подъема градусов в двадцать пять. До вершины холма мне пришлось тащить орудие за собой еще метров пятьдесят. Добравшись до нее, я развернул орудие и стал осторожно спускать его по противоположному склону холма, который был более крутым, градусов в тридцать. При этом мне приходилось изо всех сил тормозить, сильно упираясь пятками в землю, чтобы не позволить орудию сорваться вниз. Следующий холм был более высоким и крутым. Дважды я едва не выпустил эти четыреста пятьдесят килограммов тяжести (столько весили орудие и передок, вместе взятые). На вершине второго холма я нашел наконец участок ровной площадки, длина и ширина которой соответствовали моему замыслу. Отсюда был хорошо виден склон первого холма, деревня и прилегающие окрестности.

Оставив оружие, я быстро вернулся на первую позицию. Там я собрал валявшееся на земле оружие солдат и бросил его в зарядный ящик, к оставшимся снарядам и боеголовкам. Вскинув затем ящик на плечи, я почти бегом вернулся к гаубице. Карабины и патроны к ним я разбросал по кустам. Затем приготовил оружие к стрельбе, зарядив его гранатой с навинченной боеголовкой и нацелив на деревню. Оставалось лишь дернуть за замок. Но прежде я решил еще раз взглянуть на то, как складывалась ситуация в деревне.

И вот тут я заметил новых участников событий, темными тенями выскальзывающих из леса к востоку от плантации, в тылу солдат. Это был развернувшийся в цепь отряд людей, в руках которых в лунном свете поблескивал металл оружия. Их было около сорока человек. Две группы несли что-то тяжелое, что не удавалось рассмотреть в бледном свете луны, но что вполне могло быть крупнокалиберными пулеметами и треногами к ним. Затем, вслед за ними, из леса высунулось нечто довольно больших размеров. Это оказалось длинное дуло орудия, установленного на платформе. Потом, когда это полностью выползло из тени, я увидел, что это был танк на полугусеничном ходу, с 90-миллиметровой пушкой. Танк и пехотинцы остановились, скрытые от меня группой деревьев. Некоторое время спустя из-за них выскользнули четыре смутные тени, которые короткими перебежками от дерева к дереву, явно стараясь остаться незамеченными, стали приближаться к деревне, пока не достигли небольшой рощицы, совсем близко от первых домов. Разведчики.

Кенийцы заметили наконец исчезновение их орудия. Четыре человека пошли по следам его колес, но первый холм вскоре скрыл их из моего поля зрения. Пламя пылающих домов высоко поднималось в небо, хорошо освещая все вокруг, в том числе и землю между ними, сплошь усеянную трупами мужчин, женщин и детей. Еще были слышны короткие пулеметные очереди, но в ответ больше не раздавалось ни одного выстрела из винтовки или карабина.

ГЛАВА 5

Внезапно стрельба полностью прекратилась. Кенийские солдаты стали перегруппировываться, собираясь у восточного края деревни. По всей вероятности, офицеры протрезвели в достаточной степени, чтобы вновь подчинить солдат дисциплине. Теперь они, вероятно, сообразили обо всех возможных последствиях того, что натворили здесь их солдаты. Им оставалось

надеяться убедить правительство, что речь идет всего лишь о досадном, но оправданном инциденте во время исполнения ими основной задачи, с которой они блестяще справились, — по устранению меня. Тем более что этому не осталось ни одного живого свидетеля. Но тем не менее они здорово рисковали, так как, если другие деревни бандили возмутятся и восстанут, когда узнают об этой резне, правительство будет вынуждено принять меры и скорее всего расстреляет своих мерзавцев, чтобы успокоить бандили.

Возможной целью этой перегруппировки могли быть и уцелевшие в боине жители, укрывшиеся в лесу на другом краю деревни, которых кенийцы решили полностью уничтожить.

Люди из вновь прибывшего отряда, в свою очередь, повернули назад, причем с такой поспешностью, что я понял, что они пытаются удалиться от армейских частей на возможно большее расстояние. По всей очевидности, они совершенно не ожидали наткнуться здесь на солдат. Думаю, они тоже пришли, чтобы напасть на меня. Из-за мести, золота или секрета бессмертия. Или из-за всех трех причин.

Их появление здесь именно в тот момент, когда армия напала на меня, было одним из тех бесчисленных совпадений, в которые не верило большинство читателей романов моего «биографа», считая их совершенно неправдоподобными. Эти люди просто не знают, что некоторые люди наделены не только «животным магнетизмом», но и тем, что я называю для себя «моментом человеческого магнетизма». Говоря другими словами, эти люди (и я в том числе) притягивают к себе, сосредотачивают какие-то невероятные события, возможность появления которых, рассчитанная с помощью математики, исчезающе мала. Из них истекает что-то, какая-то особая субстанция, вроде «магнитного» поля, притягивающая к себе сразу по несколько событий. Это поле вызывает искривление в неуловимой структуре обстоятельств или пространственных построений, нарушая их последовательность.

Какими бы ни были обстоятельства, обусловившие появление нового отряда в окрестностях деревни, он тем не менее решил отступить. Но у меня было чем воздействовать на их перемещения. Я поднял гаубицу за лафет и развернул ее, машинально прикидывая дистанцию и угол траектории (привычка, которой я обязан своими упражнениями в стрельбе из лука). Потом я прильнул к прицелу, поставил угол возвышения и дернул за шнур. Гаубица выплюнула снаряд с коротким сухим звуком.

Одновременно какой-то частью моего сознания я смутно ощутил новую волну сексуального возбуждения. Когда снаряд

унесся к цели, я перезарядил оружие. В этот раз оргазм по своей интенсивности значительно уступал тому, что я испытал, когда вонзил мой нож в живот Забу.

Начиная с этого момента я весь превратился в движение, полностью поглощенный «кровавой работой», если прибегнуть к поэтическим словам Уолта Уитмена, какими он обозначил войну.

Мой первый снаряд взорвался метрах в трех перед танком. Машина остановилась, попятилась немного назад, а затем вновь двинулась вперед, взяв левее. Второй снаряд упал справа от него, заставив еще более отклониться влево, в направлении деревни. Третий разорвался прямо посреди отряда, бросившегося на землю при первом выстреле оружия. Восемь трупов остались лежать на земле. Трое уцелевших вскочили на ноги и бросились наутек.

В этот момент, как я и предвидел, четверо солдат, отправившихся по следам гаубицы, появились на вершине первого холма. Два выстрела из карабина, лежавшего наготове у меня под рукой, и два тела покатались по склону: их силуэты, высветившиеся на фоне полыхающей деревни, были слишком легкими мишенями, чтобы я мог промахнуться. Двое оставшихся прыгнули на противоположный склон и, спрятавшись за гребнем, стали обстреливать меня оттуда. Пули впились в землю у моих ног, поднимая облачка легкой пыли. Другие звонко шлепались о ствол и стальной щит гаубицы. На эти я вообще не обращал внимания. Одним выстрелом из оружия я снес верхушку холма, служившую им укрытием. Были ли они убиты этим выстрелом или просто деморализованы, я не знаю, но после этого они перестали стрелять. Может быть, они решили обогнуть холм у подножия и напасть с тыла.

Между тем армейский отряд кенийцев обнаружил танк и людей, спрятавшихся за деревьями. Солдаты открыли огонь. Танк ответил, стреляя из оружия и своих трех пулеметов.

Мои следующих три снаряда поразили линию обороны кенийцев слева, справа и в центре, выведя из строя большое количество солдат. Оставшиеся в панике побежали кто куда: одни — в сторону леса, другие — по направлению к моему холму. Танк развернулся и устремился на север, перерезав дорогу солдатам, отступающим к лесу. Пехотинцы, прибывшие вместе с танком, преградили путь бегущим в моем направлении.

Я снова развернул оружие и дважды выстрелил вправо, по внутреннему склону первого холма, показывая тем самым кенийцам, что им не стоит совать туда свой нос.

Становилось жарковато. Я крутился вокруг орудия как сумасшедший, тяжело дыша и обливаясь потом. Я чувствовал, что начинаю уставать, так как практически сегодня не ел ничего в течение вот уже двадцати часов. Я хватал снаряды, навинчивал на них боеголовки, вставлял в казенную часть, закрывал замок, таская за прицепную часть передка, разворачивал орудие то вправо, то влево, крутил рычаги прицела, увеличивая или уменьшая угол траектории снаряда, и наконец резко дергал за запальный шнур. Гаубица делала выстрел, и я начинал все сначала. Но последовательность моих действий могла, конечно, меняться. Между выстрелами я продолжал следить за приближением двух солдат, которые как раз в это время перебегали открытое пространство, разделяющее оба холма. Судя по их намерениям, они хотели зажать меня в тиски. Мне пришлось заняться ими прежде, чем кончились снаряды в зарядном ящике.

Один из солдат на короткое время вынырнул из тени, и луна ярко осветила его. Я схватил гранату и бросил ее в его направлении. Описав в воздухе дугу, она упала в двух шагах от солдата. Тот остановился как вкопанный, уставясь на нее, а затем прыгнул, как нырнул, в сторону ближайшего куста. Взрыв достал его в воздухе. Он перевернулся через голову и рухнул вниз уже инертной, неподвижной массой. Я разрядил в него свой карабин, чтобы быть уверенным, что он уже не поднимется.

Второй солдат оказался более смелым. Он бегом бросился на штурм холма, делая все время зигзаги и не переставая стрелять из автомата. Я выстрелил, и он покатился по склону холма к его подножию. Когда я осторожно подошел, он уже не двигался, но я для уверенности все-таки послал ему пулю в лоб.

Каждый раз когда я убивал во время этого боя, я рассеянно отмечал, как твердеет мой член и семенная жидкость поднимается к самой его головке. Но до оргазма не доходило.

Пока я разделялся с этими двумя солдатами, по обеим сторонам первого холма появились их товарищи. Приблизившись к подножию моего, они стали осторожно подниматься ко мне по его склону. Им до чертиков была нужна их гаубица, с помощью которой они рассчитывали рассеять неприятельский отряд. Но раньше им было необходимо расправиться со мной, затем принести новые ящики. У меня уже не было времени использовать их; поднатужившись, я толкнул орудие под уклон и потом с удовлетворением смотрел, как солдаты прыгают во все стороны с его пути, крича и ругаясь. Пользуясь их суматохой и дезорганизованностью, я бросил в них одну за другой пять гранат, а сам спокойно спустился по противоположному

склону холма, вооруженный автоматическим карабином системы Браунинг, с подсумком, полным обойм к нему, и с тремя гранатами.

Десять минут спустя я бесшумно появился за спиной одного из солдат, пустившихся преследовать меня. Перерезав ему горло, я быстро вырезал его печень и, уже удаляясь, стал жадно глотать куски ее еще теплой мякоти.

В то время как я, умело орудуя своим ножом, вспарывал ему живот, у меня наконец-то наступил оргазм, который все это время, как бы поточнее выразиться... комком стоял у меня в горле (да простит мне читатель подобное сравнение). Он был превосходен, но глубоко взволновал и беспокоил меня.

(Те, кто не смог прочесть по вышеизложенным причинам первый том моих «Записок», но зато познакомился с трудом лучшего и наиболее романтического из моих биографов, с полным основанием могли бы возразить мне, что я никогда не был каннибалом. Рассказывая о том, как мне случилось убить первое встреченное мною человеческое существо, мой биограф подчеркивает, что я думал вначале съесть его, но тотчас отбросил эту мысль, поскольку инстинктивно меня привела в ужас сама мысль о каннибализме. Это лишь еще один пример романтической глупости и генетических абсурдов, в ряду многих других, в которые он верил. Правда же (о которой он сам не знал) состоит в том, что я, естественно, съел убийцу того единственного создания, которое любил так глубоко, как никого больше в этой жизни. Вкус у него был, по правде говоря, так себе, но я все равно его съел, движимый чувством мести. С тех пор мне случалось время от времени есть и других людей, но лишь тогда, когда у меня не было другой пищи.)

Силы быстро возвращались ко мне, и вскоре я почувствовал, что вновь могу преследовать моих противников. Солдаты к тому времени вновь подняли гаубицу на вершину холма и принесли новые ящики со снарядами. За это время танк выбрал себе позицию, спрятавшись за огромным старым деревом. Началась артиллерийская дуэль. Взрывы снарядов вспахали землю вокруг спрятавшейся машины. Один из фугасов угодил точно в ствол дерева и как бритвой срезал его верхнюю часть. Но танковая пушка 88-го калибра отвечала не менее точными выстрелами, кладя свои снаряды в непосредственной близости от гаубицы. Вскоре орудийный расчет был весь перебит, а один особенно удачный выстрел попал в зарядный ящик и взорвал все имеющиеся там снаряды. Прекратив стрелять, танк оставался некоторое время неподвижным. Затем, получив, вероятно, приказ по радио, он тронулся с места и медленно покатил по полю в направлении моего холма.

Я бросил гранату в открытый люк танка и услышал ее глухой взрыв внутри. К моему удивлению, снаряды внутри машины не сдетонировали и не взорвались. Два человека с трудом вылезли из люка и скатились на землю. С трудом поднявшись на ноги, шатаясь и спотыкаясь на каждом шагу, они направились прочь. Одного из них я сразу свалил на месте, другого оглушил ударом приклада по голове. Танк продолжал медленно двигаться вперед. Мне не составило труда догнать его и остановить. Взгромоздив оба тела на броню, я сел за рычаги управления. Чуть повернув машину, чтобы миновать холм, я пересек открытое пространство и постарался углубиться как можно дальше в джунгли.

Оба пленника неподвижно лежали на земле. Один из них находился в глубокой коме. К другому вскоре вернулось сознание, и он зашевелился. Со стоном, держась за голову обеими руками, он с трудом пришел в вертикальное положение. С первого взгляда он не был тяжело ранен. Взрыв гранаты лишь наградил его хорошей мигренью. Судя по всему, этот человек был арабом с худыми жилистыми мышцами, черными волосами, безбородый, с орлиным носом и большими темными глазами, расположенными, пожалуй, слишком близко один к другому. Он был одет в комбинезон из грубой ткани, на котором не было ни единой воинской нашивки или знака. Араб смело посмотрел прямо мне в глаза, хотя видно было, как он дрожит, и желтоватая кожа лица не могла полностью скрыть залившей его бледности.

Взрывы снарядов и гранат вновь сделали меня глухим. К счастью, я умел читать по губам и свободно разбирал французскую, английскую и арабскую речь, понимал суахили и большинство наречий и диалектов языка банту.

Я задал ему вопрос на арабском языке, его египетском диалекте. Он ответил мне на сирийском, сказал, что его зовут Ибрагим Абдул-эль-Марийака. Он утверждал, что не знает истинной цели его присутствия здесь и вообще ничего не знает. К тому же у него хватило храбрости обозвать меня «собакой Назрани».

Человек смерил меня долгим взглядом и провел кончиком языка по своим пересохшим губам. Он сошел, опершись спиной о ствол дерева; такой же серый, как и его кожа, как свет нарождающегося раннего утра. Мужчина был высок, но я превосходил его в росте сантиметров на десять и должен был весить килограммов на сорок больше. Я был голым, с почерневшей от копоты и грязи кожей, и мои серые глаза должны были казаться еще более светлыми и дикими на этом черном лице, исчерченном светлыми дорожками от струек пота. Мой

рот и подбородок были покрыты запекшейся кровью, забрызгавшей мне грудь и руки; живот и гениталии покрывала корка грязи из смешавшейся крови, спермы и пыли. Когда я приставил острие ножа к его горлу, мой член, в довершение всей картины, стал медленно распрямляться, будто пиявка, постепенно набухающая от поглощенной ею крови.

Будучи арабом, он скорее всего подумал, что я сейчас начну насиловать его. И в каком-то смысле он был прав.

Ударом кулака в живот я отправил его на землю, и, пока он катался по ней скрючившись, безуспешно пытаюсь вызвать у себя рвоту, я выпил немного воды из бидона, обнаруженного мной в кабине танка. Затем я воспользовался мотком веревки, найденным там же, чтобы связать ему руки и привязать спиной к дереву. Потом я подтащил тело второго пленника к танку и прислонил его к колесу, чтобы тот мог держаться в сидячем положении. Умиравший дышал редко и с трудом, и при этом что-то всхлипывало и клокотало у него в груди. Однако давление крови в нем было еще достаточно сильным, и настоящий гейзер ее хлынул мне в лицо, когда я отрубил ему пенис. Я вложил отрезанный член ему в рот и вогнал его собственный кинжал в него под нижнюю челюсть, чтобы помешать ей открыться. Он сидел прямо напротив араба с вылезшими из орбит глазами и опавшим, кровоточащим членом, торчащим из рта.

Потом я вырезал у него печень и откусил хороший кусок.

Лицо сирийца, сидящего у подножия дерева, стало таким же бледным, как и у мертвеца напротив, когда он увидел, как у меня брызнула струйка спермы, в то время как я кромсал его товарища по экипажу. Он снова попытался заставить себя облегчить желудок, но безуспешно. Я ждал, не делая ни одного угрожающего жеста. В этом уже не было необходимости. Араб прекратил свои безуспешные попытки очиститься и откинулся назад, прислонив голову к стволу дерева. Его глаза закатились, потеряв свой первоначальный блеск. Из угла рта к подбородку потянулась тонкая струйка слюны.

Я сказал:

— Я задаю вопросы, ты отвечаешь.

Думаю, ему самому тоже приходилось раньше пытаться пленных, поэтому он знал, как мало людей могут устоять перед длительными пытками. Он предпочитал умереть быстро. Ибрагим ответил на все мои вопросы, и его объяснения всему происходящему показались мне вполне правдивыми.

Экспедиция, в которой он принимал участие, была организована одним албанцем, который сам возглавил ее. Он проходил под псевдонимом араба Махмуда-абу-Шавариба, хотя было

известно и его настоящее имя: Анвер Ноли. Все остальные члены банды были арабами, за исключением нескольких болгар, бежавших в Албанию, так как они считали себя приверженцами идей Мао.

Ноли пообещал, что все они получают золота столько, что хватит безбедно прожить всю оставшуюся жизнь им самим и их четырем женам, если они захотят обзавестись гаремом. Но все это при условии, что англичанин Джон Кламби будет взят живым.

— Он ничего не обещал вам другого, кроме золота? — спросил я.

— Нет, а что? Есть еще что-то?

Ноли, конечно, не мог им обещать секрета вечной молодости, даже если бы думал, что я знаю его. Они посчитали бы его просто сумасшедшим и отказались бы участвовать в этой затее. Правда, быть может, он сам ничего не знал об эликсире. Но мне приходилось встречать других людей, уже мертвых на сегодняшний день, которые действительно верили, что я владею этим эликсиром или знаю секрет его изготовления, и были готовы на все, чтобы вырвать его у меня.

Араб сказал:

— Ты можешь меня убить, Назрани. Но Ноли все равно разыщет тебя и подвергнет жесточайшим пыткам, пока ты не скажешь ему, где прячешь свое золото. Это очень целеустремленный человек, упорный и очень жестокий.

— Вполне возможно, — ответил я и всадил ему кинжал в самый *plexus solaris*, то есть в «солнечное сплетение». На этот раз я не испытал никакого сексуального чувства. Я начал надеяться, что эта странная извращенность, это внезапно появившееся отклонение от обычных сексуальных проявлений исчезло по какой-то причине. Хотя и сомневался в этом. Причина скорее всего лежала в том, что я, как и все люди, имел вполне определенный запас спермы, который просто истощился на данный момент.

С помощью электропровода и нескольких гранат я заминировал танк. Теперь, если кому-нибудь пришла бы в голову мысль открыть башенный люк или капот, внутри взорвались бы сразу три снаряда. Один из них я укрепил рядом с бензобаком. После этого я выбрал дерево покрепче, взобрался на него и стал ждать дальнейшего развития событий. Доносившийся издали шум перестрелки постепенно стихал. Как я и предвидел, вскоре появились бандиты, идущие по хорошо видимым следам колес и гусениц танка. Впереди двигались два джипа. За ними беспорядочной толпой брели усталые люди, уцелевшие после ночного боя с кенийскими солдатами.

ГЛАВА 6

Анвер Ноли был огромным мужчиной с необъятным животом. Голова его была гладко выбрита, а лицо украшали длинные усы, спадающие до самой груди, и не менее выдающийся нос, сломанный когда-то страшным ударом. Он был одет в комбинезон цвета хаки и парашютные ботинки. Громовым голосом отдавая приказания, Анвер размахивал своим кепи, зажатым в чудовищных размеров кулаке, в досаде ударяя им время от времени о ладонь другой руки.

По его приказу один человек отделился от колонны и осторожно приблизился к танку. Забравшись на броню, он заглянул в щель неплотно закрытого люка и заметил шнур, который мне так и не удалось надежно спрятать. Он крикнул об этом Ноли, который стоял в остановившемся джипе, метрах в двадцати от танка. Наемник прыгнул с танка, подошел к капоту и поднял его, чтобы убедиться, в порядке ли мотор. Прогремел взрыв, и танк скрылся в клубах дыма и пламени. К сожалению, больше никто не пострадал ни от шрапнели, ни от струй брызнувшего во все стороны горячего бензина. Но я воспользовался поднявшимся шумом и суматохой, чтобы спокойно пристрелить двух бандитов.

Ноли, прыгнув с джипа, остановил первого из ударившихся в панику и разбегающихся людей, которых оставалось теперь не более двух десятков. Используя кулаки и свой трубный голос, ему удалось остановить бегущих и восстановить относительный порядок в отряде. Прозвучала новая команда, и они рассредоточились в цепь, открыв огонь из всего наличного оружия, состоящего из двух пулеметов и пятнадцати автоматических винтовок. Пока пули свистели вокруг меня, пронзая листву и сбивая кору и ветви деревьев, я убил еще двух арабов. После этого я сразу слез с дерева и, прячась за стволами, побежал в сторону, противоположную их движению. Вскоре я уже оказался далеко в их тылу. Поле, где развернулось основное сражение между кенийцами и арабами, принадлежало теперь шакалам, гиенам и стервятникам, правящим свою кровавую тризну над телами погибших в бою.

Склоны обоих холмов тоже были густо усеяны многочисленными трупами. Раненых не было. Их или унесли, или прикончили на месте. Там тоже всюду пировали трупоеды.

Деревня полностью сгорела, и утренний ветерок легко во рошил серебристый пепел на месте бывших хижин. Не было видно ни единого следа выживших в этой бойне. Я знал, что они прячутся в лесу. Они часто так поступали и раньше, в то время когда здесь промышляли арабские работорговцы, делав-

шие внезапные набеги на местные деревни. Я научил аборигенов сражаться с этими подлыми торговцами живым товаром. Мало того, я организовал карательную экспедицию сквозь всю страну, и мы так хорошо проучили этих арабов, что они потом и нос боялись сунуть на территорию, занятую бандили. Я командовал ими против немцев во время второй мировой войны. Со мной они совершили победный рейд против Жекойо. И вот они вновь, как когда-то, прячутся. Но если им и суждено снова выйти из леса и драться, то в этот раз они будут это делать уже без меня.

Я был бандили в течение шестидесяти лет. Я был для них отцом, слоном, атакующим врага. А теперь оказался в ссылке. И не временно. Навсегда.

Да, я заплакал. Я любил этих людей настолько, насколько мне вообще дано было любить какую-то группу людей. Я был гораздо больше бандили, чем англичанин. Среди них у меня были настоящие друзья. Но теперь с этим было покончено. Среди десяти деревень бандили эта была единственной, предавшей меня, но думаю, что другие вели бы себя не лучше. Современная молодежь была слишком полна ненависти, а старые стали слишком слабы и утратили свое бывшее влияние. К тому же кенийское правительство самым недвусмысленным способом дало мне понять, что я стал персоной *non grata* в их стране.

Я сделал старинный ритуальный жест. Я протянул винтовку в направлении сожженной деревни, затем к тем, кто прятался в лесу. Я не мог им сказать «прощай» по-другому, и мой жест скорее всего тоже не нашел своих свидетелей.

Потом я повернулся к ним спиной и рысцой побежал по саванне на запад, к виднеющимся вдаль холмам.

Моей целью были горы, едва прорисовывающиеся вдаль, по ту сторону холмов. До них было около двухсот пятидесяти километров, то есть горы на добрых тридцать километров углублялись на территорию Уганды. Я бежал таким аллюром весь остаток дня и всю ночь. Когда первые признаки рассвета, время, которое называют здесь «волчьим хвостом», высветили темное ночное небо и оно стало постепенно светлеть, я начал подумывать об убежище, в котором можно было бы провести часть дня. На фоне светлеющего неба впереди четко вырисовывались тени гигантских акаций, своими причудливыми формами напоминающие силуэты чудовищ из легенд бандили. Потом солнце окончательно сдернуло ночной покров с неба и над саванной засиял новый день. Утренний воздух был свеж и прохладен, дул легкий бриз, спустившийся с гор. Из высокой травы выскочил бородавочник и затрусил куда-то, высоко задрав свой хвост

Луч солнца, отразившись, блеснул на его длинном желтоватом клыке.

Я шел длинным упругим шагом охотника. Справа от меня тянулась гряда холмов, слева, насколько хватал глаз, простиралась саванна. Внезапно недалеко от себя, впереди, я увидел, как зашевелилась трава в направлении, противоположном ветру.

Я остановился на мгновение. Что-то достаточно больших размеров, чтобы оказаться львом или человеком, пыталось скрытно приблизиться ко мне. И тут мне показалось, будто невесть откуда взявшийся крокодил изо всей силы врезал мне своим хвостом по руке, вырвав из нее карабин, который куврыкаясь взлетел в воздух. И только после этого я услышал эхо выстрела, прокатившееся по холмам.

ГЛАВА 7

Шок почти парализовал мою правую руку, но в тот момент я этого даже не заметил. Я бросился на землю и покатился по ней туда, где начинала расти высокая трава. Дождь из земли и срезанных стеблей упал на меня сверху. Четыре больших куска дерна исчезли прямо на моих глазах совсем рядом со мной. Затем над саванной прокатился звук четырех последовательных взрывов.

Одним прыжком вскочив на ноги, я, согнувшись, бросился бежать, делая неожиданные зигзаги и повороты. Большой желто-коричневый зверь метнулся от меня в сторону, и я узнал острый запах львицы. Две пули сбили несколько травянистых побегов совсем рядом со мной. Я вновь был вынужден броситься на землю, где замер, сдерживая бурное дыхание.

Так прошло несколько минут. Моя правая онемевшая рука стала постепенно отходить. Снова раздалось несколько выстрелов, и новый дождь сбитой травы осыпал меня. Этот негодяй был отличным стрелком. Призвав на помощь все свое уменье, я пополз вперед, стараясь как можно меньше шевелить траву. Но она была слишком густой, и не трогать ее было просто невозможно. Так что сверху было прекрасно видно, куда я направлялся. Над головой вновь прожужжало несколько пуль.

Преодолев ползком метров тридцать, я оказался на краю небольшой поляны в этом лесе травы. Вскочив на ноги, я вновь бросился вперед, все так же согнувшись пополам. Я ни секунды не сомневался в том, что этот стрелок не принадлежал ни к кенийской армии, ни к банде Ноли. Оставалось предполо-

жить, что на сцену вышла какая-то третья группа участников охоты, в которой я был главным призом.

В этот момент за моей спиной раздалось рычание. Обернувшись через плечо, я увидел льва, несущегося на меня в атаку.

Не могу себе представить, каким образом он мог попасть в эти края и почему он решил атаковать меня. Лев, вероятно находился совсем недалеко от меня на поляне и, увидев меня бегущим, безотчетно, чисто рефлекторно, бросился преследовать. Я знал всех львов в округе радиусом в шестьдесят километров. Этот был мне совершенно незнаком, и было просто непонятно, что он тут делает, вдалеке от своих охотничьих владений.

Я никогда еще не видел льва подобных размеров. Он весил наверняка больше трехсот килограммов и обладал такой великолепной темной спутанной гривой, что я невольно подумал, как давно он не занимался ее расчесыванием. Можно было подумать, что его специально выращивали и тренировали для охоты на меня. К тому же его, должно быть, давно не кормили, так как ребра выпирали наружу, грозя порвать кожу на бёках.

Меня редко можно чем-то удивить, но это был как раз тот случай. За мои почти восемьдесят лет жизни мне пришлось выдержать схватку не менее чем с дюжиной львов. Гораздо меньше, чем рассказывает вам мой биограф. Обычно взрослый лев не ищет столкновений. Единственно, в чем прав этот биограф, так это в том, что всех их я убил с помощью моего ножа, никогда не прибегая к помощи другого оружия. Все же остальное — ложь. Эти схватки никогда не происходили «лицом к лицу», как неизменно их показывают ваши глупые и лживые фильмы. Это сплошная карикатура! Если бы я хоть раз встретил льва, находясь в любимой позе всех тех комедиантов, которые пытались изобразить меня, лев одним ударом лапы мог бы снести мне голову или распороть грудь и живот.

Поэтому я сразу присел на корточки и стал ждать льва с ножом в руке. То, что случилось потом, доказало мне, что выстрел, выбивший карабин из моей руки, был не просто случайной удачей стрелка.

Мой нож птичкой вылетел из руки и сверкающим колибри взвился в воздух. И только потом, как раз в момент когда он упал на землю, до меня донеслось эхо далекого выстрела.

От удара рука вновь занемела на короткое время, что едва не стоило мне жизни. Лев уже сделал свой последний прыжок и падал на меня. Я едва успел уклониться, и все-таки его когти задели мне грудь.

Для того чтобы успеть вскочить на спину льва в его прыжке, мало быть просто решительным и быстрым. Малейшая неточность может стать фатальной: достаточно чуть-чуть поскользнуться или ошибиться в расчете скорости и траектории его прыжка на один-два сантиметра. Я скользнул в сторону как раз в момент, когда он был в верхней точке своего полета. Тут же вскочил на ноги и оказался у него на спине, крепко вцепившись левой рукой в его густую шевелюру. В своем прыжке зверь увлек меня за собой. Во всех предшествующих случаях я удерживался на спине с помощью одной руки, так как в другой у меня был нож. Но в этот раз обе руки у меня были свободны и я использовал их, чтобы тесно прижаться к спине животного.

Лев встал на дыбы, потом упал на бок и покатился по земле. Я вцепился в него, как пиявка, не оставляя ни на миг, лишь извивался всем телом, стараясь не оказаться под ним и не быть раздавленным его весом. Наконец он вновь вскочил на ноги. Я обхватил руками его передние лапы. И когда он вставал, мои руки замкнулись в захват на его затылке и прижали его морду к груди.

Его рычание и до этого было оглушающим. Теперь же он взревел так, что у меня едва не полопались барабанные перепонки. Лев вновь опрокинулся на спину. Я почувствовал себя черепахой, на панцирь которой наступил слон, но не ослаблял хватки, крепко обхватив ногами его живот. Огромный зверь пытался достать меня своими задними лапами, но это ему не удавалось.

И вот так мы лежали один на другом на высохшей земле, пока его мышцы и связки медленно, очень медленно, не начали уступать и его огромная голова поддавалась давлению моих рук. Я охотно признаю, что в это трудно поверить. В мышцах льва заключена огромная сила, тем более в таком великолепном самце. Но я слишком отличаюсь от обычных людей, почти со всех точек зрения. Благодаря изменению моих хромосом, я стою уже на другой ступени, поэтому мне удастся то, на что обычный, пусть даже очень сильный человек просто не может рассчитывать. Однажды мне уже удалось сломать шею одной из этих гигантских кошек, поймав ее на двойной нельсон, правда, в тот раз животное не было таким огромным.

Но до полной победы было еще далеко. Лев, который, правда, рычал уже послабее, упорно сопротивлялся всем моим усилиям, и шея его долго не отдавала мне ни одного сантиметра. Но потом его кости начали все-таки уступать, и я услышал их хруст. Я тяжело дышал, зарывшись головой в его густую перепутанную гриву. Ее жесткие волосы впились в мою кожу подобно жалам сотни пчел. Острый терпкий львиный запах

забивал мне нос, и тут вдруг я ощутил, как к нему присоединился едва заметный запах тления, указавший мне, что лев почувствовал приближение своей смерти. Все живое, населяющее Африку: антилопы, львы, негры, арабы, берберы — обладают безошибочным инстинктом, говорящим им, что их смерть близка. Этот инстинкт есть наследие этой древней земли, этой колыбели не только человечества, но и многих видов животных. Древняя земля Африки оповещает своих детей, что им вскоре предстоит вернуться в лоно их матери, которая дала им рождение. И я единственный из европейцев, которому она оказала честь, наградив этим предчувствием.

Я почувствовал, что осознание приближающегося неминуемого конца ослабило сопротивление ужасных мышц шеи льва, в то время как в мои мускулы будто влились новые силы и они нажали еще сильнее. Одновременно я заметил, что близок к оргазму. Я не помню, в какой именно момент мой член затвердел, а тестикулы напряглись, готовые к семяизвержению. Но мой пенис, зажатый между моим животом и спиной льва, вдруг задрожал от напряжения, а затем стал судорожно содрогаться в конвульсиях.

И точно в это мгновение затылок животного уступил, и я услышал хруст шейных позвонков. Мое семя густой вязкой жидкостью потекло на его шкуру и мой живот. Лев издал низкое протяжное рычание, изгоняя последний воздух из своих легких. Тело его вздрогнуло от последней судороги, и он, в свою очередь, выбросил густую обильную струю спермы. Я с трудом выбрался из-под его огромного массивного тела и, шатаясь, поднялся на ноги. Найдя немного львиной спермы в пыли, я поднял и проглотил ее. Мой биограф постеснялся описать в своей книге этот древний обычай обезьян. Вызван он древним поверьем, что тот, кто проглотит семя льва, будет иметь такую же сексуальную силу, как и он. Я тоже так думаю. Мое европейское образование не убедило меня в обратном. Впрочем, мне вообще очень нравится вкус и запах, исходящий от этих огромных кошек. Практически нет ничего более африканского, чем сперма льва. Сперма льва — это вся Африка. Тот, кто хочет проникнуть в самую душу этого древнейшего континента, просто обязан попробовать сперму льва!

Когда я одерживаю победу над очередной жертвой, я не миную обычая всех человекообразных, вошедшего в мою плоть вместе с их молоком: гордо выпрямившись, поставить ногу на труп животного или врага и издать громкий победный крик. Но в этот раз триумфальный крик так и остался в моей груди: меня истощил оргазм, и к тому же я не забывал, что нахожусь на мушке у стрелка высочайшего класса.

ГЛАВА 8

Пуля выщербила лезвие моего ножа прямо у самой гарды. Удар изогнул его, но им еще можно было пользоваться. Но я не выбросил бы его, даже если бы он был уже вне употребления. Я не очень сентиментальный человек, но мысль отделаться от него была не по мне. Это — единственный предмет, который остался мне от моего настоящего отца. Он когда-то подарил его своему брату, в Англии, еще до того как стал одержим безумием. Когда я увидел этот нож в первый раз, я даже не подозревал о существовании металла. И он служил мне верой и правдой семьдесят лет, убив для меня в десять раз больше дичи и врагов, чем любое другое оружие.

Я вложил его в ножны и взглянул на холмы. Там несколько раз что-то блеснуло. Вероятно, отблеск стекол бинокля, телескопика или даже телескопического прицела винтовки.

Стоило мне нагнуться, чтобы подобрать мой карабин, как прямо передо мной на земле возникло маленькое облачко пыли. Звук выстрела раздался секундой позже. Значит, стрелок находился где-то метрах в трехстах пятидесяти от меня. Вторая пуля ударила в землю в нескольких сантиметрах от моей левой ноги. Третья — справа от меня. Четвертая подняла новое облачко пыли точно у меня между ног.

Он хотел, чтобы я продолжил свой путь по саванне, но без карабина.

Вместо того чтобы тотчас пуститься в дорогу, я вскрыл грудь льву, отрезал часть его сердца и начал есть. Четыре последующих выстрела с короткими промежутками между ними позволили мне точно установить позицию стрелка. Я различил четырех человек, прячущихся в кустарнике на холме.

Доев мясо, я встал и медленно пошел прочь. Я отказался от мысли забрать свой карабин, так как пуля, попавшая в него, деформировала ствол. Я был зол не только потому, что позволил обвести себя вокруг пальца, но также оттого, что чувствовал то пренебрежение, с которым стрелок обращался со мной. Если бы он действительно считал меня опасным соперником, то постарался бы покончить со мной первым же выстрелом. Все его действия, казалось, говорили: делай что хочешь, дорогой лорд Грандрит, все равно ты в моих руках.

Я прошел, пожалуй, метров четыреста, прежде чем стрельба мне вслед наконец прекратилась. Я шел на запад широким упругим шагом, время от времени поглядывая назад. Вскоре вдаль появилось облачко пыли, которое стало следовать за мной, не приближаясь больше чем на три километра. Наконец я наткнулся на маленькое озерцо, где смог смыть пот и грязь,

покрывавшие все тело. Облачко тотчас же исчезло. Я поймал несколько кузнечиков, которыми кишмя кишели окрестности, толстых и больших, как мыши, и съел их. Неподалеку прыгал по земле зимородок, в которого я попытался попасть камнем, но промахнулся на добрых двадцать сантиметров. В округе почти нет источников воды, особенно в сухой сезон, но тем не менее зимородков здесь пруд пруди. В засушливый период они меняли свой обычный режим питания водной мелочью на кузнечиков и других насекомых и, судя по всему, существовали вполне безбедно.

Как только настала ночь, я повернул назад. Уже через двадцать минут я обнаружил бивак этого короля курка, который расположился на вершине невысокого мыса, на опушке, окруженной большими деревьями с необычайно густым подлеском. Недалеко находился еще один источник воды, что и объясняло поразительно обильную для этих мест растительность. Посреди поляны стояли два джипа и два грузовика. Один из них тащил за собой большой прицеп. На поляне между тремя раскинутыми палатками пылало два костра. Вокруг одного из них мельтешили негры, занимавшиеся стряпней. В воздухе поплыл запах закипающего кофе. Я насчитал шесть негров и двоих белых. Затем я заметил еще одного белого в щели одной из палаток. Слабый свет лампы, горевшей внутри палатки, блеснул на мгновение на его бронзовой от загара коже.

Запах кофе стал еще явственней, и мне теперь без конца приходилось сглатывать слюну. Я страстный любитель кофе. Если бы эти люди не провели сегодня полдня, растрачивая на меня свои оружейные запасы, я, наверное, попытался бы присоединиться к ним.

Желая лучше разглядеть мужчину в палатке, я сменил свой пост наблюдения. Мне так и не удалось рассмотреть его отчетливо, хотя у меня сложилось впечатление, что это высокий и сильный человек. В тот момент когда я пытался рассмотреть его, он занимался странными гимнастическими упражнениями. Периодически в щели мелькали его быстро сжимающиеся и разжимающиеся бицепсы. Мне они почему-то напомнили быстро снующих туда-суда мангуст под золотистой кожей его рук. Сравнение, конечно, было несколько притянутым за волосы, но именно оно почему-то сразу пришло мне на ум.

Двое других белых, люди уже пожилые, сидели на складных креслах ко мне спиной. Один был небольшого роста и хрупкий на вид. У него были скупые жесты, острый, пронизывающий, как у ястреба, взгляд и узкое острое лицо, похожее на отбитое горлышко бутылки. Одет он был, будто только что вышел от лучшего портного в Найроби, специализирующегося в пошиве

одежды для сафари класса «люкс». Разговаривая, он беспрестанно вертел в руках черную трость с серебряным набалдашником.

Второй старец имел настолько впечатляющую внешность и такие длинные руки, что вполне мог сойти за человекообразную обезьяну, тем более что у него были массивный, литой затылок и обезьянье лицо с низким, надвинутым на глаза лбом.

Слушая болтовню негров между собой (они говорили на суахили), я узнал имена этих троих. Человек в палатке был доктором Калибаном. С иголки одетый старик носил имя мистера Риверса. Старую обезьяну звали мистером Симмонсом. Все трое были из Манхэттена.

Я подозревал, что если эти двое стариков и говорят так громко, то специально, с целью привлечь к себе внимание чьих-то нескромных ушей — моих, по всей видимости. Тем временем я обнаружил в кустарнике тонкую нить, натянутую на уровне щиколоток, включающую скорее всего сигнал тревоги. Кроме того, там были еще два фальшивых камня из раскрашенного картона, скрывающих под собой систему электронного оповещения. Я едва не прошел между ними, потому что они располагались по краям естественной тропинки, ведущей в неглубокую впадину в самой чаще кустарника — идеальное место для наблюдения. Я обнаружил ловушку совершенно случайно, машинально обнюхав один из подложных камней.

Пришлось удвоить предосторожности. К тому же я заметил, что палатка, где доктор Калибан предавался своим гимнастическим упражнениям, теперь была полностью задернута. Ничто не мешало ему, выскользнув наружу с противоположной стороны, попытаться зайти мне в тыл.

Я не знал, играли ли оба старика роль приманки или нет. Но, во всяком случае, если судить по их разговору, они совершенно не опасались чужих ушей. В том числе и Калибана, будто тот был совершенно глухим.

Я ползком прокрался до места, откуда мог бы видеть их рты. Читая по губам, я узнаю несколько меньше, чем слушая, так как некоторые слова было трудно разобрать, но тем не менее так мне казалось надежнее.

— ...Действительно что-то случилось с Доком? — спрашивал в этот момент элегантный Риверс. — По-моему, ему на все насрать, он попросту спятил.

— Это та обезьяна сделала его таким, — ответил Симмонс

Риверс рассмеялся и заговорил так громко, что мне даже с этого места стало его слышно.

— Его обезьяна! Его обезьяна! Эх ты, старая образаина, ты что, забыл, что в доме повешенного не говорят о веревке?

— Послушай, ты, старый проходимец, — ответил Симмонс, — брось повторять затасканные пошлости. Могу заверить тебя, что все это весьма серьезно. У Дока действительно что-то не ладится. Я думаю, все дело в эликсире. Обязательно! Начинают проявляться какие-то вторичные эффекты. Я его предупреждал. Еще тогда, когда он предложил его нам. Зря что ли я считаюсь одним из лучших химиков в мире.

До этого я был просто заинтересованным слушателем. Но тут я почувствовал себя, как рыба на крючке. Эликсир!

— Ты действительно считаешь, что он сдвинулся? И это после всех лет, которые он потратил на борьбу с болезнями, на лечение преступников, на то, чтобы вернуть их на путь истинный? — снова спросил Риверс.

Старик со старым обезьяньим лицом ответил:

— Об этом я, собственно, и хотел поговорить...

Конца фразы я не понял, так как он в этот момент вытащил сигару изо рта:

— ...И он их оперировал, как и говорил. Сначала он утверждал, что вырезает у них железы, ответственные за их криминальные наклонности. Но потом перестал об этом говорить, потому что все это оказалось чепухой, и начал распространяться о некоем «замыкании» и отклонениях в нервных связях. Ты что же, продолжаешь верить в эти глупости? В старое доброе время это еще могло пройти, когда многого не знали о причинах криминогенности. Но сегодня все изменилось. Теперь все прекрасно знают, что преступность имеет по крайней мере столько же причин экономического и социального порядка, сколько и чисто психических.

— На самом деле? — спросил Риверс. — Что в наши дни известно доподлинно, за исключением, может быть, нескольких физических констант и некоторых новых данных в биологии?

— Хорошо, согласен, ученые в наши дни знают не настолько много, как им хотелось бы думать о себе, — ответил Симмонс. — В тридцатые годы все уже были готовы согласиться с тем, что Док вешал им на уши, хотя бы потому, что именно он это говорил. Но сам-то ты видел хоть раз, чтобы он когда-нибудь оперировал преступника? Да, он им делал что-то, я в этом не сомневаюсь, он слишком любит орудовать скальпелем. Но пытаться вылечить преступность хирургическим способом — это вздор... Ты знаешь не хуже меня, что преступниками становятся лишь в результате комбинированного воздействия на

психику генетической предрасположенности и социального окружения.

— Во всяком случае, Док уже не тот человек, каким мы его знали когда-то, — сказал Риверс. — Я не знаю. У меня такое впечатление, что я присутствую при падении Люцифера. Быть может, я преувеличиваю. Док, конечно, не продал душу дьяволу, хотя... если прямо смотреть на вещи, каковы они есть, и перестать путать божий дар с яичницей, вполне может оказаться, что Док прав в том, что является причиной преступности и в мерах по ее лечению.

Симмонс хмыкнул себе в бороду.

— Возможно. Возможно также, что для Дока это способ получить удовлетворение... Согласен, я не должен был говорить так и никогда бы не сказал, если бы он не вел себя в последнее время столь странным образом. Согласись, что за это время у него появились довольно странные мании. Я, конечно, не стал бы настаивать на том, что он превратился в нечто типа доктора-Джекиля-и-мистера-Хайда... Но...

Они оба замолчали на какое-то время. Симмонс молча курил свою сигару. Риверс закурил тоже. Но он предпочел длинную сигарету, которую вставил в не менее длинный мундштук. Потом покопался в карманах своего шикарного сафари и вытащил несколько белых прямоугольников. Как я догадался, это были фотографии. Он держал их так, чтобы на них падал свет костра.

— Посмотри-ка, — сказал он, — что у него между ног. Какой самец, а? Ты видел когда-нибудь подобный конец?

Риверс выбрал одну из фотографий и внимательно стал рассматривать ее.

— Мой длиннее, — наконец сказал он. — По крайней мере был раньше. Больше двадцати сантиметров. Но более тонкий. Я никогда не видел ничего подобного, за исключением, пожалуй, одного случая.

— Да, интересный у него пистолет, — заметил Симмонс. — Я следил за ним в бинокль, когда он поднялся после того, как сломал шею льву. Он торчал у него, как копьё. А потом это поперло из него будто нефть из буровой вышки в Техасе.

— Да, я знаю, — согласился Риверс. — У меня самого глаза на лоб полезли. Я однажды видел эту штуку у Дока, один только раз, и, должен тебе сказать, это единственный человек среди черных и белых, насколько я знаю, у кого такой же толстый конец, как у этого англичанина. По правде говоря, я бы поклялся, что у дикаря он еще толще и длиннее.

— Ты видел член Дока? — переспросил Симмонс. — Надо же! И когда это?

— Это связано... ну, помнишь, приключение с царем... — нашелся Риверс. — Ты должен помнить. Док и я, мы были вынуждены долго прятаться, а писать-то хочется... я тебе клянусь, у меня тогда от удивления глаза чуть на лоб не вылезли.

Симмонс с беспокойством поглядел вокруг:

— Быть может, нам не стоит об этом говорить. Док мог бы...

— Да ладно тебе. Уж не думаешь ли ты, что он этого не слышал уже миллион раз? Он отлично знает, насколько мы все любопытны. Лично я думаю, что он давно уже потихоньку подслушивает все, о чем мы говорим. И ни разу за это время не подал виду. Не мне тебе говорить, что при нем всегда стараешься держать рот на замке. И потом, он самый невозмутимый тип из всех, кого я только знаю. Ни за что на свете Док не признал бы, что в том, что говорят о нем, что-то может его задеть. Может быть, ему действительно все равно. Он знает, что он супермен из суперменов!

— После того что я увидел сегодня, — сказал Симмонс, — я в этом уже не так уверен. Я никогда не видел ничего подобного! Но теперь я начинаю понимать, почему Доку втемьяшилась в голову эта мысль: померяться силами с этим дикарем. Он хочет потереться о кого-то, кто способен наделать ему хлопот.

Старичок, будто не слыша того, что только что сказал Симмонс, продолжал развивать свою мысль:

— Ты знаешь, я привык изгонять все подобные мысли из головы, или говорил себе, что личная жизнь Дока — это его личная жизнь и нечего туда соваться. Но на моей памяти он еще никогда не лгал нам. Он всегда повторял, что жизнь, которую он ведет, слишком опасна, что ему много чего еще предстоит сделать, чтобы он мог позволить себе такую роскошь, как женитьба. Это, мол, сделало бы его слишком уязвимым. Ладно, с этой стороны все понятно. Но в своих высказываниях он доходил до того, что утверждал, будто не хочет, чтобы какая-нибудь женщина смогла полюбить его. Если бы это произошло, он всю жизнь считал бы себя виноватым за то, что она напрасно потратила на него свои годы. Это тоже можно понять. Но вот когда он говорил, что ему нечего делать с женщинами, абсолютно нечего, тебе это не кажется немного странным, а? Ни трахнуться, ни поцеловаться, совсем ничего, черт меня побери!

— Ба! — воскликнул Симмонс. — У него оставалась возможность стать поклонником бога Онана. Хотя это не в его духе. Но я всегда думал, что, в конце концов, не так уж он совершенен, как хочет казаться. Видишь ли, я просто убежден, что это цена его физического и умственного совершенства, я

имею в виду то, что у него не стоит. Клянусь Богом! Должна же быть какая-то компенсация за это превосходство!

— Без шуток! — сказал Риверс. — С чего это ты взял, ты бледное подобие философствующего орангутанга?

— Ты меня достал. Как-нибудь, когда ты еще раз заикнешься о моем обезьяньем сходстве, я вобью эти слова в твою сраную ободранную жопу.

— И не рассчитывай даже, — усмехнулся Риверс, — там может проскочить лишь срань, и то самого высокого качества...

Они продолжали болтать, но я не всегда видел их губы за клубами сигарно-сигаретного дыма.

— Ты знаешь, Док и... будто два брата... цвет... черные волосы, серые глаза и матовый оттенок кожи, но у Дока...

Их разговор продолжался и дальше, но с этого момента он превратился для меня в простую болтовню, не давая особой информации. У меня сложилось впечатление, что оба старика хорошо знают друг друга с давних лет. Им многое пришлось пережить вместе, и, судя по всему, они были весьма привязаны друг к другу. Так что их оскорбления и подначки не несли в себе ничего угрожающего или обидного для обоих. Просто это была манера выражаться. Вынужденный слушать (вернее — читать) их дальше, я понял, что они приехали в Африку, чтобы выдержать здесь Последний Бой. Когда-то еще трое человек участвовали в их общей работе и делили с ними все опасности. Но в данный момент они все уже умерли. Оба старца знали, что они тоже долго не протянут, но все-таки настояли на том, чтобы Калибан взял их с собой в Африку.

И вот теперь они кусали себе локти. А если говорить точнее, то они были очень обеспокоены. С их Добрым Доком творилось что-то непонятное. Оказывается, он хотел прогнать меня из знакомой мне местности, а затем убить. Причем без оружия, в схватке голыми руками. Это совершенно не было похоже на прежнего Дока. Раньше он был принципиально против убийства. И не убивал сам, кроме тех случаев, когда его к этому принуждали. Он всегда был сторонником мнения, что любой человек, даже самый опасный преступник, должен иметь шанс на спасение.

Что-то заставило его поменять эту точку зрения, и они знали, что это, но не говорили прямо, довольствуясь туманными намеками.

Док Калибан сказал им, что я очень вредный человек и что нужно сделать так, чтобы я не мог больше никому причинить зла. Но они не были убеждены его заявлением. То, что они успели за это время узнать обо мне, как-то не вязалось с тем образом монстра, который им описал Док. До того момента, в

течение всей своей жизни они безоговорочно верили Доку; они видели в нем оракула, источник знаний и всегда считали борцом со Злом.

Они поспорили по поводу знаков Зодиака, и по ходу дела я узнал, что Док родился в 1903 году. Значит, сейчас ему было шестьдесят пять, хотя выглядел он лишь на тридцать.

Тут я снова напрягся. Они были не в претензии на него за то, что он не поделился с ними секретом вечной молодости. Как я понял, он предлагал им его, но они отказались. Тут я было не поверил своим ушам (то есть глазам). Сначала я подумал, что, должно быть, неправильно понял их. Конечно, могло быть и так, что он предложил им эликсир, когда им стукнуло пятьдесят или более лет. В таком случае эликсир мог только несколько притормозить процесс старения, и, скажем, в девяносто лет они выглядели бы лет на семьдесят. Быть может, цена риска им показалась слишком высокой ради столь незначительного удлинения их жизни. Прожить на двадцать—тридцать лет дольше — это не так уж много.

Но когда человеку предлагают прожить минимум тридцать тысяч лет, любая цена покажется смехотворной.

Я не раз любил это себе повторять.

Однако, слушая их, я был вынужден задуматься над мыслью, которая никогда не нравилась мне и которой я сознательно старался избегать. Могло ли статься, что, став богом, я потерял большую часть того, что называется **ЧЕЛОВЕЧНОСТЬЮ**?

ГЛАВА 9

Теперь я знал, какова истинная цель экспедиции, предпринятой Калибаном. Он хотел убить меня по причине мне совершенно неизвестной. Но, кроме того, я имел все основания думать, что он, как и я, намеревается добраться до гор, расположенных на западе.

Все это мне совсем не нравилось. Можно было не опасаться, что он намеревается немедленно убить меня. Судя по всему, Док хотел немного развлечься, играя в кошки-мышки. Кроме того, можно было считать доказанным, что старики с его подачи намеренно говорили все, что хотели. Калибан хотел, чтобы я знал о нем как можно больше. Так как чем больше я буду знать, тем больше будет «равенство» между охотником и дичью.

Подумав об этом, я взбесился. До сих пор мои враги всегда делали все, на что только были способны, чтобы добиться

преимущества надо мной. Но Калибан, гордый в своем высокомерии, считал, по-видимому, что я едва «достаю» ему до колен.

Очень хорошо. Пусть продолжает презирать меня. С этим я ничего не мог поделать. Если он действительно хотел убить меня голыми руками, то это меня совершенно не пугало.

Я решил продолжить мой путь к горам. И надо было отправляться немедленно, ибо меня там ждали. Я рисковал опоздать, если буду продолжать тратить время на пустыки, подобные этим.

Что же касается доктора Калибана, то, если он хотел быть там в то же время, что и я, ему придется поторопиться. Но это уже его проблемы.

Я начал отползать назад, потихоньку и очень осторожно. Но тут мне вновь пришлось замереть на месте, потому что в свете костра стремительно промчалось облачко с бронзовым отливом. Оно было похоже на тень, но секундой позже облако материализовалось в доктора Калибана.

Оба старца подпрыгнули от неожиданности в своих креслах. Хотя они должны были быть уже привычны к таким стремительным появлениям Дока, выскакивающего из ничего, как чертик из коробки.

Док был сантиметров на десять выше меня ростом. Его тело было просто великолепно, массивное, но замечательно пропорциональное. Скелет черепа и грудной клетки казался несколько тяжеловатым, но это был настоящий долихоцефал. За исключением себя самого и нескольких членов Девяти, я никогда не видел столь могуче сложенного человека. Это означало, что мышцы его были прикреплены именно туда, куда надо, и были столь внушительных размеров, какие и не снились обычному человеку.

Его кожа отливала цветом бледной бронзы. Волосы, которые он носил с прямым пробором справа, были того же цвета, но темнее. В свете костра казалось, что на голову его надета бронзовая каска. Он был слишком далеко, чтобы я мог отчетливо различить цвет его глаз, но мне показалось, что они время от времени вспыхивали зелеными отблесками.

Правильные черты его лица производили впечатление необычайной красоты. Мужественной, однако не без изящества. Оно показалось мне знакомым, хотя я был абсолютно уверен, что никогда его раньше не видел.

У него был глубокий звучный голос, с богатой тембровой окраской, речь уверенная, ровная и плавная, без всяких там колебаний, бормотаний и заиканий, которыми так страдает речь обычных рядовых граждан.

— Лорд Грандрит, Благородный Дикарь, обезьяна самых голубых кровей делает вам честь, шпионя за вами, друзья мои, — небрежно сказал он и посмотрел в темноту, окружившую лагерь, точно туда, где я сейчас находился. Потом он рассмеялся и сорвал со своего пояса круглый металлический предмет, в котором я сразу узнал гранату. Вырвав чеку, он бросил ее в мою сторону, причем сделал он это с быстротой, которой позавидовала бы даже пантера.

Если бы я сразу не прыгнул вперед, она упала бы точно перед моим носом. Но я поймал гранату на лету и сразу швырнул ее ему назад, а сам бросился в кустарник. Док так и остался стоять, широко расставив ноги, руки в боки, откинув голову назад и хохоча во все горло. Граната упала у его ног. Старики мгновенно оказались на земле лицом вниз — у них были вполне приличные рефлексy для столь почтенного возраста, — закрыв головы руками.

Негры еще только начали подниматься с корточек, недоумевая, что могло произойти. Но они не видели гранаты, поэтому не понимали причины внезапного переполоха, возникшего у костра белых. Из палатки вынырнул высокий негр с винтовкой в руке. До этого я его не видел. Этот негр не был африканцем. Похоже, он тоже был из Америки.

— Это пустая граната, — раскатистым голосом сказал Док. — Я просто хотел проверить быстроту реакции этой обезьяны! Она изумительна! Если не говорить обо мне, то я никогда не встречал подобной быстроты и точности!

Симмонс поднялся на ноги и закричал визгливым фальцетом, который весьма комически контрастировал с его звероподобной фигурой с длинными, чуть ли не до колен, руками.

— Док! — завопил он. — Кончай забавляться своими хреновыми шуточками! Если это он убил Триш, пристрели его, и делу конец. И довольно болтать об этом!

ГЛАВА 10

Человеческие понятия «хорошо» или «плохо» обычно не несут в себе для меня никакого смысла. Те, кто хочет меня убить, — мои враги, вот и все. Я убиваю их и не испытываю при этом необходимости оправдываться, даже перед самим собой, помещая их в разряд «плохих» людей.

Однако этот великолепный образчик настоящего мужчины мне как-то сразу показался настолько зловещим, что, разглядывая его и восхищаясь им, я все не мог отделаться от ощущения, что вижу перед собой Зло в его чистом виде, активное

анти-Добро. Волосы на затылке у меня поднялись дыбом, будто злой демон какого-нибудь африканского мифа схватил и потянул за них своей невидимой ледяной рукой.

И это ощущение мне совсем не понравилось.

Я решительно вернулся к мысли продолжить мой путь к горам. Но в двадцати метрах от лагеря я совершенно случайно наткнулся на большую клетку из толстых алюминиевых трубок и дощатым полом. Она лежала на боку с открытой нараспашку дверцей. Принюхавшись, я узнал запах льва, того самого. Теперь я знал, почему был атакован голодным львом, которому совершенно нечего было делать в этой местности. Прежде чем спустить его на меня, Док Калибан, вероятно, дрессировал его, чтобы приучить нападать на людей.

Он хотел увидеть, на что я был способен, и он это увидел. Схватив клетку за прутья, я легко оторвал ее от земли, поднял над собой — она весила не более сотни килограммов — и отнес ее к дереву, которое приметил за мгновение до этого. У дерева был высокий тонкий ствол, и оно чудесно подходило к той роли, которую я отвел ему в плане, мгновенно возникшем у меня в голове. Я никогда не знал английского названия этого дерева и даже не знаю, существует ли оно вообще; на бандили зовут его *ндангга*.

Забросив петлю лассо на самую верхушку дерева, я стал тянуть его к себе, прилагая все свои силы, пока она почти не коснулась земли. После этого я привязал веревку к стволу другого дерева, удерживая первое в согнутом состоянии. Потом я сплел из самых верхних ветвей его примитивный, но прочный канат. При этом несколько веток сломалось, что могло привлечь внимание Калибана. Но я не боялся, это даже устроило бы меня в некотором смысле. Однако никто не обратил внимания на производимый мной шум.

Веревка из ветвей хорошо держала клетку, как я надеялся. Теперь я вновь посмотрел на лагерь сквозь частокол высоких стройных стволов. Оба старца к тому времени вновь уселись в свои кресла. Они говорили так громко, что их голоса заглушали, вероятно, все звуки, которые я производил, сооружая мою катапульту. Один из негров поднес им в этот момент два бокала, в которых плескалась какая-то темная жидкость. Пропустив по глотку, они продолжили свой оживленный разговор, который скорее всего был их очередным обменом «любезностями». Негры сидели, присев на корточки, вокруг второго костра и тоже занимались болтовней. Свет костра порой ярко отражался от белков их глаз и от белоснежных зубов.

Я терпеливо ждал. Наконец Калибан высунул голову в прорезь своей палатки, собираясь что-то сказать своим спутникам.

Не теряя больше времени, я рубанул лезвием ножа по веревке. Послышалось «бз-зз!», сопровождаемое звуком лопнувшей веревки, потом сразу другое «бз-з!» более низкого тембра, чем первое, и наконец шуршащий стонущий звук стремительно распрямляющегося дерева, с силой швырнувшего в воздух алюминиевую клетку. Полетом ее больше руководили случай и удача, чем мой прицел, но тем не менее результат превзошел все мои ожидания.

Медленно и величественно вращаясь в воздухе, клетка падала точно на палатку Калибана. Док выскочил из нее, будто бронзовое ядро старинной пушки. Оба старика вскочили на ноги, стаканы полетели в стороны, сигара и сигарета выпали из изумленно раскрытых ртов. Они оглядывались вокруг себя в поисках источника шума. Черные брызнули в разные стороны. Часть их бросилась к палатке Калибана.

Док, продолжая бежать, уже углубился в чашу. Он, естественно, искал меня. Негры, спрятавшись за деревьями или в кустарнике, испуганно пялились на то, что еще минуту назад было роскошной палаткой Калибана.

Симмонс топтался и подпрыгивал на месте, хлопая себя по бедрам руками, ну впрямь вылитый шимпанзе, только очень разъяренный.

— Ах, Боже мой! Боже мой! Я обоссался! Я нассал в собственные брюки! Я так пересрал, что даже обоссался! — продолжал орать он как заведенный, не переставая скакать на одной и трясти другой ногой, будто исполняя замысловатые па чечетки.

Риверс катался по земле, заходясь в параксизмах гомерического хохота.

Я было подумал тут же устроить Доку небольшую засаду, чтобы разом покончить с этим делом, но потом передумал, зная, что мы стремимся с ним к одной и той же цели, а значит, нам еще суждено будет встретиться. Мне интересно было бы знать, будет ли он и дальше дразнить и преследовать меня. Раз Док думал, что это занятие — лакомство для него, я хотел, чтобы он понял, что рискует на этом сломать себе все зубы.

ГЛАВА 11

Рассвет был угрюмым и мрачным, как старый лев, мечтающий о свежем мясе. Но очень скоро лев обрел весь свой блеск и огласил саванну золотистым рычанием. На долины хлынуло золото его сверкающей гривы, и день начался, знойный и усыпляющий.

В течение следующего часа, последовавшего за восходом солнца, я все еще трусил рысцой по саванне. Таким аллюром я пробежал всю ночь и утро и теперь думал только о том, где бы найти укромное местечко и отдохнуть там до полудня. Горы, проступающие сквозь фиолетовую дымку, казались уже гораздо ближе, чем накануне. До них оставалось не более пятидесяти километров. Если бежать не останавливаясь, я мог бы добраться до них еще до наступления сумерек или даже взобраться до половины на первую из них.

Я продолжал бежать и вскоре оказался менее чем в километре от одной из деревень племени китази. Деревня представляла собой кучку хижин числом около тридцати, построенных из плетеных решеток, обмазанных глиной, покрытых круглыми остроконечными крышами, сделанными из соломы. Китази относились к пастушеским племенам. Главным их лакомством была свежая кровь скота, и они предпочитали полигамию всем остальным видам брака. Их нельзя было отнести к чистокровным неграм. Когда-то, очень давно, их предки, кочуя по саванне, смешали свои гены с генами более светлокожих племен, живущих на севере континента. Когда я впервые встретился с ними в 1920 году, все они носили жесткие набедренные повязки из луба, топорщащиеся по бокам, что придавало им вид бумажных корабликов, которые школьники так любят делать из газет. В старые времена китази убивали своих королей, как только в шевелюре тех появлялись первые серебряные нити.

Англичане заставили их отказаться от этого варварского обычая, и короли стали умирать «в связи с несчастным случаем». Пока не наступило время, когда какой-то фермер не догадался подарить королю краску для волос. С тех пор их короли стали доживать до преклонных лет и умирать вполне естественной смертью.

Был период в истории Африки, когда китази представляли собой весьма грозную силу. Они воевали с масаями, ажикуйюс и бандили. В результате всех этих войн из двадцати тысяч воинов осталось не более одной, которые проживали теперь в шести небольших деревнях вместо тридцати, которыми они когда-то владели. В последующие годы нашего знакомства мы не стали большими друзьями. Более того, если кто и ненавидел меня по-настоящему, так это они. Правда, у них были на то причины. Те, что выезжали сейчас из деревни, сбившись в кузове старенького грузовика, должно быть, были предупреждены о моем приближении каким-нибудь их наблюдателем, снабженным портативной рацией. Я был уверен, что они отправляются на мои розыски. Грузовичок двигался в юго-восточном направлении. Я шел на юго-запад. Нас разделяло каких-нибудь

полтора километра. Тут китази заметили меня: грузовичок развернулся и направился прямо в мою сторону. Я побежал к группе гигантских акаций, стоящих в восьмистах метрах от меня, и укрылся за стволом одной из них. В пронзительном визге тормозов грузовичок остановился, не доезжая метров ста до деревьев.

Их было девять человек: трое в кабине, остальные в кузове. Едва машина остановилась, все попрыгали на землю. У троих были ружья, в которых, как мне показалось, я узнал винтовки Эндфилда, конца прошлого столетия. Но на таком расстоянии я мог и ошибиться. Четвертый держал в руках тяжелое копье и мачете в кожаных ножнах. Еще двое были вооружены луками, а за плечами виднелись колчаны, полные стрел. У седьмого, самого молодого из них, в руке был пистолет, а два последних потрясали в воздухе топорами с большими блестящими лезвиями.

После короткого совещания они развернулись в полукруг, вогнутой стороной ко мне. Люди, вооруженные винтовками, заняли позицию в центре и по обоим краям дуги. Двое с луками встали по бокам от центрального. Копье, топоры и пистолет разместились через равные промежутки от центра к краям этой дуги. После чего они медленно стали приближаться, подбадривая себя громкими криками и угрозами в мой адрес.

Они были осторожны, оставаясь в неуверенности, есть ли у меня пистолет или нет. То, что у меня нет ружья, они знали точно. Китази сделали большую ошибку, выбрав такую тактику. У них было бы гораздо больше шансов, если бы они вплотную подскочили ко мне на своем грузовике, развернулись боком и одновременно засыпали бы меня градом пуль. Лишь после этого им стоило спускаться на землю и приближаться ко мне пешком. Мне удалось бы, быть может, убить нескольких из них, но у других осталось бы гораздо больше шансов прикончить меня, при условии, конечно, что они не трусили бы в последнюю минуту.

Китази предпочли осторожность. Вероятно, причиной тому была моя репутация в здешних местах. Подойдя на расстояние в двадцать метров, они остановились. Я не двигался, оставаясь за стволом дерева. Двое, вооруженных винтовками, стали огибать меня по дуге, собираясь зайти в тыл. Я продолжал ждать. Я был гол, и все мое вооружение заключалось в старом ноже с настолько истончившимся лезвием, что он потерял свою былую балансировку и не мог быть использован для метания. Мне оставалось рассчитывать только на мою быстроту, хотя сейчас я был не в лучшей форме, пробежав такое расстояние за ночь, без еды и почти без воды.

Я поискал среди камней, лежащих у меня под ногами. Два своим размером и весом вполне подходили для метания. Тогда я взял нож в зубы и поднял по камню в каждой руке. Стрелки, зашедшие к тому времени сбоку от меня, видели, что я делаю, и криками предупредили своих товарищей. После этого они подняли винтовки и началась пальба.

Одна из пуль впиалась в дерево рядом с моей головой. Я выскочил из укрытия, быстрый, словно молния, и бросился бежать по направлению, перпендикулярному тому, по которому приближался ко мне центр их дуги. В игру немедленно вступил стрелок, идущий в центре, а за ним и лучники спустили свои тетивы. Пули и стрелы засвистели вокруг меня, но ни одна не попала в цель. В ту секунду когда стрелы взмыли в воздух, я резко сменил направление бега. Второй залп лучников также миновал меня.

Эти люди с детства слышали рассказы о моих подвигах и поэтому считали меня теперь чем-то вроде дьявола. Они были напряжены и взвинчены до предела. Они боялись. Поэтому, когда негры увидели, что я бегу прямо на них, вместо того чтобы разбежаться, их охватили дрожь и суеверный ужас, который, конечно, не помогал им стрелять более прицельно. Тем более что теперь, когда я был прямо напротив них, целиться в меня стало еще труднее. К тому же двигался я очень быстро: сто ярдов за 8,6 секунды. Босиком.

Должен отдать им должное, это были храбрые воины, которые не взяли тотчас ноги в руки (несмотря на строжайший запрет английских властей, китази продолжали избавляться от трусов в своих родах до того, как те достигали восемнадцатилетнего возраста). Все оставались на своих местах. Стрелки продолжали осыпать меня градом пуль, в то время как вперед выдвинулись воины с копьем и топорами, которые быстрым шагом стали приближаться ко мне, испуская воинственные крики своего племени.

Я остановился лишь на мгновение, чтобы бросить камень. Он угодил стрелку, стоящему в самом центре их цепи, точно в лоб, и тот мешком рухнул на землю. Я бросился к тому месту, где он стоял. Сбоку набегал юноша с револьвером, стреляя на ходу. Я не обратил на него никакого внимания, так как на бегу его стрельба просто не могла быть прицельной. Лучники вновь натянули свои луки, копье и два топора уже приблизились на опасное расстояние. Я стремительно бросился на землю, перекувырнулся, снова вскочил на ноги и бросил второй камень. Сраженный в шею лучник, что был слева от меня, покатился по земле.

Те два стрелка, что заходили мне в тыл, теперь бегом приближались сзади, стреляя на ходу. Слепая пуля поразила одного из воинов, держащих топор, и вывела его из строя.

Из девяти, начавших сражение, осталось шестеро. Над моим плечом пронеслось копье и с глухим стуком воткнулось в дерн прямо передо мной. Одним рывком я вырвал его из земли, мгновенно сбалансировал, прицелился и бросил в приближающегося юношу. Оно пронзило ему плечо, и револьвер оказался на земле.

Я прыгнул к ружью первого убитого воина, прокатился по траве и вскочил с оружием в руках. В магазине еще оставался один патрон. Я не спеша прицелился: стрелок справа от меня вскинул вверх обе руки, выпустил из них винтовку и рухнул лицом вниз.

Я поднял с земли патрон, выпавший из коробки, оброненной кем-то из стрелков, и загнал его в казенную часть винтовки. Отпрыгнув в сторону, я упал на колено и выстрелил еще раз. Последний из оставшихся стрелков схватился за ногу и повалился на бок; он дергался, лежа на земле, и кричал от боли. Я быстро снял с убитого патронташ и повесил его себе на плечо.

Вскинув глаза вверх, я успел увидеть летящий в меня топор со сверкающим на солнце лезвием. Новый прыжок в сторону, патрон в казенник, выстрел — и вот бросивший топор бездыханным падает на землю. Он упал одновременно со своим оружием, которое вонзилось в землю рядом со мной. Промедли я хоть секунду, он снес бы мне полголовы.

И только после этого оставшиеся в живых воины без копья и юноша, раненный в плечо, побежали от меня. Так как я стоял между ними и грузовиком, им пришлось удирать на своих ногах. Я сел за руль и тронулся с места. Индикатор уровня бензина не работал, и я не мог знать, сколько его там еще осталось в баке. Но это не имело значения. Я буду ехать, пока смогу, вот и все. Потом просто брошу его в саванне.

Я был доволен. Сражение взбодрило меня, и к тому же у меня появился способ несколько быстрее и дальше удалиться от моих преследователей. Что меня особенно порадовало, так это то, что в этот раз, убивая, я вновь не испытал оргазма. Это могло быть, конечно, следствием усталости и волнения, которые могли помешать пробуждению этого патологического рефлекса, несмотря на всю его мощь; или того, что мне вновь не хватило спермы. Но могло быть также, что я избавился наконец от этого порока. Я бы взмолился, если бы верил в Бога, чтобы эта последняя гипотеза оказалась верной.

В грузовике было несколько бидонов с водой, так что я вполне мог теперь немного отдохнуть. Впрочем, вести машину, несмотря на все толчки и подскоки грузовика на неровной почве, для меня было тоже отдыхом. И я направился, теперь даже быстрее, чем смел надеяться еще утром, к единственным в этом мире существам, которые могли бы дать мне ОТВЕТ, если только он существует.

ГЛАВА 12

Над грузовиком промчалась тень, в клочья разодрав все мои надежды на бегство.

Вслед за ней на меня обрушился рев турбореактивных двигателей. Реактивный истребитель, обогнав меня на высоте не более десяти метров над землей, сделал впереди «горку», развернулся на 180 градусов и вновь стал снижаться в моем направлении. Как ни быстро он проскочил мимо меня, я успел рассмотреть его: это был самолет военно-воздушных сил Кении, английский «хантли-хаукер».

Вскоре самолет сравнялся с грузовиком, продолжая лететь почти над самой землей, метрах в пятидесяти правее меня. Пилот пытался рассмотреть, я ли сидел в кабине или нет. Я успел заметить его темнокожее лицо, улыбающееся до самых ушей. Ему было от чего улыбаться, со всем тем оружием, которым был снабжен его истребитель: под крыльями висели ракеты с самонаводящимися головками, напалмовые бомбы. В случае если этого было бы недостаточно или он пожалел бы тратить это дорогостоящее оружие на одного человека, у него оставался выбор, из чего ему расстрелять меня: из пулеметов или из пушки.

Положение складывалось хуже некуда. Надо было как-то выбираться из грузовика, а я не видел ни одной подходящей увертки. Впереди и по бокам не было ничего, что могло бы послужить укрытием. Впрочем, даже если бы я и нашел его, у меня все равно оставался отличный шанс сгореть в нем или быть разорванным на клочки прямым попаданием ракеты класса «воздух—земля».

Вновь обогнав меня, самолет на бреющем полете проскочил вперед метров на семьсот, затем свечой взмыл в небо и стал кружить надо мной на высоте в триста метров, выбирая угол атаки. Мне почему-то вновь представилось широко улыбающееся лицо пилота. Он, вероятно, радовался представившейся возможности уничтожить белого человека, и не просто человека, а легендарного лорда Грандрита. Скорее всего он даже

не задумывался о причинах, по которым правительство Кении решило избавиться от меня. И если он слышал о моих подвигах, то действовал в таком случае как человек образованный, не обращая внимания на тех суеверных невежд, которые болтали о них.

Во всяком случае, сейчас он наверняка был уверен, что я нахожусь у него в руках. Летчик полностью контролировал ситуацию, и все мои дьявольские способности ничего не могли в ней изменить.

Теперь он пикировал прямо на меня. Я нажал на акселератор, готовясь сделать резкий поворот влево, в тот момент когда он сбросит бомбы или выстрелит ракетой. Учитывая ту низкую высоту, с которой он собирался совершить бомбометание, у меня почти не было шансов увернуться, несмотря на все мои рефлексy. Но мне не оставалось ничего другого, кроме как рассчитывать на них. Должен же быть все-таки какой-нибудь способ...

В небе нарисовалось что-то еще. Какой-то предмет очень малых размеров и такого же голубого цвета, как само небо. Словно кто-то с силой хлопнул огромной дверью неба, от которой отделилась и падает крошечная гайка. Голубой предмет растаял в солнечном сиянии, отражающемся от фюзеляжа снижающегося самолета. И вдруг они слились в огромный клубящийся шар пламени, который все увеличивался, выбрасывая в стороны огненные протуберанцы, по мере того как взрывались ракеты и бомбы падающего самолета.

Не снижая скорости, я мчался по равнине на запад. Огненный шар, быстро теряя высоту, падал мне навстречу. Я вдавил акселератор до упора, прижав ногу к полу кабины. Все решали метры и секунды. Пылающий костер пронесся надо мной, опалив лицо и руки своим жарким дыханием, ворвавшимся сквозь открытые окна кабины. Затем за спиной раздался жуткий грохот близкого взрыва. Запахло горклой краской и деревом. В голове будто взорвался прожектор, осветив все вокруг своим мертвенно-блеклым светом. Раскаленный воздух взрывной волны догнал машину и опалил мне правую руку вплоть до плеча. Она сразу покраснела. Я задержал дыхание, надеясь, что ожоги будут поверхностными и кожа не пойдет пузырями. И тут машина вырвалась из зоны взрыва.

Я отъехал еще немного, остановил машину и вскарабкался на крышу кабины, чтобы полюбоваться зрелищем. Обломки самолета усеяли почву на расстоянии в несколько сот метров. В самом центре пожара виднелась воронка глубиной метра в три-четыре. Деревья и кустарник были охвачены огнем, который уже лизал своим языком близстоящие кусты высокой

слсновьей травы, готовым перекинуться на все травяное море саванны.

Далеко на востоке показались два облачка пыли. От меня они были приблизительно на одном удалении, но расстояние между ними составляло километров пять.

Первое, должно быть, принадлежало кенийской армии или албано-арабской банде, второе — группе доктора Калибана. Я почему-то был уверен, что именно он выпустил эту крошечную смертельную ракету. Прицеп, который тащил за собой один из его грузовиков, был не обычным прицепом. Он прятал в себе миниатюрную ракетную установку и, наверное, еще много всякой всячины. Доктор Калибан показывал себя весьма предусмотрительным человеком.

Я не испытывал к нему никакой благодарности за эту неожиданную помощь. Наоборот, во мне пылало пламя бешенства и неудовлетворенности, не менее жаркое, чем пожар, пожирающий обломки самолета.

Тем не менее я быстро взял себя в руки, успокоившись при мысли, что стена огня степного пожара задержит на некоторое время моих преследователей. Пожар быстро набирал силу и полз вширь и вглубь на восток под влиянием ветра, дующего с гор за моей спиной. Я мог воспользоваться этим временем, чтобы прямо, насколько позволит мне топография местности, устремиться к горам. На скорости шестьдесят километров в час я буду там через полтора-два часа, если только машина не выйдет из строя раньше.

Я рассмеялся. Спасая мне жизнь, Калибан сам себе преградил дорогу, пусть и временно. И тут я едва не прикусил себе язык, оттого что машина внезапно клюнула носом и резко вильнула в сторону. Лопнуло переднее колесо. И неудивительно: покрышка была абсолютно лысой. Я сменил колесо на запасное, которое тоже было в весьма плачевном состоянии, что оно и доказало, лопнув десятью минутами позже, наткнувшись на острый камень.

Плонув на грузовичок, я оставил его и отправился дальше пешком. За моей спиной вздымалась стена огня, захватывая пространство саванны, насколько хватал глаз. Казалось, будто весь мир охвачен одним гигантским пожаром.

ГЛАВА 13

Шесть часов спустя я добрался до предгорий. К трем часам пополудни я преодолел два больших холма и влез на вершину третьего. Голод и усталость все больше давали о себе знать,

но, прежде чем отдохнуть, мне хотелось осмотреть сверху ту часть равнины, которая осталась за моей спиной. С этой высоты и с этого расстояния почва казалась ровной и гладкой, но я уже знал, насколько обманчиво это впечатление, так как последние пятнадцать километров мне пришлось пробираться между камнями, густо покрывавшими ее поверхность, испещренную к тому же многочисленными руслами пересохших речек и ручейков. Вдалеке виднелись три облачка пыли, на расстоянии километров пяти друг от друга. Их медленно относило к востоку. До наступления ночи эти группы вряд ли могли приблизиться настолько, чтобы заметить друг друга.

Я продолжал карабкаться вверх сквозь лес, состоящий в основном из дуба и сикомор. Саванна в основном была безводна, здесь же, на холмах, подземные источники давали достаточно влаги для густой и обильной растительности. Деревья иногда росли настолько тесно друг к другу, что пробираться между ними стоило больших усилий. И в таких случаях я пользовался верхним путем, прыгая с ветви на ветвь. Совсем не так, как рассказывает об этом мой биограф, и уж совсем не тем способом, что пытаются изобразить артисты в бездарных фильмах, снятых по его романам.

Переходя с дерева на дерево, я двигался гораздо быстрее, минуя густой подлесок, который надолго затормозил бы мое продвижение. Я мог бы двигаться еще быстрее, если бы не винтовка, постоянно цепляющаяся за ветви.

Сумерек я дождался, сидя на самой толстой ветви большого дуба, росшего на крутом обрывистом склоне. Разрывая зубами нежное сочное мясо огустигоре чешуйчатого, я продолжал следить за облаками пыли, поднятыми тремя группами моих преследователей, которые только что решили остановиться на ночь. Двигаться дальше на машинах было невозможно. Теперь они были приблизительно в полутора километрах один от другого, но холмы мешали им видеть друг друга. Что не означало, что они не знают о присутствии конкурентов.

Если кенийские солдаты собирались уважать чужие границы, то дальше идти им было нельзя, так как я уже находился на территории Уганды. Албано-арабскую банду этот вопрос, судя по всему, совсем не волновал. Вскоре на вершине первого холма показалась группа человек в тридцать, которая быстро исчезла из моего поля зрения, скатившись в ложбину между возвышенностями. Насколько было возможно судить с такого расстояния, никто из них не нес тяжелого оружия, все были вооружены только винтовками.

Доктор Калибан и его люди углубились в один из узких оврагов. Я пересчитал их. Не хватало двух негров. Они наверняка

остались в тылу, для охраны и управления механизмами, спрятанными в прицепе. Мне пришел в голову один план, и я решил спуститься со своего холма. Существовала большая вероятность того, что Калибан предвидел мои возможные перемещения и принял соответствующие меры. Я удвоил осторожность. Калибан был самым опасным противником, который когда-либо мне встречался, хотя раньше мне приходилось драться с самыми отпетыми негодяями и преступниками. Я, конечно, знал его совсем мало, но предчувствовал, что по уму и по своей технической оснащенности он далеко превосходит всех своих предшественников.

Быстро спускавшиеся сумерки уже поглотили склон горы, на котором я находился, и теперь быстро погружали во тьму более низкие холмы и часть прерии, прилегавшей к ним. В сгущающейся темноте я успел увидеть еще одну группу, в этот раз кенийских солдат, вышедших из их лагеря. Значит, они тоже решили нарушить границу.

Я затаился на их пути. Они расчищали себе дорогу в густом сплетении лиан и ветвей подлеска, срубая их с помощью мачете. Офицер подбадривал солдат, обещая им скорый привал. Солдаты прошли цепочкой, дыша в затылок друг другу, совсем рядом со мной. Вытянув руку вперед, я мог бы коснуться любого из них. У меня было смелое желание напасть на них из засады и перерезать несколько горло, но сдержался. Идея была заманчивая и вполне осуществимая, но она могла нарушить мой план.

Продолжая прятаться в темноте, я следил за кенийцами, оставшимися в лагере. Они развили там бурную деятельность. Было очевидно, что с наступлением нового дня они готовятся выступить по следам своей первой группы. До меня долетали обрывки их переговоров по радио, из которых я понял, что они ожидают прибытия транспортных самолетов и вертолетов с подкреплением и снаряжением. Дело осложнилось. Я не понимал, зачем такие серьезные приготовления. Во всяком случае не из-за одного только удовольствия убить меня. Тем более что их действия могли вызвать большой международный скандал. Думаю, единственной причиной, которая могла бы оправдать все эти затраты и риск, было золото. И потом, по их точным и целеустремленным действиям было видно, что они знают, куда идти.

Я продолжал спускаться, разыскивая лагерь Калибана. Оба джипа и грузовики стояли на прогалине леса, расположившись в каре. Вокруг не было видно ни души. Не горело ни одного огонька, лишь на крыше прицепа медленно вращалась похожая на тарелку маленькая антенна. Приспособление, предназна-

ченное обнаруживать чужаков. Кроме него, должны были быть и другие.

Я стал ждать. Становилось все темнее. Звезды спрятались за тучами. Луна просвечивала сквозь облака бледным размытым пятном, похожая на смутный расплывчатый силуэт зародыша, только что обозначившегося в яйцеклетке. Сзади прицепа открылась и сразу же закрылась дверь. При этом наружу не пробилось ни одного лучика света. Как видно, дверь автоматически отключала свет внутри, пока была открыта.

Из прицепа вышел всего один человек, который стал прогуливаться внутри каре, образованного машинами. Он курил, пряча огонек сигареты в рукаве. На него вполне хватило бы одного выстрела, но я не хотел ни тревожить раньше времени второго человека, ни привлекать внимание кенийцев. Он ходил взад и вперед между двумя джипами, держа во второй руке оружие с коротким стволом, в котором, как мне показалось, я узнал автомат.

Я тщательно рассчитал скорость его перемещений между двумя точками и затем с места перепрыгнул через капот джипа как раз в тот момент, когда человек повернулся ко мне спиной. Он услышал шум и хотел было обернуться, но тут же рухнул с ножом в горле. Он умер, не успев крикнуть или нажать на спусковой курок своего оружия.

Когда я напрягся перед прыжком, мой член мгновенно затвердел, и, в то время как кровь брызнула из раны человека, из меня с немалым напором брызнула сперма и оросила его падающее тело.

Некоторое время я сидел рядом с трупом, восстанавливая дыхание и прислушиваясь к шумам, идущим из прицепа. Оргазм в этот раз овладел мной с такой силой, что я выпустил нож из руки и согнулся под конвульсивным сокращением всех мышц тела, будто пронзенный сильнейшим разрядом электрического тока.

Патологический рефлекс во мне явно становился все сильнее и опаснее. Как мне теперь сражаться с врагами, если после первого же убитого мной я буду терять все свои силы?

Автомат был неизвестной мне модели. Очень компактный, с коротким узким стволом, не позволявшим ему стрелять патронами, превышающими калибр 5,5. Его изготовили скорее всего по индивидуальному заказу Калибана для стрельбы разрывными пулями. Я взвесил его в руке и рассмотрел, насколько это было возможно, в неверном свете луны. Освоившись с механизмом, я приготовил его к стрельбе и подкрался к самому прицепу. Антенна беззвучно и безучастно продолжала вращаться на его крыше.

Прижав ухо к самой стенке прицепа, я тем не менее не уловил ни звука. Стены были прекрасно звукоизолированы. Тогда я подошел к одному из грузовиков и обследовал его содержимое. Он был заперт, но я нашел ключи у человека, которого только что убил. В кузове были сложены боеприпасы и ящики с продуктами. Я нашел коробку с ручными гранатами и взял несколько штук. Выбравшись наружу, я выдернул чеку из одной из них и бросил ее далеко, как только мог.

Больше не думая о близком присутствии кенийцев, я решил как можно быстрее выманить второго человека наружу. Я рассчитывал, что, услышав взрыв гранаты, тот немедленно появится, чтобы узнать, что случилось. Конечно, был риск, что он все-таки останется внутри и довольствуется тем, что просто предупредит Дока по радио, так как я был уверен, что они поддерживают постоянную радиосвязь.

Мои опасения были напрасны: все произошло так, как я и предвидел. Как только отзвучало эхо взрыва, задняя дверь прицепа распахнулась и из нее спрыгнул на землю мужчина атлетического телосложения. Он сразу же пригнулся к земле с автоматом наготове и крикнул:

— Эй, Али! Что случилось? Что ты тут наделал, недоумок?

Мужчина, должно быть, почувствовал мое приближение. Он повернулся, но не настолько быстро, как следовало бы. Я ударил его по шее ребром ладони прежде, чем он успел закончить движение. Он еще продолжал поворачиваться по инерции, но колени уже подогнулись, и тело сползло на землю. Я ударил его не слишком сильно, так как он был мне нужен живым. Парень был явно не из слабых: мышцы его шеи были упруги и тверды, словно бетон. Он был лишь оглушен и, придя в себя, сразу перешел в атаку. Я перехватил его запястье и вывернул руку, заведя ее ему за спину. Его дикий вопль всколыхнул ночь. Издалека откликнулась пантера, будто отвечая ему, но это было чистым совпадением.

Мужчина упал на колени, откинув туловище назад. Обнажившиеся в гримасе боли белые зубы сверкнули в темноте. Я не сильно ударил его коленом по подбородку, и он упал на спину.

Мой член при этом едва шевельнулся в небольшой эрекции. По всей вероятности, он знал заранее, буду я убивать или нет.

ГЛАВА 14

Этот мужчина оказался тем здоровым негром, о котором я подумал, что он американец. Он был такого же роста, как я, но весил, должно быть, килограммов на двадцать больше меня.

Сложен он был отлично: широкие плечи и узкие бедра. Подстригаясь перед поездкой сюда, он явно решил следовать местной моде, кроме того, его физиономию украшали усы и маленькая эспаньолка. Кстати, кожа его была настолько светлого оттенка, а черты лица так мало походили на негроидные, что я заподозрил, что он был не чистокровным негром, а квартероном.

На мой вопрос он ответил, что его зовут Вилфред Чака, родился в Кливленде, штат Огайо. Негр был профессиональным игроком в американский футбол, пока однажды не принял участия в попытке ограбить банк. Попытка оказалась неудачной, и он был схвачен полицией. Деньги были нужны для финансирования некоей военизированной негритянской организации. Ему удалось как-то удрать из тюрьмы, и он ушел в подполье, спрятавшись в одной из ячеек этой организации, расположенной в Гарлеме. Калибану удалось заполучить его в свои руки, но, вместо того чтобы передать негра полиции, он отправил его в одну из частных клиник, которые входили в его центр перевоспитания закоренелых преступников. Хирургического перевоспитания.

Слова негра подтверждали то, что я услышал из уст двух стариков. У меня не было особо много времени, чтобы болтать попусту, но эта история меня сильно заинтересовала. Сам я врач по образованию, и, хотя нигде не практиковал, кроме как у бандили, я старался следить за последними медицинскими публикациями.

— И в чем же состояла эта операция? — спросил я.

— Я об этом ничего не знаю, беложопый, — огрызнулся Вилфред. — Я был под эфиром, кумекаешь, и мне было трудно следить за тем, что он там выделявал.

— Значит, он занимался нелегальной «самодеятельностью» на твоём мозгу, а ты даже не знаешь, что он там сделал. Ты хоть спрашивал его об этом?

— Спрашивал?! Еще как спрашивал, только после его ответов у меня башка стала квадратной, понял?.. Старина Док хотел, чтобы я хорошо усвоил, что все это конфиденциально между ним и мной и должно таким остаться на всю жизнь. Потому что есть люди без стыда и совести, готовые украсть этот секрет и использовать его же во вред нам! Например, коммунисты... Вот уже несколько лет как Дока стало лихорадить лишь при одном упоминании о красной опасности. Он просто уверен, что коммунистам осталось раз плюнуть, чтобы захватить всю планету.

Служители Девяти редко осложняют себе жизнь рассуждениями подобного рода. Лояльность самих Девяти для них на

первом месте, а форма существующего управления государством их мало волнует. С другой стороны, Девять не запрещают своим приверженцам иметь собственные политические взгляды. До того момента, пока они верны и послушны.

Вилфред прыснул от смеха и сказал:

— Вначале я думал, что он мне сделал фронтальную лоботомию. Но, как ты видишь, я не превратился в зомби. У нас тут есть два белых старика. Риверс и Симмонс, так вот, они говорят, что я ни черта не понял и только запутался во всем. Они считают, что великий беложопый мбвана установил в моей черепушке миниатюрный аппарат, который теперь контролирует все мои нервные импульсы. Нечто вроде колокольчика. Как тебе нравится? Но...

— Калибан спустил на меня голодного льва, — прервал я его. — А до этого обезоружил меня. Не очень-то рыцарский поступок, как считаешь?

— Если Док говорит, что ты дьявол, так оно и есть! Извращенец первого сорта. Люцифер по сравнению с тобой так просто ангел, хоть и падший.

— Ты знаешь, кто я?

Вилфред улыбнулся, но улыбка получилась несколько кривой:

— Да. Док мне объяснил, что к чему. И тогда я ему сказал: «Док, я хорошо слышу все, что ты мне говоришь, но не могу врубиться, настолько это все неправдоподобно». Док на это ничего мне не сказал. Он никогда не возражает. Ему плевать с высокой колокольни, верю я ему или нет. Калибан не врет никогда. Из всех белых, которых я когда-либо знал, он единственный, который никогда не врет. Тем не менее я все-таки не поверил ему. Я думал, он просто пошутил надо мной. А потом мы отправились в Африку, поймали этого здоровенного льва, настропалили его на твою задницу, и тут я увидел тебя в деле. Это зрелище было еще более невероятным, чем все, что он мне о тебе рассказал! Я видел, как ты свернул шею этой огромной киске, и не верил при этом своим собственным глазам. Я никак не мог заставить себя поверить, что ты реальное существо. Но после всего, что я увидел, что мне остается, как ни признать этот невероятный факт. Ты действительно какой-то странный феномен!

— Тебе-то какая разница? — спросил я. — Скажи лучше, почему Калибан нанял тебя? Из-за мышц?

Негр потер запястье и сморщился от боли:

— И из-за этого тоже. Но главным образом из-за того, что я разбираюсь в электронике. И довольно неплохо, представь себе, беложопый.

— Но с твоей точки зрения, Калибан тоже всего лишь беложопый, как ты говоришь.

— Это единственный белый, которому я бы не рискнул сказать прямо в лицо, что он всего лишь белый засранец. По-моему, Док действительно является тем, что представлял себе Ницше, прежде чем у него окончательно поехала крыша, — настоящим сверхчеловеком! К несчастью, он не родился черным!

Говоря, он прислонился спиной к задней части грузовика.

— Мне кажется, — сказал я, — у тебя вновь появилось желание попробовать на мне свою силу. Держи! — Я протянул ему правую руку.

— Эй! Ты что задумал?

— Возьми мою руку, — сказал я, — можешь делать с ней что хочешь.

Вместо этого он внезапно бросился на меня и попытался ударить в солнечное сплетение. Я перехватил его кулак, поймав в свою ладонь, и сжал его. Он вскрикнул и упал на колени.

— Это тебе послужит уроком, — сказал я.

Он стонал, нянча свою помертвевшую от боли руку другой рукой.

— Чтoб ты сдох, белый засранец! Мать твою!..

Любуясь его черепом, я сожалел, что он проявил так мало тонкости в понимании ситуации. Однако я надеялся, что теперь ему стала ясна вся бессмысленность надежды добиться чего-либо, провоцируя меня.

Как и в случае с Забу, я попросту впустую потратил бы время, пытаясь объяснить ему, что не чувствую себя в какой бы то ни было степени задетым конфликтом между белой и черной расой. Я, безусловно, являюсь единственным белым в мире, который не придерживается никаких предрассудков, связанных с цветом кожи людей. Во всяком случае, даже если бы я мог надеяться убедить его в таком моем отношении ко всем людям, я все равно не стал бы этого делать. То, что он мог подумать обо мне, было мне глубоко безразлично.

— Сейчас ты покажешь мне все, что мне захочется увидеть, — сказал я. — Или я убью тебя.

Мы поднялись в прицеп. Он был под завязку напичкан всякого рода электронной аппаратурой. Вилфред нажал на кнопку. Едва слышно загудели моторы, и крыша прицепа стала подниматься вверх, распавшись по центру на две половины. Одновременно с пола поднялась установка, напоминающая собой базуку на лафете. Установка поднялась до уровня пола и замерла, в то время как ствол базуки стал телескопически вытягиваться вверх, к потолку. Одновременно с этим в полу

открылся люк, в глубине которого виднелся небольших размеров снаряд, вернее ракета, точная копия той, которая сбивала кенийский истребитель Веретенообразной формы и покрытая серебристым металлом ракета не превышала в длину шестьдесят сантиметров. Она должна была весить килограммов двадцать.

Вилфред пробежался по кнопкам аппарата, снабженного экраном, тот внезапно осветился, и на нем появилось изображение части западного склона горы. Звук генераторов под полом прицепа стал более явственным.

Вилфред тронул один из верньеров, и принимающая антенна на крыше прицепа послушно стала разворачиваться к югу. Она остановилась, почти точно ориентированная на юг, когда на экране появилась часть кенийского лагеря. Изображение было настолько четким и ясным, будто я сам сидел в нескольких метрах от него, к тому же днем. Периодически освещенность экрана менялась, становясь то темнее, то светлее, и по нему пробегали светлые полосы.

Но, вообще-то говоря, я не должен был видеть *ничего*, так как кенийцы располагались по другую сторону холма, километрах в двух от нас.

Вилфред объяснил мне, что антенна испускала луч, который, отражаясь от горы, достигал лагеря кенийцев, поднимался вверх, вновь отражался от слоя ионосферы и возвращался к антенне. Густая растительность склона горы поглощала часть луча, а неровность вершин деревьев вызывала наблюдаемые нами помехи на экране.

Я заметил, что манера держаться Вилфреда едва заметно изменилась, стоило ему заняться работой с аппаратурой, о чем он сам, вероятно, и не подозревал. В его жестах и словах, обращенных ко мне, кроме вполне объяснимого страха, который я ему внушал, появились нотки истинного уважения. Он так увлекся собственными объяснениями по поводу предназначения всей этой аппаратуры, что полностью забыл, что я белый, которого ему надо было бы ненавидеть.

— Можешь верить или нет, но Док утверждает, что он изобрел этот аппарат еще в 1943 году, — сказал Вилфред. — Но нам бы не помешал другой передатчик!

Он полез в стенной шкаф. Я продолжал наблюдать за ним краем глаза, опасаясь, как бы ему не пришла в голову мысль поиграть со мной с помощью своих электронных игрушек. Вилфред вытащил из шкафа спавшийся резиновый баллон в форме сосиски, длиной в тридцать сантиметров, и прикрепил его к наконечнику трубки, идущей от баллона с газом. Шар наполнился газом и принял форму небольшого дирижабля дли-

ной немногим более метра. На «животе» дирижабля выступали четыре небольших «оконца». Негр привязал к ним какой-то маленький голубой предмет в форме сигары. После этого он выпустил шар из рук, и тот быстро взлетел в воздух, увлекаемый ветром к востоку. Вилфред снова поиграл клавишами и кнопками панели управления полетом дирижабля, который все еще был хорошо виден в потоке света, вырывающегося наружу через открытую крышу прицепа.

Я взглянул на экран. На нем, будто освещенный ярким лунным светом, проплывал пейзаж, над которым в это время летел дирижабль.

Я спросил Вилфреда, каким образом Калибану удалось достичь такого четкого изображения в условиях слабого освещения.

— Я об этом ничего не знаю, — ответил негр, пожав плечами. — Может быть, аппарат использует тепловое излучение, но я действительно не понимаю, как луч такой высокой частоты может передавать тепловые изображения. Я в этом деле ничего не смыслю. Все, что я могу тебе сказать по этому поводу, — это то, что наша разведка, русские и китайцы что-то пронюхали об этом и Доку пришлось в свое время отбиваться от них всех. По какой-то причине он не хотел, чтобы его изобретением пользовались ни коммунисты, ни империалисты.

Судя по всему, Вилфред не подозревал о существовании Девяти.

Через несколько минут на экране четко и ясно обрисовался кенийский лагерь. Дирижабль пролетал точно над ним.

— Ты серьезно говорил, что убьешь меня, если я не покажу тебе, как действует наша ракетная установка? — спросил Вилфред.

Я ничего не ответил, и он вздохнул: «Значит, это было серьезно».

Он натянуто улыбнулся:

— Ну да ладно. Док, я думаю, ничего не будет иметь против, если мы немного пощекочем кениевцев. Он тоже считает, что они часто суют свой нос не туда, куда надо.

Вилфред подхватил ракету и поместил ее в казенную часть базуки. На место взятой ракеты из люка тотчас появилась новая.

Вилфред дал несколько корректирующих команд на пульте контроля, и труба пришла в движение, поднявшись еще выше и отклонившись в сторону. На экране высветилась прицельная сетка. Белая точка в центре сетки пришла в движение, перемещаясь мелкими прерывистыми движениями, пока не замерла точно в центре перекрестья.

Вилфред выпрямился:

— Теперь все пойдет автоматически. Если ты продолжаешь настаивать на том, чтобы наша Мисс «Больше Ничего» приземлилась точно в центре кенийского лагеря, тебе остается лишь нажать на эту кнопку.

— А меня не обожжет, когда воспламенится запал ракеты? — спросил я.

Он широко улыбнулся. Сам он уже стоял в самом далеком от установки углу, там, где его наверняка не достанет пламя, вырывающееся из трубы во время взлета ракеты. Он наверняка рассчитывал, что я попадусь в эту нехитрую ловушку. Более того, Калибан относился к тому типу людей, которые вполне способны сделать ложную кнопку, снабдив ее крошечной иглой со смертельным ядом, которая тотчас же впилась бы в палец, надавивший на кнопку. Я подозревал, что здесь полно подобных ловушек и Вилфред сгорает от желания пустить какую-нибудь из них в ход.

Я взял кусачки с изолированными резиной ручками (следовало опасаться также и внезапного удара током) и нажал ими на кнопку. Снаряд воспламенился и ушел в небо с громким воющим звуком «во-о-о-у-ш-ш!». Грузовик даже не шелохнулся. Жар воспламенившегося запала опалил мне кожу, хотя я стоял рядом с Вилфредом. Если бы я не успел отпрыгнуть, меня серьезно поджарило бы и он мог бы, пользуясь этим, броситься на меня.

Я глядел на экран, не выпуская из поля зрения негра. Поэтому увидел, как у того глаза полезли на лоб, когда он уставился на мой пенис, который тотчас же взмыл вверх, едва ракета оторвалась от земли.

Она описала большую дугу в небе, которую невозможно было заметить, если бы не пламя, вырывающееся из ее дюз, и пронеслась над вершиной холма. Я вновь повернулся к экрану. Ракета возникла внезапно, огненным метеором перечеркнув экран, чтобы сразу исчезнуть в ослепительно ярком взрыве. В небо метнулся огненно-черный клубящийся вихрь дыма и огня. В стороны летели части тел и оторванные конечности, грузовик, джип, обломки других машин, части каких-то механизмов.

Не отрывая глаз от экрана, я старался следить и за негром, дрожа и постанывая от экстаза, судорожно сжимая в руке мой нож. Вилфред отодвинулся от меня, продолжая неотрывно смотреть на мой член, который выбрасывал тоненькие струйки спермы.

— Ну и торчит он у тебя! — сказал он сквозь зубы. — Послушай, а ты, случаем, не сдвинулся?

— Презаряжай! — приказал я ему.

Он повиновался, и в люке появился третий снаряд. Вилфред сжался в комок под трубой, и я ударил кулаком по кнопке. Третья ракета завершила полное уничтожение кенийского лагеря.

Трижды я «спускал». Меня трясло и колотило в непрекращающихся спазмах. Я едва мог держать свой нож у горла Вилфреда, предостерегая его от возможных глупых поступков. Он продолжал таращить на меня глаза. К концу третьей эякуляции, когда мой член стал понемногу опадать, он пробормотал, с потрясенным видом качая головой:

— Ну и тип! Ты что, можешь делать это безостановочно?

Я сделал шаг к нему. Он отступил, вытянув руки вперед, будто пытаюсь защититься:

— Эй, ты! Не думаешь же ты трахнуть меня этакой хреновиной! Не делай этого, парень! Ты там у меня разорвешь все к чертовой матери! Док забыл мне сказать, что ты ко всему еще и педик!

— Заткнись! — оборвал я его причитания. — Пройдись-ка лучше радаром по склону горы.

Склон он мог обследовать радаром напрямую, для этого ему не нужна была помощь дирижабля. Поэтому Вилфред, нажав на нужную кнопку, прервал контакт с баллоном, который крутясь сразу же устремился в темное небо. В ту же минуту издали донесся низкий рокот, который, приблизившись, превратился в хорошо знакомое всем стрекотание вертолета. Шум мотора быстро приближался. Вилфред вновь включил наводящую систему и зарядил пусковую установку. По моему приказу он нажал на кнопку. На этот раз у меня не было никаких симптомов аберрации. Как видно, они проявляли себя только в тех случаях, когда я убивал сам, лично.

Кенийский вертолет исчез в огромном соцветии языков пламени, возникшем там, где он только что находился.

ГЛАВА 15

Луч радара обшаривал склон горы. На первый взгляд растительность казалась такой густой, что под ней невозможно было что-то увидеть. Но удивительный аппарат мог концентрировать свой луч таким образом, что захватывал лишь небольшой участок пространства, объемом в один квадратный метр на три метра в высоту. Таким образом мы могли увидеть, что находится между стволами деревьев. Нам понадобился целый час, чтобы отыскать группу доктора Калибана. Я заметил его бронзоволосую голову сбоку от одного дерева. В руке доктор

держал нечто вроде металлической коробки, из которой торчал тонкий усик антенны.

— Очень хорошо, — сказал я Вилфреду. — Теперь лишь остается отослать милого доктора и его дорогих коллег в лучший мир.

Вилфред взвыл, будто дикий волк, и бросился на меня, пытаюсь достать одним из приемов каратэ. Я вновь поймал его руку в воздухе. Схватив другой рукой его за рубашку, я дернул его на себя, одновременно падая на спину. Негр полетел головой вперед и со всего маху врезался в полки с инструментами. После чего лег на пол и затих. Наверное, потерял сознание.

На прицельной сетке радара появился маленький белый шарик, который остановился на средней линии, точно над головой Калибана.

Он поднял ко мне глаза, и губы его зашевелились. Его голос зазвучал из какой-то коробки, расположенной за моей спиной.

— Отличная работа, мой дорогой Грандрит. Я вас недооценивал, я был уверен, что вы находитесь на полдороге к вершине этой горы, когда бросился за вами вслед. Вот уж не думал, что вы отважитесь спуститься и напасть на мой лагерь. Непростительная ошибка с моей стороны, признаю. Очко в вашу пользу. Снимаю перед вами шляпу, это было здорово сделано! Но все-таки недостаточно хорошо! Так как вы должны знать, что стоит мне нажать кнопку в этом маленьком аппарате, что я держу сейчас в руках, и весь лагерь: джипы, грузовики и все оставшиеся ракеты под днищем прицепа, в котором вы так спокойно сидите, — все это мгновенно взлетит на воздух. Одна из моих небольших предосторожностей.

Я похолодел. Калибан все слышал, а может быть, даже и видел. Я чувствовал, что в этот раз он не блефует.

— Если вы сделаете это, — сказал я, — Вилфред вознесется в тот же миг, что и я.

— Весьма сожалею!

За моей спиной раздался стон. Вилфред с трудом поднялся на ноги. Его левая рука безжизненно висела вдоль тела, а глаза были налиты кровью, как у человека, которого вот-вот хватит удар. Он закричал:

— Нет, Док, только не вы! Вы единственный гуманный человек, которого я встретил в моей жизни. Я всегда верил вам, Док, хоть вы всего лишь навсего белый. Я любил вас, Док, как не любил никакого другого человека!

— Что мне никогда не нравилось в тебе, Вилфред, так это твоя страсть к фразеологии, — сказал Калибан. — Ну ладно, мой дорогой лорд, вы готовы спокойно уйти, не дотрагиваясь

до этой кнопки, или вы предпочитаете ковбойские игры типа «Кто первый?»

— Он серьезно говорит! — стонал негр. — Он способен убить нас обоих! Риверс и Симмонс были правы. Дока вывернуло наизнанку. Теперь это настоящий доктор Джекиль!

— Спокойно, Вилфред! — невозмутимо продолжил Калибан. — Дорогой Грандрит, я в любом случае скоро буду вынужден взорвать мои джипы и грузовики. Мой черный коллега Али Хамид в настоящий момент взобрался довольно высоко по одному из этих деревьев и осматривает окрестности с помощью бинокля, разрешающая способность которого заставила бы заикаться большинство наших ученых. Так вот, он только что сообщил мне, что албанец во главе своих наемников арабов занят сейчас тем, что тайком подкрадывается к вам. Думаю, что они заметили вас, когда вы спускались с горы. Ай-ай, как же это вы! Постыдились бы! Или вы теряете квалификацию? Очко не в вашу пользу! Во всяком случае, свет, который вырывается из грузовика через открытую крышу, слугит им лучше любого маяка.

Я уже стоял на пороге прицепа, когда меня вновь остановил голос Дока:

— Вернитесь! Вы полностью окружены. Вас изрешетят пулями прежде, чем вы сделаете хоть два шага. Я сейчас взорву два джипа, а потом грузовик с припасами. В это время вы пока оставайтесь в прицепе, а потом, пользуясь сумятицей и дымовой завесой, постараетесь улизнуть, ясно? Только бежать надо будет быстро, потому что взрыв всего, что находится в прицепе, будет весьма не слабым.

В зарослях, окружавших лагерь, раздалась автоматическая очередь. Пули взбили землю в центре лагеря и прошли один из джипов. Кто-то крикнул что-то по-арабски. Думаю, это был приказ прекратить стрельбу. Быть может, это кричал сам Ноли, которому прямо не терпелось взять меня в плен живым.

У меня не было выбора, и я вернулся внутрь прицепа. Его крыша уже плотно сомкнулась над нашими головами. Вилфред запер дверь и закрыл все наружные отверстия. Он пытался по-своему успокоить меня:

— Тут стены из двойного титанового листа, с прокладкой внутри из стекловолокна. Чтобы проделать в ней дыру, нужно притащить сюда орудие и стрелять прямой наводкой. Все остальное она выдержит.

Объясняя мне все это, он следил за экраном, на котором было хорошо видно человек тридцать вооруженных людей, медленно и осторожно крадущихся сквозь густой подлесок.

— Как же случилось, что ты не заметил меня, когда я прокрадывался в лагерь?

Вилфред поморщился и досадливо потер себе подбородок:

— Ты родился под счастливой звездой, совсем-белый-мбвана. Я отвлекся в этот момент, следя за пантерой, которую обнаружил на втором холме, и из-за нее прозевал тебя. А когда ты был уже внутри лагеря, радар был бессилён обнаружить тебя. Если бы не это...

Он помолчал, потом добавил:

— Правда, я получил приказ Дока не убивать тебя, кроме как в самом крайнем случае.

Звук первого взрыва был негромким, скорее приглушенным, но он встряхнул прицеп. Почти сразу раздался второй, такой же, и через две секунды — третий. Это должен был быть грузовик с боеприпасами. Прицеп сильно качнуло, и он медленно покатился. Взрывная волна, как кувалдой, ударила по металлу стен и почти оглушила нас. Не имея прицепа звукоизолирующей прокладки в стенах, нам запросто разорвало бы барабанные перепонки.

Вилфред первым вскочил на ноги, открыл дверь и выпрыгнул в клубящиеся вокруг прицепа облака дыма и сполохи огня. Прежде чем исчезнуть, он повернулся и успел крикнуть мне что-то. Я не услышал ничего, но прочел по губам:

— Не стой, как дубина, мать твою!

ГЛАВА 16

Я бежал вслед за негром, но в другом направлении. Я бежал не вниз, а вдоль склона, стараясь создать между собой и приближающимся взрывом как можно более густой защитный слой из деревьев. От Вилфреда я знал, что в прицепе осталось еще десять ракет, то есть двести килограммов тринитротолуола. Взрыв подобного количества взрывчатки был способен снести всю верхнюю часть холма.

Я успел преодолеть сорок метров, что вывело меня из зоны непосредственного действия взрыва, тем более что большая часть его энергии должна была бы уйти вверх. Внезапно я почувствовал, как что-то толкнуло меня в спину, но ничего не услышал. Меня подняло в воздух. Откуда-то прямо передо мной возникло дерево, и я погрузился в темноту.

Когда сознание вернулось ко мне, я все еще продолжал чувствовать себя оглушенным. Болело все тело, все мышцы и кости, но особенно голова и уши. Дым едва начал рассеиваться. Вершины холма больше не существовало, так же как и

большей части деревьев на всей территории, примыкающей к ней. Оставшаяся часть леса была завалена их расщепленными, искореженными, вырванными с корнем стволами и ветвями. Одно из них упало в нескольких сантиметрах от меня. Еще немного, и его ствол, толстый и тяжелый, словно обломок скалы, размозил бы мне голову.

Медленно, преодолевая боль во всем теле, я встал на ноги. В этот момент луна вышла из-за туч и небо внезапно приобрело странный цвет индиго. Я не сомневался, что это ощущение цвета было лишь во мне и небо на самом деле оставалось таким же темным, каким ему и положено было быть ночью. Листва деревьев окрасилась в ядовито-зеленый цвет, а земля стала тошнотворно желто-зеленого оттенка. Все предметы потеряли присущую им устойчивость форм. Удлинялись или сокращались, будто изображения на растянутой резиновой ленте. Энергия, скопившаяся в этой резине, ждала, пока восстановится мой слух, чтобы вырваться наружу.

Я был гол и безоружен, если не считать пояса с подвешенным к нему ножом в ножнах.

Оглянувшись, я увидел неподалеку, метрах в десяти от себя, Вилфреда, лежащего ничком на земле. Я подошел и перевернул его. При первом взгляде у него не было ни одной раны, но когда я разорвал его рубашку, то увидел в нижней части его спины огромную, размером с тарелку, гематому. Скорее всего он получил ее от удара колесом грузовика, которое валялось тут же, тремя метрами дальше.

Негр открыл глаза и что-то сказал. Я ничего не услышал. К тому же было достаточно темно, чтобы я мог прочесть по его губам. Я полез к нему в карман, вытащил пачку отрывных спичек и зажег одну из них. Это было, быть может, глупо с моей стороны, но я был уверен, что в окрестностях не осталось ни одной живой души, которая могла бы меня увидеть. А я хотел знать, что он пытается мне сказать. Пламя осветило его губы.

— ...этот раз был настоящий «бумм!», не то что прежнее кудахтанье! Черт... сраная жизнь... скажи этому бронзовому типу... что он проклятый мерзавец... Бог — это сраная белая жопа, можешь мне поверить... Ай! Мамочка!

Я был поражен, что свои последние слова он адресовал той, кто ответил на его первый крик. Я, честно говоря, ожидал совсем другого конца фразы, судя по тому, как он ее начал.

Смерть Вилфреда расстроила меня. В других обстоятельствах я мог бы стать его другом, при условии, что он избавился бы от своей маски, манерничания и предрассудков, которыми обзаводятся люди, считая, что именно это делает их цивилизованными существами, и без чего они чувствовали бы себя

весьма дискомфортно. Во всяком случае, большинство людей чувствовало себя в моем присутствии очень неудобно. Должно быть, по моей вине.

Я так и оставил его там: с широко открытым ртом и застывшими глазами. Еще до конца сегодняшнего утра его рот заполнится снующими прожорливыми насекомыми, а стервятники выклюют глаза.

Добравшись до того, что было когда-то вершиной холма, я потратил некоторое время в напрасных поисках чего-нибудь, что могло бы служить мне оружием. Поняв, что занимаюсь бесполезным делом, я прекратил это и неторопливо направился к горе. Как мне думалось, Калибан должен был сейчас как можно скорее спускаться с нее, чтобы удостовериться, жив я или нет. Или он уже засек меня с помощью своего мощного бинокля?

Но даже если мне удастся оторваться от него, я знал, что это будет лишь на короткое время. Я наверняка снова встречу его на моем пути, так как цель у нас была одна и та же, как я понял из болтовни этих двух его стариков. Я не думал, что Калибан рассказал им что-то по поводу Девяти, так как это было нам строгойше запрещено. Он позволит им сопровождать себя до определенного пункта. Но дальше пойдет один. Девять запрещали членам их ордена приводить с собой непосвященных ближе чем на восемьдесят километров от их пещер.

Я думал над всем этим, молясь в душе, чтобы моя глухота прошла как можно быстрее, когда внезапно от ствола дерева в тридцати сантиметрах левее моей головы отщепился и отлетел в сторону здоровый кусок коры. Если бы в тот момент я как раз не смотрел в том направлении, то не заметил бы ничего и следующий выстрел снайпера мог бы стать для меня роковым.

Я не успел еще ничего толком понять, а тело мое уже было на земле и быстро катилось в сторону небольшой впадины, сразу за густым кустом. Я рискнул высунуть один глаз из моего укрытия и увидел силуэт огромного мужчины, в котором сразу же узнал толстяка албанца. В этот момент он был занят тем, что стрелял в спину человека в бурнусе, убегающего от него. Человек будто споткнулся, взмахнул руками и, прижав к себе землю, больше не двигался. Одним прыжком меня вынесло из-за моего укрытия, и я приготовился бежать, но Ноли был уже почти рядом, метрах в десяти от меня. На таком расстоянии он не промахнулся бы. Я остановился и поднял вверх руки. Я знал, что нужен ему

только живым, но не хотел, чтобы он прострелил мне ноги. Поэтому я ждал и не двигался.

Я не знал, каким чудом Ноли и его арабу удалось уцелеть после этого чудовищного взрыва. Скорее всего они шли в последних рядах своего отряда, когда раздался первый взрыв. Поэтому у них было время укрыться где-нибудь. Ноли что-то сказал. Выразительным жестом я показал ему на свои уши. Он мне показал на свои, и я понял, что он так же глух, как и я. Вероятно, человек в бурнусе тоже ничего не слышал, и Ноли напрасно сотрясал воздух, крича ему, что меня необходимо взять живым. Впрочем, он должен был знать об этом еще раньше, потому что Ноли говорил это по крайней мере раз сто за время их преследования меня. Но после взрыва араб, наверное, потерял над собой контроль или решил отомстить за погибших товарищей и поэтому открыл по мне пальбу. Ноли был вынужден пристрелить его собственноручно.

Ему оставалось теперь только связать мне руки. Но албанец знал, как это трудно сделать одному, без добровольного согласия того, кому это делают. А рассчитывать на согласие с моей стороны он не мог. И Ноли решил проблему, двинув меня по черепу своей винтовкой. Я успел втянуть голову в плечи, но это не помогло, и я вновь потерял сознание.

Когда я пришел в себя, у меня было впечатление, что моя голова непомерно распухла, вбив в себя всю боль, что бродила вокруг в радиусе ста километров. Голова пульсировала острой болью, будто в ней был гангренозный очаг. Глаза болели так, что я думал, что их вырвали из глазниц и теперь вместо них наружу свисают обрывки зрительных нервов. Мои руки были скованы за спиной с помощью наручников. Ноли захлестнул вокруг моей шеи петлю и привязал ее к цепи наручников. Устраивая все это, он поднял мои руки за спиной как только мог высоко, и теперь я должен был держать их в этой очень неудобной для меня позе, чтобы не задушить себя, натянув веревку. Это мешало мне также попытаться разорвать цепь от наручников.

Впоследствии Ноли решил, что днем я могу обойтись и без веревки, но на ночь он снова поместит мне удавку на шею, чтобы отбить у меня охоту бежать.

Албанец объяснил мне жестами, что хотел бы, чтобы я отвел его туда, где прячу свое золото. Он желал также, чтобы я раскрыл ему секрет неуязвимой молодости, сразу как только у него восстановится слух.

Значит, он всерьез воспринял все, что остальные люди считали чистым вымыслом, легендами и мифами. Из этого я сделал вывод, что он должен был провести тщательное и

методическое расследование, результаты которого убедили его, что у меня действительно запрятана где-то целая гора золота и что мой настоящий возраст приближается к восьмидесяти годам.

Документы, касающиеся моей персоны, как бы отрывочны и неполны они ни были, по первому требованию раздобыть просто невозможно. Некоторые правительства и несколько очень влиятельных лиц держали в своих секретных архивах толстые досье на меня, куда входили документы, наполовину истинные, наполовину вздорные, касающиеся меня и моей семьи. Я знал, что такие досье есть в Вашингтоне, Лондоне, в Пекине, Москве, Париже и в Риме, помимо всех остальных. Об их существовании я узнал от Девяти.

Ноли действовал по заданию либо сталинского правительства своей страны, либо одной из тех влиятельных особ.

Вполне возможно, что албанцы поручили ему раздобыть золото, а уж наложить лапу на эликсир он решил самостоятельно, по ходу дела, так сказать. Потому что я плохо представляю себе, как это сознательные марксисты-ленинцы могли поверить в существование Эликсира Молодости.

Знаками я дал ему понять, что согласен отвести его в сокровищницу. Он обрадовался, как ребенок, но сразу же насторожился и стал подозрителен. Он не ожидал, что я так легко уступлю ему, и даже был, как мне кажется, огорчен, что ему не пришлось хотя бы немного попытать меня.

Я постарался, но, к сожалению, совершенно безуспешно, объяснить ему, что не вижу интереса в том, чтобы меня пытали из-за такой ерунды. Он приказал мне идти первым, и мы спустились с холма, чтобы сразу же начать подниматься по пологому склону горы. Был уже день, когда мы взобрались почти на самую ее вершину. Ноли свистел и задыхался, как тюлень. Он хватал воздух открытым ртом, и бока его ходили, словно огромный кузнечный мех. Пот обильно стекал с его лба и щек и капал с огромных усов. Рубашка насквозь промокла от пота на спине и подмышками. Для человека пятидесяти пяти лет (как я определил его возраст для себя) он был в отличной физической форме, потому что следовать за мной было бы трудно даже молодому атлету, более закаленному и тренированному, чем он. Ноли несколько раз ткнул меня в спину дулом своей винтовки. Я обернулся. Он показал мне, что хочет немного передохнуть.

Мы немного поели и пошли. У Ноли была фляжка с водой, которая висела у него на плече на ремне. В карманах его комбинезона нашлось место для трех банок мясных консервов. Он дал мне половину содержимого одной из них, сам же про-

глотил полную. Я спросил себя, что он будет делать, когда истощатся его скудные съестные припасы. Конечно, он мог быть достаточно хорошим охотником, чтобы подстрелить какую-нибудь дичь, но, думаю, он не рискнет пользоваться своим оружием из боязни выдать место нашего расположения.

Ночь застала нас на западном склоне следующей горы, в двухстах метрах от ее вершины. Ноли связал мне щиколотки, надел на шею удавку, а другой ее конец привязал к стволу тонкого дерева неподалеку. Я лежал в очень неудобной позе. К тому же мой кишечник дал о себе знать такими дикими спазмами, что я не смог не уступить ему и теперь находился всего в нескольких сантиметрах от собственных экскрементов. Мочевой пузырь я был вынужден облегчить на собственную ногу. Ночь была холодной и влажной. Потом пошел промозглый мелкий дождик, сразу пробравший меня до костей. Но я бывал и в худшем положении. И я знал, что не стоит пытаться бежать в первую же ночь, если только не подвернется какая-нибудь счастливая возможность.

Я решил уговорить себя поспать немного, чтобы восстановить силы. Я знал, что Ноли должен спать чутко и беспокойно, так как у него не было привычки отдыхать в таких условиях. И действительно, он просыпался каждые пять минут в течение всей ночи. Албанец садился, чтобы взглянуть на меня, даже вставал и кружил вокруг некоторое время. По крайней мере, так он рассказал мне на следующий день, так как сам я ничего этого не видел и проспал всю ночь как сурок.

На следующее утро глаза его были не менее красны, чем глаза у Авроры, но вот лицо ее было гораздо свежее, чем у Ноли.

Он встал надо мной и помочился сверху. Этим он, по-видимому, хотел наказать меня за то, что я мирно прохрапел всю ночь, в то время как он мучился, а с другой стороны, это было частью его концепции войны нервов. Но мне было на это наплевать. Моча была приятно теплой, а подобное со мной делали уже не раз. Только вот он не знал, что все те, кто позволил себе подвергнуть меня столь унижительному оскорблению, были уже давно мертвы и холодны, как вчерашняя моча.

Я отстранился от него и поднялся на ноги, чтобы помочиться в свою очередь. Он смотрел, как я делаю это, и на лице его появилось загадочное выражение. Его член, который он не убрал в гульфик, на глазах наливался кровью и твердел. Он взглянул на него сверху, потом посмотрел на меня и улыбнулся.

Потом Ноли знаком показал мне, чтобы я отправлялся в путь и шел впереди него.

Я знал, о чем он думает. Албанцы долгое время находились под влиянием турков. Но в этой склонности не стоит искать исторических причин. Таких вот Анверов Ноли целый легион и в Западной Европе, в обеих Америках, в Африке и в Азии, и никакие турки их к этому не толкали.

К полудню мы достигли подножия горы. Он вскрыл новую коробку с консервами, но в этот раз я получил всего лишь половину половины ее. Мой желудок протестовал и требовал добавки, и я чувствовал, как улетучиваются мои силы. Слух практически вернулся ко мне во всей своей остроте, и, когда Ноли приближался ко мне, я слышал, как у него в животе играет и журчит музыка голодных кишок. Он тоже остался голодным, хотя съел в четыре раза больше меня.

На следующее утро я понял, насколько он плох. Голод терзал его. Даже в спокойном состоянии, без траты физических сил на такой утомительный труд, как ходьба в горах, ему требовалось гораздо больше еды. В середине утра голод одержал верх над его осторожностью. Мы пересекали небольшое каменистое плато со скудной растительностью, когда из-за куста внезапно вынырнул горный панголин. От удара пули калибром 9 мм животное покатилося по земле, неожиданно почувствовав сильный удар по спине. Я резко обернулся. Ноли глядел на меня, широко улыбаясь. Теперь у него была еда, и, более того, он заметил, что я был гораздо менее глухим, чем хотел казаться.

Он подобрал добычу, но заставил прошагать меня еще не менее пяти километров, прежде чем решил, что мы достаточно удалились от того места и, не подвергая себя опасности, можем позволить себе сделать привал. С помощью ножа он довольно ловко снял с панголина шкуру, покрытую крупными костяными щитками, похожими на огромные чешуйки, освежал его, а потом выкопал ямку в земле. В ней он развел небольшой, почти бездымный костер. Затем из шкуры зверька Ноли соорудил примитивный горшок и наполнил его водой из недалекого ручейка. После этого он поместил этот горшок над огнем и стал кидать в него раскаленные камни из костра. Когда они остывали, он вытаскивал их и снова клал в огонь, заменяя их другими камнями из костра. И так он продолжал до тех пор, пока блюдо не было полностью готово. Получилось нечто вроде рагу, пресного и тепловатого, зато богатого белком. Мы наелись досыта, и там еще осталось достаточно для второго такого же сытного обеда. Ноли снял с меня наручники и приказал вытянуть руки перед собой. После этого он вновь надел

их на меня и сунул в руки горшок с едой. Теперь я должен был нести нашу пищу. И это было не так уж глупо с его стороны, каким бы идиотом он ни казался.

ГЛАВА 17

В тот вечер, связав меня крепче обычного, Анвер проглотил почти всю оставшуюся в горшке еду и крепко заснул на несколько часов. Проснувшись, он посмотрел на хмурое небо, вновь сыплющее на нас свой мелкий холодный дождик, на луну, едва просвечивающую сквозь тучи, и пододвинулся ко мне. Наклонившись, он сказал по-английски:

— Мне холодно, и в то же время я горю, благородный лорд. Я сгораю от любви.

Монологи такого жанра могли бы добавить некоторое разнообразие в романы моего биографа, но читатели восприняли бы их как несуразность. Они забывают, что в жизни люди часто поступают именно так, как написано в книгах.

Я ничего не ответил. Ноли обнял меня и на короткое время замер, прижавшись всем телом. Он весь дрожал. Я вздрогнул, когда он провел своим языком по моему позвоночнику сверху вниз. Потом его рука скользнула подо мной и принялась ласкать мой член. Он крепко сжал его ладонью и стал медленно водить ею вперед, назад. Медленно и ласково, вперед, назад, вперед, назад... Жар его дыхания на моей шее, тепло руки вокруг моей плоти и теплые волны, проникающие сквозь одежду от его разгоряченного тела, все это грело и было скорее приятным.

У меня не было случая предаваться подобного рода сексуальным развлечениям со времен, пожалуй, моего отрочества. Я жил тогда среди больших антропоидов, которые позволяли своей молодежи предаваться сексуальным опытам любого рода до той поры, пока те не объединялись в пары. Как только у нас появилась способность к эрекции, я с моими мохнатыми друзьями быстро взяли в привычку тыкаться друг другу в прямую кишку и сосать друг у друга задолго до того, как у нас стала вырабатываться сперма. Самочки играли с нами и делали то же самое между собой. Однако мохнатые спутники игр моего детства имели размеры пенисов более чем скромные. Взрослый самец антропоида вырастает до роста в метр восемьдесят и весит около сотни килограммов, но его пенис в состоянии эрекции не превышает пяти сантиметров.

Прежде чем у меня появился пух на лобке, мой *каг* (как эти обезьянолюди называют его на своем языке) стал приводить в

восхищение все стадо. Позже он стал предметом вожделения всех самок и ревности среди самцов, что служило для меня источником многих проблем.

Когда у меня появилась способность к эякуляции, я еще продолжал заниматься сексуальными забавами с подростками обоих полов. Как написали бы строгие викторианцы: «предавался содомскому греху, будучи попеременно то активной, то пассивной стороной». Сосал сам и давал сосать другим. Конечно, это не было нашим главным времяпрепровождением, так как, кроме того, мы играли во все игры, которые существуют у молодых приматов (в том числе и у людей): бегали, дрались, боролись, играли в прятки, издевались и дразнили стариков, охотились на грызунов и насекомых, разоряли птичьи гнезда, играли в «пантера-я-тебя-убил» и в прочие подобные игры. Но каждый день мы посвящали нашим сексуальным играм как минимум по полчаса, не прячась от взрослых, которые никогда не мешали нам.

Старики начинают притеснять молодых, и иногда довольно сурово, лишь после того, как они выйдут из подросткового возраста.

Как следствие, я не страдал почти ни от каких запретов, с точки зрения сексуальной жизни. Я говорю «почти», потому что один запрет все-таки существовал: использование силы в целях добиться сексуальной награды. А проще говоря, запрет на изнасилование. Наши старшие чрезвычайно строго следили за этим и очень сурово наказывали тех среди нас, кто впадал в подобный грех.

Когда я созрел окончательно, интерес к особям моего пола пропал у меня почти окончательно. Я, конечно, никогда полностью не отказывался заниматься гомосексуализмом в том случае, когда не было ничего лучшего. Но я никогда не чувствовал внутренней тяги к нему и не замечал этого у взрослых обезьян. Гомосексуальная потребность, то есть гомосексуализм, как разновидность невроза навязчивых состояний, похоже, является продуктом нашей цивилизации, хотя и известны случаи среди тех, кого мы привыкли называть дикарями. Принудительное, вынужденное поведение всегда несет в своей основе какой-то невроз, почему я так и беспокоился по поводу оргазмов, происходящих у меня каждый раз, когда я убивал.

В ласках Ноли чувствовалась опытная рука знатока. Его огромная лапа стала вдруг нежной и чувствительной, как рука женщины. Но я оставался безутешным, не проявляя ни малейшей ответной реакции.

Не появившись у меня эта абберрация, которая уже серьезно беспокоила меня, мой член наверняка бы «встал», и, может

быть, даже появилось бы желание. Все хорошо знают, что для возбуждения иногда достаточно простого прикосновения. Ноли я не боялся. Конечно, я был разозлен, но сомневался, чтобы это было единственной причиной, мешавшей моей эрекции.

Затратив некоторое время на бесплодные усилия, албанец разочарованно вздохнул. Я почувствовал, как головка его члена прижалась к моему анусу. Его дыхание участилось. Он схватился руками за мои ягодицы и развел их в стороны. Но у меня исключительно сильные мышцы сфинктера, и я сжал его изо всех сил. Какое-то время он пытался преодолеть мое сопротивление, потом сказал:

— Дай ему дорогу, или я снова оглушу тебя.

У меня не было никакого желания вновь заполучить мигрень или, хуже того, какое-нибудь сотрясение мозга. Поэтому я ответил:

— Ладно.

Должно быть, он смочил головку члена слюной, потому что тот почти сразу легко вошел в меня целиком.

Мне было больно, и к тому же сразу появилось неудержимое желание опорожнить кишечник. Ноли принялся ерзать своим членом вперед и назад, и боль усилилась. При каждом движении поясницы из горла его доносилось низкое ворчание. Я чувствовал, как жесткие волосы его лобка колют кожу моих ягодиц, когда он прижимался ко мне. Он вновь обнял меня, взяв мой член в одну руку, а другой лаская яички. Я сжал зубы, стремясь перенести боль, не издав при этом ни звука. Я старался держаться стоически, подобно дикому зверю: мой биограф наверняка употребил бы это выражение, случись ему описывать эту сцену. Но скорее всего он постарался бы изгнать ее из своей памяти, так как она мало подходила к образу, созданному им в своих романах, и заменить ее описанием того, как я стоически переношу чудовищные пытки и мучения. Он никогда бы не позволил себе уронить мое «достоинство» смакованием сцены насилия надо мной.

Подобно большинству похожих на него людей, Ноли ощущал сейчас переполняющие его ложные сентиментальные чувства. С трубным, срывающимся ревом облегчения он «кончил», сделав напоследок серию сильных быстрых движений и плотно прижавшись в конце ко мне всем телом. Так, неподвижно, он застыл на моей спине на некоторое время. Лишь его грудь вздымалась и опадала в учащенном ритме. Потом он прошептал мне на ухо несколько слов на своем родном языке. Вероятно, слова нежности и любви. Он погладил мое лицо (я едва сдержал желание откусить ему палец) и осыпал поцелуями шею и плечи. Думаю, точно так же он вел бы себя с какой-

нибудь проституткой как мужского, так и женского пола. В его ласках для меня было столько же нежности, сколько бы он отдал ее любой путане. Но в любом случае он чувствовал себя обязанным исполнить неписанный ритуал влюбленного.

Через четверть часа, отдохнув, он вновь принялся за свое. Я остался холодным и твердым, будто мрамор, и не говорил ни слова. В этот раз его ласки пошли еще дальше. Поцеловав несколько раз меня в шею, он затем сел передо мной и поцеловал мой член, нежно поглаживая промежность самыми кончиками пальцев. Единственное, что я мог в моем положении, — это плюнуть на него сверху. Что я и сделал. Он сильно ударил меня в лицо, потом поднялся и, проверив еще раз надежность пут, связывающих меня, лег на свое место и сразу захрапел. Во сне он, наверное, мечтал о встрече со своими прежними любовниками.

ГЛАВА 18

В тот день мы оставили за спиной горы, богатые водными источниками, и вступили в сухую и безводную местность. Это происходит от особенностей местного климата, из-за того, что все дождевые тучи отклоняются горами к югу или к северу от данного района. И в самом сердце этого пустынного региона находится древняя Золотая Долина.

Мы спустились с горы и сделали остановку на ночь на вершине следующей, откуда, переночевав, на следующий день нам вновь пришлось спускаться вниз. Мы были голодны. Нам удалось выстрелом из ружья убить небольшого кролика, от которого после удара пули осталось едва ли больше половины. И это была вся наша еда. Албанец положил тушку животного на плоский камень, посадил меня на веревку и отправился искать хворост для костра.

Я протянул ногу над камнем и схватил пальцами стопы кроличье ухо. Подтащив тушку к себе, я зажал ее в развилке куста и стал пожирать, начав с места вокруг выходного отверстия пули.

К возвращению Ноли от тушки осталась шкура, внутренности и еще солидный кусок мяса, которое я не мог достать зубами, прикрепленного с противоположной от меня стороны костей. Ноли осталось вполне достаточно еды, что, впрочем, не помешало ему разразиться потоком брани и упреков. Я знаю, что, оставь я все как есть, мне досталась бы в лучшем случае одна ножка, а остальное он спокойно съел бы сам. Он обозвал меня кровожадным зверем и наградил серией ударов прикла-

дом своей винтовки, стараясь при этом все же бить не слишком сильно. Как ни был он разъярен, в нем осталось еще достаточно соображения, чтобы понимать и помнить, что единственным человеком, который мог бы показать ему путь к сокровищнице и бессмертию, был я. Удары его были очень болезненны, особенно в районе почек. Но я не издал ни единого стога. Не дрогнул ни один мускул на моем лице.

— Ты дикий зверь, — рычал он. — Если бы ты только видел свою омерзительную рожу, всю испачканную кровью! Нет, ты отвратителен мне!

Я молчал. Продолжая ругаться, он повернулся ко мне спиной и занялся разжиганием костра, собираясь поджарить на нем то, что осталось от кролика. Поев, он немного успокоился, и, после того как он отдохнул, мы вновь отправились в путь.

Долина, в которой когда-то добывали золото, находилась между двух гор с отвесными выжженными солнцем склонами. Топографически она очень походила на долину, описанную моим биографом, в которой, как он писал, был расположен затерянный город, обширные подземелья которого были битком набиты золотом и драгоценными камнями. Мой биограф набросал также чарующий портрет Великой Жрицы, служительницы культа Солнца, которому поклонялось вымирающее население этого города. В романе она влюбляется в меня, впрочем, безответно!

Основой этих романтических измышлений был действительно город, но уже давно лежащий в развалинах. Вернее, это было несколько гектаров земли, на которой под кучами песка были погребены немногочисленные руины зданий. Где иногда ветер, сдунув песок, обнажал несколько черепков разбитой глиняной посуды, или нагромождение камней, бывших когда-то городской стеной, или развалины круглой городской башни, остатки стен которой не подымались выше двух метров в высоту. Эти руины отдаленно напоминали развалины городов в Зимбабве или в Южной Родезии. Около пятидесяти человеческих созданий жили среди этих руин, в глинобитных лачугах. Своими темными волосами, желтоватой кожей, выраженным «третьим веком» и очертаниями фигур, с характерным отложением жира на ягодицах у женщин, они очень напоминали собой бушменов пустыни Калахари. Вполне могло быть, что они являлись потомками древних строителей этого города. Они называли эти руины «ремог», что на их языке означало «отец-камень». Этот язык не походил ни на один из известных мне.

Я открыл эту долину и развалины города в 1911 году, во время одного из моих больших рейдов в глубины Африки.

Я провел тогда несколько поспешных раскопок наугад. Но когда нашел браслет и одну статуэтку из литого золота, совсем неглубоко под поверхностью, метрах в двух, я дал этой долине имя мифической страны Офир, где якобы находились золотые прииски библейского царя Соломона. Я вернулся сюда спустя несколько месяцев, но уже с необходимым для раскопок оборудованием, и произвел уже более тщательное обследование руин. При раскопках мы больше не обнаружили золотых вещей, но выкопали множество осколков глиняной посуды, несколько стеклянных бусин, статуэтки, выточенные из слоновой кости, несколько бронзовых предметов, которые могли быть и оружием, но металл которых был настолько изъеден временем, что судить об их истинном назначении было просто невозможно. Нам удалось раскопать примитивную плавильню и приспособление для очистки золота.

Исследуя горы, к которым примыкали развалины города, я нашел множество обвалившихся рудных шахт и штреков. В почве было рассеяно еще довольно много золота, и разработка его обещала быть выгодной. К тому же я был уверен, что в горе залегают еще не найденные золотые жилы.

Когда аборигены однажды увидели меня, копающимся на старом кладбище, расположенном в стороне от руин, они страшно разозлились и прогнали меня оттуда. Я вернулся ночью. Светила полная луна, и они вновь заметили меня. Тогда все взрослые мужчины племени — девять человек — возмутились такой неслыханной наглостью до глубины души. Они тихонько подобрались ко мне с подветренной стороны и внезапно атаковали все разом. Какое-то время я их сдерживал на расстоянии с помощью моей лопаты. Но потом она осталась торчать в чьей-то голове. Другого я убил, бросив в него мой нож, который пробил ему грудь. Схватив его дубинку, я начал молотить ею по головам и плечам окруживших меня людей, разбив многие из них, пока чья-то дубинка не достала до моей головы.

Очнувшись, я понял, что связан по рукам и ногам. От удара дико болела голова. Шаманкой племени была молодая женщина с симпатичным миловидным лицом. У нее, как и у всех женщин племени, была тонкая талия, которая еще более подчеркивала необъятность ее огромных ягодиц. Но груди были красивой формы, большие и твердые. Ко всему этому она еще обладала слишком широким влагищем и страдала из-за неспособности мужчин племени заполнить его в достаточной мере. Она пришла ко мне в ту ночь и приказала страже оставить нас одних. Я был не очень расположен предаваться в такой ситуации любовным забавам, но она стала сосать у меня с таким

рвением, что вскоре привела в соответствующее состояние. После этого она уселась на меня и стала ерзать с такой частотой, что напонила мне воздушный шар, треплющийся на бечевке на свежем ветру. Но тем не менее мы «кончили» одновременно, что наполнило ее душу и сердце еще не изведанным радостным ощущением. Девушка была полна сил и немного спустя начала все сначала. Так длилось до первых лучей зари. Я ненадолго заснул, а когда проснулся, мой член вновь был в состоянии эрекции. Но уже от того, что я сильно хотел помочиться. На головку члена, которая стала сверхчувствительной к прикосновениям, села муха, что сразу же вызвало оргазм. Первый же выброс спермы утопил муху в себе. Эта картинка до сих пор стоит у меня перед глазами. С тех пор как на свете существуют мухи, это, должно быть, первый и единственный случай, когда одна из них погибла подобным образом.

Жители «Офира» поклонялись Луне, Солнцу, еще несколькими звездам и многим природным явлениям. Я так и не знаю до сих пор, какому из их местных божеств они хотели принести меня в жертву. Но главным было не это. Главным было то, что в любом случае мне грозила смерть. На это указывало хотя бы то, что шаманка старалась взять от меня максимум, что я мог дать ей за столь короткий срок. Она приходила ко мне шесть ночей подряд. На седьмую женщина дала понять мне, что в полдень следующего дня я буду принесен в жертву.

Руки и ноги были связаны у меня полосками сыромятной кожи. Каждый день и ночь, как только я оставался один, я старался как можно сильнее растянуть их. И вот, в эту ночь, они наконец уступили моим настойчивым попыткам. Я разбил голову жрицы об пол и убил сторожа, стоящего у двери, у которого обнаружил украденный у меня нож. Этим ножом я пробил горло второго сторожа. Потом, вооружившись его дубинкой, я расправился со всеми взрослыми мужчинами племени, оставшимися в живых после первой схватки со мной. Уцелел лишь один старик, который успел скрыться в горах. Уцелевшие напуганные женщины и дети разбежались кто куда, но большинство последовало за стариком. Я не преследовал их и потом больше никогда не видел ни одного представителя этого племени. Впоследствии я сожалел, что поддался необузданному гневу и разогнал мирное племя: в то время я очень редко убивал людей, только в целях самозащиты. Но я успокоил себя, подумав, что, если бы они вовремя предупредили меня о том значении, которое представляет для них это старое кладбище, я перестал бы копать в нем, и тогда ничего не случилось бы.

После этого печального эпизода, поняв, что жители уже никогда сюда не вернутся, я продолжил мои раскопки. Кладбище дало мне богатый урожай статуэток и украшений из золота. Кроме того, я нашел много фигурок символического значения, предназначение которых не известно мне до сих пор. Сейчас они составляют ядро моей частной коллекции, находящейся в замке в графстве Камберленд.

Потом я занялся добычей золота в заброшенных шахтах старой горы. То количество, что я добыл там, сделало меня, по крайней мере потенциально, одним из самых богатых людей в мире. Я все делал сам: добывал руду, обогащал ее, плавил металл в слитки. Затем его необходимо было еще переправить за сто пятьдесят километров. И я проделал этот путь множество раз со слитком в шестьдесят килограммов за спиной. Мне пришлось самому искать и устанавливать контакты с продавцами золота, чтобы подпольно сбыть некоторое количество добытого мной металла.

Несколько раз мне пришлось расправляться с бандитами, преследующими меня, чтобы вывести дорогу в долину, или пытавшимися заставить сказать им, где находится моя сокровищница. Незадолго до своей смерти мой биограф предполагал использовать некоторые из этих эпизодов в своих романах. Но я думаю, что он поступил бы так же, как действовал и во всех предшествующих случаях, и искажил бы правду, отправив этих бандитов на розыски какого-нибудь сногшибательного клада золота и бриллиантов в величественные руины головокругительно древнего города, населенного отдаленными потомками древнейшей цивилизации, поглощенной водами океана тысячелетий так двенадцать тому назад. Мужчины этого города все были бы ужасно уродливыми, зато женщины — исключительные красавицы. Я не смею над ним, нет, поймите меня правильно. Просто он пошел бы навстречу желанию своих читателей, предпочитающих романтические фантазии серым будням повседневной жизни.

Золотоносная жила истощилась, когда я уже добыл золота приблизительно на двадцать миллионов фунтов стерлингов. Но, думаю, если хорошенько поискать, можно еще найти жилы, залегающие более глубоко в теле горы. Я забросал все руины песком, чтобы больше никто не мог подумать, что эта пустынная долина когда-то была обитаема. Но перед этим я провел детальные раскопки и сделал подробное описание обнаруженных развалин, подкрепленное целой серией фотоснимков. Словом, сделал все, что полагалось бы сделать на моем месте настоящему археологу. Правда, назвать себя полным

дилетантом я тоже не могу, так как в свое время защитил диплом по археологии в Оксфорде.

(Хочу уточнить сразу же, чтобы не вызывать недоумение у читателя, что я закончил медицинский факультет и защитил диплом в Университете Джона Гопкинса. Кроме того, у меня есть диплом лингвиста-африканиста, полученный мной в Берлинском университете. Как видно из этого, моя длительная юность не была совсем уж легкомысленной.)

Я тщательно постарался уничтожить все следы, которые могли бы навести на мысль, что здесь были когда-то золотые разработки. Я надеялся, что пройдет достаточно много времени, прежде чем кто-нибудь здесь вновь наткнется на его следы. Даже сегодня, когда Африке уже стало грозить перенаселение, мало кто отваживается проникнуть в эти пустынные, выжженные солнцем области. Впрочем, по местным поверьям, этот регион всегда пользовался дурной славой и считался прибежищем демонов.

Поэтому вы можете представить мое удивление, когда, взобравшись на вершину очередной горы, я увидел мою долину, лежащую далеко внизу. Группа людей, человек в сто как минимум, копошилась в том месте, где мной были похоронены остатки руин. Это место располагалось в западной части долины.

Ноли выругался. Он привязал меня к дереву и принялся осматривать долину в бинокль. Я воспользовался этим, чтобы еще немного растянуть мои наручники. Не будь они сделаны из прочного сплава, я давно бы уже избавился от них. Я начал этим заниматься с первого дня, как только заполучил браслеты на руки, но пока усилия мои оставались тщетными. Тут мне пришлось прекратить эти попытки, потому что Ноли закончил свое наблюдение, отвязал меня от дерева и мы вновь двинулись в путь. Но не вниз, в долину, а на соседнюю вершину, откуда он вновь стал следить за действиями людей в долине, привязав меня, как всегда, к очередному дереву.

— Вон та часть долины мне кажется достаточно ровной, чтобы туда смог приземлиться самолет, — сказал он. — Но с такого расстояния трудно быть уверенным. Есть там подходящее место для посадки?

— Да, — ответил я. — Но я думаю, что эти люди пришли сюда пешком. Должно быть, кто-то им сказал, где находится золото. В противном случае они сделали бы все, чтобы поймать меня, и попытались бы заставить сказать, где оно расположено. Не зная этого, они не старались бы меня убить прежде, чем получат нужные сведения.

Ноли вновь навел на долину бинокль.

— Откуда ты знаешь, что это кенийцы? — спросил он.

— У меня есть все основания думать так.

— Они сняли все знаки отличия со своей формы, потому что находятся на территории Уганды, но тут я с тобой согласен, это кенийцы, — сказал он.

Албанец поставил бинокль на камень и повернулся ко мне. Его лицо побагровело, и он зло уставился на меня. Кончики его усов дрожали от гнева:

— Ты же мне говорил, что золото находится в долине, расположенной по другую сторону от этой!

Я ничего не ответил. Но когда он попытался меня ударить, я сбил его с ног прямым ударом ноги в подбородок, а потом еще врезал ему как следует пяткой по грудной клетке. Он откатился от меня, согнувшись от боли надвое, и еще долго лежал, постанывая и приводя в порядок дыхание. Я плюнул на него сверху.

По его виду было видно, как ему хочется убить меня. Он мог бы это сделать теперь, когда знал (или считал, что знает), где спрятано золото. Но Ноли все еще не отказался от мысли разузнать тайну эликсира.

— Ты мне дорого заплатишь за это! — с трудом прокашлял он наконец.

— Я уже заплатил тебе авансом, — ответил я. — Этот удар ногой — за твои вчерашние упражнения с табаком. Но думаю, что должен тебе еще за гораздо большее. А я всегда плачу мои долги.

— Золото действительно там, в долине? — перевел он разговор.

— Они ничего там не найдут, — ответил я. — Если только не станут копать глубже, чем я в прошлый раз. У них есть лишь единственный способ дотянуться до моего золота, как, впрочем, и у тебя. Это просить за меня выкуп. Мое состояние находится в надежном месте, рассредоточенное по пятидесяти банкам в разных странах мира.

Ноли скривился от боли. Теперь он хромал при ходьбе. Кажется, я ударил сильнее, чем хотел.

— Калибан внизу, — сказал я. — Скоро он покажется солдатам, чтобы те погнались за ним. Но они его не поймут. А вот нас они схватят, если мы сейчас же не отойдем к востоку отсюда, и быстро, потому что он специально выведет их на нас.

Ноли взглянул туда, где недавно мы пересекли вход в долину, расположенный в северной ее части. Глядя невооруженным глазом, в обычных условиях было бы невозможно сказать, кому принадлежит крошечный силуэт человека, только что появившийся там. Но Калибан снял всю одежду, и солнце

теперь бросало блики от бронзовой каски его темно-золотых волос и играло на бронзе его тела. Он быстро перемещался, мелькая то тут то там, будто облако, подгоняемое жарким дыханием сирокко.

Группа кенийцев отделилась от общей массы и побежала в его направлении. Они стреляли на бегу, хотя он был слишком далеко, чтобы у них был малейший шанс попасть в него. Другая группа, на склоне горы, бросилась ему наперерез. Док сделал крюк, который сразу приблизил его к ним. Такое поведение, должно быть, удивило солдат, но не убавило у них прыти. Наоборот, они с еще большим энтузиазмом полезли за ним вверх. Чего, собственно, и добивался Док.

Он передвигался по склону, прыгая от скалы к скале, как огромный бронзовый бабуин. Я никогда не видел, чтобы человек мог с такой ловкостью и так быстро карабкаться по крутому горному склону, усыпанному камнями и обломками скал.

— Он ведет их сюда, — повторил я.

Ноли, который следил за перемещениями Калибана в бинокль, спросил, не оборачиваясь:

— Зачем он делает это?

Он не стал комментировать выдающиеся способности Калибана, как альпиниста, но на его лице появилось странное выражение.

У меня не было никакого желания объяснять Ноли, что Док решил подвергнуть меня очередному испытанию.

— Сними с меня эти наручники, — попросил я его. — Я все равно не смогу сбежать, пока твоя винтовка смотрит мне в спину.

Он коротко улыбнулся и ответил:

— Ты прекрасно знаешь, что я все равно не смогу выстрелить, если только не буду вынужден. Нет, я не могу рисковать. Наручники останутся на тебе.

— Тогда хоть переведи мне руки вперед.

— Нет!

— Послушай, — настаивал я, — ты ведь не можешь бегать быстро, чтобы убежать от них. Есть только один способ остановить их: сбросить на них сверху несколько скал, в расчете что они увлекут за собой лавину. С нашей стороны склон достаточно крутой и усеян камнями. Одному тебе не под силу справиться с этим, а я ничем не смогу помочь, пока у меня руки связаны за спиной.

Он шевельнул дулом винтовки, показывая на гору:

— Пошел! Вперед! Мы еще можем попытаться сбить их со следа.

Но я больше не видел никакого смысла продолжать путь в компании с Ноли. Наши дороги должны были здесь разойтись.

Я напрягся изо всех сил. На мгновение мне показалось, что мышцы спины и рук вот-вот порвутся от напряжения. Но раздался сухой хруст, и мои руки стали свободны. Ноли попятился, с лицом, искаженным гримасой страха и изумления. Вылупив глаза, он что-то бормотал себе под нос по-албански.

Я повернулся к нему спиной и взглянул вниз, поверх нависающих над склоном камней. Калибан замедлил свой подъем, и кенийцы больше не стреляли. Около пятидесяти солдат, развернувшись в прямую цепь длиной метров в триста, медленно и осторожно поднимались за ним вверх по склону. Остальные остались в долине, у подножия горы. Они перестали стрелять, опасаясь вызвать камнепад.

Я схватил большой кусок скальной породы, весивший не менее ста пятидесяти килограммов, и высоко поднял его над головой. Я крикнул, чтобы привлечь внимание Калибана, который только что остановился, пятьюдесятью метрами ниже, на таком узеньком карнизе, что я едва разглядел его. Его руки цеплялись за невидимые отсюда трещины. Он откинул голову назад, и наши взгляды встретились. Сейчас, в застывшем состоянии, он казался статуей, высеченной из той же скалы, к которой прильнул всем телом.

— Лови, Калибан! Это тебе! — крикнул я и бросил огромный камень вниз.

Должно быть, он был поражен, увидев нас здесь, так как наверняка думал, что мы находимся не менее чем в километре отсюда и продолжаем делать все зависящее от нас, чтобы увеличить этот отрыв.

Камень полетел вниз, подпрыгнул на каком-то выступе и, описав дугу, ударился в склон в трех метрах выше головы Калибана, а затем кувырком понесся по спуску, увлекая за собой тучу земли и камней. Облако пыли заслонило Дока, и я с трудом угадывал его фигуру, все еще цепляющуюся за карниз.

Я поднял камень чуть меньшего размера и бросил его вслед за первым. Он проложил себе другую дорогу. Несмотря на мешающую ясно видеть пыль, мне показалось, что на этот раз камень задел Калибана. Во всяком случае, он упал точно туда, где Док приклеился к отвесной стене, и я надеялся, что он не успел поменять свою позицию. Я действительно надеялся? Я почувствовал себя слегка разочарованным при мысли, что наши отношения прервались столь внезапным образом, и, в каком-то смысле, я даже сожалел, что так легко от него избавился.

Более того, я был просто удивлен, что он позволил себе остаться на том же месте на секунду дольше, чем то было ему возможно.

Первый обломок все еще кувыркался по склону, крутясь и подпрыгивая, словно взбесившийся кенгуру. На своем пути он задевал, толкал, сбивал с места неустойчиво лежащие камни и крупные обломки скал, которые, срываясь с места и падая вслед за ним, проделывали ту же работу с другими камнями и так далее, и так далее. И вот вниз уже рушился камнепад. Лавина земли и камней всех размеров и форм с нарастающим грохотом и ревом устремилась к подножию горы. К небу взвились облака пыли, закрыв все поле зрения. В заключение раздался ужасный грохот, подобный раскату грома над головой, когда лавина рухнула на дно долины. Сотрясение было настолько сильным, что задрожала даже плоская скала, с которой я смотрел вниз. Мы поспешно отступили на несколько шагов от края склона, но скала выдержала и не обвалилась вниз, хотя из-под нее вырвалось еще одно облако пыли и вниз поскакали несколько мелких камней.

Когда гром, шум и шуршание умолкли и немного рассеялась пыль, я вновь приблизился ползком к отвесному склону и взглянул вниз. Лик склона неузнаваемо изменился. Казалось, он весь был покрыт свежими ранами в тех местах, где камнепад содрал с него всю почву и растительность. У подножия горы виднелась гигантская осыпь земли и камней, протянувшаяся до середины долины. От кенийцев не осталось никаких следов, за исключением их палаток и ящиков со снаряжением и провиантом, не попавших в зону действия обвала и оставшихся стоять на прежнем месте.

Калибана тоже нигде не было видно.

Ноли был еще несколько бледен, но силился улыбнуться:

— Здорово мы дали им прикурить, а, лорд Грандрит?

Судорожно сжимая в руках винтовку, он не спускал глаз с моих рук. Я сказал:

— Я знаю, что в кармане твоей куртки есть еще пара наручников. Я не буду возражать, если ты вновь захочешь наложить их на мои руки, при условии, что ты разрешишь мне держать их перед собой, а не за спиной. Нам придется сейчас карабкаться по крутому склону, и я не смогу цепляться ими, если они будут скованы у меня за спиной. Я не знаю, удастся ли мне это сделать вообще, если у меня будут скованы руки.

Я протянул ему обе мои руки. Ноли вытащил из кармана ключ и бросил его мне:

— Сними браслеты сам.

Я послушался и разомкнул браслеты, пока он доставал новую пару.

— А теперь ты сам наденешь их себе, — сказал он. — Не думаешь же ты, что я настолько глуп, чтобы приблизиться к тебе?

— Вера спасает, — заметил я.

Он бросил мне наручники. Я поймал их, крутанул вокруг руки и отправил назад тем же движением. Наручники, крутясь в воздухе, подобно аргентинскому «боло», летели прямо ему в лицо. Он инстинктивно поднял винтовку вверх, стараясь защитить голову. В ту же секунду я был рядом с ним, и моя голова с размаху воткнулась в его мягкое брюхо в классическом броске игрока в американский футбол. Он выстрелил, и пуля обожгла мне спину. Но я уже схватил его за бедра и дернул на себя. Он упал навзничь.

Прежде чем он начал подниматься, его винтовка уже была у меня в руке.

Я приказал ему показать мне свою спину, и он неохотно повиновался. Несильным ударом приклада я оглушил его и, заведя ему руки за спину, надел на них наручники. Потом положил ключ ему в нагрудный карман и присел рядышком. Спустя некоторое время албанец стал приходить в себя, стона и рыча от ярости и боли. Я похлопал его по щекам, чтобы реанимировать побыстрее. Наконец он открыл глаза и уставился на меня.

Я молча поднял его на ноги и сделал веревочную петлю, которой крепко обхватил его плечи. Потом толкнул вперед. Ноли попытался удержаться на краю платформы, нелепо размахивая руками и изгибаясь всем телом, но не смог и с диким воплем рухнул вниз. Я вцепился в веревку и откинулся назад, изо всех сил стараясь удержаться, чтобы не отправиться вслед за албанцем. Мне это удалось, и Ноли пролетел всего два метра, прежде чем натянувшаяся веревка остановила его падение. Тогда потихоньку я стал отпускать веревку. Он плавно скользил вниз, царапаясь спиной о выпуклости склона, в этом месте почти вертикального. Несколько раз он пытался поднять голову вверх, чтобы взглянуть на меня, но вес его тела и неровности скалы, бьющие его по затылку, мешали ему сделать это.

Я спускал его очень осторожно. Я не хотел, чтобы веревка вырвалась из моих рук и он кубарем покатился вниз к самому подножию горы. Наконец он почувствовал у себя под ногами крошечный карниз шириной едва ли в несколько сантиметров. После нескольких судорожных движений и поворотов ему уда-

лось встать на него самыми носками стоп. Пятки его при этом нависли над пустотой.

Я ослабил натяжение веревки, и несколькими волнообразными движениями мне удалось потихоньку снять петлю с его плеч, после чего поднял ее наверх. Должно быть, у него было огромное желание взглянуть вверх, но он не осмелился. Он мог сохранять равновесие на своем карнизе, лишь крепко прижимаясь лицом и телом к отвесной стене.

Я окликнул его:

— Эй, Ноли! Ты можешь передвинуться по карнизу влево или вправо лишь на несколько сантиметров. Но если каким-то чудом ты умудишься засунуть руки в свой нагрудный карман, то найдешь там ключ и тогда сможешь освободить руки от наручников. После этого тебе останется совсем немного: забраться по скале сюда, где я стою.

Я подождал. Он ничего не ответил. Тогда я продолжил дальше:

— Ты видишь, я оставляю тебе шанс выбраться оттуда. Я оставлю здесь твою винтовку, патронташ и твой нож, которые помогут тебе найти дорогу назад, к цивилизации, при условии, что тебе удастся вытащить себя из этого неприятного положения! Может быть, я совершаю глупость! Может быть, было бы лучше просто столкнуть тебя с обрыва! Но я даю тебе шанс! Крошечный шанс, конечно, но это все-таки лучше чем ничего!

Он вновь не ответил и даже не пошевелился. Он, конечно, боялся потерять опору при малейшем движении. Но рано или поздно ему все-таки придется попытаться, несмотря на все возможные последствия. Если албанец останется стоять вот так, неподвижно, он постепенно ослабеет, его колени не выдержат, подкосятся, и все... он покатится вниз, чтобы оказаться у подножия в виде мешка, наполненного смесью переломанных костей и разорванных мышц и внутренностей.

Я посмаковал эту мысль. Она показалась мне настолько привлекательной, что я почувствовал начало эрекции. Был момент, когда я едва не вернулся назад, чтобы бросить в него камнем, увидеть это падение и испытать полный оргазм. Но я уже держал себя в руках и не позволил aberrации одержать над собой верх.

Как и обещал, я оставил ему винтовку. Но сначала я забил ее ствол землей. Если, в силу какого-то невероятного везения, ему хватит хладнокровия, гибкости и силы, чтобы выбраться из этой передрыги, у него будут все основания считать себя вторично родившимся на свет. Конечно, он осмотрит винтовку, прежде чем пользоваться ею, если только на радостях не забудет о

своей постоянной недоверчивости. В противном случае первый же выстрел превратит его лицо в кровавую кашу.

Я никогда не забываю проверить мое оружие, которое хоть ненадолго выпало из моего поля зрения. Когда-то один враг сделал со мной именно то, что я приготовил для Ноли...

ГЛАВА 19

Перед тем как уйти, я еще раз внимательно осмотрел всю долину в бинокль. К тому времени пыль уже почти полностью рассеялась. На склоне горы, с противоположной стороны долины, появились люди. На этом расстоянии даже в бинокль они казались совсем крошечными. Я не мог быть абсолютно уверен, но мне показалось, что это два старика, сопровождавших Калибана, и негры их свиты.

Интересно, подумал я, до какого предела им разрешил идти вперед Калибан? Он знал, чем рискует, разрешая непосвященным сопровождать его до ближайшей горы.

Но это, в конце концов, были его проблемы. Я поспешно перебрался через гребень горы и стал спускаться вниз. Где-то на середине спуска я внезапно обнаружил углубление в склоне горы, похожее на грот, вход в который прикрывали три огромных валуна. Проскользнув внутрь, я кое-как заснул на его холодном каменистом полу. Несколько раз я внезапно просыпался от различных шумов. Один раз мне показалось, что кто-то шуршит камнями, перетаскивая их с места на место, в другой мне послышалось звяканье металла о камень. Дважды мне снилось, как в темноте пещеры возникает и медленно приближается ко мне чей-то высокий смутный силуэт. Во второй раз у тени были странные, сверкающие бронзой глаза, разливающие вокруг себя золотистое сияние.

Как и все люди, я вижу, конечно, сны. Как-то однажды я даже попросил одного психолога обследовать меня и проверить экспериментально, вижу я сны или нет, так как в то время был убежден, что видел сон всего лишь один раз в жизни. Он разбудил меня, когда по движениям моих глазных яблок решил, что я вижу сон. И действительно, проснувшись, я еще помнил его.

То, что я помнил о снах, явившихся мне этой ночью, встревожило меня. Они доказывали, насколько Док Калибан растревожил мое подсознание.

Утром я продолжил спуск с горы. Я был голоден и хотел пить и проклинал себя, что не съел сердце и печень Ноли, пожертвовав таким отличным куском мяса ради мщения. Дичи

было мало, и встречалась одна мелкота. Мне удалось сбить камнем одну небольшую птицу и съесть ее. Потом я нашел муравейник и полакомился личинками и яйцами муравьев. После обеда мне встретила серая ящерица, очень напоминающая американскую рогатую жабу. Но вся эта скудная пища лишь разжигала аппетит, совершенно не утолив голода.

По дороге я несколько раз встречал кучки помета диких коз, совсем свежего, но не стал трогать его. Я еще не был голоден до такой степени. В разные периоды моей жизни я иногда должен был довольствоваться в качестве пищи лишь экскрементами животных. Лепешки слонов и антилоп не так уж неприятны на вкус. Навоз зебр вообще можно было считать лакомством. Кал львов и других хищников отвратителен, и я употреблял его, лишь когда действительно нельзя было добыть никакой другой пищи. Но я ел его. А если бы я этого не сделал, меня давно уже не было бы в живых.

Подножие предпоследней горы, которую мне предстояло преодолеть, было усеяно человеческими костями. Некоторые были очень старыми, белея под ослепительными лучами солнца в течение последних пятидесяти—шестидесяти лет. Другие казались более свежими. Целых скелетов было мало. Стервятники, шакалы и муравьи растащили их в стороны и отполировали до блеска после того, как те, кому они когда-то принадлежали, мужчины и женщины, падали и разбивались насмерть с этой отвесной скалы, которую они пытались преодолеть.

Вершина, которая убила их всех, представляла собой очень гладкую отвесную стену. Преодолеть ее было под силу лишь очень опытному, профессиональному альпинисту, и то, если он правильно выберет путь. Девять запрещали нам пользоваться для восхождения каким-либо иным инструментом, кроме наших рук и ног. Скалолаз, не боящийся пустоты, хладнокровный и обладающий сильными пальцами и кистями, может, точно зная путь, взобраться по этой стене, достигающей 1200 метров в высоту. Я не знаю, кто просверлил эти маленькие отверстия в скале, позволяющие цепляться за нее пальцами рук и ног, но я не был бы удивлен, если бы мне сказали, что люди пользуются ими в течение по крайней мере последних тридцати тысяч лет. Только Девяти точно известно их происхождение, но они молчат, и никто никогда не осмеливался задать им этот вопрос.

К наступлению ночи я успел подняться на высоту не более ста пятидесяти метров. Там был небольшой карниз, на котором можно было вытянуться и провести ночь. Холод, царивший на этой высоте по ночам, не слишком меня беспокоил. Я был

способен переносить такие экстремальные температуры как жары, так и холода, которые были бы губительны для любого другого человека. И опять всю ночь в джунглях моего сна бродил бронзовый гигант с сияющими золотом глазами и огромным тесаком в руке.

Едва забрезжила заря, как я вновь стал подниматься по скале. Самый тяжелый участок был уже пройден, и дальше я карабкался не менее быстро, чем это сделала бы на моем месте обезьяна. До вершины этого отвесного утеса я добрался, когда солнце перевалило на вторую половину дня. Я оказался на скальной платформе площадью около тридцати квадратных метров, над которой возвышалась собственно вершина горы, до которой еще оставалось триста метров крутого подъема. Но здесь я должен был оставить все мое оружие и одежду. Входить к Девяти разрешалось только с пустыми руками и голыми, как в первый день своего рождения.

В одном из углов площадки возвышалась гранитная плита, высотой доходившая мне до плеч. Посторонний человек прошел бы мимо нее, не обратив никакого внимания. Я заметил на плите выпуклость в форме овоида, провел под ней трижды рукой, сосчитал про себя до девяти и потом нажал на нее шесть раз. Дверь скользя в сторону, и в скале открылось отверстие. Внутри из углубления в полу с шипением вырывалась струя прозрачной газированной воды. Я с наслаждением напился и вымыл лицо. Потом снял с себя пояс и положил его на край маленького естественного фонтана. Нож и веревка легли рядом, где уже находилось множество разнообразных предметов, оставленных паломниками, которые пришли раньше меня. Среди них мне бросился в глаза кожаный пояс бронзового цвета. В его маленьких кармашках лежало множество непонятных предметов. Я ни минуты не сомневался, что этот пояс может принадлежать только Доку. В последний раз когда я его видел, он показался мне совершенно голым, но на таком расстоянии было просто невозможно разглядеть пояс, который был почти того же цвета, что и кожа Калибана. Во всяком случае, теперь он должен был быть совершенно обнаженным. Рядом с поясом я обнаружил небольшой листок бумаги бронзового же цвета. Наклонившись, я поднял его. Почерк Дока, несмотря на некоторую торопливость написания, оставался элегантным:

«Я спас вашего албанского друга и поручил ему выполнить одно задание для меня. (Между прочим, я обнаружил землю, которой вы забили ствол его винтовки.) Он не знал, как благодарить меня за спасение, но, думаю, это у него пройдет быстро. Я предупредил его, что, если когда-нибудь он решит предать

меня, я найду его, где бы он ни был, и заставлю испытать на себе все пытки, которые только может придумать хирург, обладающий знаниями всей современной медицины. Думаю, он поверил, что я говорю вполне серьезно. Во всяком случае, поручение, которое я дал ему, с одной стороны — позволит ему утолить жажду мщения, с другой — принесет мне значительную выгоду. Мои люди доставят его в Великобританию и укажут дорогу к замку Грандритов, где в настоящее время находится ваша жена. У меня, конечно, нет никаких гарантий, что он все-таки не предаст меня и не использует это дело в своих личных целях».

Подписи не было, но и так все было ясно.

Мое бешенство было настолько сильным, что я не удержался от того, чтобы не завывать. Не имея возможности немедленно расквитаться с Калибаном, я решил сделать это с принадлежащими ему вещами. Я схватил его пояс и нож в ножнах и швырнул их в пропасть. Потом я разорвал его записку на тысячу кусочков и дал развеять их ветру. Затем я бросился к скале и, забыв о всякой осторожности, с бешеной скоростью стал карабкаться по ней, что привело к тому, что я трижды едва не сорвался. В конце концов я успокоился, хотя это стоило мне немалых усилий. Но все равно внутри я продолжал ощущать неприятную нервную дрожь.

Стремительность перемещений Калибана поражала меня. Прибыв после меня на вершину горы, он успел вытащить Ноли из пропасти, дать ему задание, а после этого еще и обогнал меня на пути к последней горе. Правда, я не бежал по дороге сюда и, кроме того, спал ночью, но все-таки это впечатляло.

Я подумал, не будет ли лучше немедленно вернуться и как можно быстрее добраться до Англии. Правда, было не исключено, что Калибан придумал все это с единственной целью внушить мне именно эту мысль. Если я не предстану перед Девятью в положенное время, я потеряю все мои шансы на бессмертие. Да и время, которое мне нужно было провести в пещерах, было ничтожно по сравнению с тем, сколько его понадобится Ноли, чтобы добраться до первых очагов цивилизации. Если только Калибан не приказал ему встретиться с Риверсом и Симмонсом, которые могли вызвать самолет по радио.

Я знал, что сказала бы мне моя жена в подобном случае. Она настояла бы, чтобы я занимался своим делом, уверяя меня, что выпутается сама. Она обладала всеми необходимыми для этого способностями, иначе бы не смогла прожить так долго в моей компании. Она ни за что на свете не согласилась

бы, чтобы я потерял возможность пользоваться эликсиром, особенно при подобных обстоятельствах. И у меня была еще одна, последняя и главная причина, из-за которой я не мог развернуться и немедленно пойти назад: я знал, что Калибан будет поджидать меня где-то на пути к пещерам.

Я знаю, что на моем месте большинство цивилизованных граждан страдало бы головными болями и мучило бы себя в раздумьях не менее двух дней и двух ночей, а я принял решение не более чем через две минуты размышлений. Никогда еще в своей жизни я так долго не колебался, прежде чем пришел к определенному выводу.

К полудню я добрался до вершины второй скалы. Здесь был естественный источник, в котором я утолил свою жажду. Далее мне предстояло пройти чередой длинных узких проходов, некоторые из которых шли по краю бездонных пропастей. Проходы были иногда настолько узкими, что я едва протискивался в них, царапая грудь и спину о края острых камней. Мне понадобился целый день, чтобы преодолеть их. По дороге я увидел небольшую змею, заглатывающую только что пойманную ею крысу. Я съел их обоих и, приободрившись, продолжил свой путь.

Последний коридор внезапно расширился и вывел меня на скальную платформу шириной в десять метров и длиной в двадцать, обрывающуюся в пропасть глубиной более сотни метров. На дне ее журчала невидимая сверху река. Ущелье как бы рассекало гору пополам, разделяя собой два похожих друг на друга, как близнецы, пика. На той высоте, что я находился, ширина ущелья равнялась тридцати метрам.

Над пропастью перекинулся естественный гранитный мост толщиной в два метра и шириной в шесть. По приказу Девяти гранитная глыба моста была отесана таким образом, что на протяжении двадцати метров он теперь представлял собой узкую полосу камня шириной всего в десять сантиметров.

С другой стороны эта арка для канатоходца упиралась в площадку, окруженную глухой стеной. В глубине площадки, в одном из внутренних углов стены виднелась длинная узкая щель, казавшаяся отсюда вполне натуральной. На самом деле это была узкая амбразура, за которой прятался часовой, в задачу которого входило следить за тем, как прибывшие пересекают мост. Те, у кого не выдерживали нервы и кто садился верхом на узкую полосу камня и таким образом преодолевал пропасть, беспощадно уничтожались.

Я никогда не видел, чтобы кто-то упал в пропасть; правда, я никогда и не видел никого, кроме себя, при моих попытках преодолеть это препятствие. Я всегда это делал в одиночестве

Думаю, что Девять специально устраивали все таким образом, чтобы ходоки за бессмертием не встречались друг с другом по дороге к пещерам.

Однако я встречал там всегда одних и тех же людей. Моя жена никогда не бывала в пещерах одновременно со мной, и раньше я ни разу не замечал среди прибывших Калибана. Неужели в этот раз Девять специально сделали так, чтобы наши с Доком пути пересеклись? Для чего? Я никогда этого не узнаю, если только вдруг им не придет в голову фантазия самим сказать мне это.

Впрочем, это не имело для меня особого значения. Важным было одно: Калибан, как я и предвидел это, ждал меня.

Полностью обнаженный, с раскинутыми в стороны руками, одна нога перед другой, он стоял на самой середине моста в позе плясуна на канате. Заметив меня, он широко улыбнулся, и его белые зубы необычным контрастом сверкнули на фоне медно-коричневой кожи его лица.

ГЛАВА 20

Член Дока был больше похож на бронзового питона, высунувшегося из гнезда темно-рыжей растительности. Его вид слегка потряс меня, настолько он был огромен. В состоянии покоя он имел в длину двадцать сантиметров и в обхвате — семь. Его тестикулы были соответствующих пропорций.

Пенис был единственным элементом, нарушающим пропорции этого великолепногo тела. Пробудившись, он делал из Калибана настоящее чудовище.

ГЛАВА 21

На секунду я задержался на самом краю пропасти и вступил на мост. Основой моста послужил гигантский блок черного гранита, холодного и гладкого при прикосновении. Но подошвы моих стоп были покрыты толстым слоем ороговевшего эпителия, твердого и нечувствительного, как кожа носорога. Я почти не чувствовал ими фактуру камня.

Калибан, казалось, ожидал, что я скажу ему что-нибудь или спрошу, чего ради он так ополчился на меня. Но я не видел никакой необходимости в подобной трате времени. Мне не нужны были никакие объяснения. Чем раньше я уберу его со своего пути, тем раньше дело будет улажено и тем раньше я смогу вернуться в Англию.

Я вступил на мост и медленно направился к нему, раскинув руки крестом и точно ставя одну ногу перед другой. Меня охватил поток холодного воздуха, идущий снизу из ущелья. Несмотря на высоту над уровнем моря, отсутствие солнца и ветра, я обливался потом.

Мой член напрягся и стал подниматься подобно подъемному мосту.

Калибан взглянул на него и разразился дикими воплями:

— Я сейчас оторву вам его, друг мой! И сохраню на веки вечные как самый дорогой трофей! Так вот этим изнасиловали мою кузину, нашу красавицу Триш!

Я продолжал идти вперед, не произнося ни слова.

— Вы убили ее! — продолжал он вопить. — Вы попользовались ею всласть, а затем убили и бросили ее труп гиенам!

Я не представлял себе, что он хотел сказать своими криками. Судя по всему, он был убежден, что я сотворил зло женщине, которую он любил. Я знал, что сейчас совершенно бесполезно пускаться в выяснение недоразумения или оправдываться, поэтому я просто продолжал молча приближаться к нему. Мой член теперь вознесся на всю свою высоту и торчал вверх под углом в сорок пять градусов к поверхности живота. Казалось, он сейчас взорвется под давлением крови, распирающей его изнутри. Это беспокоило меня, так как для борьбы мне нужна была вся моя сила и энергия. К тому же, признаюсь, я чувствовал себя смешным, а это тоже ослабляло меня.

Я был уже достаточно близко, чтобы наконец-то четко разглядеть цвет его странных глаз. Это были два водоворота цвета бронзы, искрящейся золотыми искорками. В них было что-то нечеловеческое.

— Чудовище! — кричал он. — Так для вас это ничего не значит? Вы что, совсем лишены каких бы то ни было чувств?

Было бессмысленно доказывать сейчас мою невиновность. Я узнал причину, главный стимул, толкающий его на эту конфронтацию: я был для него единственным серьезным соперником, которого он когда-либо встречал среди людей.

Я остановился и вытянул руки перед собой. Он сделал шаг мне навстречу, остановился и сделал то же, что и я. Я еще шагнул вперед, и наши руки встретились. Сжав их, я пытался заставить его потерять равновесие. Он делал то же самое.

Борьба не должна была затянуться. Борьба без ударов кулаком или ногами, без рубящих ударов ладоней и толчков коленом, без отрывания ушей и выдавливания глаз. Мы оба стояли в слишком неустойчивой позиции. И оба хотели наглядно доказать свое преимущество в силе ясным и недвусмысленным способом.

Я никогда еще не встречал столь сильного человека. Он не был таким же мощным, как, скажем, горилла, и не таким сильным, как взрослый самец шимпанзе или орангутанга, но ведь и я не был кем-то из них.

Мы стояли, упираясь друг в друга изо всех сил, стараясь опрокинуть один другого и отправить на дно пропасти, в темноту, из которой доносился шум невидимой реки. Наши мускулы дрожали от напряжения, а кости, казалось, скрипели при каждом движении.

Пот, обильно смочивший наши лица и крупными каплями стекающий по коже тела, был явным символом покидающей нас силы: он жег нам глаза, но по спине и ягодицам тек струйками жидкого льда.

В напряженном слитном усилии, где одна чудовищная сила противостояла другой, мы качались, стоя на узенькой перепонке моста, взад и вперед, будто танцуя странный танец, в котором ноги не принимали никакого участия. Он не отрывал своего взгляда от моих глаз. Я уверен, Док видел в них ту же непреклонную решимость убить, которую я читал в его взгляде. Постепенно мы сходились все ближе и ближе. Давление, которое мы оказывали друг на друга, заставляло наши руки отклоняться вбок и назад, и вскоре мы почти сошлись грудью в грудь. Я чувствовал его обжигающее дыхание на моем мокром от пота лице.

Теперь к силе рук добавилась сила торсов и ног. Грудь касалась груди, живот живота. Я почувствовал, как его гигантский член коснулся моего.

Думаю, что именно в этот момент в нем возникло тревожное ощущение. Во всяком случае, выражение ненависти на его лице сменилось недоумением. Чувствовалось, что ему хочется опустить глаза вниз и зрительно убедиться в том, о чем ему говорили остальные ощущения. Но, конечно, он не осмелился сделать это. Так же, как и я, он не мог рискнуть сменить позицию. Малейшее нарушение равновесия привело бы к гибели одного из нас.

До того момента пока наши руки не испытали силу друг друга, я не хотел верить, что где-то может быть человеческое существо, способное противостоять мне так долго. Теперь я знал, что есть человек, равный мне по силам, если не превосходящий их.

Я знал, но все еще не хотел окончательно поверить этому. Я не хотел смириться с мыслью, что сомнение и удивление, царящие во мне, смутили меня настолько, что благодаря этому он может одержать победу. Я надеялся, что в нем зародилось такое же смятение, которое, в свою очередь, ослабляло его

силы. Но ничто в выражении его лица, глаз, в напряжении всех мышц великолепного тела не указывало на то, что он дрогнул и готов отступить.

Наши члены скрестились подобно двум мечам.

И тут я вдруг почувствовал, как во мне появилось и стало нарастать ощущение приближающегося оргазма. Аберрация, извратившая рефлексы моего организма, готова была ослабить меня в самый неподходящий момент и привести к гибели.

Как бы сильно я ни сопротивлялся, я не смог избежать того, чтобы наслаждение не вызвало непроизвольного сокращения моих мускулов, что привело бы к немедленной потере ими силы.

Калибан, даже если и не знал в точности, с чем ему пришлось столкнуться, понял, однако, что со мной что-то происходит. Он насмешливо улыбнулся и сказал:

— Ну что, обезьяна, теперь ты понял, что я сильнее тебя?

Тут я почувствовал, как слегка дрогнули мышцы его живота и волна непроизвольного сокращения пробежала по его члену. Его глаза расширились, и он не удержался от удивленного возгласа. Я понял, что он испытывает те же ощущения, что и я!

Оставалось только увидеть, у кого эякуляция произойдет первой. Я был уверен, что это буду я.

Я приготовился разжать тиски, в которых держал его руки, если это было еще возможно, и поспешно отступить назад. Если я сделаю это достаточно быстро и его оргазм сразу же последует за моим, у меня тогда еще будет шанс сохранить между нами безопасное расстояние на то время, пока не кончатся наше спермоизвержение.

Он закусил себе губу и пробормотал:

— Боже ты мой! Да что же со мной происходит?

Я весь подобрался, собираясь разорвать контакт.

И тут раздался голос, громко прокричавший по-английски:

— Прекратите! Именем Девяти приказываю, немедленно остановитесь!

ГЛАВА 22

Большая гранитная плита, скрывающая за собой вход в пещеры, откатилась по рельсам в сторону. На скальной платформе по другую сторону моста стояли Девять. Восемь из Девяти. Не хватало высокого старика с черной повязкой на одном глазу и с длинной седой бородой. Девятым был высокий, атлетического вида негр, одетый в тогу Глашатая. Он держал в руке искусно вырезанный деревянный жезл длиной не менее

трех метров, вершина которого представляла собой эмблему жизни древних египтян, крест. Двумя метрами ниже на жезле были выгравированы руки, которые в Финляндии называют «ханнунваакунна».

Глашатай еще раз крикнул:

— Прекратите борьбу! Идите ко мне, я дам вам инструкции на сегодняшний день.

Эхо его громкого голоса прокатилось по горам.

Калибан разжал руки и сделал шаг назад. Наши тела разъединились. Но он все медлил, опасаясь повернуться ко мне спиной, пока я не сказал:

— Все кончено. На данный момент.

Его член начал потихоньку опускаться. Мой оставался в состоянии эрекции гораздо дольше. Мне даже показалось, что оргазм все-таки произойдет.

Восемь из Девяти были одеты в одинаковые туники, только разного цвета. Лица всех были закрыты капюшонами. Убедившись, что мы подчинились приказу и мирно направляемся в их сторону, они повернулись и исчезли прежде, чем мы успели ступить на площадку. Сегодня я впервые увидел их всех одновременно. В течение того времени, что я служил Девяти, я видел их, но никогда более трех сразу: троих из них в течение года, троих других — в год последующий, на третий год — троих оставшихся. Затем все повторялось.

Я не знаю, чем объяснить отсутствие одноглазого старика, которого мы знали под именем Ксоксаза, но держал свое недоумение при себе. Девять очень не любят, когда им задают вопросы.

Негр в голубой тоге был Глашатаем Девяти. Он должен будет выполнять эти функции в течение трех месяцев, после чего сможет вернуться к своим прежним занятиям. Несколько лет тому назад я сам был Глашатаем, а затем, через два года, моя жена тоже выполняла эту роль.

Глашатай важно произнес:

— Пусть между вами воцарится мир! И пусть он будет долгим и постоянным до тех пор, пока Девять не разрешат вам продолжить ваше соперничество. Следуйте за мной.

Мы остановились в первой пещере, чтобы присутствовать при ритуальном шествии стражи. Стражники, пять мужчин и пять женщин, полностью обнаженные, как и все здесь, за исключением Девяти, были вооружены автоматическими винтовками. Но при необходимости они могли вооружиться пулеметами крупного калибра, гранатометами или огнеметами. Кроме того, на их вооружении был один легкий танк и крупнокалиберное

орудие. Они несли караул в течение четырех часов времени, предназначенного для прибытия паломников в пещеры.

Здесь к нам подошла женщина и взяла у нас, у Калибана и меня, кровь для анализа, подрезав подушечки указательных пальцев. Потом она на некоторое время скрылась в помещении для стражи. Когда женщина вышла оттуда через несколько минут, в руках у нее были два листка бумаги. Она протянула их Глашатаю, который сравнил их с теми, что вытащил из своего кармана. Результат, судя по всему, удовлетворил его, потому что он молча отдал все четыре листка женщине, повернулся к нам и коротко сказал:

— Следуйте за мной.

Эта пещера была ярко освещена рядами электрических светильников и флюоресцентных трубок. Следующая пещера, как бы в противовес, была погружена в полную темноту. Для того чтобы не потеряться и не сбиться с пути, мы вынуждены были держаться за Глашатаю, положив ему руки на плечи. Я знал, что он идет по звуковому сигналу, который слышал только он, благодаря одному приспособлению. Шаг в сторону — и сигнал исчезал. К тому же я помнил, что за нами следит целая куча разных электронных инструментов. Третья пещера была пуста. На самом деле это была одна гигантская ловушка. Если вторгшийся неприятель в силу невероятного везения сможет добраться до нее, то здесь им на головы упадет потолок и одновременно из-под ног исчезнет пол. Здесь я смог внимательно рассмотреть Глашатаю. Как я уже говорил, это был высокий, атлетического сложения негр с кожей цвета кофе с молоком. Как и всем нам, на вид ему было не более тридцати лет.

И вдруг я понял, почему его лицо было мне так знакомо. Это был негр-миллиардер из Нью-Йорка, и его фотографии печатались во всех журналах мира. В связи с его таинственным исчезновением после взрыва его яхты в порту Лонг-Айленда полиция долго вела расследование этого странного случая, но так и не пришла к определенному заключению. Судя по статьям в журналах, исчезнувшему должно было быть около шестидесяти лет, но выглядел он на удивление молодо. Суеверные нью-йоркцы подозревали, что он втайне практикует обряды африканского колдовства Вуду, чтобы сохранить свою молодость. Для черных военных он был исключительно «дядей Томом», так как категорически отказывал в финансовой поддержке освободительному движению, несмотря на всю огромность его состояния. После его исчезновения в его банковском счете была обнаружена недостача в один миллион долларов, происхождение которой никто не мог объяснить.

Едва я узнал его, как сразу понял, что случилось на самом деле. Он достиг того возраста, когда его юношеский вид невольно стал вызывать недоумение и массу вопросов у его окружения. Загримироваться, чтобы выглядеть соответственно своему возрасту, при его финансовых возможностях было плевым делом. Но это привнесло бы в его жизнь массу неудобств. Поэтому Девять приказали ему «умереть». Вскоре он вынырнет, без сомнения, в каком-нибудь другом месте, как новая личность, и продолжит свои финансовые махинации. А пока ему дали поручение послужить Девяти непосредственно в пещерах.

Я подумал, не строят ли Девять подобных планов относительно меня. Я, конечно, понимал, что не могу бесконечно долго жить в виде одной и той же личности. И если Девять еще не пришли к выводу, что мне уже пора исчезнуть, то это лишь потому, что я жил вдали от всякой цивилизации, придерживаясь старой поговорки: «Хочешь жить спокойно, не высывайся». К тому же я прибегал к необходимым мерам предосторожности, периодически выбираясь в Англию или в другие, так называемые цивилизованные места. В таких случаях я всегда красил волосы в седой цвет и с помощью макияжа придавал лицу соответствующий старческий вид.

Думаю, что Калибан находился в таком же положении. Поэтому, что мне удалось услышать из болтовни Риверса с Симмонсом, можно было сделать вывод, что Доку не удалось сделать так, чтобы его имя и способности остались незамеченными остальной частью человечества. Один писака, специалист по дешевым романам для легкого чтения, как-то разузнал о нем, о его опытах и таинственной клинике, где проводилось перевоспитание преступников. И он сделал из Дока героя целой серии нелепых научно-фантастических рассказов, некоторые эпизоды которых основывались на действительных случаях. Если я правильно понял, эти двое стариков играли в рассказах далеко не второстепенные роли. Но они в них, как и Калибан, выступали под другими именами*.

ГЛАВА 23

Четвертая пещера была огромна. В ней расположилась целая деревня, состоящая из собирающихся на месте бунгало. Дно пещеры ярко освещалось многочисленными электрическими

* Речь идет о серии романов о Доке Сэвидже. (Здесь и далее примеч пер.)

фонарями, висящими на высоких каменных столбах. Все бунгало были снабжены электричеством, центральным отоплением, горячей и холодной водой. В них стояла хорошая мебель, в холодильниках всегда был запас свежих продуктов. Бары ломились от выпивки и курева.

За то время пока я был Глашатаем, я узнал множество вещей. Я побывал более чем в двадцати пещерах. Но мне так и не удалось узнать, откуда поступала провизия, где находилась электростанция и откуда шла вода. Я не знал также, где находится проход, которым пользовались только те, кто входил в эту Девятку.

Глашатай оставил нас в центре поселка. Калибан вошел в домик, на котором висела дощечка с его именем. Я огляделся и увидел тот, что был предназначен для меня. Там наконец-то я смог побриться и принять горячую ванну. После этого я решил плотно перекусить. Еда готовилась знаменитым французским поваром. Я набросился на блюда и лишь с трудом заставил себя притормозить: мне не хотелось иметь битком набитый желудок во время церемонии в пещере Совета.

В обеде мне помогала — вернее, сервировала стол и меняла блюда — высокая стройная датчанка с огненно-рыжей шевелюрой на голове и изумрудно-зелеными сверкающими глазами. Хохолок на ее лобке был самым нежным из всех, которых я когда-либо касался. Графиня Клара Экджайер была почти такого же высокого роста, что и я, и сложена как истинная богиня. Я очень давно и очень интимно знал ее, поскольку мы уже несколько раз встречались во время посещения пещер.

Пообедав, я прилег отдохнуть. Графиня пристроилась рядышком и поцеловала меня. Я ответил ей со всем пылом, на который она могла рассчитывать. Потом я ласкал ее большие, тяжелые, прекрасной формы груди, нежно щекоча и покусывая огромные, мгновенно затвердевшие соски. Со страстью вновь обращенных мы предались всем любовным играм, свойственным такой опытной и лишенной любых предрассудков паре, как наша. Графиня становилась все горячее и настойчивее в ласках, когда наконец заметила, что, несмотря на все наши совместные усилия, мой член висит как плеть и не выказывает ни малейшего признака приближающейся эрекции. Даже то, что она взяла его в рот и сосала некоторое время, не произвело на него ни малейшего впечатления. Клара несколько растерялась и, я бы сказал, даже обиделась.

— Как это должно быть ужасно для тебя! — воскликнула она.

— Не стоит из мухи делать слона, ничего страшного! — ответил я.

— Ничего страшного? Тогда что же ему нужно?

Я не ответил. Она продолжила:

— Мне рассказали, что произошло на мосту между тобой и Калибаном.

Она вздрогнула, но потом, к моему большому удивлению, весело рассмеялась:

— Да, это, вероятно, было зрелище! Дуэль на х... Но что с вами случилось?

— Я предпочел бы не знать этого, — ответил я. — По крайней мере в том, что касается меня. Почему? У Калибана что, тоже есть какие-то проблемы?

— Если не считать тебя, то я не знаю более красивого мужчины, чем он. Но ему все портит эта чудовищная штучка, бедненькому. Ему нужны женщины с очень широкой... ну, ты понимаешь.

Я в этом сомневался. Я прочел почти все публикации, касающиеся раздела медицинской патологии. И я ни разу не встретил описаний случая, чтобы мужской член, каким бы большим он ни был, не мог быть введен в женское влагалище, если к тому же перед этим он был предварительно смазан. При условии, что женщина будет нормального телосложения, без чрезмерно сильных сфинктеров и не будет заранее бояться предстоящей процедуры. Я поделился этими научными наблюдениями с графиней Кларой. На что она ответила:

— Может быть, ты и прав. Я однажды предложила ему сделать попытку со мной. Мне казалось, я смогу сделать так, чтобы он проник в меня, и к тому же я действительно желала его. Но Док не захотел. Он заявил мне, что это физически невозможно. Взамен этого он предложил мне «раскурить ему трубку», за неимением лучшего. Но тут уж я не захотела. Я никогда не прочь пососать и даже, можно сказать, люблю это, но при условии, что меня потом трахнут. Что делать, у каждого свои странности. Тем не менее он спит со своей кузиной, Патрицией Вайлд, она же Триш.

— Она одна из наших?

— Да. Это очень красивая девочка. И такого же цвета, как он. Я бы сказала, что она — это Калибан в женском варианте. Но они никогда не бывают в пещерах одновременно. Однажды, совершенно случайно, я оказалась в одной смене с ней. Мы познакомились, но тогда я не могла себе и представить ее возможной связи с Доком, пока не встретила ее однажды на одной из улиц Нью-Йорка, где я была в туристической поездке. Она пригласила меня к ним на обед. Оказывается, Док снимает квартиру в Эмпайр Стейт Билдинге, представляешь! Во время обеда мы не могли говорить о Девяти, так как остальные гости

не были посвященными. Но потом, оставшись одни, мы довольно мило поболтали. Мимоходом Триш дала мне понять, чтобы я не очень-то крутилась вокруг ее Дока. Она хотела, чтобы вне пещер он был только ее и ничей другой. Она была очень откровенна со мной, несмотря ни на что. Пат призналась, что Доку удастся проникнуть в нее, хотя она при этом ужасно мучается и предпочитает ублажать его ртом. К сожалению, Док всегда испытывал моральное отвращение к так называемой любви по-французски.

— Да? — удивился я. — Гляди-ка!..

— Ему с двухлетнего возраста стали внушать строгие моральные принципы, — объяснила она. — Занятия спортом сделали из него замечательного атлета и самого сильного человека в мире. Не считая тебя, конечно, дорогой Джек. Я не думаю, что ему удалось бы это, если с рождения в нем не были бы заложены необходимые качества. А его мускулатура! Никогда не видела мужчины, более пропорционально сложенного, чем он. За исключением тебя, конечно. И, что уж совсем редко случается, он наделен выдающимися научными способностями. Мало того, что он стал прекрасным хирургом (кстати, он практикует под псевдонимом), Док изучал и проводил исследования в области химии, физики, антропологии, лингвистики и занимался еще целой кучей всяких научных проблем. Подобная эрудиция тоже своего рода извращение. Его отец вбил себе в голову, что его сын должен стать настоящим суперменом, призванным бороться со Злом во всех его проявлениях, и защищать бедных вдов и сирот.

— В общем, нечто вроде супербойскаута, так?

— В каком-то смысле, да. Его отец прямо-таки до посинения ненавидел Зло, можно сказать, почти физически. Ты знаешь, что он был убит гангстерами?

— Нет, — ответил я. — Откуда мне знать?

— Да-да. Как бы то ни было, Док получил довольно суровое воспитание, с твердыми моральными устоями. Одно время он даже подумывал, не стать ли ему монахом. Ты согласишься мне, если я тебе скажу, что ему было уже двадцать семь лет, когда он в первый раз поймел женщину?

— В это трудно поверить.

— Более того, до этого он даже не занимался мастурбацией! Он сознательно подавлял в себе всякие проявления сексуальности. Он страшно гордится тем, что может сохранять самообладание в любой ситуации, понимаешь? Но надо отметить, что он этим не хвастается. Кстати, он вообще никогда не хвастается. С его точки зрения, хвастовство — это тоже неумение управлять собой. Но то, что он горд своим умением,

это да, это есть. Я подозреваю, что, несмотря на то что он так хорохорится, внутренне Калибан угнетен размерами своей машинки. Я бы тоже, наверное, стеснялась, будь я на его месте. А это еще более усиливает его внутренние запреты, заставляя сторониться женщин. Я знаю, он оправдывался перед своими приятелями Риверсом и Симмонсом и еще двумя, я уже не помню их имен, что у него слишком много других важных дел, чтобы тратить свое время на женщин. И он якобы не хочет подвергать опасности этих слабых созданий.

— Его друзья никогда не воспринимали эти слова Дока всерьез, — заметил я.

— Однажды, когда ему было двадцать семь лет, Дока в Лос-Анджелесе захватила группа торговцев наркотиками, которую он как-то до этого поклялся разогнать. Любовница босса банды подсыпала ему снотворного в кофе. После этого они его связали и привезли в один дом в Топанго Каньон; как мне объяснила Триш, это где-то среди холмов, недалеко от Лос-Анджелеса. И вот эта женщина, ее звали Левелин, по прозвищу Олений Глаз, осталась наедине с Доком. В общем, она изнасиловала его. Она трахалась с ним столько, насколько у нее хватило сил, а потом высосала все, что у него там еще оставалось.

— Что доказывает, что существует по крайней мере одна женщина, способная вместить в себе эту базуку, — сказал я.

— Да. Если верить тому, что Док рассказал Триш, эта малютка действительно была большим специалистом в подобных делах. Док делал все возможное и невозможное, чтобы оставаться холодным как лед, но с ней он потерпел полное фиаско в этом плане. Одним разом он открыл для себя, чего он был лишен все это время. Но, вместо того чтобы порадоваться тому, что он узнал о себе, Док дико разъярился. Он разорвал свои путы, убил женщину и скрылся.

— Он был вынужден убить ее? — спросил я.

— В том-то и дело, что нет. Поэтому после всей этой истории Док заболел впервые в своей жизни. Он едва не сошел с ума. Раскаяние и сожаление о содеянном чуть не свели его в могилу. Ты понимаешь, в чем тут дело? Ну как же! Ведь он дважды подряд потерял самообладание, и ко всему еще был из-на-си-ло-ван! Во-первых, он не сумел устоять перед натиском той женщины и выдал ей все, чего она хотела от него, а во втором случае вообще сошел с рельсов и убил красотку как простую курицу, буквально скрутив ей шею, пока не оторвалась голова. Потом, когда спустя несколько лет он познакомился с Триш, Док признался ей, что, когда из оборванной шеи

хлынула кровь и залила его с головы до ног, у него случился оргазм.

В тот период он совсем сник. И подумывал чуть ли не о самоубийстве. Такое состояние длилось года два. И все это время он молчал, не рассказывая никому, что с ним произошло. Своим приятелям он сказал лишь, что хочет отдохнуть от общества и удаляется на год или больше, чтобы предаться медитации и выполнить кое-какие эксперименты. Он уехал и поселился в одном заброшенном доме, в самой глубинке Канады, почти у самого Северного полюса, где в уединении прожил целый год. Док вернулся из своего добровольного изгнания, весь пылая от праведного гнева, и тут же захотел броситься очертя голову на борьбу с Преступлением. Он хотел искупить свои грехи, очистив мир от как можно большего количества преступников.

Вот тогда-то он и встретился со своей кузиной. Если я правильно поняла, то братья, их отцы, потеряли друг друга из виду со времен их юности. Отец Триш эмигрировал из Англии, будучи еще совсем молодым, после чего потерял контакт со всеми своими родственниками. Отец Дока переехал в Америку, но гораздо позже. Док и Триш встретили друг друга совершенно случайно, познакомились и лишь спустя некоторое время обнаружили, что их связывают родственные узы. Они влюбились друг в друга с первого взгляда. Док все рассказал Триш. Он преодолел свой внутренний запрет, и они смогли заняться любовью. Ей удавалось вместить его, хотя ей это причиняло сильную боль. Я уже тебе говорила, что она высокая девушка, даже можно сказать — крупная, но у нее очень узкое влагалище. Во всяком случае, она сама так считает. А затем Док совершил нечто странное...

— Я заметил, что в бунгало его поджидала какая-то малютка с Востока, — заметил я. — Совсем крошечная женщина.

Я давно уже слушал разговорившуюся графиню вполуха и думал о кузине Дока, в чьей смерти он обвинил меня. Если он действительно верил в это, было совсем неудивительно, что он испытывает ко мне столь неприкрытую ненависть. Но почему он в это верит?

— Это Патани, — уточнила Клара. — Я ее просто не переносу! Она так нежна, такая хрупкая, такая предупредительная! Не беспокойся за нее. Она не будет и пытаться лечь рядом с ним. Эта девочка предпочитает рот всему остальному. Но делает она это мастерски, по высшему разряду. Поэтому они с Доком всегда предпочитают оставаться вместе, когда им случается здесь быть в одно и то же время.

Она поиграла немного моим концом, попробовала изобразить из него кларнет (намекая на свое имя), но все было впустую. Он оставался таким же инертным и неподвижным.

— Ты, случаем, не стал импотентом, дорогой? — спросила она. — О нет! Это невозможно, все видели, как вы скрестили ваши дрючки на мосту, прямо как какие-нибудь Робин Гуд и Маленький Жан со своими дубинками. Ой, слушай! А может быть, за это время ты стал педиком, нет?

— Да нет же! — с досадой ответил я.

Было бы бессмысленно пытаться объяснить то, в чем я сам до сих пор не мог разобраться. Если я скажу ей, что достаточно мне убить ее, как член мой вскочит, как чертик из коробки, и зальет морем спермы ее остывающий труп, то ничего этим не объясню, а лишь напрасно напугаю ее. Вернее, создал бы у нее о себе неприятное впечатление, так как люди, приходящие в эти пещеры, пугаются лишь в действительно серьезных ситуациях.

Тогда она попросила меня хотя бы помочь ей разрядиться, и я ответил, что охотно помогу ей и сделаю это от всей души. «Сколько мужиков могли бы сейчас сделать для нее и в тысячу раз больше, чем я в моем теперешнем состоянии! — подумал я. — Так нет же! Она оказывает мне честь, предпочитая иметь со мной дел на цент, чем с другими на целый доллар». Я ласково и нежно стал поглаживать ее клитор, чем быстро довел ее до состояния оргазма. Потом еще и еще, пока она не устала немного. Тогда, давая ей отдохнуть, я раздвинул языком ее малые губы и ввел его внутрь. Я двигал им то медленно, то быстро, то из стороны в сторону, то взад и вперед, почти равноценно заменив им мой забастовавший член. Она «кончила» не менее двенадцати раз. За исключением жены, я не знал ни одной другой женщины, у которой вагина была бы столь восхитительна, как у Клары.

Я почувствовал, что возбуждаюсь, но очень смутно и неопределенно. Покрыв меня на прощание тысячько поцелуев, — похоже, ей нравился вкус собственной вагины, — Клара наконец оставила меня одного.

ГЛАВА 24

Я хорошо понимаю, что большинство любителей приключенческих романов, где я являюсь главным героем, будут шокированы, даже придут в негодование, прочитав о том, чем мы занимались; Клара и я. Мой «биограф» изобразил меня человеком с абсолютно безупречной моралью. Если верить ему, у

меня хватало сил и мужества оставаться целомудренным и безукоризненно верным моей жене, несмотря на происки очень красивых и очень влюбленных в меня дам, пытающихся соблазнить меня при выходе из длительного периода воздержания. Огромное число фанатиков этих романов непоколебимо верят в каждое слово этих бредней. Они не воспринимают меня иначе как человеком, наделенным моральными качествами супермена. Или невротика. Быть может, им нравится думать, что существуют люди, способные устоять перед соблазнами, которым они были бы счастливы поддаться сами.

Но есть много и других читателей, которые находят все это смешным. Они отказываются верить, что нормальный человек со здоровой психикой, с точки зрения сексуальности, может устоять перед такой приманкой, если к тому же этому благоприятствуют обстоятельства. Даже самые закоренелые викторианцы не были стеснительны до такой степени.

Но самым странным во всем этом является то, что мой биограф ничего не преувеличил, и пусть однажды, но он не стал здесь фантазировать.

Когда я женился (тогда я мало что знал о человеческих обычаях), я принес клятву оставаться верным моей жене. После церемонии она вновь заставила меня поклясться, что я не буду спать ни с одной женщиной, кроме нее, пока мы живем на этом свете.

В то время мы, естественно, еще ничего не знали ни о Девяти, ни об эликсире. Я легко принял ее точку зрения и согласился со всем, о чем она меня просила, потому что у антропоидов, воспитавших меня, были весьма схожие обычаи. С единственной разницей, что в стаде взрослый самец мог иметь нескольких жен сразу и не существовало никаких проблем с разводом как для самцов, так и для самок.

Мне случалось подолгу не видеть моей жены во время рейдов в джунгли или выполнения поручений Девяти. В таких случаях я обычно мастурбировал. Правда, у меня был еще один выход. Во время скитаний по джунглям я много лет находил утешение в знакомстве с грациознейшим существом на свете, великолепной пантерой по кличке Кута. Это была самка, конечно. О ней мой биограф даже не упоминает в своих романах.

На деле, он и вовсе не подозревал об ее существовании, так как я ему никогда о ней не рассказывал. Он был слишком симпатичен мне, чтобы я мог позволить себе смутить его чувствительную душу или нанести ущерб тому впечатлению, и так уже серьезно подпорченному моими предыдущими откровениями, которое к тому времени сложилось у него обо мне. Это

было одно из тех редких человеческих существ, которое заслужило мою симпатию.

Моя любовная связь с Кутой была, должен признать, необычна. Когда-нибудь я более детально опишу эти странные отношения между человеком и огромным красивым зверем. К концу третьего года она бросила меня ради самца своей породы. Я подозреваю, что Кута это сделала из-за того, что не могла рассчитывать на потомство от меня. Или, может быть, оттого, что больше не могла переносить ревность моей супруги и опасалась, как бы та не подстроила ей какую-нибудь гадость. До того дня когда одним прекрасным вечером мы с Кутой впервые занялись любовью на прогалине леса, лежащей на склоне горы, пантера была очень привязана к моей жене.

У меня не было ощущения, что я нарушаю свое обещание, когда я мастурбировал или делил любовь с Кутой. Оно касалось, в конце концов, только человеческих самок. И я не понимал, почему Клио ревновала меня к пантере. По логике вещей, она не должна была бы этого чувствовать. Однако я поостерегся рассказать ей что-либо о наших отношениях с Кутой даже после того, как та оставила меня. Однажды мы вернулись к этой теме, в тот день когда отпраздновали седьмую годовщину нашей свадьбы и одновременно день моего рождения. Это было в нашем лондонском особняке, как сейчас помню, 21 ноября 1920 г. Мы выпили шампанского, и это было ошибкой, поскольку я пью так редко, что алкоголь тотчас бьет мне в голову. После первого же бокала я потерял всю свою осторожность. Я рассказал ей все о Куте и себе и расплатился за это долгими часами нескончаемых упреков и рыданий. В конце концов мне удалось убедить ее в том, что я не был ей неверен в истинном значении этого слова и что я не совершил такого уж ужасного преступления против природы. Для меня существует лишь одно преступление против природы — это преступление против моей природы, против моего естества, которое страдает, когда не может с необходимой частотой разряжаться от переполняющей ее, накопившейся сексуальной энергии. Другими словами, если я не трахаюсь шесть раз в неделю, я становлюсь раздражительным и злым.

Она простила меня. Во всяком случае, так она мне сказала. И так скорее всего оно и было, потому что, несмотря на все свои недостатки, Клио всегда была сама искренность. Я был воспитан и взращен обезьянолюдьми и поэтому не был полностью ответствен за мое поведение, за то, что не был настолько «цивилизованным» человеком. Я сказал ей, что несу полную ответственность за мое поведение, которое логически гораздо

более обоснованно, чем ее отношение к нему. Она сделала вид, что не поняла или не расслышала того, что я сказал. Клио хотела вновь заставить меня дать ей обещание, что подобное больше никогда не повторится. Она хотела, чтобы запрет, ограничивающий мои сексуальные отношения с людьми, распространялся бы и на животных, какими бы милыми и прекрасными они ни были.

Я спросил ее, не запретит ли она мне заодно и заниматься онанизмом. Клио вздрогнула, и лицо ее покраснело. Я чисто-сердечно рассказал ей, что вынужден мастурбировать во время моих длительных путешествий. Видимо, я говорил достаточно убедительно и откровенно, так как она преодолела свойственную людям скрытность и смущение, особо выраженное у женщин, и после нескольких дополнительных глотков шампанского призналась мне, что во время моих длительных отлучек она тоже занималась мастурбацией. Клио родилась в добропорядочной протестантской семье на юге Соединенных Штатов и являлась потомком длинной линии пуритан, строго следящих за своей нравственностью. Кроме того, черная нянька, которой поручили Клио в шестилетнем возрасте, была баптисткой, фанатично преданной религии и морали, проповедуемой ею. Вопреки окружающим ее столь строгим нравам Клио, когда выросла, превратилась в молодую пылкую женщину, далекую от всякого жеманства и вычурностей. При этом в ней явно обозначилась тяга к тому, что люди называют «сексуальным экспериментированием». К тому же ей удалось избавиться от тех унижительных условностей или, как их еще называют, «расовых предрассудков», которыми была пропитана атмосфера ее детства и юности, прошедших в весьма специфическом нравственном климате юга Соединенных Штатов.

(Я отвлекаюсь в сторону, это так. Но в конце концов — это моя история, и я рассказываю ее так, как мне нравится. И потом, читателю будет трудно понять меня и тех, кого я люблю, если у него не будет объективного представления обо всех нас.)

Мы с Клио свободно болтали о наших мастурбациях и фантазиях, которыми они сопровождались. Она даже позволила себе пошутить по поводу размеров банана, которым ей приходилось пользоваться, чтобы удовлетворить себя после семи лет совместной жизни со мной.

Наш обет верности друг другу был недействителен в течение определенного времени: он автоматически снимался, когда мы участвовали в церемониях в пещерах Девяти. Получив в дар Эликсир Молодости, мы тем самым соглашались с условиями, поставленными перед нами Девятью. Мы пробовали это

оспорить лишь однажды, когда нам впервые пришлось столкнуться с этим, и это было в первый и последний раз. Потом мы всегда избегали возвращаться к этому вопросу. Мы оба, и я, и Клио, согласились, что за обладание эликсиром необходимо платить высокую цену. Ничто не дается даром. А игра стоит свеч, так, по крайней мере, мы думали вначале. Время от времени у меня возникали кое-какие сомнения, но я легко прогонял их из своей головы.

Новое вторжение Клары прервало мои размышления.

— Я только что встретила ту маленькую тайландку, — сказала она. — Она была сильно взволнована и рассказала мне нечто странное. Она сказала, что, находясь с Доком, вдруг почувствовала отвращение к нему. Что Док внезапно предстал пред ней как воплощение Зла, в его чистом виде. В Доке что-то изменилось, он больше не тот, которым она знала его вот уже столько лет. Поняв это, она повернулась и ушла, оставив его там.

— У него встает? — спросил я.

— О нет! Машинка Дока и раньше не вставала прежде, чем ее пососут, и то через довольно долгое время.

Я вновь вспомнил сцену нашей борьбы на мосту.

Клара не сводила с меня внимательного изучающего взгляда.

— Ты знаешь, Джон, — задумчиво сказала она, — у меня тоже появилось довольно странное ощущение, когда мы с тобой только что занимались любовью. Вернее, когда я ею занималась с тобой. Ты ведь тоже изменился, Джон. Я не имею в виду то, что у тебя сейчас не стоит, нет. Вокруг тебя появилась какая-то зловредная аура!

Странное впечатление произвели на меня эти слова, услышанные из уст Клары. Я хотел было уточнить, какого рода было ощущение, испытанное ею, но она не предоставила мне этой возможности, так как сразу вышла из бунгало после своих загадочных слов.

Я снова задумался. Мысли жужжали в голове, будто мухи вокруг падали.

Мне вновь подумалось, что, может быть, соглашаясь принять дар Девяти, а значит, и их условия, я совершил ошибку, которая могла иметь для меня неприятные последствия. Я должен был признать, что Девять никогда не требовали, чтобы я выполнил для них какое-то задание, которое можно было бы интерпретировать как проявление Зла, в том смысле, в котором я его себе представлял. Но нельзя было исключить, что однажды они все-таки сделают это, так как условия нашего договора давали им право требовать от меня все, что они сочтут нужным для себя.

Я подумал о знаменитом прецеденте, истории доктора Фауста и Мефистофеля. Но Фауст заключил сделку на короткий срок, и именно на этом он и прогорел. В то время как мы, если только немного повезет, проживем минимум до тридцати тысяч лет, а после нашей смерти все закончится. Некоторые из нас кончат тем, что войдут в состав Девяти, так как те тоже были смертны. Последний из них умер около двух тысяч лет назад, и на его место был выбран один из служителей. Свободное место среди Девяти могло оказаться и через двадцать веков, и завтра, и это было неизбежно.

Когда тебе предлагают остаться молодым в течение многих тысячелетий, отказаться от соблазна практически невозможно. Я понимаю, что какой-нибудь больной, страдающий тяжким хроническим недугом, умственно отсталый человек, неврастеник или старик с постоянными кризами подагры, вряд ли согласится на такой дар. Но я не могу себе представить, чтобы человек, живущий полнокровной жизнью и любящий жизнь, отказался от подобной удачи.

Зачем было Девяти делиться с нами секретом длительной юности? Думаю, потому, что, однажды испробовав его, человек уже не мог отказаться от соблазнительной мысли, и эликсир таким образом становился для него притягательнее героина, желаннее золота или драгоценностей. А для Девяти — орудием управления сонмом своих «посвященных». Кроме того, подчиняясь древним традициям, Девять были обязаны обеспечить практически вечное существование их братства, наверняка самого древнего из всех братств.

Интерфон звякнул девять раз, и голос Глашатая стал называть наши имена. Я был назван пятым, а Калибан — восьмым по списку. Это лишний раз подтвердило мне, что происходит нечто необычное. За сорок восемь лет, в течение которых я участвую в подобных церемониях, никогда еще не случилось, чтобы в пещеру Совета вызывалось более одного паломника сразу.

ГЛАВА 25

Вход в пещеру вел через треугольное отверстие, прорубленное в скале, достаточное для прохода в одну сторону лишь одного человека. Оно было таким узким, что я всегда с трудом протискивался через него.

Ярко освещен был лишь самый центр пещеры. Свет, постепенно рассеиваясь, таял в непроглядной темноте, окутывающей все остальное пространство огромной каверны. Дно ее

напоминало воронку, в самом центре которой находилось озеро с мутной водой серо-зеленого цвета. Из центра озера на высоту в три с небольшим метра поднималось сооружение, напоминающее усеченный конус. Каркас его был сделан из огромных, грубо обработанных дубовых брусьев, между которыми были навалены гранитные глыбы. На плоской вершине этой своеобразной трибуны возвышался дубовый стол, сделанный в форме кольца. Внутри кольца стояло девять кресел из дуба и ясеня, высокие спинки которых были украшены красиво вырезанным скульптурным орнаментом. Девять появлялись через люк, расположенный в самом центре трибуны.

Над самым озером с потолка пещеры вниз спускались девять гигантских, удивительно прозрачных сталактитов. Свет, идущий из центра пещеры, освещал лишь самую нижнюю их часть, отражаясь и преломляясь в их прозрачной глубине, создавая впечатление висящих в пустоте девяти хрустальных сияющих люстр. Освещение шло от девяти огромных каменных чаш, с пылающей внутри смолой, стоящих на вершинах передвижных каменных же столбов, расположенных по периметру верхней площадки трибуны.

Все остальные члены братства во время церемонии должны были стоять на пологих гранитных склонах дна пещеры. Мы не имели права садиться, да было и некуда, так как во всей пещере больше не стояло ни единого стула или кресла. В помещении царила мертвая тишина, изредка прерываемая приглушенным покашливанием кого-нибудь, причиной которого была скорее нервозность, чем болезнь, ибо пьющие эликсир вскоре забывали, что это такое. Во время церемонии нам также запрещалось говорить, кроме тех случаев, когда нужно было отвечать на вопрос, заданный кем-то из Девяти.

Наконец, после долгого томительного ожидания, на вершине трибуны появился Глашатай. Он встал сбоку от стола и протянул к нам руку с жезлом, украшенным косым крестом и рогами ханнунваакуна.

Как бы подчиняясь его сигналу, из люка в центре площадки стали медленно и торжественно, один за другим, появляться Высшие, Девять. Они шли в порядке занимаемого ими места в иерархии, самые младшие впереди. Последней из люка показалась древняя Аи-не-на.

Их было только восемь! Кресло по правую руку от Аи-не-ны осталось пустым. Оно принадлежало старику-гиганту с белой бородой, головной убор которого украшали головы двух воронов. Обычно он носил черную повязку на правом глазу, хотя тот видел совершенно нормально. Это был тот, кого мы знали под именем Ксоксаз.

Они были одеты в свою обычную одежду, больше напоминающую монашеский стихарь, но в этот раз их капюшоны были откинuty назад, на затылки, а на головах были надеты короны-маски, соответствующие рангу каждого из них. Головной убор Аи-не-ны украшала маска кабана, остальные носили маски медведя, волка, гиены, барана, ягуара, барсука и лося.

Старуха Аи-не-на долго смотрела на нас, не говоря ни слова. Я часто имел возможность видеть ее вблизи и знал, что она выглядит по крайней мере лет на сто двадцать пять. Даже смерть, страшась ее, казалось, обходит ее стороной. У меня были все основания предполагать, что ей никак не менее тридцати тысяч лет.

Наконец она подала знак Глашатаю. Тот подошел к пустому креслу рядом с ней и взял в руки предмет, до того времени скрывавшийся в тени. Это оказалась корона-маска Ксоксаза, украшенная двумя головами воронов. Он положил ее на стол перед пустым креслом и стукнул девять раз своим посохом по дубовому полу. В огромном пространстве пещеры эти удары, усиливаясь эхом, прозвучали как девять раскатов грома.

Благодаря великолепной акустике, его голос без всякой помощи электронной аппаратуры был ясно слышен всем присутствующим.

Полным патетики голосом Глашатай провозгласил:

— Ксоксаз ушел от нас и присоединился к длинной череде своих предков, так как даже жизнь Девяти хоть и длинна, но все же не бесконечна.

Восемь сидящих за столом подняли выточенные из камня кубки, стоящие перед ними, и поднесли к губам. Снова воцарилась тишина. По-видимому, им больше нечего было сказать о человеке, который прожил вместе с ними в пещерах по крайней мере пять тысяч лет, а может быть, и в три раза дольше. Быть может, Девять уже оплакали его во время другой церемонии, для более узкого круга, не знаю. Во всяком случае, здесь, перед нами, они, казалось, наспех выполняют скучную надоевшую формальность.

Аи-не-на показалась мне еще более высохшей и сморщенной, чем всегда, но могущество ее влияния не убавилось от этого ни на йоту. Когда я говорил, что даже смерть в страхе обходит ее стороной, это не было пустой риторической фразой. Меня не так-то легко испугать, но в ее присутствии я всегда чувствовал себя крайне неуютно.

После долгой паузы, продлившейся не меньше целой вечности, Аи-не-на вышла из своей неподвижности. Она взглянула направо, в направлении Инга, старика с маской медведя на голове, потом налево, на Ивалдира, старого гнома, носящего

барсучью маску. Вместе с Ксоксазом эти трое были, я думаю, самыми старыми после Аи-не-ны. Я не знал их возраста. Но мне пришлось несколько раз слышать, как они говорили между собой, когда оставались одни. И я достаточно опытный лингвист как в африканских, так и в индоевропейских языках, чтобы мог на лету запомнить несколько слов из их языка. Слов, которых я раньше никогда не знал, кроме как в написанном виде, и то в плане гипотезы, как пример одного из утраченных, но теперь «восстановленных» языков. Но до этого я никогда не слышал, как их правильно произносить.

Среди них было слово «wəgəz» и слово «taknwaz». Я думаю, что они означают соответственно «человек» и «драгоценный предмет» или «драгоценность». Инг, Ивалдир и Ксоксаз общались между собой на древнейшем из германских диалектов. На языке, который дал рождение современному норвежскому языку, английскому, немецкому и его южно-немецкому (баварскому) диалекту, а до них — староскандинавскому, норманнскому, англосаксонскому, старосаксонскому, нижнесаксонскому языкам и так далее.

Другие внешне выглядели от пятидесяти до восьмидесяти лет. Я много узнал о каждом из них за то время; пока виделся с ними ежедневно в течение трех месяцев моей службы у них в качестве Глашатая. Один из них был евреем, родившимся в первый год нашей эры. Двое других, похоже, были монголами, но мне так и не удалось установить, к какой группе языков относился тот, на котором они говорили между собой. Четвертый был очень пожилой негр весьма импозантной внешности. Иногда он говорил сам с собой на языке, который, как я уверен, является прародителем всех диалектов банту в современной Африке. Пятый внешне был очень похож на американского индейца, но в его лице были выражены и характерные признаки монголоидов. Так что он вполне мог быть ольмеком из старой доколумбовой Мексики. Инг был вылитый портрет старого норвежца. Но, пожалуй, самым загадочным из всех для меня оставалось происхождение Ивалдира. Это был карлик с темной морщинистой кожей, с огромными широкими плечами, большой головой и выраженным эпикантусом*. Ноги у него были короткие и кривые, зато руки — длинные и невероятно мускулистые, с огромными корявыми ладонями, похожими на корни дуба. Длинные седые волосы спадали у него почти до пояса, а белая борода достигала колен. Он принадлежал к совершенно незнакомой для меня расе, но говорил на том же

* Эпикантус — рудиментарное третье веко, наиболее выражено у народов монголоидной расы.

языке, что и Ксоксаз и Инг. Они, казалось, были очень близки друг другу, как люди, знакомые между собой целую вечность и перенявшие один от другого много общего.

Аи-не-на сказала:

— Итак, траур закончился. Но кресло все еще пусто. Кто займет место среди Великих?

Колеблющийся свет факелов играл на голых телах мужчин и женщин, стоящих на наклонном гранитном полу пещеры. Свет был слабым, однако я заметил, что женщина, стоящая сбоку от меня, покрылась «гусиной кожей». Может быть, это было вызвано ледяным холодом, царящим в пещере, а может, напряжением и страхом, с которыми она ждала начала церемонии. Общее нервное напряжение, уже заметное до появления Девяти, внезапно резко возросло после первых слов Аи-не-ны. Хотя она и не сказала этого прямо, все поняли, что один из нас сейчас будет вызван, чтобы занять место среди Девяти.

Я насчитал сорок девять человек, включая себя. Во всем братстве было, безусловно, гораздо больше людей. Но, вероятно, с точки зрения Девяти, здесь сейчас были собраны все сливки элиты, самые серьезные претенденты на освободившееся место. Доктор Калибан стоял в шести-семи метрах слева от меня и чуть-чуть ниже. Мне он был хорошо виден. Я воспользовался новой паузой, чтобы еще раз внимательно приглядеться к нему. Это был действительно великолепный образец мужчины. В неверном свете факелов он более чем когда бы то ни было походил на статую, вылитую из бронзы. И все же он был далек от эстетических критериев, которыми руководствовались древние греческие ваятели. Какой бы Фидий, скажите мне, взялся бы ваять атлета со столь божественными пропорциями, наградив его при этом таким чудовищным генитальным аппендиксом? Ко всему, по неизвестной мне причине, член его сейчас находился в состоянии полуэрекции.

Статуя внезапно пошевелилась. Калибан перенес вес тела на левую ногу и секунду спустя, слегка повернув голову в мою сторону, взглянул на меня краешком глаза. Я бы расценил такой взгляд как снисходительно-пренебрежительный. В углу рта затаилась едва заметная сардоническая улыбка, которая слегка приоткрыла его губы. Зрачки на мгновение полыхнули безумной огненной вспышкой, будто их изнутри осветило пламя взрыва. Но это была скорее всего чисто оптическая иллюзия, вызванная отражением пляшущего языка огня ближайшего факела. Я опустил глаза и только тут заметил, что ненависть и немедленное желание убить Калибана привели мой пенис в возбужденное состояние. И еще я увидел, что в этом странном

колеблющемся освещении моя кожа приобрела тот же бронзовый оттенок, что и у Калибана.

Глаза графини Клары были устремлены на мой напрягшийся член. Я читал ее мысли так же отчетливо, как если бы думал сам. Сейчас она с недоумением спрашивала себя, как могло случиться, что все ее усилия оказались бесплодными, и тщетно искала причину того, что могло быть столь возбуждающим для меня в той ситуации, в которой мы все находились.

Глашатай вновь стукнул посохом об пол. Настолько резко и неожиданно раздался этот сильный звук, что почти все подпрыгнули на месте. Было впечатление, что сверху рухнул один из сталактитов. Я подпрыгнул тоже; я вообще очень быстро реагирую на все внешние раздражители, если только у меня нет какой-то особой причины сдерживать мои рефлексy. Калибан даже не вздрогнул. Он лишь злорадно улыбнулся, увидя мою реакцию. Затем Док отвернулся и перенес все свое внимание на центр пещеры.

Призвав таким образом к вниманию, Глашатай затем коротко объяснил, что требовалось от нас. Исключительно ввиду смерти Ксоксаза нам предстояло пройти обряд в присутствии других служителей. Для всех церемония будет происходить как обычно, кроме тех двух, кто выбран кандидатами на наследование кресла и шапки Ксоксаза. Если оба кандидата не удовлетворят требованиям Девяти, если они не выдержат испытаний, из присутствующих будут выбраны два других претендента и так далее. Но это произойдет гораздо позже, так как испытание, которому будут подвергнуты оба избранных претендента, будет довольно длительным.

Снова нас обволокла тишина, будто мрак, притаившийся под сводом пещеры, набросил на нас свое удушающее покрывало. Девять, казалось, совсем забыли о нашем присутствии, уносясь мыслями в какую-то даль. Быть может, они вспоминали, когда в последний раз новичок занял место среди них.

Громкий крик Глашатая всколыхнул окружающую тьму:

— Лорд Грандрит! Доктор Калибан! Приблизьтесь! Пересеките Вуды! Вскрабкайтесь по Дереву и предстаньте на Столе Богов!

Медленными шагами мы спустились к темному озеру. Вода в нем обожгла мне ногу ледяным холодом. Кровь, казалось, мгновенно застыла в венах и ноги задеревенели, потеряв чувствительность. Парестезия* поднялась выше и захватила

* Изменение чувствительности кожи, как в сторону ее увеличения, так и в сторону уменьшения.

ягодицы. Когда вода закрыла мои гениталии, пенис судорожно сократился, приняв минимально возможные для него размеры, а тестикулы, казалось, прыгнули вверх, под защиту мышц живота. Кишки превратились в лед. Нижняя часть позвоночника стала деревом, окунувшим свои корни в воды арктического океана.

Я вскарабкался по решетке из могучих дубовых балок до самого верха сооружения, но усилия нисколько не согрели меня. Подъем не отличался изяществом движений, так как после ледяной купели я чувствовал себя наполовину парализованным, и к тому же дерево от постоянной сырости покрылось густой пленкой скользкой слизи. Не знаю, какая участь ждала бы тех, кто, сорвавшись, упал бы в воду и не смог из нее выбраться.

Калибан достиг вершины в то же время, что и я. Мы встали, как тихо приказал нам Глашатай, бок о бок, напротив Аи-не-ны, сидящей по ту сторону стола. Ее лицо стало еще более морщинистым, чем то, которое я хранил в воспоминаниях о ней. Будто время сжало кожу ее лица в комок, как старый использованный бумажный мешок, который собрались выбросить, но потом вдруг передумало, встряхнуло, расправило и разрешило попользоваться им еще. Но в самом центре маленького, сморщенного, будто печеная картошка, лица неожиданно молодо и ясно сверкнули ее не потерявшие глубокого голубого цвета глаза. И как же они были глубоки! Глядя в них, казалось, будто тысячелетия прошли мимо нее, не коснувшись, утонув в бездонной синеве этих магических глаз. Было в ней что-то от загадочного сфинкса. И еще другое, чего не выразишь словами, нечто неуловимое, а потому еще более пугающее отличие. Аи-не-на и трое других из Девяти были единственными человеческими существами, в присутствии которых я испытывал страх. Впрочем, может быть, они не были настоящими людьми. Человек, который прожил более тысячи лет, быть может, становится больше — или меньше — чем человек.

Послышался голос Аи-не-ны, тихий хриплый шепот. Она говорила на английском, в котором слышалось далекое эхо языка, угасшего задолго до бронзового века.

— В чем причина вашей распри, Грандрит?

Я был удивлен, что она не знает. Она должна была бы быть осведомлена об этом гораздо лучше меня, так как наверняка прекрасно знала все, что касалось Калибана. И вдруг у меня возникла мысль, не были ли случаем Девять ответственны, хотя бы частично, за то извращение, которое проявилось у Дока и у меня.

Глашатай громогласно повторил вопрос Аи-не-ны, и слова его отразились от далеких стен грота и вернулись назад, будто невидимые летучие мыши.

— Калибан напал на меня без какого-либо повода с моей стороны, — ответил я.

Углом глаза я заметил, как бронзовый силуэт сбоку от мечя слегка вздрогнул.

— Это правда, Калибан?

Глашатай выкрикнул эти слова во всю мощь своих легких.

— Нет. Он лжет.

Глашатай, будто гигантский мегафон, повторил:

— **НЕТ! ОН ЛЖЕТ!**

Эта крикливая разновидность речитатива и эхо, постоянно возвращающееся незримиыми летучими мышами, начинали серьезно действовать мне на нервы. Я чувствовал, что сейчас взорвусь и потеряю над собой всякий контроль. В обычное время такие вещи не произвели бы на меня ни малейшего впечатления. Но все объединилось, чтобы сделать меня ненормально восприимчивым: необычный ход церемонии, обещающий иметь неожиданное продолжение, и не исключено, что весьма неприятное для меня; иррациональная ненависть Калибана; мое нетерпеливое желание убить его и устранить с моего пути, а затем как можно быстрее вернуться в Англию и поспешить на помощь Клио.

Аи-не-на спросила:

— Почему вы напали на него, Калибан?

— Он изнасиловал и затем убил мою кузину, Триш Вайлд.

— Вы знаете это из верных источников?

— Триш была в окрестностях границы между Кенией и Угандой, в составе ботанической экспедиции. Однажды ночью какой-то голый человек вторгся в их лагерь, оглушил Триш и унес ее. Некоторые из местных жителей узнали в нем лорда Грандрита. Члены экспедиции бросились в погоню, но быстро потеряли его следы. Но вскоре они натолкнулись еще на двух местных аборигенов, которые сказали, что присутствовали при насилии Грандрита над моей кузиной.

Его голос едва вздрогнул при последних словах, и после некоторого молчания послышался звук, похожий на сдерживаемое рыдание.

— Поскольку они появились в самый неподходящий момент, — продолжил Док, — он прервал свое занятие, забросил Триш на плечи и исчез в джунглях. Триш — высокого роста, сильная женщина и весит не менее семидесяти пяти килограммов. Кто другой мог еще так легко справиться с ней

и носить на себе? Затем, двумя днями позже, коллеги Триш нашли... ее останки... гиены и стервятники...

Раздался глубокий вздох, хотя его лицо оставалось спокойным и бесстрастным, как у статуи.

— Можно ли было по этим останкам уверенно установить, кому они принадлежали?

— Коллеги Триш нашли только скелет. Череп исчез. Скелет принадлежал белой женщине в возрасте Триш, то есть ей было лет двадцать пять—тридцать. Ее реальный возраст равнялся шестидесяти годам.

— Череп был найден?

— Нет, скорее всего его унесла какая-нибудь гиена или леопард.

— Что вы знаете о Грандрите? — спросила Аи-не-на.

— Вплоть до 1948 года я думал, что это всего лишь персонаж, полностью придуманный писателем, герой приключенческих романов, выдумка чистой воды. Но в том году, чисто случайно, я узнал, что в большинстве своем действия этих романов основывались на действительных событиях. Я заинтересовался и поручил своим людям провести тщательное исследование. В результате чего получил много данных, неопровержимо доказывающих, что Грандрит был одним из нас. Здесь я был вынужден прервать свое дальнейшее исследование, так как другие, более важные дела потребовали всего моего внимания.

— Ну да, ваши опыты по трансплантации мозга... — прошептала Аи-не-на.

Она неприятно улыбнулась и выпрямила два пальца левой руки, давая знак Глашатаю, чтобы тот не повторял за ней то, что она собиралась сказать дальше.

— За последнее время мы много чего узнали на ваш счет, Калибан. Мы подозреваем, что вы пытаетесь сами воссоздать эликсир. Ваши усилия пока не увенчались успехом. И у нас есть все основания подозревать, что ваши исследования в этой области не приведут вас ни к какому результату. Но это все равно нам не нравится. Мы никогда не запрещали нашим служителям пытаться создать их собственный эликсир. Скажу больше, мы были бы разочарованы в вас, если бы вы не попытались этого сделать. Но главное не это. Ваше исследование показало вам, и, я уверена, вы не забыли этого, что Грандрит во многом очень похож на вас. Вы наверняка два самых великих атлета, которые когда-либо рождались в этом мире в течение нескольких последних тысячелетий. Кто из вас сильнее, лучше, достойнее? Это нам еще предстоит узнать. Даже ваши

лица похожи, хотя различная окраска вашей кожи уменьшает ваше подобие.

Редко случается, чтобы кто-либо из Девяти говорил публично так долго. Я подумал о том, куда она хотела привести нас в своих рассуждениях, но поостерегся раньше времени открыть рот.

Аи-не-на наклонилась вперед, протянула к нам свои высохшие руки, покрытые густой сетью набухших вен, и приказала: «Приблизьтесь!»

Зная, что от нас требуется, мы сделали несколько шагов, пока не коснулись края стола бедрами. Мошонка и все остальное легли на поверхность стола. К тому времени я уже согрелся, но, когда Аи-не-на взяла мои тестикулы в свою ладонь, я почувствовал, как внутри меня все вновь заledenело. Ее кровь текла так медленно, что невольно наводила на мысль, что ей не так уж долго осталось жить.

Я не шевельнулся, хотя прекрасно знал, что за этим последует.

Потом я понял, что в этот раз все идет совершенно отлично от обычной процедуры. Так как было совершенно ясно, что она не может воспользоваться своим кремневым ножом, потому что ее вторая рука была занята мошонкой Калибана.

Она приподняла руками обе наши мошонки, сравнивая их вес, будто какие-нибудь овощи на рынке, и сказала:

— Как они хороши. Живые и горячие. Сколько...

Ее голос затух. Аи-не-на подняла на нас глаза и улыбнулась. Рот ее был полон темных, почти черных от старости зубов. Кроме того, она, вероятно, продолжала жевать или табак, или еще какую-нибудь траву. Что это был не бетель, я был уверен, но не мог точно определить запах, исходящий от нее. Я подозревал, что она сохранила обычай своего народа, который когда-то жевал растение, давно исчезнувшее с лица земли, за исключением нескольких тайных садов, очень секретных и хорошо охраняемых.

— Сегодня, — сказала она, — вы не принесете в жертву моему ножу часть вашей плоти. Вы разделите с нами еду, что прибавит вам сил перед вашим соревнованием. Но в следующий раз, когда мы соберемся для обеда, лишь один из вас будет сидеть с нами за этим столом... или за другим.

Судя по всему, разбор жалоб и причин нашей ссоры был закончен. Девять обычно мало беспокоило, кто был не прав и кто был пострадавшим. Вполне вероятно, что для них понятие правоты или неправоты было совершенно абстрактным и существующим лишь в человеческом сознании. Я говорю это, поскольку уверен, что они не считают себя частью человечества.

Они, вероятнее всего, давно уже отождествляют себя с богами, пусть и смертными. Но какой человек, прожив так долго и будучи наделен столь огромной властью, не стал бы думать о себе, в конце концов, как о боге?

А я, если буду принят в число Девяти, неужели и я приду к тому, что начну думать так же?

Я мало участвую в обычной жизни людей, или если и принимаю участие, то издали, стараясь делать это незаметно. Но все же у меня остаются общие с ними интересы. Сверхчеловеческая часть моего «я» не подавляет полностью мою истинно человеческую суть. Я испытываю к людям, по крайней мере к нескольким из них, некоторую симпатию. У меня не было никакого желания стать еще дальше от них, потому что я знал, что значит видеть, как на твоих глазах исчезает еще один вид, с которым ты чувствуешь самое близкое сродство: насколько мне было известно, в мире сейчас остался всего лишь один антропоид. Правда, они никогда и не были слишком многочисленными.

— Две тысячи лет прошло с тех пор, когда мы в последний раз проводили подобную церемонию, — снова заговорила Аине-на.

Она подала знак человеку с маской барана на голове. Он казался худым до истощения, с черной бородой на лице и изогнутым, подобно кривой турецкой сабле, носом. Во времена моего глашатайства я слышал от него анекдоты по поводу Цезаря Августа, Тиберия и Ирода Антипы.

— В те времена, Грандрит, остров ваших предков был заселен пиктами и бретонцами. Англы, ваши предки, еще жили в стране, которую сейчас называют Дания. А что касается Америки, доктор Калибан, то никто еще не знал о ее существовании, кроме нас, Девяти, и наших служителей. Мы предотвратили намерения финикийцев, римлян и сарацин отправиться в плавание в просторы Атлантики, где они могли открыть этот материк. Мы сделали все, чтобы провалить экспедицию викингов к ее берегам, создав условия, чтобы их первые поселения на побережье зачахли сами по себе. В то время мы думали над проектом создания могущественной Чероки-ирокезской империи. Тогда европейские первооткрыватели столкнулись бы лицом к лицу с великой нацией, уже знакомой с огнестрельным оружием и лошадьми. Но, подумав, мы решили все же не вмешиваться в естественный ход истории.

Я все это говорю вам потому, что в то время, когда в последний раз за столом освободилось вакантное место после смерти Тритджаза...

Мне показалось, что я узнаю слово, которое должно было означать «третий» на древнегерманском.

— ...еще не существовали ни англичане, ни американцы в виде тех народов, которыми мы их знаем теперь. Но времена меняются, даже для нас. А мы-то уж видели рождение и смерть стольких языков и стольких наций!

Она подняла палец к Глашатаю. Тот приказал мне встать справа, рядом с морщинистым, коренастым негром с маской гиены, а Калибану отвел место слева, рядом с человеком, носящим маску барана. После этого Глашатай вновь стукнул посохом об пол и приступил к выкрикиванию имен по списку.

Далее церемония потекла, как обычно, как все, в которых я участвовал в качестве очередного «блюда», или как те, которыми я сам руководил, исполняя обязанности Глашатая. За исключением нескольких деталей: в прошлом Аи-не-на всегда первой приносила себя в жертву в качестве «блюда»; и в этот раз мы с Калибаном участвовали в обеде в качестве почетных гостей.

Аи-не-на взяла в руку мошонку высокого усатого мужчины, явившегося по вызову Глашатая, и сделала сбоку ее глубокий надрез своим кремневым ножом с длинным узким лезвием. Мужчина смотрел, что она делает, и не отвел глаз даже тогда, когда розоватый шарик, похожий на небольшое яйцо, выкатился из мошонки на стол. Его смуглая кожа побледнела, затем стала серого цвета. Все тело покрылось обильным потом. Мужчина изо всех сил вцепился в край стола, будто желая, чтобы столешница навсегда запечатлела отпечатки его пальцев.

Я уже однажды видел, как он проходил подобное испытание, когда я был Глашатаем, поэтому не думал, что он ослабнет и рухнет с высоты трибуны в ледяную воду озера. Я видел людей, теряющих в этой ситуации сознание. Никто не имел права прийти к ним на помощь. Обычно вода приводила их в чувство, и они вновь поднимались вверх, несмотря на всю боль и слабость, которые испытывали в тот момент. Лишь несколько человек не смогли или не захотели вновь подняться к столу. Их уводили стражники, и после этого я больше никогда не слышал о них.

Истоки этого варварского ритуала восходили к временам палеолита, за триста тысяч лет до нашей эры. Он был древним уже в то время, когда Аи-не-на только родилась.

Старуха подобрала яичко, понюхала его и положила перед собой на столе. Глашатай приблизился к жертве и смазал свежую рану мазью, которую зачерпнул из небольшого бокала. Аи-не-на протянула каменный кубок Глашатаю. Тот передал его мужчине, который большим глотком выпил жидкость, содержащуюся в нем. Своим вкусом эта жидкость мне всегда

сильно напоминала крепкий медовый напиток, хотя это был совсем не мед. Через несколько минут боль должна была полностью исчезнуть. А через месяц, при условии, что жертвователь будет хорошо отдыхать и питаться, недостающее яичко вновь восстановится. Так как эликсир дарил не только продленную молодость, не только защищал от всевозможных болезней, но и наделял клетки организма способностью к быстрой регенерации.

Аи-не-на разделила шарик на двенадцать равных долек. Глашатай взял и поднес нам с Калибаном по одной такой дольке. Одна из них была брошена в воду, другую положили на стол перед пустым креслом. Каждый из Девяти взял по кусочку и проглотил. Я пожевал свой и проглотил его с наслаждением, достойным деликатеса, так как тестикулы являются одной из немногих частей человеческого тела, которые стоит есть.

Когда Глашатай подал знак, уса́тый мужчина повернулся и, подойдя к краю платформы, стал медленно спускаться вниз. Было видно, что боль еще не полностью отпустила его. Следующая жертва появилась перед столом еще раньше, чем он успел пересечь воды ледяного озера.

ГЛАВА 26

Мне достаточно было чуть-чуть повернуть голову, чтобы видеть Калибана, стоящего на противоположном конце воображаемого диаметра стола, почти напротив меня. Его лицо в данный момент было спокойно и невозмутимо, лишенное всякого выражения. Я не смог прочесть на нем ни единого признака, говорящего об отвращении, которое вполне естественно было ожидать со стороны столь цивилизованного человека. Или он настолько хорошо научился контролировать свои эмоции, что вполне совпадало с тем, что оба его старых приятеля и Клара говорили о нем, или ему действительно было все до фени. Я думаю, может быть, он, как и я, наслаждался вкусом этого лакомого кусочка.

Я чувствовал себя несколько разочарованным. Я бы предпочел увидеть его смущенным, а может, даже уронившим себя в глазах Девяти тошнотой и рвотой, или другими аналогичными проявлениями отвращения.

Второй жертвой была очень красивая мулатка. У нее были черные курчавые волосы, постриженные по африканской моде, кожа того же теплого шоколадного оттенка, как глаза антилопы. Ее же собственные глаза удивительно контрастировали с цветом ее кожи своим бледно-голубым, почти прозрачным от-

тенком. Это была жена Глашатая, которая исчезла одновременно с ним во время взрыва их яхты. Я хорошо знал ее, так как мы часто встречались с ней во время предшествующих церемоний. Она много раз спала со мной, и мой язык помнил малейшие изгибы ее великолепного тела.

Думаю, что Аи-не-на знала об этом. Создавалось впечатление, что она знает о нас все, как Бог, которому все известно о его созданиях. Таким образом, Аи-не-на вправе была предполагать, что у меня не возникнет никакого внутреннего протеста против исполнения ритуала с этой женщиной. Другое дело Калибан. Он был американец, белый, родившийся в состоятельной семье в 1903 году. Поэтому было вполне возможно ожидать с его стороны реакций, обычных для людей его круга по отношению к цветным. Может быть, именно поэтому Аи-не-на сделала знак Мире направиться к Доку. Но если Калибан и испытывал что-то, он оставил это в себе, не позволив дрогнуть ни единой черточке своего бесстрастного лица.

Он протянул руку Мире и помог ей подняться на стол, подняв ее столь легко, будто она весила не более чем шарик для пинг-понга. Женщина легла на спину. Он взял ее ноги и положил себе на плечи. После этого надолго застыл, спрятав лицо в густом жестком хохолке, так хорошо мне знакомом, прижавшись к горячей влажной щели, источающей терпкий возбуждающий медвяный запах.

Мира пыталась продемонстрировать, как ей приятно. Она извивалась всем телом, заламывала руки и громко стонала, но я не сомневался, что она просто играет на публику. Мира должна была чувствовать себя слишком напряженной, чтобы у нее действительно все пошло как надо. Я знал только одну женщину, способную добиться оргазма в условиях подобного ритуала: это была графиня Клара. Финальный акт заставил бы ее страдать не менее чем и всех остальных, но она умела жить настоящим моментом, на что способно не так уж много людей.

В конце ритуала Калибан укусил ее. Мира, напрягшись, как струна, вытянулась на столе, так сильно сжав кулаки, что ногти впились в ее ладони. (Когда она встала, я увидел, что пальцы ее рук окрашены кровью.) Ее ноги конвульсивно сжались, и она скрипнула зубами, чтобы сдержать готовый вырваться крик, хотя Девять никогда не запрещали кричать испытуемым.

Калибан отодвинулся и помог ей подняться. Его губы и подбородок были испачканы кровью, и он продолжал жевать откусенный клитор Миры. Глашатай, не моргнув глазом, смазал мазью рану своей жены. Мира, побледневшая до серо-пепельного

оттенка кожи, неуклюже слезла со стола на негнущихся ногах и с явным трудом стала спускаться с трибуны.

Я впервые видел семейную пару, одновременно участвующую в ритуальной церемонии, и подумал о том, как несладко, должно быть, чувствовал себя человек, жена которого должна была изображать восторг от действий Калибана. Мне кажется, я не смог бы сдержать приступа ревности, увидя Клио за подобным занятием с ним или с кем-нибудь другим. Я все равно попытался бы убить его. Может быть. Я знал, что Клио такая же женщина, как и все остальные. Будь вы мужчиной или женщиной, все равно невозможно прожить бесконечную молодость, не испытав желания немного разнообразить свои сексуальные отношения. Поэтому я не рассчитывал, что она всю жизнь будет вести себя как святая. Однако я предпочел бы ничего не знать о том, что она делает с другими мужчинами, и не хотел бы, чтобы кто-нибудь даже словом заикнулся мне об этом и уж тем более присутствовать при сем.

Быть может, Девять таким образом наказали Глашатая за какую-то допущенную им ошибку или просто испытывали его. Кто знает мысли Девяти?!

Честь вкусить плоти следующей женщины, красавицы из Пенджаба, была предоставлена мне. Мне никогда еще не приходилось откусывать клитор зубами, но я легко справился с отсутствием опыта в подобном деле. Вкус его во многом напоминал вкус мужских тестикул, только с более тонким, восхитительным ароматом, который источает влагалище здоровой женщины.

Затем наступила очередь второго мужчины. Процедура была та же: мошонка взрезана, яичко выпущено, отрезано и разделено на части. В этот раз мы довольствовались тем, что лишь один проглотил кусочек, а остальное было брошено за спины на пол. Было очевидно, что мы не смогли бы попробовать плоти всех оставшихся сорока семи персон. Девять держали в своих личных покоях домашних животных, которые затем позаботятся об оставшейся части.

Следующей была Клара. Аи-не-на довела ее до оргазма, потом одним движением зубов вырвала ей клитор.

После этого ритм ритуала убыстрился. Женщинам пришлось обойтись без предшествующих любовных игр. Было слишком много народа, и процедура вскоре приняла характер конвейера.

Наконец все сорок семь жертв вновь оказались стоящими на своих местах по другую сторону озера. Некоторые стонали. Многие теряли сознание, добравшись до своего берега, но быстро приходили в себя. И когда Глашатай приказал очистить

пещеру, все ушли самостоятельно, не прибегая к помощи друг друга. Теперь они могли считать себя свободными и покинуть убежище Девяти. Большинство из них больше не услышат о Великих вплоть до того дня, пока вновь не будут призваны заплатить ежегодную дань частью своей свежей плоти, или для того, чтобы исполнять обязанности очередного Глашатая.

За исключением этого обязательного ежегодного ритуала и тех трех месяцев, когда я жил рядом с ними в качестве Глашатая, я имел дело с Девятью всего семь раз в течение последних сорока восьми лет. Это было вызвано необходимостью выполнить их поручения, которые забрасывали меня поочередно то в Таиланд, в Родезию или в Бразилию, то в Чехословакию, затем в США, в Иерусалим и наконец в Берлин. Выполнение одного из этих заданий заняло целый год, который мне пришлось провести вдали от моей дорогой Клио. За это время я раз двенадцать едва не был убит, но всегда с честью справлялся с порученным мне делом, к полному удовлетворению Девяти. Любая из моих миссий могла бы дать прекрасный материал моему биографу для нового ошеломляющего романа. Но он, естественно, ничего о них не слышал. В противном случае ему пришлось бы возложить на себя тяжелую обязанность цензора, ибо он пришел бы в ужас от некоторых действий, к которым я был вынужден прибегнуть, чтобы справиться с моими заданиями.

В пещере вновь установилась тишина, когда ее покинули все, кроме тех, кто сидел за столом на вершине конусоподобного сооружения. Тишину нарушали лишь легкое потрескивание огня в горящих факелах да порой шуршащий звук сухого языка, слизывающего остатки крови с губ или подбородка. В пещере, несмотря на ее огромные размеры, стоял сильный смрадный запах, в котором смешались вонь горячей смолы и чад факелов с запахом крови, слюны, пота, клиторов и тестикул. Калибан не сводил с меня ненавидящего взгляда. Я коротко взглянул на него и отвел глаза: у меня не было никакого желания играть в «кто-кого-пересмотрит».

Наконец Аи-не-на решила прервать молчание:

— Последнее время у вас обоих появилось ощущение, которое очень смущает вас и которое вы оба расцениваете как проявление патологии, не так ли?

— Да, — ответили мы хором.

— Калибан, — сказала она, — доктор Калибан, как бы вы объяснили появившиеся изменения?

Калибан слегка улыбнулся, давая понять, что заметил сарказм, явно прозвучавший в вопросе старухи.

— У меня еще не сложилось определенного мнения на этот счет. Если только это не...

— Продолжайте.

— Вполне возможно, что это побочное действие эликсира.

Док указал на кубки, которые Глашатай в это время наполнял напитком, черпая его из скульптурной каменной вазы. Этим жестом он хотел дать понять, что, по его мнению, эликсир входил в состав ингредиентов жидкости с приятным медовым привкусом, которую давали пить всем во время этой церемонии. Но он не был в этом абсолютно уверен. Никто из служителей не знал, каким способом ему назначался эликсир. У меня были такие же сомнения, что и у Дока, так как им больше не давали пить ничего необычного, за исключением этой жидкости. Девять никогда не говорили, в какой момент и в какой форме каждый из нас получал свою порцию эликсира.

— Я не знаю, каким образом подобный психологический механизм мог бы внезапно проявиться во мне, учитывая мой возраст, если только это не следствие длительного приема эликсира. Я понимаю, конечно, что данный необычный рефлекс был всегда интегрирован во мне, но так глубоко, что я даже не подозревал о его существовании. Судя по всему, Грандрит стал жертвой такой же альтерации, что и я. Он так же, как и я, регулярно принимал эликсир, и это единственное, что у нас есть общего с ним.

Должен признать, я не разобрался еще в сути данного механизма. Я использую термин «механизм», хотя с таким же успехом мог бы сказать «психологический травматизм» или «патологический рефлекс».

Его великолепный глубокий голос обладал поистине гипнотическим воздействием, и я едва не поддался ему. На какое-то мгновение моя душа будто подверглась анестезии и освободилась от ненависти, переполнявшей меня.

Из ступора меня вывел голос Аи-не-ны, которая в этот раз обращалась ко мне:

— Грандрит. Доктор Грандрит! Каково ваше мнение по этому вопросу?

Глаза Калибана едва заметно расширились. Я думаю, он не знал, что я тоже являюсь доктором медицины.

— В противоположность Калибану, — сказал я, — я не являюсь лучшим врачом в мире. Я — даже не лучший врач в Кении. Но я способен думать и размышлять и в этом вижу мое главное отличие от большинства врачей, с которыми мне приходилось сталкиваться. Я согласен с Калибаном в том смысле, что эликсир пробудил в нас патологические наклонности, ко-

торые уже были заключены в нас в патентном состоянии. Судя по всему, я потерял способность к обычной нормальной эрекции при сексуальном общении с женщиной, если только я не заставляю ее испытывать мучения. Не знаю, смогли ли вы заметить, но у меня началась эрекция, когда я откусил клитор у той женщины. Меня возбудила сама мысль доставить ей боль, а не сексуальный аспект этого действия. Если бы я подумал, что сейчас убью ее, думаю, вы увидели бы меня в состоянии полного оргазма.

Я действительно весьма встревожен. Но последнее время я настолько был вынужден защищать свою шкуру, что у меня почти не было времени подумать над этим вопросом. Если вы знаете ответ, умоляю вас сказать его мне.

Эта просьба, почти мольба, ясно давала понять всю степень моего отчаяния. У Девяти нельзя просить ничего, в особенности у Аи-не-ны, не подвергая свою жизнь серьезной опасности.

Она промолчала. Тогда я добавил:

— Может быть, действие эликсира тут ни при чем. Первое проявление этого извращения у меня совпало с шоком, вызванным близким взрывом снаряда. Калибан, быть может, тоже был жертвой какого-нибудь шока. Но, в общем-то, это довольно странно, что лишь мы двое пострадали, причем это выразилось у нас в одинаковой форме.

И я подумал о шоке, который он испытал при известии о смерти его кузины.

— Красавица Патриция Вайлд, — задумчиво протянула Аи-не-на. — Итак, мы больше не увидим ее в наших рядах. Как цветы, она... Нет, не обращайтесь внимания. Это очень старая история. Обычно нам нет дела до того, в каких взаимоотношениях находятся между собой наши служители, если это не касается их безоговорочного повиновения и не мешает осуществлению наших планов. Я говорю это, Калибан, поскольку вы только что подрядили одного человека выкрасть жену Грандрита и тем самым отомстить ему за якобы совершенное им насилие над вашей кузиной и за ее смерть. Это совсем не похоже на вас. Ведь вы всю вашу жизнь боролись со Злом во всех его проявлениях, доблестный рыцарь Добра.

Сарказм ее слов был едва ощутим, и я скорее догадался, чем почувствовал его.

— Мне это показалось вполне справедливым, — ответил Калибан. — Грандрит должен заплатить за свое гнусное преступление.

— Разве за преступление платят преступлением?

— Я не считаю, что мои действия — это преступление! — воскликнул он.

Я никогда не слышал столько горячности в его голосе.

— Итак, вы решили, что стали жертвой нарушения нервной корреляции.

— Это нарушение состоит только в одном и ни в чем больше: у меня не будет эрекции, все время пока я не заставлю кого-нибудь страдать или умереть. Или, по крайней мере, не представлю себе, как кто-то страдает или умирает от моей руки.

Очко в его пользу. Ах, если бы у меня «вставал» лишь от мысли о причинении страданий! Но в таком случае, чем бы я занимался? Настоящей любовью или только выглядел бы занимающимся ею? Я ласкал бы ее, но на самом деле мысленно был бы за тысячи миль от моей Клио. Голова моя была бы полна ужаса смерти и агонии, в то время как она думала бы, что я сливаюсь с ней в любовном экстазе.

Аи-не-на немного помолчала. Остальные члены Девятки сидели столь неподвижно, что можно было подумать, что все они спят. Факелы прогорели почти до конца. И по мере того как слабело их пламя, мрак, затаившийся под сводом пещеры, стал спускаться все ниже и ниже. Темнота сгущалась и плотнела, становясь почти осязаемой. Воздух тоже изменился, стал густым и тягучим. Его почти можно было пить. Став более плотной, окружающая нас атмосфера, вместо того чтобы нагреться, потихоньку становилась все более и более холодной.

Аи-не-на прочистила горло и сказала:

— Грандрит, у вас было два дяди. Один, как вы знаете, умер в Африке. Другой был вынужден эмигрировать в Америку в юношеском возрасте, после того как он, находясь в состоянии приступа бешенства, набросился на одного из своих учителей и едва не убил его. Ваша семья вскоре потеряла все его следы и никогда больше не слышала о нем. Тем не менее он стал врачом и взял себе другую фамилию... Вайлд.

Этого не смогло выдержать даже хваленое самообладание Калибана. Он подпрыгнул как ужаленный и круглыми от изумления глазами уставился на Аи-не-ну.

— Вы знаете, Грандрит, кто был вашим отцом, — меж тем невозмутимо продолжала та. — Ваш дядя так и умер, ничего не зная о его дальнейшей судьбе. Последний раз когда он слышал о нем, ваш отец бродил где-то в окрестностях Уайтче-пела. В обществе ходило множество слухов о его делах, но никто так и не узнал его настоящего имени. Никому не известно, что случилось с ним после того, как прекратились преступления, связывавшиеся с именем Джека Потрошителя. Никому, кроме нас. Мы знаем это, потому что он был одним из наших. Он тоже эмигрировал, но в Соединенные Штаты, где также

выбрал профессию врача. В то время сумасшествие полностью покинуло его. Итак, он стал медиком, как и его младший брат, с которым он совершенно случайно встретился многие годы спустя. У младшего была дочь, у старшего — сын, родившиеся и одна, и другой на американской земле.

Аи-не-на сделала очередную паузу. Со сжавшимся от неясной тревоги сердцем я нетерпеливо ждал продолжения. Меня слегка подташнивало, потому что я догадывался, что именно она сейчас скажет.

— Все — мужчины с необычайной физической силой, со склонностью к сумасшествию и убийствам. Все — врачи, будь то нож был вашей эмблемой, вашим тотемом, вашим желанием, вашим удовольствием. Все — охваченные страстью к насилиям.

И вновь замолчала старуха. Упавшая тишина была подобна той, что разделяет два последних удара сердца умирающего.

Калибан странно захрипел, глухо и протяжно, и на фоне этого хрипения тихо, но явственно прозвучало его: «Невероятно!»

— ВЫ ОБА — СЫНОВЬЯ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ ОТЦА.

ГЛАВА 27

Менее чем через минуту после потрясающего заявления Аи-не-ны нам с Калибаном завязали глаза и вывели через люк в центре трибуны. Подкожная инъекция какой-то жидкости тут же отправила меня в страну грез. Очнулся я уже на борту небольшого самолета, который вскоре приземлился. Кто-то помог мне спуститься на землю и только тогда снял повязку с моих глаз. Самолет приземлился на дне глубокой долины, со всех сторон окруженной горами, покрытыми пышной тропической растительностью.

Торопливо передав мне инструкции, полученные от Девяти, пилот сел в кабину самолета и тут же взлетел. Я как был, так и остался голым, вооруженный лишь моим старым верным ножом, теперь с покоренным лезвием.

Как мне сказал пилот, Калибана увезли таким же способом, что и меня. Он был оставлен в месте, расположенном неподалеку от моей долины Офир. Ему были даны те же самые инструкции, что и мне: через месяц, не позже, один из нас должен был вернуться в пещеры с головой и гениталиями другого. Победитель наследует кресло Ксоксаза.

Я приблизительно знал, где находился. При условии, что я не буду останавливаться для охоты, кроме тех случаев, когда

это будет действительно необходимо, и буду спать по три часа за ночь, мне понадобится не более пяти дней, чтобы пересечь эту горную область и добраться до аэродрома одной угандской геологической компании. Но вот сколько времени мне придется провести там в ожидании ближайшего самолета, этого я не знал.

Вначале я здорово удивился, узнав, что Девять оставили нас на таком большом расстоянии друг от друга. Район был настолько обширен, что мы свободно могли провести здесь целый год в напрасных поисках друг друга. Уверен, что Девять добивались не этого. К тому же они знали, что я не буду терять времени на розыски в джунглях Калибана, в то время когда моей жене угрожала опасность в Лондоне. Док тоже знал это. Я был больше чем уверен, что он уже двинулся в путь к ближайшему аэродрому, если только он не установил контакта со своими приятелями-стариками и те не вызвали самолет по радио. В таком случае они на много дней опередили бы меня.

Я двинулся в путь. Дорога предстояла не близкая. Прошло не более получаса, как рассвело, и утренняя заря набирала силу, все шире и шире разливаясь по небу. Зимородок с пестрым оперением спикировал передо мною к самой земле и вновь свечой взмыл в небо. Будь на моем месте негры или антропиды, они приняли бы это за добрый знак, предвещающий удачу. Я же давно утратил химерическую надежду, что некое высшее существо следует за моей судьбой. Но, несмотря на это, вид кувыркающегося в воздухе зимородка доставил мне большое удовольствие. Кто знает, быть может, где-то в самой глубине моего «я», где были собраны воедино смешные и трогательные ценности моего детства, я еще верил в счастливые приметы.

Окрестности я знал хорошо. Несколько лет назад неподалеку отсюда, в развилке огромного старого дерева, я построил охотничий домик, сродни тому, что можно увидеть в одном из этих глупых фильмов обо мне. По правде говоря, эта идея пришла мне в голову именно после просмотра этого фильма. Дом был комфортабелен, насколько это возможно во влажной и душной атмосфере дождевого леса. Мы прожили здесь с Клио некоторое время. Но отсутствие возможности перекинуться с кем-нибудь словом, тишина, холод и влажность все-таки одержали верх над романтикой. К концу второго месяца Клио уже умоляла меня вернуться в Кению, на нашу плантацию. Зато первые три дня тут были замечательно идиллическими.

Я шел весь день и часть ночи и успел преодолеть две горы. На следующий день я очутился всего в нескольких сотнях

метров от моего старого дома. И хотя время поджимало, я не смог устоять перед искушением сделать небольшой крюк и взглянуть, что с ним стало. Я всегда испытываю ностальгию по местам, где жил когда-то, даже если жил там очень короткий промежуток времени. За единственным, пожалуй, исключением, касающимся моего дома в Лондоне: вокруг слишком много народа, шума и тошнотворных запахов.

В густом подлеске воздух был совсем неподвижным. Когда я почувствовал трупный запах взрослого человеческого самца, то сразу определил, что с момента смерти прошло немногим более часа и что он находится совсем неподалеку от меня. Запах указал мне направление.

Мой биограф не раз подчеркивал, что ноздри у меня были такими же чувствительными к запахам, как и у животных. Он объяснял это тем, что я вырос и воспитывался в джунглях. Но это объяснение несостоятельно, и он это прекрасно знает. У людей обонятельные способности весьма ограничены, и они не могут превзойти некий предел, как их ни тренируй. Мои же способности нельзя назвать обычными, они паранормальные, так как я (и я это очень подробно объяснил в предшествующих томах) являюсь мутантом (детали, касающиеся подробностей моих мутаций, изложены в четвертом томе «Записок»). Мой нюх не уступает нюху ищейки, что дает определенные преимущества. Но у каждой палки есть два конца. Знали бы вы, люди, что я испытываю, ощущая запах паров бензина или, еще хуже, выхлопных газов от автомобилей!

Через минуту я обнаружил место с поломанной растительностью и втоптанной в землю зеленью, которая едва начинала распрямляться. Эти и многие другие признаки показывали, что недавно здесь происходила отчаянная борьба. Под одним из кустов я нашел сумку из кожи леопарда. По другую сторону куста виднелось тело белого человека, лежащее на боку. Он был высок, где-то около двух метров, и весил самое малое килограммов сто пятьдесят. Мужчина был очень мускулистым, хотя немного жирноват. Выпирающий живот указывал на любителя пива. Он был гладко выбрит. Длинные волосы а-ля Битлз челкой падали ему на глаза, а сзади доходили до плеч. Чтобы они не мешали при ходьбе, на голову был надет тонкий ремешок из кожи леопарда. У трупа была оторвана правая рука, которой нигде не было видно поблизости, и отсутствовали гениталии.

Я пошел по следам крови, которые тянулись от трупа. Они привели меня к тесаку, который был очень похож на мой нож, на тот, каким он был когда-то, прежде чем время и частая заточка клинка не превратили его в стилет. Тремя метрами

далее лежала толстая дубинка, один из концов которой был весь испачкан в крови. Глядя на этих свидетелей сражения, я пришел к выводу, что, прежде чем убить человека с повязкой на голове, его противник должен был сначала выбить нож из его руки ударом дубины.

Следы ног, которые я обнаружил немного дальше, где земля была более влажной, заставили встрепнуться и забиться мое сердце быстрее. Глядя на них, я вдруг почувствовал, что вернулся к родному очагу. Это были следы двух взрослых больших антропоидов, самки и самца.

Я ускорил шаг в надежде догнать их. Крупные слезы бежали по моим щекам. Слезы радости. Ведь я считал этот вид безвозвратно исчезнувшим.

След вел прямо к моему дому, и я понял, что это не случайно. Кроме того, здесь были следы убитого человека, который шел в этом направлении менее часа тому назад.

Передо мной лежала большая поляна, в самом центре возвышалось огромное старое дерево с толстыми мощными горизонтальными ветвями. На двух нижних, шедших почти параллельно друг другу, я и соорудил мою хижину. Сквозь отверстие в густой листве кустарника я заметил самку, сидящую, прислонившись спиной к дереву. Обеими руками она прижимала к себе детеныша, которому на вид было не более года от роду. Они были достаточно близко от меня, и я чувствовал их запах. Дело было плохо: от ребенка доносился явный запах смерти. Он лежал потный, с закрытыми глазами, и его частое дыхание прерывалось приступами сухого лающего кашля.

И поза, и запах матери выдавали ее безмерное отчаяние. Отрешенным взглядом она смотрела на своего самца, который валялся на траве у подножия дерева, распластавшись на теле какой-то женщины.

Я был поражен, увидев то, чем он занимается. Большой взрослый антропоид — самец, довольно грозный и страшный противник в обстоятельствах, угрожающих его жизни, в обычной ситуации избегает человека как чумы. При приближении человека он стремится обычно убежать, если только не загнан в угол и не вынужден защищаться. Этот же самец убил человека, занял дом, построенный человеком, который он должен был бы обойти за версту. В его голове явно было что-то не так. Я не мог представить себе причины, которая могла бы столь коренным образом изменить все их привычки и поведение. Может быть, долго блуждая в одиночестве и не находя подобных себе, он повредился умом? Или его самка отказывает ему из-за болезни детеныша и он потерял голову из-за длительного воздержания? Могло случиться и так, что он застал того муж-

чину, когда тот насилует свою женщину, что возбудило в самце желание повторить то же самое.

Достигнув определенного возраста, взрослые самцы антропоидов довольно часто становились подверженными внезапным приступам безумия. Но эти приступы обычно выливались в жажду разрушения или убийства и никогда не носили сексуальный оттенок. Однако самец, за которым я сейчас наблюдал, по всем признакам вовсе не был намерен убить лежащую под ним женщину, если только он не собирался сделать это при помощи своего члена.

Но с этой стороны его ожидало жалкое фиаско. Женщина была напугана, но, кроме этого, ей больше ничего практически не грозило. Я уже как-то говорил, что пенис антропоида в состоянии эрекции достигает в длину максимум пяти сантиметров и одного сантиметра в диаметре. Если девушка была девственницей, она ею практически и осталась, сколько бы антропоид ни пытался превратить ее в женщину.

Самец лежал на женщине, прижимаясь всем телом, быстро и ритмично двигая своим тазом. Через некоторое время он коротко прорычал, и по телу его пробежала быстрая короткая судорога. Едва отдохнув, самец вновь принялся ерзать по ней.

В отличие от обезьян, антропоиды наделены ягодицами, и их бедра больше похожи на ноги *homo sapiens*, чем на ноги, скажем, горилл. Их ступни тоже больше похожи на человеческие, чем на обезьяньи. По скелету — это почти неандертальцы, за исключением незначительных деталей.

Руки женщина держала под собой, из чего я догадался, что они у нее скорее всего связаны за спиной. На щиколотках еще явно были заметны следы веревок, которыми они были недавно связаны. Сейчас же одна из них длинной веревкой была привязана к стволу тонкого дерева. Теперь антропоид поменял позицию. Он раздвинул женщине ноги и положил их себе на плечи. Вообще-то именно эта позиция нравилась антропоидам больше всего, когда они занимались любовью (обезьяны, те предпочитали делать все со стороны спины). Вероятно, желание имитировать человека заставило самца вначале принять необычное для себя положение.

Теперь я лучше мог рассмотреть женщину. У нее была кожа того же бронзового оттенка, что и у Калибана. И длинные волосы, рассыпавшиеся по земле вокруг ее головы, были такими же темно-рыжими, с металлическим отливом, как и у Дока. Пока мне не было видно ее лица.

Сменив позицию, я нашел более удобный наблюдательный пункт, но продолжал оставаться под прикрытием занавеса из

густой сети ветвей и лиан. И тут я увидел нечто, удивившее меня еще больше: самец пытался поцеловать женщину в губы.

Для несчастной это должно было быть еще более ужасным, чем смехотворный и неполноценный коитус. Большое обезьяноподобное лицо прижалось к ней, и губы антропоида, тонкие, словно губы шимпанзе, покрыли ее лицо влажными поцелуями.

Увидев это, я окончательно убедился, что у самца «поехала крыша». Антропоиды испытывают глубокое отвращение к внешнему виду человека, уродливому голокожему созданию. И надо было быть настоящим извращенцем, с их точки зрения, чтобы испытать желание поцеловать человеческую самку. Я еще раз внимательно оглядел окрестности, чтобы убедиться, что вокруг больше никого нет, кроме этой троицы, и вышел из-за своего защитного занавеса на открытое место. Неподалеку лежала оторванная рука человека, куда ее бросил самец после того, как проглотил гениталии убитого им мужчины.

Я негромко прорычал:

— Крхгх!

Антропоид подпрыгнул от неожиданности и вскочил так стремительно, что, не держи ее веревка, женщина перевернулась бы через голову. Он повернулся и встал лицом ко мне.

ГЛАВА 28

Должен признаться, мне редко случалось видеть самцов такого роста, как он. В высоту он достигал одного метра девяносто сантиметров и должен был весить не менее ста семидесяти—ста восьмидесяти килограммов. Он не настолько походил на гориллу, как те антропоиды, что были описаны моим биографом. (Как я уже объяснял в первом томе моих «Записок», мой биограф написал свой первый роман обо мне до того, как мы с ним лично познакомились. В то время он смог воспользоваться лишь информацией, как правдивой, так и ложной, которую почерпнул в нескольких частных архивах, и рассказом человека, хорошо знающего тех людей, которые первыми обнаружили меня в джунглях, когда мне было восемнадцать лет. Недостающие факты он заменил придуманными, широко используя свое богатое воображение. Так и получилось, что антропоиды у него стали больше похожими на обезьян, чем на людей. А когда мы познакомились и он узнал всю правду, было уже поздно что-то менять, так как это нарушило бы внутреннюю логику романа.)

Руки самца, почти такие же толстые и мускулистые, как у гориллы, были такими же короткими по отношению к его туловищу, как и у человека. Ноги, по сравнению с человеком, были значительно короче и сильно искривлены. Тело покрывала жесткая, с рыжеватым отливом шерсть, менее густая, чем у шимпанзе. Кожа была темного, почти черного цвета, как у бушменов. Кости его скелета были приблизительно в два с половиной раза толще, чем соответствующие кости человека, и давали его массивным мышцам достаточно места для их прикрепления. (Мои собственные кости почти в два раза толще костей современного человека. Если бы выставили мой скелет на обозрение, он вполне мог бы сойти за скелет кроманьонца.)

На голове, широкой и вытянутой, возвышался продольный гребень, как и у гориллы, к которому крепились могучие мышцы нижней челюсти. Вогнутый приплюснутый нос и выступающие огромные клыки усиливали его внешнее сходство с гориллой. Верхние резцы имели характерные «обезьяньи вдавления», в которые входили выступающие кончики нижних клыков. Антропоиды в основном являются вегетарианцами, хотя им довольно часто случается питаться мясом мелких грызунов, а иногда и крупных животных. Подбородок был скошенным и почти не выделялся. Над глазами нависали мощные надбровные дуги, за которыми прятался низкий покатый лоб (средний объем мозга взрослого самца равен 800 кубическим сантиметрам. Я сделал это заключение, изучив в свое время четыре имевшихся у меня черепа).

Глаза глубоко прятались в орбитах и были почти красного, с коричневатым оттенком цвета, что, в общем-то, не совсем обычно, так как у большинства антропоидов глаза черного или темно-коричневого цвета.

Под его нижней челюстью, на шее, виднелось нечто, напоминающее кожаный мешок, который раздувается, когда самец бросает вызов сопернику, собирается броситься на дичь или просто хочет поковылять на луну.

Он потел, но меньше, чем на его месте потел бы человек. Как и у большинства животных, живущих в лесу, у антропоидов гораздо меньше потовых желез, чем у человека.

В сумме он имел вид гигантского зинджантропа и был; может быть, на самом деле потомком того самого знаменитого австралопитека, который, как считалось, давным-давно исчез с лица земли.

Внезапно мне показалось, что поляна будто сверкнула, метнув во все стороны искры света, подобные тем, что видны, если гладить кошку ночью против шерсти. Антропоид взъерошился, и шерсть у него по всему телу стала дыбом. Глаза покраснели

еще сильнее. Он открыл рот, обнажив огромные желтые клыки, меж которыми дрожал ярко-красный язык и чернел провал глотки. Кожистый мешок на его шее стал раздуваться.

Я тоже почувствовал, как мои волосы встопорщились на затылке. Не отдавая себе отчета, чисто инстинктивно, я принял боевую стойку: пружинисто согнул ноги в коленях, туловище слегка наклонено вперед. Медленно приближаясь к нему, я наклонялся то влево, то вправо, делая разные обманные движения. Тут до меня дошло, что я собираюсь сделать. Я как бы очнулся; встряхнул головой, расслабился, выпрямился на ногах во весь рост и открыл левую ладонь. Моя правая рука уже была свободной после того, как я вложил в ножны тесак, который нашел в траве. Я не хотел напрасно пугать его человеческим «оружием-которое-блестит», так как надеялся предотвратить назревающую драку.

Самец зарычал, потом невнятно произнес: «Йх-штб-тб», что означало: меня зовут «Тот-кто-ломает-леопардов».

Я ответил ему на пришепывающем языке антропоидов: «Йх-тлс», что означало: меня зовут «Земляной-червь».

Их язык состоял в основном из глухих согласных, а также из задненёбных, шипящих и гортанных звуков. Из гласных они произносили лишь один звук, приближающийся к носовому «о», и то лишь в исключительных случаях.

«Земляной-червь» — это литературный перевод моего прозвища. Мой биограф перевел его, пользуясь эвфемизмом, который хорошо показывает, до какой степени он был пропитан расовыми предрассудками. Но для антропоидов состояние и наличие волосяного покрова значило в тысячу раз больше, чем любой цвет кожи. У меня была масса других прозвищ: «Клюв-птицы», «Большой-член», «Сверкающие-глаза», «Толстые-губы» или «Срань-обезьянья». Но самым распространенным прозвищем, которым меня звали повсюду, было «Тлс» или «Земляной-червяк». В этом прозвище, конечно, мало лестного для слуха человека, но, с точки зрения антропоидов, земляной червь очень красивое создание и первоклассное лакомство. Я мог бы выбрать себе более звучное и пышное прозвище, когда стал взрослым, особенно после того, как убил вожака моего племени. Но мне нравилось, когда меня звали «Земляным-червем» (надо признать, что я всегда был склонен к парадоксам).

Он вновь прычал мне:

— Я — «Тот-кто-ломает-леопардов».

— А я «Земляной-червь», — ответил я тем же тоном, — и оставь эту самку в покое, или я убью тебя!

— Что? Какой-то «Земляной-червяк» убьет «Того-кто-ломает-леопардов»?

— Я сам убил много леопардов, — сказал я, показав ему несколько раз свои растопыренные пальцы на обеих ладонях. Число, которое он наверняка не мог сосчитать, но долженствующее внушить ему уважение к моим охотничьим победам. — Я убил много великих воинов. Я убил много львов.

В его глазах мелькнуло недоумение, и я догадался, что он не знает последнего слова, которое я узнал и которому научился у его соплеменников на западном побережье. Это означало, что он не имеет ни малейшего представления о том, что собой представляет такое животное, как лев.

— Сейчас я убью тебя, — злобно прохрипел он.

Я решил, что настало время моему ножу подышать свежим воздухом. Увидев его, самец обвел взглядом поляну в поисках дубины, которой он мог бы воспользоваться, чтобы выбить нож из моей руки, как он это проделал с хозяином этого тесака.

Я сказал:

— Останемся друзьями, «Тот-кто-ломает-леопардов».

На что он ответил, взыв во все горло:

— Убей! — и весь воздух, который он собрал в своем мешке под нижней челюстью, со свистом вырвался наружу.

И он бросился на меня.

Я бросил нож, целя ему в живот. Но он именно в этот момент опустил голову вниз. Это была чистая случайность, я в этом уверен, тем не менее нож лишь слегка оцарапал самую верхушку его затылка. Его огромная голова с силой вонзилась в мой живот, и он заключил меня в свои чудовищные объятия.

На этот раз мой новый рефлекс сыграл со мной плохую шутку. Непосредственно перед тем как бросить нож, я почувствовал, что мой пенис встает, наподобие волос на моем затылке. И когда оружие вырвалось из моей руки, у меня начался оргазм. Это привело меня в замешательство, что сказалось в ошибке расчета скорости его передвижения и в замедленной реакции моих рефлексов, без чего я никогда бы так позорно не промахнулся.

Он оторвал меня от земли, крепко прижав к себе, но не остановился, а продолжал бежать, видимо, решив расплющить меня о ствол дерева. Руки у меня остались свободными. Изогнувшись назад, я изо всей силы ударил его одновременно с двух сторон кулаками прямо под основание гребня на голове. Он взвыл от боли, но даже не замедлил шага. Я ударил снова, целясь теперь по его мускулистому затылку. Он вновь зарывал и немного притормозил. Собрав все свои силы, я ударил в третий раз, и вновь по затылку. Будь на его месте обычный человек, он был бы убит сразу первым же ударом.

Он разжал руки, зашатался и рухнул на меня. Я уперся в его огромное тело и, извиваясь, как червь, с трудом выбрался из-под него. Дерево, о которое он хотел раздавить меня, находилось на расстоянии едва ли тридцати сантиметров от моей спины.

Самец тем временем пришел в себя, и не успел я опомниться, как он нанес мне ужасный удар, даже не повернув головы в мою сторону. Я почувствовал, как ноги мои внезапно стали ватными: правая нога ниже колена задеревенела, будто по ней изо всей силы лягнула зебра. Вместо того чтобы прыгнуть на меня сверху, что он обязательно должен был сделать, пока я был наполовину парализован, антропоид бросился к большой и толстой ветви, лежащей в двух шагах от женщины.

В тот момент как он наклонялся, чтобы схватить ее, женщина внезапно согнула ноги в коленях и резким движением выбросила их ему навстречу. Ее пятки угодили ему прямо в нижнюю челюсть. Подобный удар, угоди он в человека, наверняка сломал бы ему ее. Самец же рухнул лицом на землю, даже не вскрикнув.

Я, хромая, побежал к Штб-тб, но он уже встал и повернулся, ожидая моего приближения. Женщина тоже одним резким движением оказалась на ногах — кстати, длинных и весьма красивой формы ногах, проявивших к тому же недюжинную силу, — и вновь сильно ударила его ногой по щиколотке. Но она забыла о веревке, привязанной к ее ноге. Во время удара та соскользнула со щиколотки и поднялась до икры, резко сдавив ее так, что женщина не выдержала и вскрикнула от боли.

Антропоид вновь согнулся от боли, но удержался на ногах. Он все еще рычал, хотя уже не так сильно, как раньше. И снова, не давая ему опомниться, женщина нанесла ему удар обеими ногами по челюсти, и, когда он упал на землю, она ударом пятки превратила его нос в кровавое месиво.

Держа тесак наготове, я все ближе подходил к Штб-тб. Из носа его ручьем текла кровь, и глаза страшно косили в разные стороны. Его рот был открыт, и нижняя челюсть беспомощно свисала вниз, будто вывихнутая последним ударом.

— Кгхд? — спросил я.

Он не ответил. Вместо этого его огромная волосатая ручища внезапно метнулась вперед и обхватила лодыжку стоящей рядом женщины. Резким прыжком, будто пойманная антилопа, она попыталась освободиться, но самец держал крепко. Он сел и притянул женщину к себе. Веревка не выдержала натяжения и лопнула. Штб-тб не сводил с меня глаз, по крайней мере его лицо смотрело на меня, в то время как определить, куда смот-

рят его глаза, было невозможно, так как они продолжали глядеть в разные стороны. Он действовал так быстро, что я ничего не успел сделать. Всего на несколько секунд я замешкался и нарушил собственные правила и теперь должен был заплатить за мою неосторожность. Вернее, за нее придется расплачиваться этой бедной женщине, потому что я забыл об осторожности, приближаясь к врагу, лежащему на земле.

Теперь, если я сделаю вид, что собираюсь напасть на него сверху, он успеет свернуть ей шею прежде, чем я окажусь рядом и смогу помешать ему. Если же сделаю вид, что бросаю нож, он наверняка убьет ее.

И все же я бросил его. Это все, что я мог сделать. Самец убил бы ее в любом случае.

Увидев летящий в него нож, он на мгновение растерялся, так как думал, что я все же не решусь на это. Реакция женщины изумила меня: она перестала вырываться, нагнула голову вниз и укусила антропоида за пенис. Тот взревел от боли и неожиданности и вскинул обе руки вверх. С сухим чмокающим звуком мой нож по самую рукоятку вонзился ему в солнечное сплетение. Его косоглазие мгновенно исчезло. Глаза широко открылись, и в них в последний раз вспыхнуло пламя. Потом веки его опустились, он зашатался и рухнул на спину. Огромные кулаки несколько раз судорожно сжались и разжались, и он затих навсегда.

И в тот же миг я потерял всякий контроль над собой. Я стоял на коленях, упираясь в землю руками. Все мое тело сотрясали чудовишные спазмы. В траве подо мной образовалась маленькая лужица сероватой семенной жидкости. С тех пор как у меня впервые проявился этот странный порок, никакое другое убийство, совершенное мной, не вызывало еще столь божественного экстаза. Он был сравним лишь с тем ощущением, что я испытывал, занимаясь любовью с Клио.

Думаю, что ощущение удовольствия было десятикратно усилено осознанием того, что я убил взрослого огромного самца антропоида. Я всегда любил этих созданий, которых долгое время считал моей собственной большой семьей. Но в то же время я глубоко ненавидел взрослых самцов. В течение всего моего детства они терроризировали меня. Убить одного из них для меня самого было гораздо более почетнее, чем убить какого-нибудь человека. К тому же я понимал, что только что убил последнего мужского представителя исчезнувшей расы, что усиливало мою гордость (но в глубине души я оплакивал ее исчезновение). Я расквитался наконец-то за все придирки и приставания, за все шлепки и издевательства, которые мне когда-то пришлось перенести от них.

ГЛАВА 29

Женщина изумленно глядела на меня. Однако в ней чувствовалась настороженность. Я не торопясь поднялся на ноги, вырвал нож из тела Штб-тб и вытер лезвие о его шкуру. Его самка все продолжала сидеть в другом конце поляны, судорожно прижимая к себе тельце детеныша. Не обращая внимания на призывы женщины освободить ее, я подошел к самке. Она подняла ко мне свои глаза, глубокие и черные, будто зияющий зев могилы в самую темную ночь. Ребенок ее, кажется, давно уже умер.

— Я не сделаю тебе ничего плохого, — сказал я. — Ты можешь остаться здесь, если хочешь, и разделить мою еду. Я не хотел убивать Штб-тб. Он сам вынудил меня к этому.

Она ничего мне не ответила. С трудом поднявшись на ноги, самка бросила короткий взгляд на труп своего супруга, развернулася и медленно заковыляла к кромке леса. Я не пытался остановить ее. Что еще я мог для нее сделать? К тому же меня подгоняло время.

Я разрезал путы, стягивающие женщине руки, и вынужден был помочь ей подняться, так как они полностью затекли и перестали слушаться ее. К тому же в руках появилась сильная боль, как только кровь хлынула в них по пережатым до этого сосудам. Теперь я мог спокойно рассмотреть ее. Женщина оказалась высокого роста, где-то метр восемьдесят или даже чуть больше. Фигура поражала красотой удивительно гармоничных, скульптурных форм. Ягодицы были округлы, словно два яблока, и так же тверды, в чем я мог убедиться, положив на них ладонь. Я убрал руку и отступил на шаг. Она продолжала массировать свои запястья, восстанавливая кровообращение и глядя на меня испытующим взглядом.

Темно-бронзовые, с металлическим оттенком волосы волнистым каскадом спадали ей на плечи, обрамляя слегка побледневшее, удивительно красивое лицо правильной овальной формы. Без единого следа макияжа на лице, даже не причесавшись, она тем не менее выглядела так, будто только что сошла с обложки какого-нибудь модного женского журнала. Темный треугольник над лбом был совершенной геометрической формы, очень густой и на два тона темнее цвета ее волос на голове.

Видя, как я внимательно осматриваю ее тело, женщина слегка улыбнулась. Хотел бы я знать, что она прятала под этой улыбкой.

— Если у вас есть намерение изнасиловать меня, — сказала она, — надеюсь, вы окажетесь более способны, чем те двое,

которые пытались сделать это до вас. Только я вас прошу, дайте мне вначале возможность немного отойти от всех этих потрясений и перекусить чего-нибудь. Я была похищена этим засранцем, который облизал меня с ног до головы, а потом бесчисленное количество раз залил мой живот чем-то, что он называл своей семенной жидкостью. Ха! Недоносок! Ой, да вы ведь не знаете, о ком идет речь?

— Да нет, знаю, — сказал я. — Он мертв. Его убила обезьяна.

— А... Это не обезьяна. Взгляните на него получше, это же питекантроп. Видите? Правда, я их никогда раньше не видела, кроме как в книгах по антропологии. Честно говоря, я была абсолютно уверена, что они давно исчезли с лица земли. Но ведь это же сенсация! Правда, что я могу сказать с полной уверенностью, они не были созданы, чтобы насиловать самок вида «гомо сапиенс». Все, что ему удалось, так это немного пощекотать меня. Правда, при этом мне как-то не хотелось смеяться.

Что меня в ней поразило, так это ее совершенно потрясающее хладнокровие. Большинство женщин на ее месте давно валялись бы без сознания или метались в приступе истерии, и я вполне понял бы их.

— Это чудовище — тот засранец, — так он вообще выдавал себя за вас. Как вам это нравится? Честно говоря, я вначале обманулась и поверила, что он — это вы. Как вы смотрите на то, чтобы пожевать немного? Там в доме полно всякой жратвы. — Она улыбнулась. — Консервы. Этот так называемый дикарь запасаю ими на год вперед.

Я сказал:

— Успокойтесь, у меня нет ни малейшего желания насиловать вас. Даже если бы я и хотел, боюсь, у меня мало что получилось бы.

— Вы что, серьезно?! Ой, не могу! Ну и везет мне на мужиков! Третий подряд и вновь неспособный!

Следующие ее слова заставили меня буквально подпрыгнуть от неожиданности:

— Никогда не думала, что у кого-то это может быть таким же большим, как у Дока. И, могу побиться об заклад, таким же бесполезным.

Ее неподражаемое хладнокровие привело меня в замешательство, хотя она, вероятно, тоже находила меня довольно странным. Я попросил ее идти к дому впереди меня. Она успела показать себя умелой и довольно опасной женщиной, и поэтому я не хотел чувствовать ее за своей спиной, пока не стану доверять ей.

Дом находился на высоте пятнадцати метров над землей. Основой его служила платформа, опирающаяся на четыре огромных ветви, смотрящих на четыре стороны света. Основой его были стволы бамбука, покрытые сверху крышей из соломы и широких пальмовых листьев. Подняться к нему можно было по лестнице из клиньев нержавеющей стали, вбитых прямо в ствол дерева. Дерево для этой цели не годилось, так как оно сгнило бы в течение нескольких месяцев.

Женщина, которая до сих пор еще не представилась мне, развела огонь в очаге из камня, сложенном мною прямо на полу, и устроилась рядом, завернувшись в обнаруженное в доме одеяло.

В доме был полный беспорядок. Пол загажен до безобразия гниющими отбросами и остатками пищи, пустыми банками консервов. Кто-то устроил в углу туалет, не утруждая себя необходимостью выходить из комнаты. Если тот псих, устраивая это безобразие, хотел имитировать мой образ жизни, то я должен признать, что он был большим сумасшедшим, чем показался мне вначале. Никто так не беспокоился о гигиене личных гнезд или пещер (смотря по тому, где им приходилось устраиваться на длительное проживание), чем обезьянолюди, вырастившие меня. Одна из кроватей из бамбука выглядела так, будто на ней валялся слон. Одна из ножек, несмотря на исключительную прочность материала, была сломана пополам.

— Да, кстати, — внезапно вспомнила женщина, — меня зовут Триш Вайлд. Я член экспедиции профессора Эверфилда, очень известного ботаника. Я работаю у него ассистентом. Мы как раз работали в самой чаще, разыскивая разные экзотические растения, когда меня похитили. Если бы он не застал меня врасплох, я бы ему все ребра переломала, и он сейчас бы догнивал там, где напал на меня.

Потом он приволок меня сюда, швырнул на кровать и стал отводить душу. Господи, как же он прыгал на мне! Видишь, даже ножка сломалась. Но самое смешное, что ему так и не удалось войти в меня. И каждый раз был вынужден спускаться мне на живот. В отместку он едва не откусил мне груди своими зубами.

— Я заметил следы, — подтвердил я.

— До чего же он был отвратителен с его вонючим дыханием и огромным животом! Он испачкал меня своей слюной с ног до головы. Судя по всему, ему очень хотелось засунуть свою шишку мне в рот, но он знал, что я ему сразу бы ее откусила.

Триш Вайлд получила лучшее в мире образование, но в выражениях не стеснялась и ничем не уступила бы какой-нибудь портовой шлюхе. Судя по всему, она уже успела ис-

пользовать свой весьма обширный лексикон применительно к обстоятельствам. Что оставалось для меня непонятным, так это почему она сразу выбрала со мной именно этот тон, лишенный какой-либо стеснительности и ограничений. Быть может, она думала, что мое «звериное» воспитание избавляло меня от эмоциональной реакции на так называемые матерные выражения? Как оно, впрочем, и было в действительности.

— Вы действительно очень устали? — спросил я.

— Ну, во мне еще осталось немного энергии, а что?

Если я хотел, чтобы она не создавала мне больших проблем и пошла со мной по собственному желанию, мне не оставалось ничего другого, как рассказать ей, хотя бы частично, о себе и о моих планах. Поскольку она была служительницей Девяти, я не выдавал никакого секрета. Таким образом, я рассказал ей все, что случилось со мной с момента нападения кенийцев на мою плантацию, тщательно избегая любого намека на ее кузена. О Ноли я лишь сказал, что ему удалось удрать от меня, предварительно поклявшись отомстить, для чего он отправился в Англию на розыски моей Клио.

— Вы уже принимали эликсир в этом году? — спросил я.

— Нет еще, — ответила она. — У меня вызов на следующий месяц.

Значит, в то же время что и Клио. Но я не сказал ей об этом. Не стоило предвосхищать события. Триш сама об этом догадается, как только увидит ее в пещерах. Я был уверен, что они уже не раз встречались во время инициаций.

— Я отправляюсь в дорогу немедленно, — сказал я. — Мне необходимо идти максимально быстро, оставляя для сна минимум времени. Если хотите идти со мной, буду только рад. Если не знаешь эти горы, тут легко заблудиться. Это настоящий лабиринт, и мне не хотелось бы оставлять вас здесь одну. Но должен сразу предупредить: если вы будете тормозить меня, мне придется вас оставить, и вы будете вынуждены выбираться сами.

— Мне, конечно, не помешало бы хорошо выспаться, хотя бы одну ночь, — ответила Триш. — Но мне совсем не светит оставаться здесь одной. Умереть с голода по дороге или подвергнуться нападению еще какой-нибудь дикой твари, — нет уж, благодарю покорно. Я иду с вами.

Я был рад услышать это, потому что уже решил для себя, что она пойдет со мной, добровольно или принудительно, неважно. Она послужила бы мне заложницей. А в том случае, если Калибану удастся схватить Клио, я мог бы обменять Триш на мою жену.

Мы хорошо поели и стали готовиться к длинному пути. Каждый соорудил себе нечто вроде рюкзака, куда сложили необходимые для путешествия вещи: пончо, одеяла, провизию, соль, спички. В хижине я нашел старый карабин 22-го калибра, правда, в неважном состоянии (но все же это было лучше чем ничего), и заряды к нему. Собрав вещи, мы, не мешкая больше, отправились в путь.

Мы шли довольно быстро, пробирались под душным влажным пологом леса. Триш действительно оказалась довольно тренированной особой: несмотря на быструю ходьбу, у нее хватало дыхания на безостановочную болтовню. Так я узнал от нее про ее детство, школьные и университетские годы, о ее встрече с Доком и о загадочной смерти ее отца и дяди. Она много раз участвовала в приключениях Дока и его четырех компаньонов. Триш была довольно богата. Ей принадлежала фирма по продаже верхней одежды, имеющая большое количество магазинов во всех штатах США и даже свои филиалы в других странах. В молодости она получила диплом психолога. Но после нескольких лет перерыва она вновь вернулась в университет и на этот раз закончила его с дипломом доктора естественных наук, выбрав в качестве основной профессии ботанику.

Я сразу же подумал, что она это сделала по просьбе Дока, который хотел, чтобы она помогла ему в исследованиях состава эликсира. Он, вероятно, рассчитывал найти недостающие ингредиенты напитка в редких и малоизученных растениях.

— Я, может быть, все еще находилась бы в доме, связанная как сосиска по рукам и ногам, если бы не уговорила этого подонка позволить мне размяться немного на поляне. Он прогуливал меня, как собаку, привязав поводок к моей ноге. Потом он вновь попытался овладеть мной, прямо там же, на поляне. И вот тут-то я и увидела этих двух питекантропов, которые смотрели из кустов, чем мы там занимались. Этот псих пытался уговорить их идти своей дорогой, даже назвал самца «мой брат» и т. д. Но все кончилось тем, что эта обезьяна разъярилась и прикончила его. А потом вернулась на поляну и решила повторить со мной то, чем мы занимались до ее появления.

Я не знаю, но тот тип действительно принимал себя за вас. Такой, знаете, король джунглей, с чугунными мускулами и с башкой из пробкового дерева.

— Он не первый, — заметил я.

Я задумался, продолжая слушать ее болтовню вполуха. Даже если этот тип был одним из тех, кто настолько увлекался

чтением романов моего биографа и у которых разыгравшееся воображение одерживало верх над реальностью (что представляло собой уже патологию и нуждалось в наблюдении и лечении у психиатра), это все равно не объясняло, каким образом ему удалось разыскать мой дом. К тому же был еще скелет молодой белой женщины, который коллеги Триш приняли за ее собственный. Откуда она здесь взялась? А аборигены, утверждавшие, что видели, как голый белый насиловал Триш? И почему Девять освободили меня в такой близости от моего старого дома?

Впервые я вполне серьезно задумался о том, что мной манипулируют в каких-то целях. Или если и не манипулируют, то по крайней мере Девять очень ловко направляют мои действия так, как им это выгодно.

Впрочем, вполне возможно, что Девять предвидели появление во мне этой внезапной и непреодолимой аберрации, связывающей появление чувства удовольствия с причинением кому-нибудь боли или даже с убийством. Если это было вторичным эффектом употребления эликсира, они тем более должны были знать об этом. Но что тревожило меня больше всего, так это то, что не только Калибан, но и наш с ним отец страдал когда-то от психического расстройства того же плана. Наследственность или эликсир?

ГЛАВА 30

— Вы действительно думаете, что мы сможем проходить в день по восемьдесят километров? — спросила меня Триш через несколько часов. — Несмотря на темноту и густой подлесок, который тормозит нас на каждом шагу? Может, нам действительно стоит начать прыгать с ветки на ветку?

— Да, когда вы будете весить не больше, чем пальмовая крыса, — ответил я. — Восемьдесят километров за шестнадцать часов — это не так уж быстро. Мне приходилось бегать и быстрее.

Триш устало вздохнула и сказала:

— Док тоже смог бы. Но не я. Боюсь, я переоценила свои силы.

Триш была сильной и упорной женщиной, но эта скорость была явно не для нее. В конце концов она почти повисла на моем плече, и мне пришлось помогать ей. Она так устала, что временами даже засыпала, не прекращая идти. Я понял, что ей дольше не протянуть, пора было делать привал. Выбрав относительно чистое от растительности место, я уложил Триш у

подножия дерева, закутав предварительно в пончо и накрыв сверху еще одним одеялом, а сам устроился рядом.

Проснулся я внезапно, мгновенно напрягшись от ощущения неведомой опасности, еще не зная толком, что к чему. Но нож уже был в моей руке. Тревога оказалась напрасной. Это была всего лишь Триш, которая, замерзнув, скользнула под мое одеяло.

— Мне холодно и одиноко, — шепнула она мне на ухо. — Так хочется прижаться к чему-нибудь теплему. Только не воображайте себе невесту что. К тому же я просто ни на что не способна, так я устала.

Она закрыла глаза и через секунду уже тихонько посапывала, обняв меня и крепко прижавшись всем телом. Правда, я не очень представлял себе, как она могла надеяться, что я останусь спокойным, в то время как она зажала мой член меж своих бедер. Потом она повозилась, устраиваясь удобнее, и прижалась к нему своим лбом. Но она ничем не рисковала. Округлости и выпуклости ее фигуры, нежность кожи, тепло тела и женский запах, исходящий от нее, были очень приятны, но не произвели на меня того эффекта, который можно было бы ожидать. Я медленно засыпал, думая о Триш и о Клио, но во сне я увидел не их, а Кл, мою мать-антропоида, которая усыновила и воспитала меня и которая, вероятно, была единственной, кого я по-настоящему любил на всем белом свете.

Проспал я дольше, чем предполагал. Когда я проснулся, солнце уже светило вовсю, золотым дождем пробиваясь сквозь листву огромного дерева, послужившего нам укрытием на ночь. Мне хотелось помочиться, и, как это часто бывает по утрам, мой пенис находился в состоянии эрекции.

Триш сразу проснулась, стоило мне лишь отодвинуться от нее. Едва увидев мой вставший член, она удивленно округлила глаза и воскликнула «Док!» и потом сразу же «Ой, простите!»

Произошло действительно нечто непредвиденное. Если бы меня спросили, что я собираюсь делать в данный момент, я бы ответил, что думаю встать, зайти за дерево, чтобы не шокировать стыдливость женщины, и помочиться там. После чего мой член вернулся бы в свое обычное состояние.

Здесь я хотел бы объяснить, что для меня «состояние», как состояние эрекции, например, не является чем-то, что «появляется» или «исчезает». Но я не буду углубляться в эту тему. Впрочем, трудности, которые я испытываю, пытаюсь найти подходящие слова и выражения в английском языке, да и во всех других человеческих языках, которые все выражают концепцию мира, полного противоречий, детально изложены мною во втором томе моих «Записок».

О чем это я? Ах да! События приняли неожиданный поворот.

Для меня было вполне очевидно, что Триш Вайлд не должна была прийти в восторг, увидев, в каком я нахожусь состоянии. Насколько я понимал, она не была нимфоманкой. Ей пришлось пройти сквозь серию довольно тягостных испытаний, которые могли бы полностью деморализовать любую женщину на ее месте. Первый же день нашего пути настолько утомил ее, что она, вероятно, сейчас предпочла бы умереть, чем встать и двигаться дальше. Мы оба были грязны, как черти, перепачкавшись в пыли, покрытые пятнами засохшей крови и спермы. Триш пока не знала меня хорошо, и, хотя я вытащил ее из лап негодяя и не представлял собой никакой угрозы для нее, тем не менее она видела во мне для себя загадку, которая должна была ее беспокоить. Она дольше года была влюблена в своего кузена, и ее психика была только что подвергнута тяжелому испытанию атаками сначала маньяка, а затем существа, выглядевшего в ее глазах полужверем, получеловеком. Короче говоря, у нее была масса причин быть не в восторге при мысли, что ей, вероятно, вновь придется трахаться против своего желания.

Кроме того, Триш была голодна, во рту у нее должно было быть сухо, и я не сомневался, что ей тоже хотелось отлить. Наконец, мы не были вместе настолько долго, чтобы между нами успели появиться малейшие дружеские отношения, не говоря уж о симпатии или нежности друг к другу.

Я мог бы продолжать и дальше в том же духе, но, думаю, вы уже поняли, что я хочу сказать.

Правда, я ей сильно напоминал Дока (в чем позднее она сама призналась мне). Но их длительная связь была для нее источником частых разочарований и неудовлетворенности. Не то чтобы она совсем уж не испытывала удовольствия, когда занималась любовью с Доком. Несмотря на то что Доку так и не удавалось ввести ей внутрь свой чудовищный член без того, чтобы она при этом не мучилась от боли, Триш все-таки достигала состояния оргазма. Однако она часто предпочитала заниматься любовью «по-французски», чтобы избавить себя от боли. Это, в общем-то, устраивало и Дока тоже, так как он не любил трахаться обычным способом. Вначале это ее сильно возбуждало, но потом она стала все реже получать от этого удовлетворение. Тогда Док прибег к помощи специальных упражнений, словесным возбуждениям и даже к гипнозу, натренировав ее таким образом, чтобы и она испытывала при таком методе постоянный оргазм. Причем Триш добилась таких

успехов, что могла теперь ввести себя в такое состояние всего лишь массируя себе груди.

Но по какой-то причине, характер которой ей так и не удалось установить, такие оргазмы доставляли Триш меньше удовольствия, чем прежние, хотя и были иногда очень сильными. Она все же предпочитала, чтобы Док проникал в нее. Только в этой позиции она чувствовала себя максимально близкой к нему.

Другой причиной неудовлетворенности Триш своей сексуальной жизнью было то, что Док всегда контролировал свои чувства и вкладывал в их отношения ровно столько, сколько считал необходимым, ни разу не позволив чувственному началу полностью овладеть им.

Временами, правда, ему случалось терять контроль над собой в достаточной мере, чтобы испытать тот волшебный экстаз, которого он должен был бы добиваться каждый раз. Но потом он всегда в таких случаях испытывал стыд за свою «несдержанность».

Все это я, естественно, узнал от Триш гораздо позднее.

В тот же момент она лишь видела, что я нахожусь в состоянии эрекции, хотя уверил ее, что не могу больше иметь обычных сексуальных отношений с женщинами. Она подумала, что лишь благодаря ее присутствию со мной случилось то, чего не могла достичь столь опытный боец на поле любви, как графиня Клара. И это ей, конечно, польстило. Быть может, она решила, что это будет хорошим способом отблагодарить меня за то, что я ей спас жизнь. Не знаю.

Во всяком случае, какими бы ни были ее мотивы, они привели ее к тому, что Триш наклонилась ко мне и поцеловала долгим-долгим поцелуем, в то время как рука ее скользнула по моей груди, затем все ниже и ниже, пока ласково не сомкнулась на моем напрягшемся члене. Она так долго не получала настоящего сексуального удовлетворения, что отдалась бы, наверное, первому же приглянувшемуся ей мужчине, к которому Триш испытывала бы хоть какое-то уважение. Триш была страстной женщиной и давно уже не столь верной Доку, как в первые годы их романа. В последнее время она довольно часто стала заводить любовников на стороне, общее число их уже перевалило за дюжину. Дань вечной молодости...

Я подумал о Клио, о времени, которое теряю здесь, и о своей неверности. Я покинул пещеры, и, значит, наш договор с ней вступал в силу. Но желание узнать, вернулись ли ко мне обычные сексуальные ощущения, было сильнее. Я хотел быть уверенным, что не останусь импотентом на всю оставшуюся жизнь.

Я ответил Триш на ее поцелуй. Потом стал целовать ее лицо, губы, глаза, мочки ушей. Самым кончиком языка щеко-тал ей внутреннюю поверхность ушной раковины. Кожа боко-вой поверхности ее шеи была очень нежной и вздрагивала под моими поцелуями. Потом настала очередь ее больших упругих грудей с широкими сосками, где я задержался подольше, попере-менно то целуя, то легонько покусывая один из них, в то время как рукой слегка крутил второй сосок. Продолжая цело-вать и гладить ее грудь, я дал своей руке скользнуть вниз, к заветному треугольнику, где набухшие губы подсказали мне, как ее здесь ждали. Бедрa нетерпеливо раздвинулись, и рука скользнула еще ниже. Я осторожно ввел большой палец во влагалище и стал двигать им вперед-назад, пока не почувство-вал, как поверхность слизистой увлажнилась. Триш застонала от поднимающейся волны возбуждения, которое выплеснулось целой серией коротких, но сладостных оргазмов. Я оставил ее грудь, наклонился и стал притрагиваться языком то к клитору, то к малым губам, заставляя вздрагивать ее всем телом, как от разряда электрического тока.

В свою очередь она обхватила мой член обеими руками и осыпала его поцелуями. Ее язык нежно касался напрягшейся плоти головки. Я надеялся, что эрекция теперь поддержива-лась во мне непосредственно чувственным возбуждением, а не желанием помочиться.

Он входил в нее с большим трудом. Промучившись так напрасно некоторое время, я был вынужден встать и смазать головку члена вазелином, который, к счастью, обнаружил в походной аптечке, предусмотрительно захваченной мной в до-рогу.

И вот я вновь на ней. Уступая осторожному, но постоянно усиливающемуся давлению, ее губы открылись и головка плав-но скользнула внутрь, прокладывая путь всему, что последова-ло за нею. Триш закрыла глаза, сжала зубы и едва слышно простонала несколько раз во время всей этой процедуры. Ее влагалище действительно оказалось очень узким, таким, каким оно бывает у десятилетних девочек. (Если я знаю размеры влагалища девочки десяти лет, то это не потому, что вы об этом подумали, а потому, что я изучил этот вопрос, занимаясь на медицинском факультете. Не забывайте, что я врач.)

Дальше все пошло как по маслу. Я «кончил» через несколь-ко минут и остался лежать, вытянувшись на ней, не вынимая моего конца, уже наполовину утратившего свою твердость. Триш улыбнулась мне и, крепко обхватив меня ногами, стала «играть» сфинктерами, заставляя их поочередно сжиматься и разжиматься. Было впечатление, что невидимая ласковая рука

посылает мне сигналы Морзе, сдавливая и отпуская мой член. Ее мускулы не знали усталости. Мой член вновь затвердел, как стальной клинок, и я вновь заработал им вперед-назад. Для разнообразия мы сменили позу. Она перенесла свои ноги еще выше, и они лежали теперь у меня на плечах. Руками я обхватывал ее ягодицы снизу, слегка поглаживая ее большие губы самыми кончиками пальцев. Второй оргазм наступил через долгие-долгие минуты. Он был настолько сильным, что я едва не потерял сознание. Перед глазами вспыхнула картина огромных красных цветов, мгновенно вырастающих из длинных зеленых стеблей, чтобы тут же взорваться в немом немом калейдоскопе буйствующего пурпурного цвета.

В глазах Триш дрожали слезинки. Она впервые испытала, как она сама выразилась, такой «пылающий» оргазм.

Я сказал Триш, что мне очень понравилось, как это все у нас с ней получилось, и поцеловал ее. Ее ответный поцелуй был жарким и страстным. По правде говоря, я чувствовал себя виноватым. Не потому, что нарушил клятву верности. (В глубине души я всегда считал эту клятву абсурдной и держал свое слово лишь потому, что сам дал его.) Я бы сдержал ее до самой смерти, будь я обычным человеком, который старится как все остальные...

Нет. Я чувствовал себя виноватым в том, что так много времени потратил лично на себя и свои удовольствия, вместо того чтобы поспешить в дорогу, быстрее добраться до Англии, где Клио, быть может, сейчас грозила большая опасность.

ГЛАВА 31

В ту ночь пошли дожди. Мы окоченели от холода, что не помешало нам, правда, хорошо выспаться под защитой наших пончо и непромокаемых одеял. Триш после шестнадцати часов борьбы с густым подлеском, холодным и мокрым, полностью выбилась из сил и спала как убитая. Она почти ничего не ела и мгновенно заснула, едва прижалась ко мне, укрывшись с головой одеялом. Утром, позавтракав и собрав рюкзаки, мы сразу же отправились дальше. Нам больше не пришлось заниматься любовью. Триш однажды, правда, предприняла такую попытку во время одного из наших коротких привалов, но дело кончилось моим полным фиаско, и она больше не настаивала.

За три дня такой изнуряющей ходьбы мы пересекли, как я и предполагал, гористую местность и вышли наконец-то к аэродрому, принадлежащему одной геологической компании, куда прибывали самолеты по вызову ее работников.

Служащие аэродрома знали меня так же, как и летчик двухмоторной «Сесны», которая как раз находилась под грузкой. Однако они отказались предоставить самолет в мое распоряжение и настаивали, чтобы я дождался следующего. Один из них к тому же заявил, что я вообще должен быть арестован за то, что нелегально проник на территорию Уганды.

Конечно же, я не упустил этот самолет. Но пришлось употребить силу. Я оглушил пилота и выкинул из кресел еще трех членов экипажа при очень эффективной поддержке со стороны Триш. Затем сел за рычаги управления и поднял машину в воздух, взлетев против ветра. Мы сразу направились на север. В момент взлета на карлинге появилось несколько дыр от пуль, выпущенных по нам. Чей-то гнусавый голос предупредил нас по радио по-угандийски и по-английски, что мы будем немедленно сбиты военным самолетом, но я не обратил на это никакого внимания.

Я летел на север, слегка отклоняясь к западу. Через двадцать часов полета мы находились поблизости от Лэндс-энд, на южном побережье Англии. Я летел на высоте трех метров над поверхностью воды. Теперь мы были хорошо одеты и вооружены до зубов. В руках я держал рычаги управления другого самолета, тоже с двумя моторами, но турбореактивными. Благодаря хорошим связям и моему реноме, нам удалось приобрести в кредит по дороге новый самолет, топливо к нему, провизию, одежду и оружие. И вот теперь я собирался нелегально проникнуть на территорию Англии, поскольку паспортов у нас при себе не было.

Триш настояла, чтобы мы попытались связаться с Калибаном во время нашей остановки в Рабате, в Марокко, где мы сделали наши покупки. Я не возражал. Меня вполне устраивало, если Калибан будет знать, что Триш со мной, так как этим сообщением мы сразу лишали его причины, по которой он собирался мстить мне и Клио. Вернее, это больше касалось Клио, так как относительно друг друга у нас было недвусмысленное распоряжение Девяти, которые решили, что один из нас будет убит другим. Размышляя над этим дальше, я пришел к выводу, что Док не будет слишком спокоен, даже узнав, что Триш жива. Она была в моих руках, и Док не мог знать, что я собираюсь сделать с ней. Поскольку он считал меня сумасшедшим, было бы логичным предположить, что у него на этот счет будут самые мрачные предчувствия.

Если по его вине хоть волос упадет с головы Клио, Триш не избежать неминуемых последствий.

Так ли уж я этого хотел? Вначале все было ясно, и у меня не возникло бы и тени сомнения, что именно так мне и следует поступить, возникни в том надобность. Теперь же, когда я лучше узнал Триш и стал уважать ее как личность, я не мог больше думать о ней как об инструменте моей мести Калибану. Она была ни при чем. Если я и хотел кого-то убить, то только его, Калибана.

Нет, я больше не чувствовал себя способным причинить какое-нибудь зло Триш. Я мог надеяться лишь на блеф, угрожая Доку тем, что отыграюсь на Триш, если он не оставит Клио в покое.

Поэтому я предпринял все возможное, чтобы попытаться связаться с ним. Я послал две радиотелеграммы для него, одну в Лондон, другую в Париж. Кроме того, по одному мне известному каналу подпольной связи я отправил еще несколько посланий. Эту подпольную сеть я создал еще в годы второй мировой войны и пользовался ею время от времени, выполняя те или иные поручения Девяти.

Мои корреспонденты через некоторое время дали мне знать, что Калибан как сквозь землю провалился. Они нигде не смогли обнаружить даже его следов. Триш это почти не взволновало. Она была убеждена, что мои послания рано или поздно попадут к нему. Очень могло быть, что он даже успел их получить. Она не будет удивлена, если он их оставит без ответа, так как Док и раньше частенько так поступал. Он предпочитал действие словам. Было вполне возможно, что Док уже отправился в замок Грандритов, чтобы помочь мне против албанца.

Когда мы пересекли южную оконечность Лэндс-энда, Триш забросала меня вопросами по поводу того места, куда мы направлялись, и его истории. Она никогда не бывала раньше в Озерном Крае и вообще знала о нем слишком мало, кроме того, что это место имеет репутацию «маленькой английской Швейцарии» и что в ней проживали когда-то Вильям Водсворт, С. Колридж и Роберт Саути (у Триш была слабость к романтической английской поэзии и к романам «Черной серии»).

Я пустился в длинные объяснения. Графство Камберленд находится на северо-западе Англии, у самой границы с Шотландией. Горы Камберленда (которые для себя я чаще называю холмами) были сглажены проехавшимся по ним когда-то, около сорока миллионов лет тому назад, ледником. У подножия этих гор есть глубокие долины, а в долинах многочисленные озера. Этот район Англии имел самый изрытый рельеф местности. Там в изобилии росли дуб, ясень и береза, меж которыми нередко можно было встретить клен и лиственницу.

Самые ранние следы обитания человека в этом регионе датировались 2500 годами до нашей эры. Там находили много кромлехов*, так называемых друидических. Один такой кромлех даже находился на территории нашего поместья. Если глядеть на запад из окон усадьбы, можно заметить на вершине одного из холмов вне стен замка огромные каменные плиты, гордо устремившиеся к небу. На север от замка, на вершине другого холма возвышается мегалитическая постройка удивительной формы, которую местные жители называют «Высоким Креслом», забыв уж откуда идет это название. Одна местная поговорка дает кое-какой намек — жители Кламби имеют привычку приговаривать: «Когда вернутся два ворона, старец усядется в свое кресло». Но никто не знает, что бы это могло означать.

Среди моих предков, конечно, были аборигены, люди небольшого роста, густо поросшие черным волосом, принадлежащие либо к пиктам Шотландии, либо к фирболгам Ирландии. Захватив Англию, кельты ассимилировали в себе тех из них, которые остались в живых. Позднее островами завладели римляне. Под их управление попала и большая часть Камберленда. Но они мало повлияли на будущую нацию, почти не вступая в браки с местными жителями. Вплоть до XIX века Камберленд оставался диким глухим углом, в стороне от всех важных исторических событий. После ухода римлян этот район достался англам, пришедшим из Нортумберленда. Викинги колонизировали его в 875 году, и следы их пребывания чувствуются до сих пор, оставаясь в названиях большинства деревень и местечек, где легко угадываются норвежские корни.

Эрик Рандгрит, старый викинг-пират, решивший на старости лет осесть на земле и заняться сельским хозяйством, возвел из камней небольшой форт в том самом месте, где сейчас возвышается замок Грандритов. Форт располагался недалеко от деревни Грефвульф, которая была снесена с лица земли во время очередной войны, спустя полвека. Современная деревня Кламби возникла на ее месте лет через тридцать. Все это происходило где-то между 900 и 980-м годом н. э. Рандгрит в переводе означает «разбиватель щитов». Если верить хроникеру, Эрик был настоящим колоссом, наделенным гигантской силой, но подверженным внезапным приступам меланхолии или гнева. Его внук принял католичество, но это не избавило семейство Рандгритов от многолетних подозрений в еретичестве. На протяжении шести веков минимум двадцать членов этого семейства были сожжены или повешены по подозрению

* Кромлех (*арх. термин*) — камни, поставленные вертикально в виде круглой стены, типа Стоунхенджа.

в колдовстве. Несмотря ни на что, семья сумела сохранить все принадлежавшие ей земли и даже увеличить надел.

Долгое время Камберленд захватывали то шотландцы, то он переходил в руки нормандцев. В XVII веке, во время гражданской войны, большинство его жителей сохраняли верность Стюартам.

Изменение фамилии произошло, судя по всему, в XIII веке, когда вместо Рандгрит она стала произноситься как Грандрит, под влиянием, возможно, нормандского слова «гранд».

Члены семьи Грандритов всегда отличались высоким ростом, замечательной физической силой и склонностью к психической нестабильности и эксцентричности. Они редко покидали имение, но если уж уходили, то уходили далеко, куда-нибудь за границу. Грандриты всегда были консерваторами, даже реакционерами. Они долго и упорно цеплялись за старые религиозные культы, продолжая исповедовать их тайком. Семья продолжала поклоняться древним германским божествам еще долгое время после того, как весь Камберленд перешел в католичество, и долгое время оставались католиками, когда вся страна повернула к протестантизму.

Я рассказал Триш, что за прошедшие несколько веков семья Грандрит установила родственные связи со многими известными фамилиями, такими, как Говарды, Руссель, даже с королевской семьей, но лично для меня это не имело большого значения. Король Вильгельм II, он же Руфус (то есть «Рыжий»), сын Вильгельма Завоевателя, как-то взял силой леди Ильрику Рандгрит, которая родила от него сына. Семейная хроника утверждала (лет сто спустя после этого события), что серые глаза представителей нашего семейства были наследием влияния королевской крови (с точки зрения генетики это, конечно, абсурд). В них также утверждалось, что, когда Руфус был убит в королевском лесу в графстве Гемпшир, его убийцей был не Вальтер Тирель и не Рауль д'Эх, а брат женщины, которую тот изнасиловал.

Пока я рассказывал все это, солнце спряталось за горизонтом, слева от нас. Земля Англии стремительно пронеслась внизу под нами, темная и безмолвная, с разбросанными то здесь то там россыпями огоньков больших и малых городов. Я вновь отвернул к морю, оставаясь на постоянной высоте в три метра над пляшущими под нами водами, в которых отражалась танцующая луна.

Я думал о моих предках и об их стране. Когда я впервые приехал сюда, внезапно став хозяином замка Грандритов, усадьбы Катстерн и деревни Кламби, я не знал ничего из истории моего семейства. Я даже не знал, что такое Англия. Позднее,

попутешествовав и прочтя множество книг, я начал разбираться во всем этом несколько лучше. Однако я так никогда и не смог чувствовать себя уютно ни в моем поместье, ни в Англии вообще. У меня всегда оставалось впечатление, что я рожден знойной африканской землей и что у меня нет никаких предков. Прошлое было уничтожено в то самое мгновение, когда на поляне тропического леса, тянувшегося вдоль берега океана, я издал мой первый крик.

ГЛАВА 32

Мой агент, спрятавшийся в лесу недалеко от замка, наконец ответил на мой вызов. Триш внимательно следила за разговором.

— У вас есть новости о леди Грандрит?

— Пока никаких, сэр, — ответил мой человек. — На данный момент нам известно лишь, что она покинула Лондон и направилась сюда. Судя по времени, леди должна была прибыть сюда еще несколько часов тому назад. Вполне возможно, что она вошла в здание еще до нашего прибытия. В замке был виден свет в течение часа. Но я не мог приблизиться к нему достаточно близко, чтобы увидеть, кто зажег его. К тому же, сэр, на всех окнах плотные занавески. С того места, где я нахожусь, ничего особенного не видно, но у меня создалось впечатление, что в усадьбе произошел какой-то переполох.

— Есть какие-нибудь сведения от вашего помощника?

— Нет, сэр. Ситуация остается прежней с момента моего последнего рапорта. Он направился в усадьбу, чтобы попытаться разузнать, что там происходит. Он должен был выдать себя за путешествующего по стране и попроситься на ночевку. С тех пор как он постучал в дверь, у меня нет от него никаких известий.

— Что вы узнали по поводу тех двух иностранцев, которые запаслись большим количеством еды и выпивки в Грейстоке? — спросил я.

— Ничего, сэр. Я не смог проследить за ними, так как они были уже далеко, когда мне сообщили об их появлении. Если Ноли и его люди уже находятся в усадьбе, что мне кажется наиболее вероятным, вполне может быть, что эти двое являются членами его банды.

— Спроси его, объявился Док или нет? — нетерпеливым тоном вмешалась Триш.

Агент ответил, что нет. Но тут же добавил, что не связывался с Лондоном уже несколько часов.

— Вы можете осмотреть гараж и конюшни? — спросил я.

— Нет, сэр. Все входы тщательно заперты. И чтобы проверить, есть ли лишние автомобили, мне пришлось бы взламывать замки. А вы мне приказали не...

— Да-да, — прервал я его. — Я не хочу, чтобы они заподозрили, что за ними следят.

Голос агента вызвал у меня подозрения, он не был таким, каким я помнил его. Впрочем, в эфире было много электрических разрядов, ухудшающих слышимость — со стороны Ирландии приближалась гроза.

— Мы приземлимся приблизительно через час. Будьте готовы прикрыть нас, так как, если Ноли с его бандой действительно находятся внутри усадьбы, они выскочат оттуда, какстая гончих. Встречаемся в лесу. Там и выработаем общий план. Сигналы, как договаривались: четыре моих вспышки и шесть ваших.

— Договорились, сэр. Четыре и шесть.

Я отключил радио. Голос человека был похож и не похож на голос моего агента. Если только он не пытался специально изменить его, чтобы предупредить меня об опасности. И потом, раньше мы всегда обменивались световыми сигналами, но пятью с его и тремя с моей стороны.

Я рассказал Триш о моих подозрениях. Она сказала:

— Если им удалось взять его живым, они все вытянут из него пытками. А если заметят, что он обманул их, они тут же прикончат его.

— Они убьют его в любом случае. Думаю, он уже мертв. Они скорее всего уже вытянули из него все, что могли. Я все больше склоняюсь к мысли, что говорил не мой агент, а кто-то пытался имитировать его голос.

Я не сказал ей еще об одном возможном варианте, а именно: что замок и усадьба были в руках людей Дока. Хотя я в этом сильно сомневался. У Ноли перед нами была значительная фора во времени. Если замком владел Ноли, то Калибан подвергался такой же опасности, что и я. Ноли обязательно попытается использовать ситуацию в своих целях, и Калибан не мог не знать этого. Быть может, такое положение лишь забавляло его, и он был рад преодолеть дополнительное препятствие. Не знаю.

Я вновь включил радио. Черная стена грозы, идущей от Ирландии, уже опасно приблизилась к нам. Из метеосводки я узнал, что гроза уже всю гроыхала над Кисвиком и направлялась на восток. Дождь лил как из ведра, а ветер все усиливался, достигнув к этому времени скорости в семьдесят километров в час. Самолет стало потряхивать в плотно обступив-

шей нас со всех сторон темноте. Пришлось увеличить высоту, так как в такой темноте я не смог бы вовремя заметить какой-нибудь встречный самолет. Стоило мне подняться до уровня в тысячу метров, как меня сразу же засек радар береговой охраны. Радио тотчас прощелкало мне их приказ назвать себя. Пришлось наврать, что я ирландский авиалюбитель, которого буря отнесла к английским берегам. Это давало мне отсрочку минут на пять, не больше. Наведя справки в Ирландии, охрана вновь потребует, чтобы я идентифицировал себя, и прикажет приземлиться под угрозой быть сбитым. Правда, я не очень представлял себе, как они могут заставить меня спуститься: вряд ли они решатся потратить ракету с самонаводящейся головкой ради какого-то маленького туристского самолетика, а истребители не рискнут приблизиться ко мне в той сумятице, что творилась сейчас в атмосфере.

Однако я решил сделать вид, что у меня авария с мотором. Включил аварийный сигнал и стал по спирали спускаться вниз. Я снижался до самого последнего момента, пока не заметил в свете фар прыгающие волны поверхности океана. Я едва успел остановить снижение, волны уже доставали своими длинными языками до днища самолета. Я плюнул на риск воткнуться на такой высоте в какой-нибудь пароход и помчался дальше на высоте шести метров. Так мы летели, пока впереди не показались огни Уайтхевена. Здесь мне вновь пришлось набрать высоту. С этого момента мне нельзя было лететь ниже 1500 метров. Будь светло, я рискнул бы лететь и дальше на бреющем полете. Но в той каше, сквозь которую мы сейчас пробирались, это было бы чистым безрассудством, которое привело бы нас к тому, что, вместо того чтобы прийти на помощь Клио, мы закончили бы свои дни, врезавшись в Скиддоу или какую-нибудь другую гору этого района.

— В Пенрите есть маленький аэродром, — объяснил я Триш. — Этот городок находится в семи или восьми милях от Грандрита. Их башня контроля не имеет радара, и они не смогут вести нас. Придется садиться, рассчитывая только на зрение.

— О какой видимости ты говоришь! — воскликнула Триш. — Взгляни, что творится снаружи. Если что-то и можно рассмотреть, то лишь при свете молний, — она показала на смутно виднеющийся впереди сквозь густую сетку дождя темный горный массив, время от времени освещаемый сполохами кустистых молний. Над головой прокатился оглушительный раскат грома. Самолет вздрогнул, будто по нему ударили железной кувалдой.

Триш спросила:

— Пенрит? Это имеет какое-то отношение к Грандриту?

— Нет. Пенрит — это название кельтского происхождения. Этот городок один из редких валлийских анклавов, сохранившихся в Озерном Крае. «Грандрит», напоминая тебе, происходит от норвежского «Рандгрит».

Она попыталась за легкой болтовней скрыть свое нарастающее беспокойство. Я решил помочь ей и отвлечь от мыслей о будущей посадке.

— Когда мы приземлимся, — сказал я, — нам нельзя будет терять ни секунды. Можно, конечно, было бы попытаться забить баки служителям на аэродроме, но это будет лишней тратой времени. Мы прыгаем в первую же подвернувшуюся машину и — прощай, Берта! Если меня и узнают, позже я всегда смогу придумать что-нибудь, чтобы они отвязались от нас.

Триш занялась проверкой нашего вооружения: автомат, длинноствольный карабин 22-го калибра, шесть ручных гранат и мини-арбалет. Кроме того, каждый имел при себе нож в ножнах, крепящийся вокруг шеи и спрятанный на спине в качестве личного оружия. Триш отдала предпочтение маленькому «дерринджеру» с двойным барабаном.

Она покопалась в сумке для инструментов и сунула в карманы моего плаща отвертку, кусачки и моток электрического кабеля.

— А если мы спрыгнем с парашютом? — спросила она. — Если я правильно поняла, за твоей усадьбой простирается непролазная чащоба. Значит, нет риска, что самолет упадет на чье-нибудь жилище.

— Да, леса там хватает, — согласился я. — Но, думаю, Ноли наверняка предвидел этот вариант. Даже если бы мне удалось, несмотря на дождь, сделать посадку на шоссе, ведущему в Кламби, Ноли был бы предупрежден раньше, чем шасси самолета коснулись бы земли. Я уверен, что он давно прослушивает все разговоры в эфире, поэтому знает о нашем приближении и может предвидеть наши возможные перемещения. У него наверняка есть все необходимое для этого оборудование. Скорее всего он уже приготовил целую армаду мотоциклистов на всех дорогах, ведущих к имению.

— Если уж он такой предусмотрительный, как ты утверждаешь, то в Пенрите нас должна поджидать целая комиссия по торжественной встрече.

— О том, что мы собираемся приземлиться именно там, он узнает в самую последнюю минуту. По крайней мере, я надеюсь, что именно так и будет. Вот тогда он и отправит навстречу нам свою свору убийц, но будет уже поздно.

— А если он знает, что это единственное место, где еще можно приземлиться? — настаивала Триш. — В таком случае сейчас его люди должны мчаться туда на всех парусах.

— Может быть, ты и права. Поживем — увидим.

Радио сообщило мне, что видимость продолжала оставаться нулевой, но ветер понемногу стихает, и скорость его упала до восьмидесяти километров в час. Все аэродромы графства были закрыты и принимали только терпящих бедствие.

Военные тоже могли подумать нечто похожее на то, что Триш приписывала Ноли, и теперь, быть может, ждали моего прибытия в Пенрит. Я не сказал об этом Триш. Она и без этого уже сильно нервничала.

Под нами остался город Кисвик, который мы, конечно, не увидели, и нижняя оконечность большого лесного массива Скиддоу. За ними лежало местечко, носящее поэтическое название «Сожженная Лошадь», и долина Мангрисдайл. Если радар самолета не барахлил и я не ошибся в расчетах, мы сейчас должны были находиться над горой Боукэйл (высота 702 метра), а за ней лежало мое имяние, которое я, естественно, тоже не мог разглядеть сверху. Я сделал этот крюк, вместо того чтобы прямо направиться в Пенрит, в надежде сбить с толку Ноли, а заодно с ним и военных.

Я снова подключился на частоту, на которой говорил с человеком, выдававшим себя за моего агента. Я сказал:

— Начинайте подавать сигналы.

Его голос был полон беспокойства, когда он ответил:

— Но, сэр! Не думаете же вы на самом деле приземлиться здесь! Это невозможно! Это самоубийство чистой воды!

Именно этого я и ожидал от Ноли... или от Калибана. Ноли желал меня видеть в своих руках живым из-за эликсира (если только Калибан не сообщил ему, что владельцами напитка были только Девять. Но я был бы удивлен, если бы Док пошел на это. Со своей стороны, Калибан не хотел, чтобы его кузина разбилась вместе со мной, если он получил хоть одно из моих посланий ему). К тому же Док не мог желать мне такой смерти, поскольку поклялся свести со мной счеты в равной борьбе голыми руками.

Я спросил себя, как отнеслись бы Девять к тому, что один из нас погиб бы вдруг в результате несчастного случая? Должен ли будет оставшийся в живых бороться в таком случае со следующим претендентом? Или просто Девять имели какие-то свои таинственные причины желать смерти лишь одного из нас?

Теперь я был абсолютно уверен, что говорящий со мной человек не был моим агентом. Я сказал ему:

— У вас есть лучшее предложение?

— Аэродром в Пенрите. Это куда менее опасно, чем то, что вы предлагаете, — убежденно ответил он.

— Я думаю, мне удастся посадить самолет на дорогу, ведущую в Мангрисдайл, — сказал я. — Оттуда я доберусь на какой-нибудь машине.

— Вам не удастся сделать этого, сэр! — воскликнул он. — У вас нет ни единого шанса! В Пенрите хоть посадочная полоса освещена. А здесь как вы будете садиться в полной темноте?

— И все-таки я буду садиться на шоссе, — с упрямством в голосе сказал я.

Конечно же, он был прав. Но я очень хотел, чтобы Ноли (или Калибан) клюнул на приманку и послал торжественный эскорт на дорогу, ведущую из Кламби в Мангрисдайл. Но если Ноли был достаточно умен, он догадается послать часть людей и в Пенрит. И скорее всего он так уже и сделал.

Я вдруг подумал, что полностью принял гипотезу, что Ноли завладел замком. Калибан тоже, наверное, был неподалеку, но он вряд ли успел проникнуть в Грандрит. Все данные, которыми я обладал на тот момент, делали это предположение вполне правдоподобным. Временной фактор, например.

Круто заложив вираж, я бросил машину в пике, выровняв ее, когда альтиметр показывал высоту в 150 метров. Вполне могло быть, что мы находились на высоте гораздо меньшей, чем та, на которую указывал прибор. Но я не мог убедиться в этом визуально. Видимость не простиралась дальше пятидесяти метров. Топография местности была очень капризной, поэтому линия нашего дальнейшего полета больше напоминала синусоиду с очень неравномерными колебаниями вверх-вниз. У Триш началась икота, и она закрыла глаза. Через некоторое время она справилась с ней, взглянула на меня и сказала:

— Уф! Теперь мне полегче. А то я уж было приготовилась вручить мою душу в руки великого бога Старого Ворона.

Момент для болтовни был не из лучших. Однако я не удержался, чтобы не спросить:

— Что это за бог такой?

— Старый Ворон! Когда я была совсем маленькой, мой отец однажды сказал, что нет ничего лучше Старого Ворона. В моем детском воображении сразу же возникла картинка. Я подумала, что Старый Ворон — это какой-нибудь великий индейский вождь вроде Буффалло Билла или Гайаваты. Потом я сказала себе: нет, это, наверное, Великий Дух индейцев, и мой отец, поклоняясь ему, приготовил себе местечко в Краю Вечной Охоты. И тогда я тоже стала молиться Старому Ворону. Так продолжалось до тех пор, пока я не открыла, что в действи-

тельности речь шла о марке виски под названием «Old scow». Но к тому времени я настолько сжилась с верой в Старого Ворона, что отказалась признать ошибку. Я сама создала для себя бога, и он больше никогда не покидал меня. И я считаю, что мне оказана огромная честь быть единственной среди людей, которой позволено поклоняться и почитать великого бога Старого Ворона.

Пока она рассказывала мне свою историю, мы почти прибыли на место. Радио захлебывалось в истерике. Военным вновь удалось засечь меня, и теперь по обеим частотам, береговой охраны и аэродрома, на меня градом сыпались оскорбления, ультиматумы и молитвенные просьбы.

На мгновение я подумал, не прыгнуть ли нам все-таки с парашютом, направив самолет на большое поле для игры в гольф. Но я сразу отказался от этой мысли, так как не хотел подвергать чужие жизни даже минимальному риску. Нет, у меня решительно не было никакого другого выбора, как только посадить самолет на аэродроме.

Толкнув рычаг управления от себя, я наклонил нос машины и по пологой дуге устремился вниз, к земле. Я мчался к аэродрому под углом атаки, будто собирался расстрелять его из своих пулеметов. Он вынырнул из темноты совершенно неожиданно. Я находился в хорошей позиции и спускался под правильным углом, но чуть-чуть быстрее, чем хотелось бы. Огни посадочной полосы едва просвечивали сквозь сетку дождя, а свет больших прожекторов башни контроля казался отсюда далекими размытыми пятнами. Земля надвигалась слишком быстро, и я испугался, что в самый последний момент не выдержат стойки шасси. Но они выдержали, несмотря на то что удар был достаточно сильным. Самолет подпрыгнул пару раз и покатился по посадочной полосе. Я выключил контакт, максимально выпустил закрылки, но скорость все равно оставалась слишком высокой. Мы выскочили за границу полосы и помчались прямо по газону. Самолет остановился в нескольких сантиметрах от стены, отгораживающей паркинг.

На то, чтобы перевести дыхание и немного привести нервы в порядок после столь стремительного приземления, едва не кончившегося аварией, у нас просто не осталось времени. Быстро набросив на себя плащи с карманами, забитыми всяческим оружием, подхватив под руки рюкзаки с остальным нашим снаряжением, мы выбрались из пилотской кабины и побежали к входной решетке.

Двери башни контроля и зала ожидания открылись, и откуда высыпали люди, которые бросились бежать в нашем направлении, потрясая в воздухе револьверами. В паркинге стояло

шесть автомобилей. Ни один из них не принадлежал армии или полиции. То ли комедия, которую я разыграл для них в воздухе, сбила их с толку, то ли еще что-то помешало прибыть им к моменту нашего приземления.

Триш освещала нам дорогу перед собой с помощью маленького, но мощного фонарика-авторучки. Мы намного опережали людей, выскочивших отовсюду на летное поле. Они прежде всего устремились к самолету. И пока они там разбирались, что да как, мы уже давно были на стоянке для автомашин. Здесь были один «хиллмон-минкс», два «фольксвагена», один «М.Ж.», спортивный вариант, одна «фасель-вега» и «астон-мартин ДВЧ». Все были заперты, и никто не забыл ключей в замке зажигания. Но это не играло роли.

Я разбил стекло «астон-мартина», просунул внутрь руку и открыл дверь. Затем поднял капот и с помощью отвертки и кусачек принялся за хорошо известную мне работу. Триш светила мне фонариком. Мне хватило минуты, чтобы присоединить электрический провод от аккумулятора к стартеру. Но преследователи уже приближались. Их голоса все явственней раздавались из-за стены дождя, все так же продолжающего поливать нас как из ведра. Я закрыл капот, и мы бросились в машину. В этот миг из-за угла здания в дальнем конце улицы, ведущей к аэродрому, показался свет фар подъезжающей машины.

Послышался чей-то голос:

— Эй, вы там! Что вы там собираетесь делать?

К нам со всех ног бежали пять человек. Я рванул с места под дикий визг покрышек. Асфальт был залит водой, и колеса вовсю пробуксовывали. Когда мы пересекли широко раскрытые ворота стоянки, послышалось «понг», и в центре ветрового стекла появилась маленькая аккуратная дырочка. Я включил вторую скорость. В конце улицы появился еще один автомобиль. В зеркало заднего обзора было хорошо видно, как стали зажигаться фары автомобилей, оставшихся на стоянке.

С правого бока первой машины, идущей нам навстречу, появились вспышки выстрелов. Я резко крутанул баранку, уводя машину из-под выстрелов, но у меня было слишком узкое поле для маневра. К тому же дистанция между нами быстро сокращалась. Я уже достиг ста километров в час, и они шли мне навстречу не менее чем на семидесяти. Машины отвернули почти одновременно со мной. Водители их были настороже. Они, вероятно, подумали, что я собираюсь со всего маху протаранить ту, что окажется передо мной, и не захотели испытать на себе, что такое встречный удар на скорости в сто пятьдесят километров в час.

Но резкий поворот на залитом водой шоссе при высокой скорости — это то, чего опасается любой водитель. Все три машины закружило по улице, будто они решили вальсировать вместе. Я попытался выровнять мой «астон», но он оказался глух к моим попыткам и продолжал крутиться вокруг своей оси, одновременно подвигаясь вперед. Так, крутясь, мы проскользнули мимо первой автомашины, встретившись с ней будто танцоры на льду, едва не столкнувшись при этом бортами. Триш воспользовалась моментом, чтобы трижды выстрелить из своего автоматического пистолета.

— Мне кажется, я достала его! — воскликнула она радостно. — Я видела, как он дернул рукой и выронил свой револьвер на улицу.

Когда машина перестала вращаться как волчок, она оказалась развернутой именно в том положении, которое подходило нам больше всего. Мне не оставалось ничего другого, как нажать на акселератор.

ГЛАВА 33

Вторая машина крутилась так же, как и первая, но ее водителю удалось быстрее справиться с вращением. К тому моменту как мы поравнялись с ней, она уже стояла неподвижно. Окна в дверцах были опущены, и нас встретили шквалом огня. Но ни одна из пуль не попала в машину.

Триш, глядевшая через заднее стекло, комментировала все, что происходило за моей спиной.

— Вторая машина тоже остановилась. Теперь они повернулись к нам спиной. Наверное, они хотят развернуться, но к ним подъезжает машина, выехавшая из паркинга. Они хотят дать ей дорогу. Внимание!

Предупреждение относилось не ко мне, а к третьей машине. Ее водитель пытался остановиться, видя, что две другие закрывают ему дорогу. Он нажал на тормоза, что было совершенно бессмысленно, так как машина «поплыла» и воткнулась в бок первой. Столкновение было достаточно сильным, хоть и не смертельным для пассажиров.

Я немного заскользил, входя в первый вираж, но легко справился и выровнял автомобиль. Дальше дорога была прямой, как стрела, на многие сотни метров. Мне нужно было пересечь главную площадь городка и выехать на дорогу А 594, которая вела от Пенрита в западном направлении. Приближался следующий поворот. Преследователей сзади не было видно, и я немного притормозил, прежде чем войти в вираж. И все-таки

машина заскользила. Идущие по шоссе автомобили бешено засигналили мне вслед. Вода вырывалась из-под колес, как из шлангов поливальной машины.

Видя мое приближение, пешеходы испуганно шарахались в стороны, прижимаясь к стенам зданий или прячась в подъезды. Тех, кто не успевал укрыться, вода окатывала с головы до ног. Представляю, что они кричали мне вслед, разъяренно размахивая в воздухе своими зонтами. Я был доволен, что никто из них не пострадал более серьезно, попав под колеса моей машины. Но сзади нас так же быстро мчались еще несколько машин, и они вполне могли задеть двух-трех пешеходов.

Перед тем как сделать последний поворот при выезде на площадь, я взглянул в зеркало заднего обзора и увидел фары только что появившихся в конце улицы машин наших преследователей. У одной из них одна фара была разбита.

Из какого-то паба выскочил полицейский и принялся истошно свистеть в свою свистульку. Его спасло лишь то, что он каким-то чудом успел отпрыгнуть назад, где его тут же накрыло пенистой волной из-под колес автомобиля. Нам оставалось метров двести до Торговой площади. Триш высунулась в окно и разрядила полную обойму по нашим преследователям. Передняя машина сразу завилела из стороны в сторону. Триш радостно завопила, что, наверное, попала в водителя. Но машина быстро выправилась, шофер, вероятно, лишь был слегка задет. Его спутники высунулись из окон и стали поливать нас свинцом.

«Астон-мартин» вырвался на площадь в реве мотора. Мне тут же пришлось переключиться на более низкую скорость и сразу повернуть налево. Машину вновь занесло. Я шел на восьмидесяти, для такой мокрой дороги этого было достаточно. Задняя часть машины пошла по дуге, и в свете фар коротко блеснул указатель дороги: «А 594 КИКВИК». Указатель был прикреплен к дорожному столбику, раскрашенному в черно-белую полоску, стоящему в центре приподнятой над уровнем шоссе бетонированной площадки в форме треугольника, расположенной на пересечении трех дорог. Сразу за указательным столбом стояла будка регулировщика уличного движения.

Меня продолжало разворачивать, и свет фар осветил фасад какого-то банка. Тут задние колеса моей машины влетели на площадку, и машина своей задней частью ударила по столбу, тут же переломив его пополам. Удар был сильным, но «астон» прекрасно его выдержал. На кузове осталась лишь небольшая вмятина. Я вывернул руль вправо, нажал на газ и с ревом промчался мимо банка, от которого начиналось шоссе А 594.

Можно сказать, при столкновении мы отделались легким испугом. Меня удержали привязные ремни, когда удар резко бросил меня вправо. Триш досталось больше: она ударилась о дверцу, но все обошлось, и она ничего себе серьезно не повредила.

Первому из наших преследователей повезло меньше, чем нам. Он шел от нас на расстоянии каких-нибудь двадцати метров и разогнался до скорости более чем сто километров в час. Вероятно, водитель не знал города, иначе он был бы более осторожен. Его развернуло так же, как и меня. Но дальше было совсем по-другому. Его машину полностью выбросило на бетонную площадку. По инерции она смяла то, что оставалось еще от указательного столба, и врезалась в будку регулировщика. Ее мотор заглох, и фары потухли.

Машина с одной фарой, в которой, вероятнее всего, сидели служащие с аэродрома, так и не появилась.

Шоссе А 594 шло от Пенрита в направлении на юго-запад, и лишь потом, за монументом Грейстока, оно начинало отклоняться к северо-западу. Между Пенритом и Грейстоком, на протяжении восьми километров, дорога шла среди обработанных полей. То здесь то там чернели пятнами пашни, мимо проносились погруженные в темноту строения ферм. Дорога была превосходной. Несмотря на непрекращающийся проливной дождь и ветер, мы мчались со скоростью сто тридцать километров в час, а временами я выжимал и все сто пятьдесят. Я мог позволить себе такую скорость, так как дорога мне была хорошо знакома. Лишь бы в числе моих преследователей не оказалось местных жителей, тогда я мог надеяться значительно оторваться от них.

Несмотря на то что дорога и управление автомобилем требовали всего моего внимания и сосредоточенности, я немного поразмышлял о складывающейся ситуации.

Наши преследователи стреляли в нас с явным намерением убить. Это означало, что они не были людьми Калибана, который знал, что со мной его кузина. К тому же он рассчитывал заняться мною лично.

Ноли? Ноли знал, где находится золото, вернее, где оно находилось когда-то. Но он еще не добрался до эликсира. А для этого я ему был нужен живым, если он хотел, чтобы я сказал, как раздобыть его. Но теперь ситуация могла измениться. Если Клио в его руках (при этой мысли я невольно вздрогнул), он мог обойтись и без меня. Ему больше не было никакого смысла щадить меня.

Если я нигде не ошибся в своих рассуждениях, случилось то, о чем я сразу подумал, когда Док сказал мне, кого он

направил в Англию. Ноли повел свою собственную игру. Он начал действовать не только вразрез с прямыми указаниями Калибана, но и не остановился перед тем, чтобы угрожать жизни его кузины.

Из чего я делал вывод, что Ноли не такой уж умник, каким хотел казаться. Судя по всему, он так и не понял, насколько Калибан может быть опасен. Ноли поставил себя в положение дичи, преследуемой сразу двумя тиграми, единственным желанием которых было одно: убить его.

Дорога привела нас на вершину холма. Дальше она спускалась вниз, чтобы тотчас начать взбираться по склону следующего. На самой вершине этого второго холма сквозь сетку дождя светилось несколько размытых световых пятен. И тут дождь внезапно прекратился. Дождевые щетки смахнули последние капли воды с ветрового стекла, и я смог отчетливо разглядеть, что происходило впереди. Две пары фар освещали склоны холма. Они почти сразу же погасли. Не прекратись дождь столь внезапно, я ничего и не заподозрил бы и не смог бы увидеть двух автомобилей, перекрывших собой всю ширину шоссе.

Сзади вновь показались огни преследующей нас машины. Теперь, когда дождь кончился, они могли двигаться быстрее. К тому же очень возможно, что они имели радиосвязь с машинами, загородившими нам путь.

Спускаясь по склону холма, я слегка ослабил давление на акселератор, так, чтобы машина почти не прибавила скорости. Задняя машина быстро приближалась. Ее скорость, должно быть, превосходила сто шестьдесят километров в час. Не доезжая до нас метров десяти, ее пассажиры открыли огонь. Раздалось шесть выстрелов подряд. Одна из пуль пробила заднее и ветровое стекла, по дороге задев мое плечо. Я попросил Триш взглянуть, что она там у меня наделала. Она успокоила меня, сказав, что пуля практически прошла сквозь одежду, лишь слегка оцарапав мне кожу. Даже крови не было видно.

Машина сзади стала притормаживать, и расстояние между нами вновь увеличилось. Это утвердило меня в подозрениях, что между ней и машинами, перекрывшими шоссе, существует радиосвязь. Машина отставала все сильнее, и, когда я уже поднялся на вершину второго холма, она была всего лишь на половине склона.

Я снял ногу с газа. Отсюда склон сбегал вниз под углом в сорок пять градусов. Оба автомобиля, перегородивших шоссе, сверкали в свете моих фар в шестидесяти метрах от меня. Они были прижаты друг к другу и выходили за пределы асфальтового покрытия дороги. В сотне метров ниже виднелась третья

машина, развернувшаяся в нашем направлении, стоящая наполовину на шоссе, наполовину на обочине дороги.

Рядом с машинами нас ждали девять человек. Слева, по краю канавы, стояли трое с автоматами в руках. Шестеро других держались справа. Они были вооружены винтовками и пистолетами.

Едва мы возникли на вершине холма, как они открыли пальбу. Триш пригнула голову пониже и стала отвечать на выстрелы, стараясь попасть в тех, что были справа от нее. На коврике у своих ног она успела выложить гранаты и приготовить их к употреблению.

Все произошло очень быстро. Я взял левее, потому что там было немного пространства между автомобилем и канавой, узкая полоска глинистой мокрой земли. Кроме того, здесь стояло всего три человека, пусть и вооруженных автоматическим оружием.

Я перешел на низшую передачу и бросил машину влево. Левые колеса заскользили по грязи, но правые остались на шоссе. Скрючившись на сиденье, я старался пригнуться как можно ниже.

На такой короткой дистанции нас должны были бы превратить в решето. Но наши противники нервничали и были нерешительны, поэтому их стрельба оставляла желать лучшего. Они, вероятно, решили, что я собираюсь раздавить их колесами моего автомобиля. Ветровое стекло передо мной, чуть выше головы, расцвело звездочками пробоев. Свистнули пули. Что-то горячее обожгло мне шею и упало на плечо: одна из пуль срикошетила и ткнулась мне в шею на излете.

Трое мужчин попрыгали в стороны, кто куда: они знали, что при малейшем юзе на скользкой глинистой почве я неминуемо раздавлю их. С небольшим опозданием для себя они догадались, что я не собираюсь останавливаться и делать из себя мишень для их стрелковых упражнений. Стрелявшие решили, вероятно, что я думал расквитаться с ними даже после того, как буду убит. И нам, можно сказать, повезло, что они так ценили собственные жизни и предпочли удрать, вместо того чтобы стрелять в стремительно несущуюся на них машину. Они бы разнесли нас в клочья. Но для этого были нужны более крепкие нервы, чем у них. Я осторожно повернул руль и съехал с полотна дороги. Мой «астон» слегка встряхнуло, когда его задняя часть, скользя, задела передок преградившей нам путь машины.

Как раз перед тем как наша машина всеми четырьмя колесами заскользила по глине и грязи обочины, Триш необычайно хладнокровно и точно (я даже залюбовался) вырвала чеку и

бросила через окно гранату. Она не могла видеть, конечно, куда та упадет, но целила-то она куда надо.

Машину опасно занесло и наклонило в сторону сточной канавы, идущей параллельно шоссе. Я врубил первую скорость и слегка повернул руль вправо, ровно настолько, чтобы переднее правое колесо вскарабкалось на асфальтовое покрытие, за ним правое заднее, а там и все остальные.

Едва мы полностью выбрались на дорогу, как сзади прогремел взрыв. Триш крикнула мне, что граната взорвалась под правой машиной, а не под левой, куда, как ей показалось, она ее бросила. Это, в общем-то, ничего не меняло. Обе машины скрылись в языках дыма и огня. Спустя еще несколько секунд раздался еще более мощный взрыв, когда взорвались их бензобаки. Троиш, стоящих справа от баррикады, бросившихся было бежать за нами, окатило горящим бензином, и они превратились в три мечущихся живых факела.

За третьей машиной, стоящей с правой стороны дороги, тоже прятались три человека, которые почти сразу же после того, как прогремел взрыв гранаты, открыли по нам сумасшедший огонь. Двое с ружьями в руках прятались за капотом. Третий стоял в полный рост, упираясь автоматом в крышу автомобиля. Он стрелял трассирующими пулями.

По идее они сразу же должны были расстрелять нас в пух и прах. Но, во-первых, их потряс взрыв устроенного ими препятствия, чего они явно не ожидали; во-вторых, на них подействовала взрывная волна; и, в-третьих, я несся на них, как метеор, утопив педаль акселератора в пол до предела. Опять это была война нервов. Кто кого? Кто успеет первым?

Трассирующие пули вспарывали шоссе то справа, то слева от машины, то сзади нее, но потом они стали ложиться все ближе и ближе. Я внезапно сделал резкий поворот в сторону, и машину вновь занесло. Триш воспользовалась этим, чтобы выпустить в них очередь из моего автомата 38-го калибра. Луч моих фар на мгновение ярко осветил их машину, и я увидел, как один из двух, стрелявших из-за капота людей, медленно падает на спину, вскинув руки к небу. Стрелявший из автомата, решив, что моя машина сейчас врежется в них, отпрыгнул в сторону и дал деру. Что стало с третьим, я не заметил, потому что надо было выравнивать машину. Мне едва удалось избежать прямого столкновения. Задок машины мотало из стороны в сторону, но мы все-таки проскочили мимо, правда, ободрав себе при этом правый бок, но зато вдребезги разбив им фары.

Мы вихрем промчались мимо и понеслись дальше в ночь. Пламя пожара сзади нас осветило долину на многие сотни метров вокруг.

Триш всю трясло от перенесенного нервного напряжения. Она прижалась к моему плечу и немножко всплакнула. Я тоже чувствовал, что внутри меня все дрожит. Дрожит от радости одержанной победы.

Но я слишком рано радовался. Машине, которая преследовала нас по пятам от самого города, Бог знает каким чудом удалось преодолеть пылающую баррикаду. Оставшиеся в живых уселись в почти неповрежденный третий автомобиль и тоже бросились в погоню. Так что не успел я проехать и километра, как заметил в зеркале заднего обзора их быстро приближающиеся огни. Нет, эти люди были явно одержимыми в своем стремлении убить меня.

Я проскочил мимо Бункерс-Хилл, солидно укрепленной фермы, состоящей из трех домов, которая, как и Форт-Патнам, расположенный несколько дальше по дороге, была возведена в 1780 году герцогом Грейстоком. Герцог, виг по партии, военный по профессии, был настроен проамерикански и приказал основать эти форты в честь двух славных побед янки, дав им имена побежденных при этих баталиях.

Заметив ферму, я на мгновение было подумал попросить помощи у нынешнего владельца замка в Грейстоке. Это был старый и верный друг. Но я тут же вспомнил, что в данный момент он должен был находиться на Аляске. К тому же я не имел права впутывать в это дело ни в чем не повинных людей. Наше положение было тяжелым, но не безнадежным. Что же касается сил так называемого правопорядка, у меня даже и на мгновение не мелькнуло мысли прибегнуть к их помощи. Я знал, насколько ленивы и неповоротливы английские полицейские во всем, что не касалось очередной возможности посчитать ребра пакистанцам или ирландцам. Клио спокойно могла бы быть убитой девять раз, прежде чем они раскатаются и решат вступить в игру. Внезапная атака была единственным методом, способным освободить ее.

Но была еще одна причина, по которой я не хотел впутывать в это дело жандармерию. Девять. Это было частное дело, я бы даже сказал внутреннее, касающееся только членов нашего ордена, и не нужно было, чтобы о нем трезвонили повсюду. У меня почему-то уже давно назревала мысль, что мы не сидели бы во всем этом дерьме, если бы Девять втайне не приложили к этому свою руку, преследуя одним им известную цель.

Но за все то, что случилось в течение только одного сегодняшнего вечера: весьма зрелищное приземление, столкновение в Пенрите, пылающие машины посреди образцовой дороги, являющейся гордостью министерства транспорта ее величества, — у жандармерии были все основания заинтересоваться

главным участником этих событий и постараться наложить на него свои лапы.

Километром дальше после Форт-Патнама наши преследователи вновь стали серьезно беспокоить меня. «Астон-мартин» почему-то больше не хотел ехать быстрее ста тридцати километров в час, и это убедило меня в том, что машина все-таки получила повреждения во время перестрелки. Догоняющие нас ребята неслись с сумасшедшей скоростью, не меньше, наверное, ста семидесяти километров в час. По всей видимости, они должны были догнать меня где-то на окраинах Грейстока, тем более что я не собирался пересекать деревню на скорости выше девяноста километров в час.

Когда до первых домов местечка оставалось не более полукилометра, температура мотора внезапно подскочила вверх. Из-под капота повалили клубы перегретого пара. Значит, пули повредили радиатор и у нас оставалось совсем мало времени до того, как машина окончательно встанет.

Я предупредил Триш быть готовой выпрыгнуть из автомобиля, как только он остановится, и бежать, как на стометровку.

Мы въехали в Грейсток. Везде было темно и тихо. На улицах ни души. Машины преследователей как раз спустились в очередную лошину между холмами и на короткое время пропали из виду. Я подумал, не повернуть ли нам на север. Необходимо было срочно избавиться от «астон-мартина» и раздобыть другую машину. Дорога, что шла на север вдоль восточной опушки грейстокского леса, была классом ниже, чем государственное шоссе А 594. Но к северу от леса она пересекалась с другой дорогой того же типа, которая вела в южную часть моих владений, расположенных западнее этого леса. Это была скорее простая дорога, чем шоссе, узкая, ухабистая, но тем не менее покрытая гудроном. Этот путь был гораздо длиннее, чем по шоссе, но он мог бы сбить преследователей с нашего хвоста. Вряд ли они хорошо знали местные проселочные дороги.

Но в таком случае они могли просто двинуть напрямик в Грандрит и спокойно дожидаться меня там. Впрочем, они должны были бы сделать это с самого начала. Следовательно, мне необходимо было выбрать самый короткий путь. К тому же мне, быть может, удастся увеличить число их потерь. Чем большее число противников я убил бы по дороге, тем меньшее их число дожидалось бы моего прибытия.

И все же я решил по выезде из Грейстока свернуть с шоссе А 594 на короткую узкую каменистую дорогу, параллельную старой римской еще дороге, которая шла вдоль всего леса. Мои преследователи могли, конечно, предупредить своих сообщни-

ков, и тогда у меня были все шансы наткнуться на вторую баррикаду, которую они соорудили бы в месте пересечения обеих дорог.

Дорога, которой я собирался воспользоваться при выезде из деревни, соединялась еще с одной, которая шла на север от А 594. По ней, проехав через Беррье, Мюррах и замок Мюррах, можно было попасть на дорогу, которая, пройдя между рекой Колдью и Скалой Ворона, привела бы меня в Грандрит.

Когда я, не сбрасывая скорости, влетел в самый центр деревни, одновременно случилось сразу несколько событий. Сначала взорвался указатель температуры мотора. Внезапно открылась дверь одного из домов с края шоссе и оттуда появились два человека, одетые в экипировку мотоциклистов. Я двигался по середине шоссе и, увидя их, резко повернул руль вправо, пытаюсь избежать столкновения, так как они собрались перебежать дорогу перед самым моим носом. На мгновение перед глазами мелькнула какая-то огромная штука шести метров в высоту и двух с половиной в ширину, покрытая брезентом.

И в то мгновение когда я удачно уклонился от них вправо и думал, что все обошлось, лопнуло переднее правое колесо.

ГЛАВА 34

Должно быть, оно было повреждено еще в Пенрите, во время столкновения, или в него попала пуля при перестрелке. Я, конечно, не стал тормозить, но отвернул руль влево, чтобы не врезаться в ту высокую штуковину под брезентом. Машина пошла юзом, одновременно сильно клюнув носом вниз, и, несмотря на все мои усилия, со всего маху вонзилась под самое основание странного сооружения. Меня и Триш по инерции швырнуло вперед, и лишь благодаря прочности страховочных ремней мы удержались на месте и не вылетели через ветровое стекло. С печальным свистом последние остатки воды в виде пара покинули пробитый радиатор.

Мы очутились в полной темноте, укрытые упавшим на нас с этого непонятного сооружения брезентом. Пришлось выбираться наружу. Набив карманы плащей боеприпасами и захватив рюкзаки с остальной амуницией, в число которых вошел арбалет со стрелами к нему и гранаты, мы отстегнули страховочные ремни и осторожно выбрались наружу, под упавший на нас тент. Карабин, ввиду его больших размеров, пришлось оставить в машине.

Двое мотоциклистов, хохоча во все горло и перекидываясь между собой шуточками, помогали нам освободиться от

брезента. По их акценту, усилившемуся под действием винных паров, я понял, что они уроженцы северных провинций. Так они шутили и смеялись, пока один из них испуганно не завопил и, предупредив товарища, не отпрыгнул в сторону. Вслед за тем раздался сильный грохот, будто что-то весьма тяжелое рухнуло прямо перед нами.

Мы наконец-то выбрались на свежий воздух. Первой заботой было узнать, как далеко от нас находятся наши преследователи. Огней машин еще не было видно, но их отблески уже играли на стеклах домов в самом конце улицы.

Оказалось, что рухнул предмет, до этого укрытый брезентом. К счастью, не на нас. Сначала я никак не мог понять, что это такое. Потом, когда на них заиграли блики фар приближающихся машин, и особенно после того, как Триш посветила своим фонариком, я увидел, что это. Но еще некоторое время никак не мог сообразить. Затем у меня в голове будто разом сложились фрагменты мозаики, и я понял.

Несколько лет назад один богатый и довольно известный американский писатель приключенческих романов Эдгар Райс Берроуз предложил свою помощь в финансировании проекта по возведению в самом центре Грейстока большой бронзовой статуи «Тарзан, раздирающий пасть горилле». Как знают о том все читатели Берроуза, Тарзан был англичанином, виконтом и лордом Грейстоком. Американец рассудил, что было бы неплохо возвести монумент, увековечивающий память этого популярного среди читателей человека-обезьяны в его родной деревне.

Жители Грейстока в своем большинстве отнеслись к этой идее более чем сдержанно. Они не без оснований указывали на то, что Грейсток всего лишь псевдоним, заимствованный Берроузом, о чем, впрочем, сам автор упоминал в первом томе своей знаменитой серии. Сторонники проекта не могли не признать их правоту, но для них это ничего не меняло. Статуя прибавила бы известности этому заброшенному уголку Англии, так как популярность Тарзана во всем мире была огромна, хотя, быть может, большинство из этих людей не знали имени создателя этого героя, Эдгара Райса Берроуза. Деревня вошла бы во многие туристические маршруты, что подняло бы благосостояние ее жителей.

Лорд Грейсток, истинный последний владелец имения и замка, смеясь, дал согласие на этот проект. Хотя ни он, ни его предки никогда не были Тарзанами, он не видел причины, по которой нельзя было дать дополнительно заработать жителям его деревни.

Последний раз когда я слышал об этом деле, жители Грейстока еще не пришли к окончательному решению. Но теперь вот я стоял перед этой статуей, грудой осколков лежащей у моих ног. Несмотря на то что она была сделана из бронзы, статуя оказалась довольно хрупкой, так как была не литой, а пустотелой, и не выдержала первого же солидного удара.

Увидев, что мы наконец выбрались из-под брезента, один из мотоциклистов воскликнул:

— Спасибо за доброе дело! Если бы не вы, ее бы завтра водрузили на площади во что бы то ни стало!

Другой добавил:

— Согласен с тобой, дружище! Черт возьми! Да ведь она бы представляла собой постоянную угрозу для автомобилей, не так ли? Благодарение Богу, что эти господа расколотили ее раньше, чем мэр завтра разбил бы о нее бутылку шампанского! Да благословит его Господь, старого пьяницу!

— Что-то ты не слишком уважителен по отношению к высшей власти, Арни, — смеясь, поддел его первый.

Я тоже рассмеялся. Однако надо было думать, как двигаться дальше. Наши преследователи должны были оказаться здесь с минуты на минуту. О нашей машине и речи быть не могло, она полностью вышла из строя. К тому же ремень безопасности, удержав меня на месте, сильно ссадил мне кожу живота, и она теперь неприятно саднила. Если мы выпутаемся из этой передряги, я еще посмеюсь вместе с лордом Грейстоком над смешным завершением этой истории со статуей.

В дальнем конце узкой улочки, ведущей к площади, показался свет фар первой машины. Но улица слегка изгибалась, и они еще не могли видеть, что творится на площади.

Я вытащил из кармана толстую пачку банкнот, надежных стабильных американских зелененьких, и сказал:

— Послушайте, парни! Здесь более тысячи фунтов. Не одолжите ли вы мне на время ваши мотоциклы? Вот сейчас, сразу, не задавая никаких вопросов? Скажите только мне ваши имена и куда их доставить.

— Вот уж нет! — сказал первый. — Что за дикая мысль.

Второй добавил:

— Что-то это подозрительно! От кого это вы рвете когти?

От них так и разило спиртным. Оба немного пошатывались. Нельзя было терять времени. Я сказал Триш:

— У нас нет времени спорить или торговаться. Через пару минут здесь будет целая толпа народу. Их надо оглушить и забрать ключи.

Сказано-сделано. Парни не успели даже пошевелиться. Мне это не очень нравилось, но другого выбора не было. Я быстро

сунул в карман одного из пьяниц пачку долларов, забрал ключи, очки и побежал к дому, перед которым были припаркованы их мотоциклы.

Мне не надо было спрашивать Триш, умеет ли она водить мотоцикл, так как она сама мне как-то сказала, что это было одно из ее увлечений.

Это были два огромных монстра, BSA «Лайтнинг», которые могли развить скорость до ста шестидесяти километров в час. Тщательно упаковав наши рюкзаки в багажниках, мы вскочили в седла и сразу рванули с места. В тот момент когда мы уже покидали маленькую площадь деревни, показалась первая из машин наших преследователей. Бросив быстрый взгляд через плечо, я понял, что им придется остановиться, прежде чем пересечь площадь. Вокруг рухнувшей статуи уже собралась толпа жителей, осматривающих наш автомобиль и два лежащих на земле тела. Сквозь рев моторов донеслась пронзительная трель свистка полицейского. Но мы были уже далеко.

ГЛАВА 35

Прежде чем мы достигли опушки леса, за нами вновь зашверкали огни преследующих нас машин. Расстояние составляло километра полтора, может, чуть больше. Триш, которая ехала метрах в двадцати сзади меня, поравнялась с моим мотоциклом и жестами дала мне знать, что у нее бензин на исходе. Для убедительности она еще показала мне «очко», сложив большой и указательный пальцы вместе.

Я мог бы, конечно, взять ее на свой мотоцикл, но тогда мы стали бы заметно проигрывать в скорости. Я взглянул назад и прикинул время, которое понадобится двум машинам, чтобы нагнать нас. Потом жестами же дал понять Триш, что мы остановимся на вершине первого же холма. Когда мы взобрались туда, я погасил фары. Триш сделала то же самое. Перевалив за гребень холма на идущий вниз склон, мы остановились.

— Повторим с ними тот же трюк, — сказал я. — Загородим им дорогу нашими мотоциклами.

Это был вариант той же самой баррикады, которую они устроили нам не так давно. Потом я взял отвертку и пробил бак моего мотоцикла. Из пробоины хлынул бензин. Я прошелся с мотоциклом вверх к гребню на десяток метров, а затем вернулся назад, обильно смочив шоссе бензином. Затем мы уложили обе машины поперек дороги. За это время Триш успела освободить наши рюкзаки и покопаться в них. Она вытащила миниатюрный арбалет с удобной, как у револьвера,

рукояткой, что позволяло стрелять из него одной рукой. Дальность боя у него была, конечно, ограничена, но с двадцати метров стрела пробивала грудь человеку навывлет. Справа, недалеко от дороги, виднелась небольшая группа деревьев, — идеальное место для засады, чем Триш не преминула воспользоваться. За ее спиной, скрытые от глаз полосой деревьев, лежали остатки древней римской дороги, идущей параллельно шоссе, на котором мы сейчас находились. Вскоре над гребнем показался свет от фар идущей впереди машины. И вот она на большой скорости, не менее ста пятидесяти километров в час, вынырнула из-за склона на вершину и перевалила на нашу сторону. Вторая машина следовала за ней на расстоянии тридцати метров.

Едва первая машина выскочила на вершину холма, я выстрелил из арбалета, целясь в ее левое переднее колесо. Водитель заметил мотоциклы, лежащие поперек полотна дороги. Безжалостно завизжали тормоза. Машину повело в сторону. Врезавшись носом в левый мотоцикл, она по инерции «встала на дыбы» и закувыркалась вниз по склону. Я не слышал звука лопнувшей шины, значит, стрела прошла мимо. Но это уже не имело значения. Я ведь собирался стрелять лишь в том случае, если баррикада не сможет задержать их.

Я бросил арбалет и выхватил из кармана автоматический пистолет. Попасть с этого расстояния в бензобак моего мотоцикла было сущим пустяком. Мотоцикл взорвался в языках пламени, которое тут же побежало по дорожке, охватив половину шоссе, навстречу второй машине. Ее покрышки завизжали от трения об асфальт, намертво зажатые тормозами. Одновременно водитель отвернул вправо, чтобы избежать горящего мотоцикла. Но здесь он столкнулся со вторым мотоциклом, и это здорово сбавило ему скорость, хоть машина и не остановилась окончательно. Мотоцикл от удара отбросило на обочину, и он покатился по склону. Машина остановилась ниже, на уровне первой, которая, перевернувшись несколько раз, лежала сейчас на крыше. На несколько секунд воцарилась полная тишина. Пассажиры второго автомобиля в изумлении тарасили глаза на потерпевшую аварию первую машину, из которой двух человек выбросило прямо на дорогу, а четверо других были зажаты покореженным остоном. Никто из ее пассажиров не подавал признаков жизни.

Я бегом спускался к ним по склону слева от дороги, вдоль канавы, идущей по краю шоссе. Дважды блеснули вспышки выстрелов там, где пряталась Триш. Вновь завизжали покрышки, и автомобиль резко рванулся назад, разворачиваясь на шоссе. Его пассажиры открыли беспорядочную пальбу в

направлении того места, где пряталась Триш. Стреляли они явно наугад, так как, не обращая внимания на этот град пуль, женщина бесстрашно выскользнула из-за ствола толстого дуба, укрывавшего ее до сих пор, и, широко размахнувшись, бросила на дорогу гранату, которая упала прямо перед носом автомобиля. Раздался взрыв, за которым последовал новый истошный визг покрышек об асфальт. Машину снесло на край дороги, и она всеми четырьмя колесами оказалась в грязи. Ее уже опасно потянуло к канаве, но водителю каким-то чудом удалось вывернуть руль, и автомобиль медленно, с надрывным ревом мотора выкарабкался из глины на твердое покрытие шоссе. Все это время мы с Триш поливали автомобиль огнем из наших пистолетов, но это его не остановило.

Я в досаде кусал себе губы. Мы лишились наших средств передвижения, и эта жертва не привела ни к чему. А я так рассчитывал завладеть второй машиной.

Огни ее задних фонарей поспешно удалялись от нас к вершине холма. Потом она внезапно стала замедлять ход и вдруг остановилась совсем. Я крикнул Триш, чтобы та была осторожна, так как вовсе не исключалось, что это была ловушка. Но сам бросился к машине бегом. Приближаясь, я увидел, что в свете ее огней мелькают какие-то фигуры. Но что они делают, я понял, лишь подбежав совсем близко: дверцы были открыты со стороны водителя, и двое мужчин пытались вытащить его из кресла. Вероятно, он был тяжело ранен и не мог дальше управлять автомобилем.

Один из мужчин, заслышав мои шаги, бросил тело и повернулся ко мне лицом. Я нажал на курок моего автомата. Рядом засверкали вспышки из оружия Триш. Человека отбросило назад и опрокинуло на спину, прямо на тело водителя. Другой стал стрелять в темноту наугад, не имея ни малейшего понятия, где мы находились в тот момент. Я оставил пистолет и вновь решил воспользоваться арбалетом. После моего выстрела человек выронил оружие и согнулся вдвое, ухватившись обеими руками за свою ногу. Подойдя ближе, я увидел, что стрела пронзила бедро мужчины насквозь и наконечник ее торчит с другой стороны.

Мне очень хотелось задать ему несколько вопросов (почему я и воспользовался арбалетом), но он сразу прервал мои попытки завязать дипломатические отношения и вскоре отдал Богу душу. Я сначала было удивился, потом понял: болевой шок и потеря крови, вызванные ранением стрелой, добавились к еще одной ране, которую он получил в перестрелке, в правом боку, что в совокупности и привело его к смерти.

По радио внутри машины был слышен чей-то голос, говоривший на незнакомом языке, вполне возможно, на албанском. В речи его явно были слышны вопросительные интонации. Затем, не получая ответа, голос сменил тон на требовательный и гневный, перейдя в конце концов на визгливо-истерические ноты. Было бы не слишком разумным с моей стороны уступить сейчас охватившему меня желанию сказать пару ласковых слов Ноли и заодно поведать ему то, что случилось с его головорезами. Я переборол себя и просто выключил радио. В машине оказалось еще два трупа, и мне пришлось их вытаскивать наружу. Затем мы собрали все оружие и все боеприпасы, найденные нами у людей Ноли и во второй автомашине, и загрузили все в теперь уже наш автомобиль. В перевернувшейся машине двое человек еще стонали, не приходя в сознание, и я прикончил их, перерезав каждому сонную артерию. Чтобы не мучились.

В двух больших саквояжах я нашел осветительные ракеты и решил оставить их на всякий случай, бросив в заднюю часть автомобиля, который оказался американского производства.

Небо было все еще покрыто тучами. Снова сверкали молнии и были слышны раскаты грома, но дальше к западу, возле горы под названием Бланкатр.

ГЛАВА 36

До подножия Скалы Ворона мы добрались без приключений. Я вел машину так быстро, насколько мне это позволяло избитое полотно проселочной дороги. Триш время от времени поглядывала на небо. Мы опасались возможного появления вертолета, который Ноли, если он у него был, мог отправить на розыски наших исчезнувших преследователей.

Впереди показался перекресток, и я потихоньку притормозил. Дорога прямо вела нас к холму Грандрит, налево — к деревне Кламби. Я погасил все огни и внимательно осмотрел окрестности, опасаясь, что Ноли мог выставить своих наблюдателей у перекрестка. Мы остановились метрах в восьмистах от него, у подножия холма. Дальше нужно было идти пешком. Мы, конечно, теряли время, но я настолько был уверен в поджидающей нас по дороге засаде, что решил быть предельно осторожным.

Мы обогнули пересечение дорог стороной, далеко обойдя его сбоку, используя густые заросли кустарника. Я напряг все свои слуховые и обонятельные способности, ловя каждый звук, каждый шорох, продвигаясь вперед лишь после того, как слух,

зрение и обоняние говорили нам, что впереди все спокойно. Мы обнаружили их через десять минут. Двое мужчин притаились сбоку от дороги, ведущей в Грандрит, всего в нескольких метрах от перекрестка. Сначала я почувствовал запах сигаретного дыма, а потом увидел и их самих, хотя они очень старались прятать огоньки зажженных сигарет, прикрывая их ладонями.

Когда я почти убедил себя, что их всего двое, я бесшумно приблизился к ним. Они сидели на вершине небольшого пригорка, спрятавшись за густыми зарослями кустарника. Кроме двух автоматов, у них была еще базука. Один из них не выпускал из рук радиопередатчика. Дорога проходила от них на расстоянии метров в пятнадцать. Прوماхнуться с такой дистанции не смог бы даже ребенок, вздумай мы тут проскочить мимо него. Я ползком добрался до Триш, сказал ей, что увидел и что нам предстоит сделать. Прежде чем приступить к действиям, я решил подвергнуть ближайшие окрестности самому скрупулезному и внимательному осмотру, вновь задействовав все мои чувства. Это была очень своевременная предосторожность, так как третьего сторожа я обнаружил сидящим на толстой нижней ветви огромного кряжистого дуба, в четырех метрах от земли и в десяти метрах далее двух первых часовых. Думаю, он был посажен туда, как запасной вариант, на тот случай, если я окажусь настолько хитрым, что предприму то, чем именно сейчас я и занимался. Этот третий часовой сидел на ветви, повернувшись спиной к двум первым, и не мог ни видеть, ни слышать меня, так как уж кто-кто, а я умел ходить бесшумно по любому лесу. Жизнь научила. Его выдал легкий, едва слышимый вздох, после того как он зевнул, и легкое поскребывание дула его оружия по коре дерева.

Абсолютно тихо, не потревожив ни веточки, ни листка, я привел Триш туда, откуда она легко могла снять «соловья-разбойника» стрелой из арбалета. Потом ползком я вернулся к двум первым часовым. Они вполголоса разговаривали по-английски. Один говорил с сильно выраженным акцентом кокни, второй, вероятно, мог быть родом из Германии, а еще точнее, из района Мюнстера.

Тихонько выпрямившись в полный рост, я негромко сказал: — Не двигайтесь! И не производите никакого шума!

Следуя моему приказу, они медленно повернулись, держа руки на затылке. Я встал за их спиной и приказал без шума двигаться в сторону третьего их товарища. Один из них по моему приказу, который я прошептал ему на ухо, предложил тому сбросить свой карабин вниз и последовать за ним самому, по стволу дерева, конечно. Сидящий, как фазан на ветке,

стрелок было заколебался, я постарался убедить его, что сопротивление бесполезно, так как он находится под прицелом сразу двух мушек. Я не стал говорить ему, что, если он не спустится, я убью его приятелей, так как знал, что ему на это наплевать.

Это были жестокие и беспощадные люди, но они также были и реалистами. Они не заставили долго себя уговаривать и дали мне все необходимые сведения, которые я желал у них узнать. Правда, с самого начала я их предупредил, что буду убивать их по одному каждый раз, когда мой вопрос останется без ответа или когда ответ мне покажется недостаточно удовлетворительным. А последнего оставшегося в живых я подвергну пытке. Они мне поверили. Быть может, они уже были в курсе тех неприятностей, которым подвергли себя их друзья, пытаясь убить меня.

Ноли нашел их через посредничество одного агента. Потом их переправили на огромном вертолете, из тех, которые обычно используют для перевозки воинской техники, и высадили на лугу, к северу от усадьбы Катстарн. Вертолет сделал два таких рейса. Кроме того, были еще люди, приехавшие в машине. В общей сложности у Ноли должно было быть от тридцати пяти до сорока человек. В этот раз Ноли, кажется, выложился полностью. Правда, теперь он имел дело еще и с Калибаном.

Те в его банде, кто не был албанцем, уже заработали по пять тысяч долларов. Им было обещано столько же, когда дело выгорит. Иначе говоря, когда им удастся меня прихлопнуть.

Ноли предупредил их, что, может быть, им придется иметь дело с еще одним противником, неким доктором Калибаном. Избежать этого они могли, мол, лишь в том случае, если сразу убьют меня, до появления на сцене Дока.

— Где моя жена?

У меня сжалось сердце, когда я задавал этот вопрос. Внутри меня все дрожало, и я приготовился к худшему. Тот, кто говорил от лица всех троих, ответил мне, что Клио забаррикадировалась в замке. Когда люди, выпрыгнувшие из вертолета и прибывшие на автомобиле, пошли с двух сторон в атаку на усадьбу, моя жена отступила, отстреливаясь из винтовки. Отступая, ей удалось ранить двух из нападавших.

Замок стоял напротив усадьбы, на другой стороне озера. Он был разрушен еще со времен Кромвеля, но я частично его восстановил. Главную башню замка, так называемый «донжон», я переоборудовал и превратил в солидное убежище, способное выдержать любое испытание. С учетом возможной атомной войны, Клио успела закрыть за собой створки каменных блоков огромной толщины, и им до сих пор не удалось

сдвинуть их и на сантиметр. Выстрелы по ней из базуки дали столько же пользы, что и стрельба из пугача. Клио находилась в неприступной крепости, снабженной запасами кислорода, воды и продовольствия на очень длительное время. Имея немного терпения и много взрывчатки, им, конечно, можно было бы чего-нибудь добиться, заставив взлететь все на воздух. Но Ноли был, естественно, не заинтересован в том, чтобы много шуметь, боясь привлечь внимание жителей соседних деревень. Пятеро слуг были еще живы. Их просто заперли в подвале.

Все это произошло на рассвете, всего два дня тому назад.

Пока я задавал свои вопросы и слушал ответы на них, трое задержанных нами мужчин медленно, почти незаметно, стали расходиться друг от друга, образовав треугольник, который постепенно расширялся. Быть может, они надеялись, что я не замечу этого из-за того, что было темно, и еще потому, что перемещались они сантиметр за сантиметром. Да будь я даже слепым, я заметил бы этот маневр, хотя бы потому, что, по мере их удаления от меня, слабел их запах.

Думаю, они ничего не попытались бы сделать, если бы могли представить себе, что я оставлю их в живых после этого допроса. Но они поняли, конечно, что я не смогу себе позволить дать им возможность уйти, зная, что они тут же устремятся к первому же телефону, чтобы предупредить своего шефа. Может быть, Ноли и оборвал все телефонные провода, но я не мог доверять их ответам на этот счет.

Один из них крикнул: «Вперед!» — и бросился налево. Второй прыгнул вправо, а третий нырнул мне под ноги, рассчитывая уложить меня на землю. Я выстрелил четыре раза, услышав, как одновременно коротко загудела тетива арбалета Триш. Тот, что бросился на меня, был убит во время броска. Его пробитая голова ткнулась мне в ноги, испачкав брюки кровью и ошметками мозга. У второго в руке оказался револьвер (я знал, что они могут прятать какое-нибудь дополнительное оружие в одежде, но не хотел рисковать и приближаться к ним в этой темноте, чтобы тщательно обыскать). Моя вторая пуля угодила ему в плечо. Он успел выстрелить, но пуля ушла в сторону. Два моих следующих выстрела уложили его на месте. Третий неподвижно лежал на траве, пронзенный насквозь стрелой, которая до половины высунулась у него из спины.

Я наградил каждого ударом кинжала в сердце, чтобы быть уверенным, что никто из них уже больше никогда не встанет.

На какое-то время мы застыли рядом с трупами, тщательно вслушиваясь и всматриваясь в окружающую нас темноту. Но все было тихо. Не доносилось ни звука. Звуки выстрелов, похоже, не встревожили никого.

— Вернемся к машине, — сказал я.

Забрав машину, мы вернулись к телам, собрали все найденное оружие, боеприпасы и рацию. Дорога дальше была узкая и обрывистая. Она зигзагами поднималась по склону холма, заросшего густым лесом. После двух часов утомительного пути мы перевалили наконец через его вершину и спустились в долину.

Озеро по форме отдаленно напоминало вопросительный знак. В длину оно протянулось метров на восемьсот, а в ширину в самой широкой своей части достигало двухсот. Замок находился на западном берегу его нижней оконечности, а усадьба Катстарн, представляющая собой довольно внушительное здание, располагалась прямо напротив замка, на противоположном берегу. Гаражи, конюшни и другие подсобные помещения находились к северу от основного здания усадьбы. К западу, на вершине высокого холма, высилась огромная гранитная скала, по форме отдаленно напоминающая кресло. Это и было Высокое Кресло, о котором я уже говорил и которое упоминалось в местной поговорке. Была еще легенда, по которой первый из Грандритов был похоронен у подножия этой скалы.

Передатчик принялся попискивать у меня в кармане, когда мы еще ехали по лесу. Чей-то голос проговорил по-английски:

— Мюррей! Что вы там делаете, черт бы вас побрал? Ответь!

Машину вела Триш. Я попытался как мог более похоже изобразить голос Мюррея (у меня с детства дар к звуковым подражаниям).

— Это Мюррей. Никаких признаков приближения Грандрита.

Несколько секунд радио молчало, потом человек спросил:

— Ну а дальше, Мюррей? Вы, по-моему, забыли сказать еще что-то!

Естественно. Я забыл спросить у Мюррея пароль, которым они пользовались при радиопереговорах. Зато я узнал пароль для того, чтобы попасть внутрь усадьбы.

Теперь они будут настороже.

Вдали послышался рокот мотора. По звуку было очень похоже на взлетающий вертолет. Судя по всему, он собирался произвести разведку и посмотреть, что происходит на дороге.

Я спрятал машину в густых зарослях, с трудом развернув машину на узкой дороге. Ключи от нее я спрятал поблизости, приготовив все так, что при необходимости нужно было лишь завести мотор и сразу тронуться в обратном направлении.

Выходя из машины, я уловил в воздухе шум еще одного мотора. Правда, он сразу был заглушен стрекотанием приближающегося вертолета, но услышанного мне хватило, чтобы

понять, что в окрестностях появился еще один самолет, винтовой. Оставив машину, мы углубились в лес. Вертолет остановился над машиной на высоте пятнадцати метров и стал обшаривать окрестности сильным лучом прожектора. Мы шли на запад. Я пытался разглядеть самолет сквозь просветы в кроне деревьев. У меня было предчувствие, что он должен принадлежать Калибану. Но небо было темно и сумрачно, и мне так и не удалось ничего увидеть.

Приближалась еще одна гроза. Вспышки молний и раскаты грома становились все ближе и ближе, поднявшийся ветер все сильнее качал верхушки деревьев.

Вертолет продолжал крутиться над нашим автомобилем, пытаясь разглядеть что-то под колышущимся пологом листвы. Я не боялся, что он сможет нас обнаружить. Это был настоящий дикий лес, с могучими старыми деревьями. Я запретил своим лесникам превращать его в ухоженный английский парк. Терпеть не могу английских парков.

С опушки леса, на которой мы находились, в ста метрах от нас, на другой стороне обширной лужайки было хорошо видно здание усадьбы, повернутое к нам своей тыльной частью. Это было четырехэтажное здание в стиле Тюдоров, полное скрытых уголков и закоулков. Здание смутно белело на общем темном фоне земли, леса и озера. Ни одно из окон не было освещено. Потом кто-то открыл дверь и наружу вырвался сноп света, будто молодой лев из клетки.

В этот момент сверкнула молния, и в ее свете я увидел двухмоторный самолет-амфибию, полого снижающийся к усадьбе с южной стороны. Он садился против ветра, но, вероятно, у него не было выбора, так как озеро в длину было ориентировано в основном в направлении юг—север. Все сигнальные огни самолета были погашены, фары не горели. Пилот, должно быть, руководствовался только показаниями приборов и блеском молний.

Вертолет, получив, вероятно, новый приказ, прекратил свои поиски, описал в небе полукруг и устремился к озеру. Из здания выбежали четыре человека и бросились ко второму вертолету меньших размеров, стоящему на лугу, между зданием самой усадьбы и конюшнями. От порывов ветра его страховал канат, протянутый к земле. Для меня это был сюрприз, так как Мюррей ни словом не обмолвился о наличии в банде второго вертолета.

Самолет натужно взревел моторами и выровнялся над землей, а затем вновь увеличил высоту. При свете очередной молнии я увидел, как от аппарата оторвались два небольших предмета и, зигзагообразно виляя, устремились в воздух в

разных направлениях. Первый упал рядом с вертолетом, стоящим на лугу. Второй настиг летящий большой вертолет. Первый взрыв положил маленький вертолет набок, разорвав удерживающий его кабель. Второй превратился в огромный огненный шар, который, продолжая падать, по инерции шлепнулся на крышу здания.

Воспользовавшись светом этого искусственного костра и занявшейся крыши здания, самолет развернулся и приводнился на поверхность озера.

Мы тоже решили не терять времени даром. Пока в усадьбе царили растерянность и смятение от столь неожиданного нападения, нам можно было попытаться пересечь южную часть луга, находящуюся перед фасадом здания, чтобы затем прорваться к замку. Мы пробежали в каких-нибудь двадцати метрах от главного входа, из которого толпой выплескивался народ. Вся крыша и центральная часть здания полыхали в огне сильнейшего пожара.

Я нес два кинжала, револьвер, базуку и два снаряда к ней и еще две гранаты. Триш была вооружена кинжалом, револьвером, арбалетом с шестью стрелами. Кроме того, она несла третий снаряд к базуке.

Пока мы бежали мимо горящего здания, амфибия выскочила из воды и, подпрыгивая, покатила по лугу. Удалившись от южной оконечности озера, она развернулась и, угрожающе покачивая крыльями, устремилась на людей, только что выскочивших из пламени пожара. Они встретили ее огнем своих автоматов. Со стены замка донеслась очередь из пулемета крупного калибра. Потом в месте, откуда стрелял пулемет, возник сноп пламени. Донесся звук взрыва. Пламя на секунду осветило дымный змеящийся хвост, протянувшийся от самолета к замку. Снова на стене замка, метрах в пятнадцати от места взрыва, на секунду мигнул красный огонек выстрела, и какой-то черный предмет со свистом понесся навстречу самолету. Передняя часть амфибии окуталась дымом, и бег ее замедлился, став неуверенным и спотыкающимся. Когда дым рассеялся, в носу аппарата зияла большая пробоина. Потом у него отломалось колесо и, чиркнув крылом по земле, самолет замер на месте.

Члены экипажа, должно быть, выбрались с другой от нас стороны, потому что мы их увидели, когда они уже вовсю мчались по направлению к замку. Снова блеснул огонек выстрела на стене, и самолет, в бак которого попала новая мина, взорвался в адском грохоте огня и дыма. Языки пламени достигли двадцатиметровой высоты. Мы с Триш наполовину оглохли от грохота взрыва. Жаркая волна воздуха толкнула

нас в спину, и мы покатались по земле, чихая и кашляя от удушливого дыма, ворвавшегося в наши легкие. Что-то — «во-о-у-ум!» — с диким воем пронеслось над нами и взорвалось метрах в пятидесяти сзади нас. Земля вздрогнула. Поднявшись, мы побежали дальше, почти ничего не видя из-за дыма. Я крикнул Триш, чтобы она не теряла меня из виду. Дым играл нам на руку, скрывая наши передвижения. Но люди Ноли все же заметили нас, и целая группа их бросилась за нами следом. Но им предстояло для этого сделать большой крюк, чтобы обогнуть горящий самолет.

Перед нами к главному входу в цитадель неслись три темных силуэта. Опускная решетка в воротах была поднята, подъемный мост опущен. Стены замка окружал глубокий ров, соединенный с озером подземным водопроводом.

Гигант, бегущий впереди, был, без сомнения, самим Калибаном. Но что касается его двух спутников, то я весьма удивился, признав в них почтенных старичков Риверса и Симмонса. Все трое были вооружены миниатюрными пистолетами-автоматами и одеты в комбинезоны и каски черного цвета, с темным толстым стеклом перед лицом.

Я спросил себя, зачем Калибану понадобилось связывать себе руки этими двумя старцами. Неужели они были настолько глубоко привязаны к Триш, что захотели сами участвовать в ее освобождении? Или Калибан получил мое предупреждение так поздно, что под рукой в тот момент больше никого не оказалось? Что же, помощь даже столь древних старичков все же лучше, чем полное отсутствие чьей-либо помощи. К тому же их быстрота и ловкость приятно меня удивили. Для своих лет они были на удивление прыткими старцами.

Базука со стен замка изрыгнула огонь в третий раз, и за их спинами часть подъемного моста взлетела в воздух. Взрывом их бросило на землю. Но они тотчас же поднялись и вместе вбежали под большую арку главных ворот, пробежали под опускающей решеткой и исчезли во дворе.

Я предпочел бы сохранить базуку для более поздних времен, но сейчас это был единственный способ. Люди со стены уже взяли нас на мушку, и перед нами было гораздо больше открытого пространства, чем перед Доком и его стариками. Я зарядил базуку и положил к себе на плечо. Триш прицелилась и выстрелила. Снаряд разорвался в трех метрах выше того места, где я заметил пламя выстрела, неприятельской базуки. Мы бросились вперед в надежде, что близкий взрыв хотя бы на время их дезориентирует. Очередной выстрел неприятеля поднял кучу земли и песка в пятнадцати метрах позади нас.

Мы снова остановились. Я опять зарядил, и Триш выстрелила. В этот раз наш снаряд взорвался в трех метрах правее цели и в тридцати сантиметрах ниже основания зубцов. Те рухнули вниз, а с ними и бандиты, стрелявшие из базуки. Дуэль закончилась в нашу пользу.

Между тем наши преследователи успели обогнуть догорающий самолет. Увидев нас, они тотчас же открыли огонь. Я обернулся, зарядил базуку последним имеющимся у нас снарядом и выстрелил в самую их кучу. Люди бросились на землю. Снаряд со свистом пронесся над самыми их головами, попал в дерево на краю поля и, взорвавшись, расщепил его напополам. Это их впечатлило. Вскочив на ноги, люди поспешно убрались за горящий самолет. Я знал, что, набравшись храбрости, они вскоре вновь выберутся из-за него, поэтому бросил бесполезную теперь базуку и бросился бежать со всех ног к подъемному мосту. Триш не отставала от меня ни на шаг.

Нужно было прыгнуть на два с половиной метра, и Триш сделала это без малейшего усилия, несмотря на всю имеющуюся на ней амуницию. Какой-то автоматчик принялся поливать нас сверху свинцом, но мы вбежали во двор прежде, чем его стрельба стала достаточно прицельной. Маленькая группа людей, преследующая нас по пятам, и те, кто спрятался в развалинах замка, конечно, не представляли собой основной части отряда Ноли. Внутри замка слышались глухие взрывы, доказывающие, что Док наткнулся на сопротивление.

Я хотел было поднять подъемный мост, но оказалось, что цепи перепилены. Над нами показалась чья-то голова в ореоле освещенных пламенем пожара волос. Рядом торчало тупое рыло автомата Томпсона. Триш тщательно прицелилась. Пуля с визгом срикошетила от камня зубца стены, и голова исчезла.

— Где Док? — закричала Триш. — Мне нужен Док!

До сего момента она вела себя изумительно, поддерживая меня не хуже, чем лучший из самых тренированных бойцов. Но теперь я должен был держаться настороже по отношению к ней, так как в любой момент из помощника она могла превратиться в противника. Но это произойдет не раньше, чем она встретится с Доком, естественно.

— Мы найдем его, — сказал я.

Во двор замка выходило девять дверей. Мы ринулись в ближайшую к нам, вскарабкались по узкой винтовой лестнице на пятый этаж и очутились перед массивной дубовой дверью с тяжелыми запорами. Для выхода на стены люди Ноли использовали другие проходы. Они не нашли ключей, чтобы открыть эту дверь, и что-то удержало их от того, чтобы просто взорвать ее. Я нашел выступ в форме головы дракона, повернул его

шесть раз направо, нажал и снова повернул, но уже налево и всего три раза. Дверь медленно открылась и тихонько скрипнула, несмотря на все мои предосторожности.

На плитах лежало много неподвижных тел. Три человека держались, стоя рядом с мощными старинными зубцами крепостной стены. Один, справа от меня, глядел во двор. Наверняка он караулил нас. Двое других, расчет крупнокалиберного пулемета, дуло которого было направлено в сторону пожара, смотрели в том же направлении.

Мы отступили на шаг в глубь прохода, и я выстрелил из арбалета в спину ближайшего ко мне мужчины. Двое других не заметили ничего. Я едва успел перезарядить арбалет, когда один из них повернулся ко мне. Стрела сразила его в живот. Триш дважды выстрелила из револьвера, и третий человек медленно сполз на каменные плиты, царапая спину о древний камень зубцов.

Я наклонился посмотреть, что происходит на подъемном мосту. Последний из преследующей нас группы только что вошел во двор. Осторожно и быстро сняв чеку у двух гранат, я бросил их на подъемный мост, туда, где была брешь в два с половиной метра. Когда дым рассеялся, я увидел, что промежуток значительно расширился. Теперь от того, что было краем моста, до противоположного берега рва было не менее пяти метров.

Высунув лишь дула автоматов, мы с Триш опорожнили по целому диску, залив свинцом весь внутренний двор. Конечно, мы стреляли вслепую. Нам ответил град пуль, выбивая каменную крошку вокруг нас. Случайной пулей автомат Триш был выбит из ее рук и упал во двор. Шквал ответного огня не прекращался долго. Они должны были дважды за это время перезарядить свои автоматы, винтовки и револьверы. Судя по всему, ни тяжелых пулеметов, ни базук у них с собой не было. Но они стреляли, будто с собой у них было неисчерпаемое количество боеприпасов.

ГЛАВА 37

Но я был не прав, думая так. До одного из них внезапно дошло, что они впустую тратят свой боезапас, и он крикнул остальным прекратить огонь. Я рискнул выглянуть наружу и успел увидеть, как бандиты бегом устремились внутрь замка. На булыжнике внутреннего двора остался лежать один труп. Я выпустил им вслед очередь, но очень короткую, так как понял, что они уже вне зоны моего огня.

В течение следующих полчаса они осаждали нас, безуспешно пытаясь подняться по двум лестницам, ведущим на наш сектор стены. Я посматривал краем глаза на дверь, через которую мы вошли сюда, так как было достаточно одной гранаты, чтобы уничтожить ее замок. На их выстрелы мы отвечали короткими очередями, экономя патроны. С их же стороны плотность огня оставалась достаточно высокой. Перестрелка оставалась безрезультатной для обеих сторон.

Издали доносились звуки стрельбы, идущей в другом крыле замка. Потом там вдруг наступила тишина.

Магазины наших автоматов были пусты. У каждого осталось по пять пуль в револьверах. И тут я вспомнил о пулемете, стоящем на стене. Я подтащил его вместе с треногой к вершине одной из лестниц и затаился, ожидая штурма.

Но текли минуты, и ничего не происходило. По зрелом размышлении я пришел к выводу, что у них тоже, должно быть, плохо с боеприпасами. Ноги и все его люди весьма поспешно покинули горящее здание усадьбы, и у них вряд ли было время, чтобы захватить их с собой в достаточном количестве. Калибан был в подобной же ситуации, так как ему и его двум старикам пришлось поспешно покинуть подбитый самолет, грозящий взорваться с минуты на минуту. Что касается людей, засевших в развалинах замка заранее, их запасы тоже не могли быть бесконечными.

Как я уже говорил, я не видел у противника другого оружия, кроме автоматов, винтовок и револьверов. Следовательно, лишь у меня была моя последняя граната. Скорее всего у них были еще ножи. К тому же в залах замка были многочисленные коллекции холодного оружия, украшавшие стены: цепи, боевые булавы, протазаны, пики, алебарды, гизармы*, рогатины и большие топоры.

Я дал короткую очередь вниз по лестнице. В ответ раздалось семь выстрелов. Пули свистнули мимо меня, впиваясь в камень зубцов. Осколки хлестнули меня по спине. Триш по моему указанию тоже выстрелила один раз в них. Ей ответило восемь выстрелов. Я решил.

— Триш! — крикнул я. — У них почти не осталось патронов. Я перехожу в атаку!

Я бросил пустой автомат в лестничный колодец. Внизу трижды выстрелили. Триш сделала то же, что и я, на что ей ответили всего двумя выстрелами. У них осталось, наверное, не больше нескольких патронов.

* Гизарм — средневековое оружие в виде пика с двумя крюками для стаскивания рыцарей с лошадей.

Внизу кто-то закричал:

— Эй, ребята! Ноли нас зовет! Калибана загнали в угол, и у него совсем не осталось патронов! У нас тоже, но зато нас гораздо больше!

Несомненно, это была уловка. Если нет, то с какой стати они давали мне знать, что отступают? Может быть, у большинства больше нечем было стрелять и они оставляют в засаде только тех, у кого хоть что-то еще осталось?

Я бесшумно спустился по лестнице, сжимая в руках пулемет. Из зала снизу донесся шум удаляющихся шагов. Потом наступила тишина. Но это были детские игры. Вариантов было несколько. Или они ушли все и затаились в следующем зале, или ушло большинство, оставив в засаде двух-трех человек.

Я вновь поднялся на стену. Мне казалось, я нашел самый приемлемый вариант в данной обстановке: пока я отсутствую, Триш с пулеметом остается наверху, делая челночные рейсы от одной лестницы к другой. Она согласилась.

Я решил спуститься по наружной стороне стены. Какому-то из моих предков пришла в голову счастливая мысль оставить с внешней стороны ряд выступающих наружу кирпичей, которые вполне смогли теперь сыграть роль ступенек. Мое вооружение теперь составляли револьвер с тремя оставшимися патронами, граната и ножи.

Мне удалось спуститься до уровня окна, скорее узкой амбразуры. Глядя на нее, я задумался, сумею ли протиснуться внутрь или нет. Но я не привык отступать. Заглянув в зал, я увидел у подножия лестницы всего двух человек, каждый из которых был вооружен револьвером. Прицелившись, я выстрелил дважды. Один был убит сразу. У другого, прежде чем он упал, на лице успело появиться удивленное выражение, с которым он и умер.

У меня остался всего один патрон.

Какое-то время было тихо, потом я услышал торопливое клцанье каблуков по камню пола. Это были люди, которые остались в засаде у подножия второй лестницы. Теперь они прибежали узнать, что случилось. Вероятно, они думали, что стреляли их товарищи, которые скорее всего получили приказ стрелять лишь наверняка.

Они бегом вбежали в зал и остановились, удивленно глядя на распростертые на полу тела. Думаю, они никак не могли уразуметь, каким это образом мне удалось спуститься по лестнице, убить двух их сообщников и выйти из зала так, что меня не заметил никто из оставшихся в живых.

Моя последняя пуля попала точно в грудь одного из них. Двое оставшихся выстрелили наугад по окну и выбежали из зала. С трудом, оцарапав себе и спину, и живот, я все же протиснулся внутрь зала, хотя одно мгновение думал, что застрял в окне навсегда. Подбежав к трупам, я первым делом проверил наличие патронов в их револьверах. Они были 45-го калибра, и мне пришлось на время отложить мой, 38-го. Оставшимися патронами, которых насчиталось всего шесть в трех револьверах, я зарядил один барабан.

Предупредив Триш, чтобы не стреляла, я поспешно поднялся к ней на стену. Вниз мы спускались каждый по своей лестнице. У Триш были револьвер и арбалет, у меня — тяжелый пулемет. Оставшиеся в живых двое бандитов о чем-то тихо совещались, остановившись в середине коридора, соединяющего оба зала. Чтобы не показываться у них на виду, я выстрелил в стену с таким расчетом, чтобы пуля срикошетила в них. Они отступили к другому залу, где их уже ждала Триш, которая спокойно уложила обоих. После чего у нее осталось три пули в револьвере и три стрелы для арбалета. В ленте моего пулемета еще было десятка два патронов.

Выстрелы вынудили вернуться часть людей, которые якобы должны были присоединиться к Ноли. Я опорожнил в них всю оставшуюся ленту, убив при этом троих. Какой-то тип высунул голову из-за двери этажом ниже, и я швырнул в него бесполезный теперь пулемет. Но, жалко, не попал.

— Их, должно быть, еще немало прячется за той дверью, — сказал я Триш. — Мы можем их обогнуть, но для этого вновь нужно будет подняться на стену. Оттуда ведут вниз еще пять лестниц. Но мне не хотелось бы оставлять их в нашем тылу. Лучше я воспользуюсь гранатой.

Я спустился вниз. Триш страховала меня, держа дверь на мушке своего револьвера 45-го калибра. Она заверила меня, что умеет обращаться со столь мощным оружием. Но я никогда не доверял ему в том, что касается меткости стрельбы, особенно если его держат руки женщины. Ведь что бы там ни говорили, как бы ни сильна была женщина, она никогда не будет сильнее здорового мужчины. Поэтому я немного опасался за целостность собственной шкуры, если она откроет огонь по нашим противникам, в то время когда я еще буду находиться на линии ее огня.

Я прислушался. За дверью тихо переговаривались мужские голоса. Я насчитал троих. Обоняние подтверждало мой вывод, но запах пороха не позволял быть уверенным с этой стороны.

— Черт бы его побрал! — говорил один из них. — У него не может быть много патронов, даже если он забрал все, что оставалось у парней наверху. Думаю, нам стоит попытаться прорваться.

— Дурацкая затея, — ответил другой голос.

— Все равно мы в хреновом положении. Если мы останемся здесь, он может спуститься по другой лестнице и зайти нам в тыл. Или просто оставить нас здесь. А сам тем временем смоемся куда-нибудь.

— Это было бы лучше всего, — отозвался третий голос. — Пусть Ноли сам разбирается с ним.

— Черт, черт и еще раз черт! А если у них тоже нет зарядов? Что они сделают?

— Ну, мы тоже не богачи, — вновь сказал первый. — У нас на троих шесть пуль. Мы не имеем права истратить попусту ни одной.

— Да, но если у них больше, чем мы думаем, нам всем крышка, — произнес второй.

— А если рвануть отсюда когти? — спросил тот, у которого чувствовался американский акцент. — Это же сплошной бордель! Все идет совсем не по тому сценарию, о котором нам говорили. Ноли убеждал нас, что это не дело, а конфетка. Нужно лишь развернуть ее и положить в рот. Но я в жизни не видел ничего худшего, после Катанги.

— Мы уже получили от Ноли аванс, значит, надо оставаться, — сказал другой. — Впрочем, если сейчас мы соберем манатки, можно будет поставить крест на оставшиеся обещанные пять тысяч долларов. К тому же прошел слухок, что сверх этого нам заплатят золотишком.

Я вынул чеку из гранаты, сосчитал до трех и бросил ее под дверь. Она ударилась о камень с сухим металлическим звуком. Наступила короткая тишина, после которой раздались испуганные возгласы и шум поспешного бегства. Я прижался к стене, спрятав голову между рук и заткнув пальцами уши. Тем не менее взрыв наполовину оглушил меня. Дверь разлетелась в куски, и из-за нее повалили клубы дыма, заставившие меня чихать и кашлять.

Когда дым немного рассеялся, я заглянул внутрь. Все трое были убиты. Взрыв размазал их по стене, переломав, как тряпичные куклы. Кое-где на трупах еще тлели остатки одежды. К несчастью, взрыв также уничтожил и их оружие: у двух револьверов были погнуты стволы, а третий вообще взорвался.

ГЛАВА 38

В течение двух последующих минут мы израсходовали все пули и стрелы, что еще у нас оставались. В то время когда мы поспешным шагом пересекали огромный холл при главном входе в замок, освещенный электрическими торшерами в виде горящих факелов, с галереи, идущей вдоль стены холла, на нас упала какая-то темная масса. Триш вскрикнула, и я успел отскочить в сторону, сделав при этом поворот на сто восемьдесят градусов. Тяжелый рыцарский доспех, принадлежавший одному из моих предков в середине XV века, сэру Джону Лоамж де Клизые Вильяму Кламби, барону Грандриту, обрушился на пол позади Триш. Она выстрелила в направлении галереи, утопающей в темноте. Там был смутно виден удаляющийся бегом силуэт мужчины. Револьвер Триш был уже пуст, но она, вероятно, все-таки задела его, потому что, пробежав несколько метров, человек зашатался, упал на перила балюстрады и тяжело рухнул вниз, на камни холла.

В этот момент в противоположном конце холла появился еще один человек с револьвером в руках и тут же открыл по нам огонь. Моя стрела пронзила ему плечо. От удара человек, сделав полный оборот вокруг себя, рухнул на пол. Я перезарядил арбалет. И вовремя. Другой человек, выскочивший из коридора, ведущего к центральному входу, подбежал к упавшему и поднял его револьвер. Он выстрелил, но тоже промахнулся. Не то что я. У него был единственный шанс, и он его упустил. На второе нажатие курка его револьвер ответил сухим щелчком. Обойма была пуста. В следующее мгновение моя стрела торчала в его горле.

Раненный в шею был бледен. Его широко раскрытые глаза с испугом следили за мной.

— Сколько еще засад вы мне приготовили?

Его глаза от боли и страха стали стеклянными:

— Ни одной. Все оставшиеся с Ноли в другом крыле замка.

— У них есть еще огнестрельное оружие?

— Нет. Ноли отдал нам все, что у него оставалось, так как вы были вооружены. У него хватит людей на трех Калибанов или даже больше.

— На твоём месте я не был бы в этом так уверен, — закончил я, перерезав ему горло.

Триш побледнела. Ей стало не по себе.

— Так ли уж это было необходимо? — спросила она.

— Не люблю оставлять в тылу врагов, — объяснил я.

Мы поспешно прошли тремя залами, затем вдоль длинного коридора, который вел в заднюю часть замка, и спустились по

извилистой лестнице. Она привела нас к подземному залу под башней, служившему когда-то замковой тюрьмой. Он был довольно просторный, круглой формы. В стенах, за толстыми решетками, были видны камеры, в которых когда-то держали узников. На стенах между электрическими светильниками висели старинные пыточные орудия. В глубине виднелась массивная каменная дверь противотомного убежища. Зал был ярко освещен. Кроме светильников на стенах, с потолка свисало несколько люстр. Другого выхода из зала не было. Каменная дверь убежища была вся испещрена следами пуль, покрыта копотью и даже потрескалась кое-где. Но выдержала, несмотря на то что Ноли, вероятно, пытался ее открыть при помощи динамита.

Воздух в зале дрожал от выкриков и проклятий. В глубине его у одной из стен развернулась настоящая битва. Мне понадобилось несколько минут, чтобы разобраться в том, что происходило перед нашими глазами.

В глубине, спиной к стене, находился Калибан. Я не сразу его разглядел за грудой тел, лежащих вокруг него на полу. Около пятнадцати мужчин пытались добраться до него. Правда, некоторые скорее хотели отодвинуться от него подальше. В их руках виднелись ножи, револьверы, которые они держали за дуло, кастеты. Один размахивал в воздухе булавой, сорванной где-то со стены в замке. У других ничего не было в руках, и они стояли в разных позах каратэ.

Но все они видели перед собой не человека, а какой-то живой ураган. Калибан ни секунды не стоял на месте, что не позволяло его противникам приблизиться и нанести прицельный удар. Его руки невозможно было рассмотреть, так быстро они двигались: они били рубящими ударами ладоней или вонзались пальцами в глазные орбиты; согнутые локти били по желудкам и солнечным сплетениям так быстро и в стольких направлениях, что казалось, что у него не две руки, а гораздо больше. В его руках я не видел оружия, но из-под пальцев его брызгала кровь. Крики боли и агонии создавали ужасную какофонию звуков, в то время как он перебивал предплечья, ломал берцовые кости, дробил стопы или коленные чашечки, выбивал или вырывал глаза, отрывал ушные раковины или хватал одного из нападавших за одежду, высоко подымал в воздух и швырял в наседавших на него озверевших мужчин, сбивая с ног сразу троих или четверых.

Я никогда еще не видел, чтобы кто-то мог перемещаться с такой невероятной скоростью, нанося удары немыслимой силы и точности. Думаю, никто не мог и секунды уследить за ним взглядом. Он все время выпадал из поля зрения. У всех. Кроме

меня, конечно. И все же он не мог сдерживать их до бесконечности. В любую секунду, как только он начнет уставать и невероятная быстрота его движений замедлится, какой-нибудь удар ножа или приклад винтовки достанет его, и тотчас вся свора окажется сверху, пронзая и уродуя это великолепное тело со всех сторон. От его одежды остались одни лохмотья, и сам он с головы до ног был покрыт кровью. Я надеялся, что только чужой.

Весь пол вокруг него усеивали тела мертвых или потерявших сознание. Таких я насчитал восемь человек. Шестеро других сидели на полу, еще живые, но полностью выведенные из строя.

Двое стариков сражались бок о бок, прижавшись спиной к стене. Они отбивались винтовками, как дубинками, схватив их за дула. У их ног неподвижно лежало еще четыре тупа.

Едва я произвел оценку развернувшейся передо мной картины, как Риверс и Симмонс рухнули под ударами нападавших. Хрупкий Риверс получил удар кастетом в висок. Обезьяноподобный Симмонс, который при каждом удачном ударе издавал трубный клич, упал на тело друга, продержавшись на несколько секунд дольше. Огромный детина с черными волосами и выбритой до синевы нижней челюстью бросился на старика в тот момент, когда тот опускал дуло своей винтовки на череп кривоногого рыжего здоровяка. Детина ударил Симмонса рукоятью пистолета по шее. Симмонс выпустил оружие из рук и тут же получил удар ножом в свою огромную бочкообразную грудь гориллы, покрытую густым жестким седым волосом.

Как и на Калибане, на телах старцев почти не осталось одежды. Они провели свой последний бой с такой отвагой и решимостью, на которые решится далеко не всякий молодой человек.

Везде на стенах и полу были видны следы крови, и все присутствующие здесь были в избытке перепачканы ею. Все, кроме Ноли. Он стоял в самом центре зала, повернувшись ко мне спиной, и размахивал огромным мачете, выкрикивая приказы своим людям, окружившим Калибана. Но никто не слушал их. Подавив сопротивление Риверса и Симмонса, освободившиеся люди присоединились к группе, окружившей Дока. Нас еще никто не заметил.

За моей спиной раздался голос Триш:

— Док!

— Стой здесь и не двигайся с места, — почти приказал я и протянул ей арбалет: — В нем осталась всего одна стрела.

Я едва не добавил: «Не истрать ее впустую», — но сдержался. Это было бы оскорбительно для нее и выглядело бы настоящим хамством с моей стороны.

Я издал рев, подобно взрослому самцу-антропоиду, завидевшему леопарда или другого самца из враждебного стада. У меня нет, как у них, мешка под горлом, но легкие и глотка у меня достаточно мощные.

Все застыли в оцепенении, охваченные ужасом. Все, кроме Калибана, который воспользовался замешательством противника, чтобы сломать шею еще одному из нападавших.

Но никто этого почти и не заметил. Все внимание было обращено на меня. Ноли медленно повернулся. Его лысина и хищная рожа смертельно побледнели.

Я повторно издал боевой клич и бросился в атаку. Ноли принял оборонительную позу: согнул ноги в коленях и выставил свое мачете перед собой.

О том, что произошло дальше, у меня осталось лишь смутное представление. Но я сделал ошибку, едва не стоившую мне жизни. Я позволил себе полностью подчиниться моему бешенству, моему неистовому желанию уничтожить эту гнусную личность, надругавшуюся и унижившую меня и к тому же еще позволившую себе угрожать моей жене. Перед глазами возник сплошной красный туман, исчерченный черными сполохами молний. Когда я вновь овладел своими чувствами, все уже было кончено.

Я до сих пор не знаю, почему люди Ноли не вмешались в эту схватку. Быть может, из-за того, что все произошло слишком быстро. Или из-за того, что они решили наказать его, оставив биться со мной один на один, так как он держался в стороне, в то время как они и их товарищи гибли под ударами Калибана и его друзей.

И уж если говорить о наказании, то да, это было наказание из наказаний.

Все происходило примерно так. Я вырвал у него из рук мачете и искромсал им его одежду в клочки, оставив совершенно голым. С помощью ли мачете или голыми руками, уж не знаю, я разорвал ему промежность и выдрал из окружающих тканей его прямую кишку. Он взревел от боли. Я зажал кишку в левой руке, а правой поднял его вверх, ухватив за кожу одной из ягодиц. Я толкнул его, как ядро, изо всех сил, придав по пути вращательное движение. И в ту секунду меня обуял оргазм.

Продолжая завывать во все горло, Ноли взлетел в воздух. Должно быть, в тот момент я разом израсходовал весь наличный запас адреналина в моем теле, так далеко он улетел.

Его кишки разматывались за ним, как пуповина младенца, пока он не пролетел первые семь метров и с клюкающим звуком не оторвались от его желудка.

Он приземлился лицом вниз, раскинув руки в стороны.

Под влиянием шока кожа его стала серого цвета, но он еще был жив. Его кишки грязно-зелено-розовой лентой вытянулись на полу.

Потом он дернулся и умер.

Я отпустил его окровавленный анус. Я сам был в шоке и лишь сейчас почувствовал, что под брюками у меня мокро от извергнутой спермы.

Это был мой первый оргазм, с тех пор как мы с Триш занимались любовью. За это время я убил столько людей, но оргазм наступил лишь сейчас. Я хорошо помню момент, когда у меня началась эрекция, но я так к этому привык, что не обратил на это особого внимания.

Лишь теперь я понял, что неизвестная мне сила накапливала во мне оргастическую энергию в предвидении момента, когда я убью Ноли.

Но в этот раз я не испытал никакого удовольствия. Или чувство бешенства, охватившее меня, в этот раз было настолько сильным, что полностью заслонило его.

ГЛАВА 39

Никто не двигался. Наемники Ноли не могли поверить своим глазам. Но когда через несколько секунд их оцепенение прошло, они с ужасом поняли, что их ожидает.

Вполне боеспособными оставались еще восемнадцать человек. Они оказались между Калибаном, силу и быстроту которого наемники успели оценить, и еще кое-кем, казавшимся им еще более опасным и беспощадным.

При виде того, как я расправился с Ноли, Калибан был потрясен не менее остальных. Но он быстрее всех пришел в себя от ступора и, воспользовавшись моментом, успел нанести два удара: ногой по копчику того, что был ближе всех слева, и тут же в прыжке ребром ладони по затылку ближнего справа. Осталось только шестнадцать.

Противники разделились: девять остались с Доком, семеро предпочли меня. И вновь закружилась смертельная карусель. Мой нож уже торчал в чьем-то брюхе, когда я почувствовал скользящий удар ножа по плечу. Внезапно хлынувший поток крови едва не ослепил меня, но это была кровь из сонной артерии следующего противника, которого достал мой нож. Он

действовал почти самостоятельно, не нуждаясь в моих приказах. Разум мой как бы раздвоился, и я со стороны наблюдал за его непостижимо быстрыми рефлексами. Следующим на него натолкнулся какой-то здоровяк, решивший во что бы то ни стало оставить его себе на память. Он так прижал его к своей груди, что мне с трудом удалось вырвать его оттуда. Эта секундная задержка стоила мне оружия: откуда-то сверху обрушилась палица и выбила нож из моей руки. Руку почти парализовало от удара, но это не помешало моей левой руке захватить запястье врага и сжать так, что хрустнули кости. Одновременно моя пятка раздробила ему коленную чашечку. Выпустив булаву из рук, человек взревел, как бугай, и запрыгал на одной ноге. Не давая ему опомниться, я одним движением вздернул его на вытянутых руках высоко вверх и швырнул в двух оставшихся, приготовившихся одновременно прыгнуть на меня. Все трое покатались по полу. Булава, однако, вновь оказалась у одного из нападавших. Ускользнув от ее очередного удара, который слегка оцарапал мне волосистую часть головы, ударом ноги я раздробил затылок одного из трех, которые только поднимались с пола, и бросился на человека с булавой.

Тот успел замахнуться, и теперь булава стремительно падала на меня. Я вовремя отпрыгнул назад. Булава пронеслась в сантиметре от моего лица, и тут же я, как леопард, прыгнул вперед.

Человек пытался отпихнуть меня булавой, я чувствовал, как она уперлась мне в плечо. Но моя голова уже погружалась в его живот, и я пришил его к стене, как жука на булавку. Человек как-то не то ойкнул, не то всхлипнул, и тело его, обмякнув, мешком сползло к подножию стены. Булава валялась в двух шагах, и я прыгнул на нее, как кот на мышку. Секунда — и она оказалась у меня в руках. Передо мной остался всего один противник, вооруженный ножом. Отступив на шаг, он подбросил его вверх, ловко поймал за лезвие и метнул в меня. В ту же секунду моя булава понеслась ему навстречу. Они столкнулись в воздухе и изменили направление полета. Человек благополучно избежал булавы и решил, вероятно, что с него достаточно. Он показал мне свою спину и решил было удрать, но я схватил его за затылок и сжал. Его лицо побагровело. Я поднял его над землей, и он беспомощно забарахтался, лягая ногами пустой воздух. Я с отяжкой ударил его два раза по почкам и отпустил. Он упал на пол, как тряпичная кукла, и уже больше не двигался.

Я огляделся. Из девяти противников Калибана трое уже валялись на полу, навсегда выйдя из игры. Один человек сделал два поспешных шага назад и готовился метнуть в Дока

свой нож. Может показаться парадоксальным, но теперь, когда количество противников заметно убавилось, Доку стало гораздо труднее драться. Они обрели место для маневра и больше не заслоняли его друг перед другом своими телами. Теперь можно было гораздо эффективнее пользоваться ножами, бросая их в него, или винтовками в качестве дубины.

Человек отвел назад руку для броска и... застыл на месте. Потом медленно повернулся по оси, выронил нож и осел на землю со стрелой между лопаток. Я лишь услышал негромкий звук спущенной тетивы и басовитое «з-з-з-з!» промчавшейся мимо стрелы. Триш с толком распорядилась своей последней стрелой.

Я был доволен, что она так поступила, предпочитая видеть ее безоружной, в момент когда дело шло к развязке.

Надо было заканчивать, и я бросился в кучу-малу. Первому же подвернувшемуся под руку типу я разом оторвал оба уха, а когда он, взыв от боли, обернулся, ударил ребрами рук по бокам. Уже падая, тип натолкнулся своим подбородком на мое стремительно поднимающееся вверх колено, вскинул голову, но рубящий удар по затылку доконал его.

В это время Калибан перехватил запястье человека, пытавшегося ударить его ножом, и побежал по залу, увлекая того за собой. Потом внезапно остановился и перебросил человека через согнутую спину. Тот дважды сделал кульбит в воздухе и с лету угодил головой в каменную стену.

Осталось трое. Один из них бросился на меня. Но, думаю, скорее с отчаяния, в надежде удрать, чем рассчитывая поквитаться со мной. Я мог бы дать ему уйти, но не люблю оставлять живых свидетелей. Он был невысокого роста, но внушительных габаритов, и весил не менее ста семидесяти килограммов. В отличие от мощных, но коротких и кривых ног, руки у него были длинные и покрытые буграми узловатых мышц спортсмена, увлекающегося штангой и гантелями. Широкая бочкообразная грудь была покрыта кровью. Смятый и сбитый в сторону нос говорил, что человек был знаком с боксом или родственными ему видами. Я прыгнул ему навстречу и в прыжке ударил пяткой в солнечное сплетение. Человек как бы сразу осел, согнув ноги в коленях и пригнувшись вперед. Из его горла вырвалось удивленное «уу-уф!». Прежде чем к нему возвратилось дыхание, я успел сломать ему три пальца на правой руке и нанести удар ребром ладони по его искореженному носу. Из носа и рта у него разом хлынула кровь. Затем мои пальцы погрузились в его орбиты, и завершил все заключающий удар коленом в промежность. Человек булькал и хрипел, лежа на земле. Я не любил долгих мучений. Его собственный

нож, погрузившись в мякоть его необъятного живота, разом оборвал их.

Все. Мне вдруг стало больше нечего делать. Оставшимися двумя занимался Калибан. Он держал в каждой руке по бандиту и, оторвав их от земли, стучал ими один о другого, пока те не перестали барахтаться.

Лишь теперь я заметил небольшие металлические приспособления, прикрепленные к среднему пальцу каждой из кистей. Заточенные, как стилеты, они рассекали кожу подобно бритве. Поэтому-то из-под его пальцев так и брызгала кровь, лишь стоило ему коснуться противника.

В зале внезапно установилась тишина, нарушаемая лишь нашим бурным дыханием. Мы с Калибаном были полностью обнажены, за исключением башмаков на ногах, и с ног до головы перепачканы в крови. Не считая ссадин, шишек и глубоких порезов. В зале воняло человеческим потом, кровью, мочой и дерьмом. Однако этот запах был слабее запаха страха, который исходил от Ноли и его людей в момент, предшествующий их смерти, и который до сих пор еще не рассеялся.

ГЛАВА 40

Триш сделала шаг по направлению к Калибану, но тот движением руки остановил ее:

— Нет, Триш! Что бы ни случилось, ты не должна вмешиваться! Ты слышишь меня? Ты не должна вмешиваться, пока все не кончится!

Глаза женщины удивленно расширились, и она отступила на шаг, испуганно поднеся руку ко рту.

Я отошел от Дока, не выпуская его из поля зрения. Я хотел дать ему возможность передохнуть и успокоиться. Но он последовал за мной, этакий огромный бронзовый тигр.

— Калибан, — сказал я. — Вот ваша кухня. Вернее, НАША кухня. Живая и здоровая. Теперь она сама может сказать вам, что я абсолютно ни при чем в том, что с ней случилось. Я не насиловал ее. Я ее не крал. Даже наоборот, я спас ей жизнь. Порасспрашивайте ее! После этого вы поймете, что стали жертвой ужасного недоразумения.

Мне стало вдруг наплевать, что Девять распорядились, чтобы один из нас принес голову и половые органы другого. Я только что решил для себя, что перестал быть служителем Девяти. Я объявлял им войну, даже если она будет стоить мне бессмертия. Я не хотел платить за него такую цену. Фауст вновь обретал свою душу.

Вместо ответа Калибан подошел еще ближе. Потом остановился, освободил руки от привязанных к пальцам лезвий, снял носки и башмаки. Он хотел, чтобы мы дрались обнаженными, без оружия, как дерутся два антропоида, чтобы выяснить, кто из них станет вождем.

— Калибан, — вновь обратился к нему я. — Не заблуждайтесь: я никогда не стану вас умолять о пощаде. Но я хочу, чтобы вы вняли голосу разума. Неужели вы допустите, чтобы Девять и дальше потешались на ваш счет и продолжали манипулировать вами?! Я не хочу этого больше для себя. Думаю, они и так уже причинили нам большой вред, заставляя служить их таинственным планам. Я уверен, что это они устроили все таким образом, чтобы Триш была похищена одним свихнувшимся типом, вздумавшим, что он — это я. Это они подбросили останки какой-то молодой белой женщины после кражи Триш. Скорее всего они сами и убили ее для этой цели. А кенийцы? С какой это вдруг стати им пришло в голову изгонять меня, когда мы столько лет жили если не дружно, то по крайней мере вполне терпимо по отношению друг к другу. Нет, в этом они тоже замешаны, я знаю. Не мне вам говорить, насколько могущественны они своими тайными, скрытыми связями, каким огромным влиянием они обладают на правительства и сильных мира сего. Послушайте меня! Я убежден, что мое рождение и те необычайные обстоятельства, которые окружали его с самого начала, были результатом махинаций Девяти. Дневник моего дяди содержит в себе несколько весьма странных обстоятельств этого дела. Теперь я несколько не сомневаюсь, что это они устранили его, а меня подвергли эксперименту. Я уверен, что это они устроили все таким образом, чтобы я был взят и воспитан самкой антропоида, вырос в джунглях среди приматов, как юный дикарь. Я убежден, что их планы идут гораздо дальше. Кстати, безумие нашего отца тоже не обошлось без их участия.

Триш от неожиданности подпрыгнула и недоуменно спросила:

— Вашего отца? Как, ВАШЕГО отца?

Я отступил на шаг. Калибан сделал шаг вперед. Он протянул перед собой руки, и под красно-коричневой кожей заиграли стальные канаты его мощных эластичных мышц. Кажется, сцена на мосту должна была повториться. Он сказал:

— Не будет ни дзюдо, ни каратэ, никаких финтов. Только сила и быстрота. Мы должны узнать, кто из нас двоих наиболее быстрый и сильный.

Я подумал, услышал ли он хоть одно слово из того, что я только что сказал. Отступать дальше я не мог. Поэтому я

уперся ногами в пол и приготовился встретить его. Но прежде решил попытаться еще раз:

— Калибан, вам не пришлось прочесть семейные архивы нашего семейства, Грандритов. ВАШЕЙ семьи, Док. Поэтому вы не знаете о тайне, окружающей нашего деда с отцовской стороны, не так ли? Он выстрелил себе в голову в возрасте пятидесяти пяти лет, хотя все ему давали не больше тридцати. У него было три сына. Его жена, тяжело заболев и почувствовав приближение смерти, призналась одной из своих теток, что ее муж был стерилен. Тетка все записала в своем дневнике: она применила для этого свой собственный шифр, который впоследствии я без труда разгадал. Подозрения тетки упали на одного дворянина норвежского происхождения, очень высокого, сильного и красивого, который довольно часто наносил визиты в наш замок. Правда, он был весьма почтенного возраста. Тетка писала, что ее подозрения ей самой казались абсурдными, так как благообразный старик выглядел по крайней мере лет на девяносто. Но это была очень яркая личность, от которой исходило нечто вроде какого-то странного сияния, которое околдовывало и пугало одновременно. Именно «сияние», она прямо подчеркивала это слово. Я подозреваю, что под этим она имела в виду его необыкновенную силу внушения. Ей также было известно, что старичок был не прочь «пошалить»: одна из служанок призналась, что старик как-то застал ее в винном погребе, прижал в углу и «делал ей амуры». Этот старый джентльмен, некий мессир Билендж, носил длинную белую бороду до пояса и черную повязку на правом глазу. Тетя утверждала, что никогда еще не видела человека такого могучего телосложения.

Сдвинув брови, Калибан хмуро взглянул на меня и прервал вопросом:

— Что это еще за бредни, Грандрит?

— Это не бредни. Нашим дедом был этот норвежский великан, — ответил я. — Доказательства этому, признаю, у меня скорее умозрительные, ни один трибунал не принял бы их в расчет. И, однако, это правда. Нашим дедом был один из Девяти! Старик, которого мы знали под именем Ксоксаз! Что на старогерманском означает «Высокопоставленный»! Во время своих визитов в Грандрит он употреблял псевдоним Билендж. В переводе с древненорвежского это значит «тот-чей-глаз-обманывает», другими словами «кривой»!

— Ты уверен в этом?

— Судя по всему, огромная эрудиция Калибана не включала в себя знаний древнегерманских языков и мифов.

— Этот человек, которого мы знали как одного из Девяти, этот Ксоксаз, должен был родиться еще в палеолите, — продолжил я. — Я не знаю возраста, который он мог бы иметь. Тридцать тысяч лет. Или, быть может, двадцать тысяч. Кто мог знать его историю? Когда-то, в очень древние времена, он обосновался на юге современной Швеции вместе с двумя другими членами Девяти, которые, возможно, были его братьями. Они находились там в то время, когда уршпрах, язык-прародитель всей индоевропейской группы языков, стал видоизменяться в то, что теперь называется общегерманским наречием, которое, со своей стороны, стало основой всех современных языков германской группы: английского, верхне- и нижне-немецкого и норвежского. По причине, которой я не знаю, братья стали воплощением живых богов. Быть может, в силу огромных знаний, накопленных ими за столь долгую жизнь, не знаю. Они не были, конечно, ИСТИННЫМИ богами, но древние германцы воспринимали их в этом качестве и оказывали соответствующие почести, вплоть до жертвоприношений. В чем я абсолютно уверен, так это в том, что Ксоксаз, Эбназ и Тритджаз — Высокопоставленный, Равновеликий и Третий — составляли мужской триумвират в древней германской религии. Позже их стали воспринимать вместе как трех братьев. Кстати говоря, Ивалдир, наш знаменитый гном, их современник. Вначале они правили народом троглодитов, живущих в пещерах или в глубоко вырытых норах. Общегерманский язык исчез, конечно, очень давно, но наша троица продолжала говорить на нем между собой вплоть до наших дней. В какой-то момент человеческой истории они перестали появляться на людях в качестве живых богов. Они сбросили с себя личину божеств, как бы добровольно отреклись от них, и решили выступить в новом качестве, создав в конце концов орден Девяти.

Калибан ошеломленно встряхнул несколько раз головой и посмотрел на меня, как обычно смотрят на сумасшедших. Я продолжал:

— Наш отец получал эликсир от Девяти. Он, как и мы, был их служителем. — Здесь я поправился: — Как и я был им до недавнего времени. Потом с ним случилась та же история, что и с нами. Побочным действием эликсира является то, что по истечении определенного времени человек, принимающий его, становится сумасшедшим. Пусть даже это помрачение разума и носит временный характер. Эффект действия этого эликсира носит характер как чисто физиологический, так и психический. В каждом из нас сидит какое-то извращение, с точки зрения современной морали и этики. Но оно сидит так глубоко,

что очень часто человек проживает всю жизнь, даже не подозревая о его присутствии. Эликсир же заставляет его вынырнуть из самых потаенных глубин подсознания наружу и на какое-то время делает его доминирующим фактором на психику человека. Ты сам врач и знаешь, что это и есть психоз. Форма психоза каждый раз зависит, конечно, от особенностей личности отдельно взятого индивидуума. Разберем мой пример, Калибан. Слушай, ты не думаешь, что нам пора перейти на «ты». Ведь братья, что ни говори! Так вот, возьмем, к примеру, меня. Я всегда считал, что очень здраво отношусь к акту убийства. Так же, как, впрочем, и к сексу. Но где-то глубоко во мне имеется связь между ними обоими. Что-то во мне отождествляет убийство с коитусом. И в том, и в другом случае я проникаю в чужое тело, непосредственно или опосредованно, ощущая при этом либо оргазм, либо то, что Ницше называл «наслаждением ножа».

А теперь, брат мой Док, разберем твой случай. Вплоть до самого недавнего времени ты всегда избегал убивать, за исключением случаев, когда это было совершенно уж необходимо. Скажем, ты защищал свою жизнь. Ты щадил даже тех, кто заслуживал кары худшей, чем смерть. Но желание убивать сидело в тебе, Док. Где-то там, очень глубоко внутри. До поры до времени сдерживаемое тем воспитанием, которое ты получил. И для тебя тоже смерть была эквивалентом коитуса.

А теперь возьми нашего отца, Док. Он стал сумасшедшим, и наш дядя запер его в башне замка. Он убегает и начинает бродить по самому дну Лондона. И вот здесь он дал волю овладевшему им помрачению, которое толкнуло его к столь многочисленным кровавым убийствам, в основном в среде проституток, что его прозвище стало с тех пор нарицательным и живет в народе до сих пор. Кто не знает Джека Потрошителя? Но что его толкало на это, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Можно лишь предполагать. Он силой взял мою мать, и вот он я, результат этого насилия. Затем он эмигрировал в Америку. И наваждение кончилось. Вновь что-то произошло в таинственной глубине его сознания, и помрачение исчезло, будто сдунутое ветром, как-то разом, почти мгновенно. Он взял себе новую фамилию, ту, что ты носишь сейчас, Калибан, и посвятил свою жизнь борьбе с преступностью. Конечно, здесь сыграли свою роль угрызания его совести. Он хоть чем-то хотел искупить то зло, которое он совершил в Англии. Ты никогда не задумывался о своем имени, Док? Нет? Оно ничто тебе не напоминает? Это же имя еще одного дикаря. Чудовища из «Бури» Шекспира, этого литературного архетипа дикаря. Калибан — это анаграмма «Каннибала». Выбирая это имя, наш

отец хотел, чтобы оно постоянно напоминало ему о том, кем он был когда-то. Поэтому он столько времени посвятил твоему воспитанию. Его заветным желанием стало выковать из тебя закаленного бойца за Добро. И он сделал из тебя сверхчеловека, обуянного добродетелями. Он научил тебя ненавидеть Зло и бороться с ним. Но при этом он еще научил тебя и любить преступников, вместо того чтобы наказывать их или мстить им. Ненавидеть грех, но не грешника. Что, в общем-то, весьма трудная задача, а может быть, и вообще невозможная. Подобное отношение к преступности чревато самыми разнообразными конфликтами. Ты поклялся быть супербойскаутом. Твой отец хотел сделать из тебя сверхчеловека и физически, и психологически. Но ему не удалось бы это, не будь в тебе с самого начала генетически заложенного превосходства над обычным, средним человеком. У тебя скелет и мускулатура человека каменного века, благодаря тому, что твой дед был ИСТИННЫМ представителем палеолита. У меня такое впечатление, что в нашей семье всегда преобладало это начало. Вернее, нет, не так. В ее кровь часто делали инъекции палеолитической добавки в виде периодически появляющихся незаконных отцов и матерей. Так что история с нашим дедом должна быть не единственной на протяжении веков. Откуда мы можем знать, сколько раз Ксоксаз или его братья под тем или иным видом появлялись в Грандрите, чтобы добавить своих генов в генофонд нашей семьи? Замок Грандрит им служил своеобразной естественной генетической лабораторией, чем-то вроде конезавода. Центр Воспроизводства Трех Братьев! Звучит?! Пришло время, и Девять нашли тебя, Док. Как и меня и многих других. И ты продал им свою душу, как мы все, в обмен на бессмертие.

— Мою душу? Какую душу? — спросил Калибан. Тон был его саркастичен, но лицо как всегда непроницаемо. Однако в самой глубине его зеленых глаз прыгали и металась золотистые искорки. Только я не знал, чему приписать их появление: сомнению, которое в нем вызвали мои слова, или желанию убить.

— Это метафора, — объяснил я. — Ты знаешь, что я имел в виду.

— Так ты что, действительно думаешь, что наш дед, который мог бы быть нашим же архипредком и много раз просто нашим предком, был не кто иной, как тот богочеловек, которого древние германцы знали под именем Вотен, потом Ватан, затем Один и так далее?

— Да, — сказал я. — Я думаю, что Девять хотят, чтобы кресло нашего деда навсегда осталось в семье. Поэтому они

сделали все, чтобы мы стали тем, кто мы есть. Я их кандидат типа «человек из джунглей», ты — типа «человек из города». Должно быть, это их забавляет. А может быть, в каменном веке существовал обычай, что два брата должны были сражаться насмерть, чтобы один из них стал вождем. Кто знает? В любом случае им совершенно все равно, кто из нас будет убит.

— Мне кажется, ты пытаешься подсластить пилюлю, — сказал Калибан.

Тут даже Триш не выдержала и воскликнула:

— О, Док! Прислушайся к его словам! Я верю, что он говорит правду!

— А я не верю, — глухо отозвался Док. — И даже если он прав, один из нас все равно должен умереть.

— Я не буду с тобой драться ради сомнительного удовольствия заседать за столом Девяти.

Он слегка улыбнулся:

— Так ты отказываешься?

— Я и так достаточно наглотался их дерьма, — ответил я. — Я верю, что наш отец тоже пришел к такому решению. За что они с ним и расквитались.

— Я разыскал его убийц, — сказал Калибан. (Его странные глаза, казалось, принялись пульсировать каким-то внутренним светом.) — Я не стал их убивать, но обернул против них их собственную ловушку, в которую они собирались поймать меня. Так они в ней и сдохли. Случись это теперь, я убил бы их своими руками.

— Что тебя заставляет думать, что они действовали не по приказу Девяти? — спросил я.

В этот момент он начал приближаться ко мне, медленно и осторожно. Мой вопрос заставил его вздрогнуть. Он замер на месте. Бронзовое лицо, хмурое от гнева, потемнело еще больше, напряглось и стало чеканным, будто только что вышло из-под монетного пресса.

— Ты лжешь! — яростно выкрикнул он.

Его член напрягся и взмыл вверх, плотно прижавшись к животу, так стремительно, будто его дернули за невидимую веревочку. Он набухал на глазах, как капюшон разъяренной кобры. Толстые голубые вены в палец толщиной опутывали его, словно клубок змей. Громадная красная головка зловеще поблескивала.

Я понял, что надежды вразумить его больше не осталось. Схватки было не избежать. Где-то глубоко внутри себя я подозревал, что все так и кончится, и, может, даже надеялся на это. Как бы там ни было, мой член поднялся тоже, но более мед-

ленно. Но, даже напрягшись в полную величину, он выглядел бледным подобием рядом с таким чудовищем.

Док взглянул, как набухает мой орган, и сказал:

— Сейчас я оторву тебе их, и член, и яйца, мой большой брат!

Он прыгнул, как тигр, и бросился на меня. Одна его рука была протянута вниз, к моей мошонке, другая — вверх, чтобы заблокировать мою руку, которой я попытался бы защититься.

ГЛАВА 41

И все же мне удалось перехватить его руку. При этом я даже не потерял равновесия, на что он, безусловно, рассчитывал.

Мы оказались точно в такой же позиции, как и при стычке на мосту. Он превосходил меня в росте (два метра ровно против моих метр девяносто) и в весе (сто пятьдесят килограммов против ста двадцати). Как я уже говорил, у меня широкий и очень крепкий костяк, как у истинного кроманьонца, и очень развитая мускулатура. Но это не значит, что я похож на тяжело-веса, занимающегося штангой или гирями. Один, без другого человека рядом со мной, я похож фигурой скорее на Аполлона Бельведерского. У меня те же пропорции, хотя плечи и грудь на самую чуточку шире, чем у него.

То же самое и у Калибана: его фигура настолько гармонична и пропорциональна, что совершенно не кажется массивной, а стройной и изящной, если рядом нет обычного человека для сравнения. Но по сравнению с моими его мускулы были еще более впечатляющими. Я уверен, что Триш, глядя на нас, могла бы вообразить себе схватку между взрослым африканским львом и американской пумой.

В течение показавшихся мне нескончаемыми долгих минут мы стояли, слегка покачиваясь, давя друг на друга, напрягая мышцы всего тела. У обоих продолжали кровоточить ссадины и раны, некоторые из которых были довольно глубокими. Мы оба сильно ослабли за счет потери крови и усталости после столь ожесточенной схватки. Дыхание, едва восстановившись, вновь стало бурным и прерывистым.

Так мы качались из стороны в сторону некоторое время, напоминая собой некую скульптурную группу. Затем медленно, ох как медленно, руки Калибана стали уступать моему нажиму и отклоняться все дальше назад, за спину. Глаза удивленно расширились, и дыхание еще более участилось. От ужасного

напряжения мышц кожа его затылка, плеч, груди и рук покрылась сетью мельчайших морщинок. На висках под бронзовой кожей, покрытой крупными каплями пота, вздулись синие пульсирующие вены.

Я слишком склонил голову вперед, и он воспользовался этим, чтобы укусить меня за нос. Резким движением головы мне удалось вырвать его из-под зубов Дока, но это стоило мне дикой боли в носу, тотчас же ударившей в мозг и распространившейся оттуда по всему телу. Но частично он все же отхватил мне кусок кожи. Кровь потекла по губам и закапала с подбородка.

Неуловимо быстрым движением Калибану удалось освободить одну руку и схватить мои тестикулы. Движение было быстрее, чем удар лапы тигра. Боль дикой вспышкой прошла мое тело. Я громко взвыл и почти потерял сознание. Мои последующие действия были чисто рефлекторными и полусознанными. Сознание прояснилось в тот момент, когда мы, задыхаясь, стояли друг против друга, каждый сжимая в руке тестикулы своего противника.

Кровь толчками выплескивалась наружу через разорванные вены и артерии тканей его промежности. Я тоже чувствовал, как теплая жидкость струится по моим ногам, но не стал смотреть, что там и как, опасаясь, как бы последствия шока не стали для меня фатальными: я знал, что у меня осталось мало времени, прежде чем силы полностью покинут меня.

Швырнув тестикулы ему в лицо, я прыгнул, как пантера. Он выронил мои и вновь попытался перехватить мои руки. Это ему удалось, но частично. Несмотря на потерю крови, его пенис оставался таким же огромным и твердым, что, по крайней мере, было удивительно. Свободной рукой я схватил его и рванул на себя, резко скрутив по оси. Док взвыл не своим голосом. Я дернул его еще раз, вложив в рывок всю оставшуюся силу, и огромный член, плюясь кровью с одной и спермой — с другой стороны, оказался у меня в руках. Я сунул его Доку под нос и швырнул на землю.

Калибан с застывшим в изумлении лицом сделал шаг вперед, будто собираясь поднять его. Я прыгнул ему на спину и обхватил шею двойным нельсоном. Док упал вперед, ударившись лицом об пол.

И все же у него еще оставались силы, чтобы сопротивляться нажиму моих рук. Мышцы его шеи были тверды как камень. Я чувствовал, что силы, подобно большой летучей мыши, отчаянно бьющей крыльями в темноте ночи, оставляют меня.

Однако мой пенис все еще оставался напряженным и пульсирующим. Он был прижат моим телом к ягодицам Дока, чьи напрягшиеся мускулы были такими твердыми, будто я лежал на статуе, вырезанной из крепкого дуба.

Я продолжал давить на его затылок изо всех сил, которые еще у меня оставались. Я знал, что, если он выдержит, у меня больше не будет шанса одержать верх, так как уже был на грани потери сознания.

Кожа Калибана постепенно теряла бронзовый оттенок, затем быстро побледнела и стала серой. Послышался легкий хрустящий звук, будто ломалась мачта парусного корабля, попавшего в бурю.

Где-то далеко раздался протестующий крик Триш. Калибан зарычал сквозь зубы в последнем неимоверном усилии вырваться из моего захвата. Затем его голова резко подалась к груди, раздался отчетливый хруст позвонков, он дернулся в последний раз и затих.

У меня тут же произошло семяизвержение, прямо на него, но все это ощущалось уже очень смутно. По мере того как кровь и остатки спермы истекали из меня, на меня сверху спускалась ночь. И через несколько секунд, вслед за Калибаном, мне стали безразличны тревоги и заботы этого суетного мира.

ГЛАВА 42

Мое первое пробуждение было смутным и неотчетливым. Перед глазами плыл туман, и все тело, казалось, было насквозь пропитано болью, но далекой и какой-то расплывчатой. Позже я понял, что в те дни меня днем и ночью накачивали анальгетиками, боясь развития шока. Где-то высоко надо мной виднелось размытое пятно света. Мало-помалу я осознал свои ощущения и понял, что нахожусь в постели, внутри противоатомного убежища.

— Клио! — попытался позвать я, но не услышал собственного голоса.

Лампу над головой затемнила чья-то голова в ореоле рыжих волос. Лицо плыло и дрожало, и я не сразу узнал ее.

— Триш, — спросил я плачущую и смеющуюся одновременно женщину, — а где Клио?

Рядом с первой возникла вторая голова, окруженная облаком золотистых волос, подсвеченных сзади светом лампы. Она наклонилась и поцеловала меня в губы:

— Тебе еще нужно поспать, дорогой.

Я послушался и вновь провалился в темноту.

Когда я проснулся во второй раз, я все еще находился под действием обезболивающих и наркотиков, но в этот раз боль чувствовалась сильнее. Она пылала в промежности, как костер, рассылая по всему телу свои волны, пронзая ими каждый нерв, каждую клеточку организма.

Я оглядел помещение. Мое первое впечатление не было обманчивым, я действительно находился в убежище. Помещение было довольно просторным: пол двадцать пять на двадцать метров и десять метров в высоту. Все пространство делилось на отдельные помещения с помощью передвижных створок. В отдельном помещении за толстыми бетонными стенами прятались резервуары для жидкого топлива и источник автономного электропитания. Вентиляционная система была сделана по подобию той, которая употреблялась при строительстве космических обитаемых станций. Питья и продовольствия было запасено, чтобы выдержать минимум шесть месяцев. Вначале я проявлял не слишком большой интерес к сооружению подобного убежища, поскольку мы посещали Грандрит не так часто и на непродолжительный период времени, но Клио настояла на его сооружении. И вот теперь я был только рад, что она оказалась такой упрямой.

У меня было много вопросов к ней, но первым я задал ей тот, который касался ее самой. Она ответила, чтобы я не волновался ни о чем и лучше поел бы, и сразу принялась за дело, кормя меня с ложечки. Поев, я почувствовал себя достаточно сильным, чтобы задать ей несколько вопросов. Она приступила к длинному рассказу со множеством подробностей, в середине которого я заснул, несмотря на мой неподдельный интерес ко всем обстоятельствам дела.

Проснувшись в третий раз, я увидел Триш, сменившую на посту Клио. Она поведала мне, что моя жена занята беседой с подрядчиками, которых она пригласила для реконструкции усадьбы.

— Я действительно очень сожалею, Триш, — сказал я. — Я сделал все, что мог, чтобы образумить его. Ты ведь слышала.

— Да, я слышала, — вздохнув, подтвердила она. — Надеюсь, мне больше никогда не придется пережить подобный ужас, даже если я проживу десять тысяч лет.

— Девять уже связывались с вами?

Она вздрогнула и медленно произнесла:

— Да. Впрочем, это могло бы сенсацией прогреметь по всему миру, если бы не Девять, которые дернули за веревочки нескольких своих марионеток, сидящих в высоких правительственных креслах. Эти чиновники наложили запрет на всякое

расследование, на деятельность полиции и прессы, ссылаясь на внутренние интересы государства. Всем служителям Дея-ти приказано держать рот на замке, под страхом весьма тяж-ких последствий.

— А как же с трупами?

— Сначала мы позаботились о тебе и о... Мы срочно под-ключили к тебе систему по переливанию крови и жидкостей. Ведь у тебя была жуткая кровопотеря. К счастью, Клио имела все необходимые навыки, чтобы обойтись самой. Как хорошо, что она в свое время изучала медицину! Будь я одна, мне ничего не удалось бы сделать. После этого я нанесла краткий визит в Кесвик в поисках доктора Хенгиста, который входит в наш орден. Я предупредила его по телефону, и, когда прибыла, меня уже ждал Вайтхелл, которого он вызвал. Когда мы вер-нулись, в поместье было полно жителей Кламби и Грейстока, и все вокруг оцепили войска.

— Так что же с трупами? — напомнил я.

— Мы работали, как мулы, все трое. Мы их всех перетащи-ли в один из залов замка и похоронили вход в него. Этих бедняг, Джоко и Порки, пришлось оставить со всеми осталь-ными. Позже мы перезахороним их на холме, рядом с мегали-том. Им бы понравилось это.

В глазах у нее стояли слезы. Мне потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, что она имела в виду двух старых приятелей Дока.

— Кровь почти везде удалось смыть мыльной водой. Лишь в нескольких местах пришлось наложить сверху слой краски, когда не удавалось уничтожить все ее следы. Правительство направило к нам какую-то важную птичку, который должен представить наверх детальный доклад о том, что здесь про-изошло. Он должен прилететь на вертолете, но что-то опазды-вает. Мы уже придумали, что ему сказать. Мы ему скажем, что какая-то банда хотела захватить нас, чтобы вырвать у нас секрет золота. Которого, конечно, не существует, кроме как в их воображении. Ко всему еще мы напомним, что они имели отношение к коммунистам. Это всегда производит на таких людей впечатление, и он заглотит такую приманку, не разже-вывая. Единственные трупы, которые он сможет увидеть, — это те, что остались в сбитом вертолете и в развалинах усадьбы.

— А машины и люди на дороге? А моя посадка в Пенрит и все такое?

— Они не в курсе.

Она было заколебалась, но потом все же сказала:

— По неофициальным путям нам стало известно, что нас собирается посетить один из Девяти. Тут к нам как-то приезжал один из друзей Дока. Он довольно важный тип, перед которым открываются любые барьеры, даже военное оцепление. Он-то нас и предупредил, что следует ожидать неожиданный визит.

— Ну и что? Что в этом такого ужасного?

В этот момент вошла Клио. Я сказал:

— Почему вы так боитесь визита одного из патриархов?

— Боимся? Кто боится? — спросила Клио.

— Я живу с тобой достаточно долго, чтобы научиться понимать твои реакции. Кроме того, от вас обеих пахнет страхом.

— О, Джек! — воскликнула Клио. — Мы хотели подождать, пока ты немного окрепнешь, прежде чем сказать тебе это! Но больше нельзя откладывать, нас поджимает время.

— Док не умер, Джек, — сказала Триш. — Он жив!

ГЛАВА 43

Я испытал шок и одновременно почувствовал большое облегчение. Быть может, он, придя в себя, почувствовал, как и я, что сумасшествие потихоньку оставляет его. Проснувшись в третий раз, я вопреки боли, терзающей мое тело, почувствовал какое-то ликующее ощущение внутри себя. Что-то, некое неопределенное мною сразу ощущение покидало меня. И вдруг всем своим существом я почувствовал, я ПОНЯЛ, что нейрофизиологическая, физическая связь между сексуальным возбуждением и убийством исчезла. У меня появилось чувство, будто кто-то откупорил меня, как бутылку, опрокинул на бок и из меня полилась какая-то черная, вонючая жидкость, невыносимая гниль разложения.

Вероятно, шок, вызванный моей кастрацией, развязал во мне этот механизм. И я надеялся на то, что у Калибана аналогичный шок вызовет аналогичную реакцию. Я надеялся на это от всей души. Но чтобы убедиться, что я полностью излечился от этой заразы, необходимо было дождаться, пока мои тестикулы полностью восстановятся. На это потребуется скорее всего срок не многим более месяца. Что доказывало время, необходимое для регенерации яичка после его удаления во время ритуальной церемонии в пещерах. Во всяком случае, это будет гораздо меньше, чем те шесть месяцев, которые потребовались мне, чтобы отрастить себе новую правую ногу, после того как она была отсечена у меня чуть выше колена. Я потерял ее во время авиационной катастрофы, случившейся, когда

я пилотировал бомбардировщик К.В.С.*, выполняя одно из заданий Девяти. В Гамбурге.

Триш сказала мне, что Док спал в кровати в другом конце зала, отделенный от меня передвижной переборкой. Он будет жить... во всяком случае, столько, сколько Девять будут считать его мертвым.

— Доктор Хенгист был чрезвычайно удивлен, найдя Дока еще живым. Он сказал, что Калибан просто обязательно должен умереть. И это произойдет в любом случае, так как Девять не оставят теперь его в живых. — Триш разрыдалась. — Ведь мы с Клио и не знали, что они приказали вам драться между собой до смерти. Боже! Как это ужасно, быть обязанным убить своего брата! И еще хуже их бессердечность и безжалостность! А теперь они считают себя вправе распоряжаться судьбой беззащитного Дока. Убить его! С них станется дожидаться, пока вы оба встанете на ноги, чтобы вновь устроить эти гладиаторские бои.

— Я оказался слабаком, — сказал я. — Я согласился на эликсир, потому что мне казалось, что игра стоит свеч. Но теперь все кончено. Теперь я буду драться против Девяти. А пока нам предстоит прибегнуть к хитрости, до той поры, когда мы сможем бежать отсюда.

— Док мне сказал то же самое! — всплеснула руками Триш. — Слово в слово, будто вы сговаривались! На короткое время он пришел в себя и сказал мне несколько фраз. А в конце сказал то же самое, что и ты. Послушай! Брось ломать голову из-за эликсира: Док работает над его составом уже более тридцати лет. Ах если бы у него была хоть капля этой жидкости! Но ты сам знаешь, что это совершенно невозможно сделать. Но Док как-то сказал себе: мы принимаем эликсир постоянно, значит, наши ткани должны быть пропитаны им. Года два назад он отрубил себе несколько пальцев и экстрагировал из их тканей элементы, входящие в состав эликсира. Ему пока не удалось синтезировать подобные вещества, но он уверен в успехе и говорит, что это лишь вопрос времени.

— Как состояние Калибана? — спросил я. — Он сможет обойтись без услуг доктора Хенгиста? Вы способны сами ухаживать за ним с помощью моих советов? Надо лишь дожидаться, пока я смогу встать на ноги, а там я сам всем займусь.

Обе женщины утвердительно кивнули головами.

— Отлично. Тогда перевезите Дока в маленькую комнату за машинным залом. Хенгист не подозревает о ее существовании. Не так ли?

* К.В.С. — Королевские Воздушные Силы.

— Я тоже не знала о ней, — сказала Триш.

— В следующий раз когда заявится этот доктор, скажете ему, что Док скончался. Он обязательно захочет узнать, где его тело, так как обязан был представить Девяти голову и половые органы Калибана, понятно?

Клио и Триш вздрогнули от отвращения.

— Но Девяти придется обойтись тем, что им дадут. Вы ведь обе могли ничего не знать об условиях нашей дуэли? Так вот. Вы скажете Хенгисту, что труп Дока сбросили в ров с водой. Правда, если он будет настаивать на том, чтобы выловить его оттуда, дело может прогореть. Тут уж многое зависит от вас, постарайтесь его убедить. Главное сейчас для нас — это выиграть время. Я хорошо знаю всю эту Девятку. Они будут настаивать на предъявлении им неопровержимых доказательств. Поэтому, если Хенгист будет упорствовать, придется избавиться от него, как и от всех последующих посланцев Девяти.

— О, Джек! — воскликнула Клио. — Снова убийства!

— Если мы хотим выйти из состава бессмертных, нужно делать это немедленно. Нам предстоит сразу исчезнуть. Но в условиях высокой коммуникативности нашего мира это становится все более и более трудной задачей. Земля стала такой маленькой.

Триш и Клио тотчас принялись за дело. Не будя Дока, они перевезли его в потайную комнату. Спустя примерно час в замке появился Хенгист. Внешне он не удивился, когда узнал о смерти Дока, и даже не заикнулся о том, что было бы желательно выловить его тело из рва. Но на следующий день он заявил нам, что предстоящий визит одного из Девяти откладывается на неопределенное время. Вместо него должен будет прибыть их представитель, некий сэр Рональд Хауторп, который передаст мне их инструкции и задаст несколько вопросов.

После ухода врача я попытался подняться, чтобы пойти и осмотреть Дока, но боль между ног оставалась еще слишком сильной. Пришлось воспользоваться инвалидной коляской. Триш отвезла меня на ней к Доку. Он лежал на спине с воротником из жесткой пластмассы на шее. Клио потрудились на славу, и вполне профессионально. Его взгляд был устремлен в потолок, а на щеках блестели дорожки от слез. Триш тихонько плакала рядом. Плакала и улыбалась одновременно.

— Он плачет впервые с тех пор, как был ребенком, — объяснила она. — Он не плакал, даже когда умирали его родители, сначала мать, а потом отец. Он, наверное, накопил в себе

целый океан слез. Я уж думала, что они никогда из него не потекут. О! Я так счастлива!

Если бы он прекратил плакать, она была бы не менее счастлива. Но отчего слезы? Либо у него здорово сдали нервы, либо он встал на путь полного выздоровления.

Я спросил его:

— По какому случаю столь обильные слезы, доктор Калибан?

Он не ответил. Я подождал немного, потом повторил свой вопрос. Пришлось ждать довольно долго, прежде чем он заговорил. Я вначале не узнал его, настолько он отличался от обычного самоуверенного и безапелляционного тона Дока. Теперь голос дрожал и временами прерывался от сдерживаемых рыданий.

— Я оплакиваю Джок и Порки, а также всех тех прекрасных друзей, которые когда-то были у меня. Я оплакиваю многих других людей. Триш тоже. Бедная, как она любит меня, а что получала взамен за свою любовь? Но больше всего, вы уж простите меня за это, я оплакиваю себя самого.

Клио, которая всегда очень сочувственно относилась к горю других, захлопала носом. Я сказал:

— Если я правильно тебя понял, ты должен чувствовать себя сейчас вывернутым наизнанку. Обновившимся. Я уже прошел через это.

— Ты прав.

— Быть может, мы не совсем справедливы по отношению к Девяти, — предположил я. — Быть может, они знали, что после окончания побочного эффекта действия эликсира мы почувствуем себя лучше?

— Если честно, то я весьма сильно сомневаюсь в этом, — ответил Док. — Как бы они узнали, во что это у нас выльется и чем закончится? У них нет никаких методов контроля за нашим психоэмоциональным состоянием. Конечно, такие вещи случались с ними тоже, но так давно, что они наверняка забыли все свои ощущения. Во всяком случае, они не этого ждут от нас, иначе не дали бы нам приказа оторвать друг другу головы. Нет, это чудовища, настоящие чудовища!

— А мы? Разве нам не суждено пройти через это? — спросила Клио.

— Никто не скажет тебе этого в точности, — ответил я. — Никто, кроме Девяти. А они никогда ничего не говорят на этот счет. И не отвечают на вопросы. Ты знаешь, чем это грозит. Очень может быть, что этому подвержены лишь потомки людей каменного века. Какие-то особенности в генах, понимаешь? Но нам этого никогда не узнать. Сейчас перед нами стоит

лишь один вопрос. И ты, Док, единственный, кто может на него ответить. Хотя, мне кажется, я заранее знаю твой ответ. Так вот, готов ли ты отказаться от эликсира и бороться против Девяти?

— Триш сказала мне, что ты теперь в курсе моих исследований. Я уверен, что в конце концов нам удастся синтезировать необходимые ингредиенты эликсира. Но в любом случае я больше не слугитель Девяти. А ты знаешь, тот, кто перестает слепо им подчиняться, автоматически попадает в число их смертельных врагов.

Я подкатил мое кресло к кровати и взял его руку:

— Они пытались разъединить нас, брат. Но вместе...

По правде говоря, я еще слабо ощущал в себе братские чувства к Доку. Он, думаю, тоже. Но Док был человеком, которого я уважал и которым мог восхищаться, и я мог только мечтать о подобном союзнике. Игра впереди предстояла трудная, но в мире не было других двух мужчин, способных составить лучший дуэт в будущей схватке с Девятью.

Клио сделала ему укол, и Док сразу же заснул. Триш осталась рядом, с обожанием глядя на него, а меня Клио вернула в зал, где я с трудом устроился на постели.

Клио присела на краю и надолго замолчала, задумчиво глядя на меня. Наконец она сказала:

— Триш обо всем мне рассказала, что у вас там было вдвоем.

— Вот как? О чем? — сделал я вид, будто не понял.

Мое сердце внезапно как-то подпрыгнуло и быстро застучало в груди, будто я услышал звук шагов крадущегося леопарда.

— О том, как вы вместе занимались любовью, — уточнила Клио.

— Ну, это еще не все, — сказал я. — Мы не только трахались, мы любили друг друга. И, надо сказать, нам обоим это очень понравилось. А как мы целовались!

Клио слегка покраснела. Как бы свободно и широко она ни смотрела на эти вещи, некоторые слова всегда производили на нее определенное воздействие.

— Она сказала, что вряд ли что-нибудь могло случиться между вами, не будь ты так озабочен мыслью остаться извращенцем на всю жизнь.

— Однако я ей не объяснял своих мотивов, — сказал я. — Хотя, честно говоря, это правда. И вот теперь, сказав это, я думаю, что это все равно случилось бы, даже если бы у меня не было никаких опасений на мой счет.

Совершенно противоположно тому, что я ожидал, Клио не устроила мне яростной отповеди и не залилась слезами. Она просто сказала:

— Перед нами проблема. Постоянно сохраняя свою молодость и свойственную ей живость и энергию, мы лишены возможности стареть и постепенно увядать. Нам по восемьдесят лет. Другие в этом возрасте уже немощны; приобретают массу маленьких привычек и привыкают друг к другу, как колесо к проторенной им колее. Колесо, которое не хочет покидать дорожкой для него колеи. Но мы знаем друг друга наизусть, и, несмотря на всю любовь, которую мы можем испытывать друг к другу, будет вполне естественно, если каждый из нас захочет время от времени слегка разнообразить свои удовольствия. Поэтому...

— Поэтому?..

— Поэтому я думаю, что нет ничего страшного, что при случае, на некоторое время кто-то из нас поменяет партнера. Раньше мы могли пользоваться этим во время посещения пещер. Но теперь мы будем лишены такой возможности.

Она внезапно поднялась, наклонилась и порывисто обняла меня.

— Боже мой, какую чепуху я горожу! — воскликнула Клио. — Я люблю тебя, Джек! Я люблю только тебя! И мне не нужно никого другого!

Она была искренна, и я почувствовал прилив нежности к ней. Я никогда не переставал любить ее, но сила чувства у меня никогда не была постоянной. Бывали времена, когда оно как бы притуплялось, но чтобы исчезнуть полностью — никогда. И если уж быть совершенно откровенным, то должен признаться, что, когда мы с Триш занимались любовью, у меня в голове не возникло ни одной мысли о Клио.

Я верил, когда она говорила, что не хочет себе в постоянные компаньоны другого мужчину. Но в основе своих рассуждений она была права. Невозможность навеки ограничить себя единственным сексуальным партнером была данью, которую каждый из употребляющих эликсир приносил на алтарь вечной молодости.

В любом случае эта проблема сама найдет свое разрешение. Сейчас же нам необходимо было подумать о куда более важных делах.

Хауторп появился в замке в тот же полдень. Обменявшись банальностями по поводу погоды и здоровья, он приступил к делу, передав нам инструкции, полученные им непосредственно от Девяти.

Во-первых, нам предлагалось выловить труп Калибана и отослать его голову Девяти. В принципе, это была обязанность победителя — представить голову побежденного как доказательство своей победы. Но в данном случае они шли мне на уступку: учитывая мою временную неспособность передвигаться самостоятельно, Хауторп должен был лично доставить этот трофей.

Во-вторых, мне приказывалось перебраться в Лондон, как только я встану на ноги. Там меня будет ждать самолет, который сразу доставит меня в Уганду, где я через секретный ход, предназначенный только для Девяти, буду проведен к ним в пещеры. На этот раз без завязывания глаз. Там я буду торжественно введен в ранг патриарха, одного из Девяти. После этого Девять рассчитывали собрать конференцию, самую значительную и важную после 1945 года. Хауторп не был осведомлен о деталях предстоящего собрания. Он лишь слышал, что главным вопросом на ней будут поиски способов разрешения проблемы перенаселения Земли. Девять хотели положить конец неуправляемому демографическому взрыву и нарушению экологии среды. Проблема обдумывалась давно, и им оставалось лишь прийти к согласию по поводу *modus operandi*.

Ну и желания у них!

На секунду перед моими глазами возникла картина мира, похожего на тот, в котором я родился, но более яркого и красочного. Джунгли и саванна вновь заняли свои исконные пространства, и земля Африки вновь покрылась миллионными стадами зебр, антилоп, гиппопотамов, тысячами львов и пантер. Человеческая популяция, значительно уменьшившись в количестве, вновь будет жить большими стадами или ордами, отделенными друг от друга огромными пространствами. Они будут строить хижины и сражаться копьём и луком со стрелами. У меня вновь бы появилось необходимое пространство для дальних вылазок и походов, как в старые добрые времена. Быть может, даже удалось бы спасти горилл от полного их уничтожения, что им грозит сейчас. А если бы мне удалось найти хотя бы нескольких выживших представителей расы больших антропидов, можно было бы попытаться восстановить их число, чтобы они стали столь же многочисленны и могущественны, как пятьдесят тысяч лет тому назад.

Да, это было прекрасное видение!

Но я боялся, что цена, которую пришлось бы платить за возвращение этой жизни, была бы слишком непомерной.

Поэтому я совсем не обрадовался такой перспективе. Кроме того, входным билетом для меня была голова Дока.

... Я сказал:

— Нам потребуется, вероятно, много времени, чтобы обнаружить тело Дока.

— Ну что вы! — попытался меня «приободрить» посланец Девяти. — Я так не думаю. Два моих помощника уже проверяют ров. У них есть все необходимое оборудование. Не беспокойтесь ни о чем, я все беру на себя.

Чувствовалось, что это был очень дисциплинированный и исполнительный человек. Нечего было и пытаться обратить его в мою веру. Я попросил его подойти поближе. И когда он наклонился надо мной, я схватил его за горло одной рукой, а другой уперся в его лоб. У него была бычья шея, но он лишь пискнул, как мышь, когда она хрустнула под моими пальцами. Потом я отправил Триш и Клио заняться его помощниками. Они позвали их в зал и, когда те вошли, двумя выстрелами уложили обоих наповал. От трупов избавились, просто выбросив всех троих в ров.

Женщины выглядели подавленными. Они были прекрасными воительницами, что доказали мне как одна, так и другая. Но хладнокровное, преднамеренное убийство было делом для них совершенно необычным. Мне пришлось повторить им еще раз, что, вступив на этот путь, на путь борьбы с хитрой и безжалостной организацией, им придется еще не раз убивать до того момента, пока это все наконец не закончится.

Спустя час мы покинули замок. Труднее всего было комфортно устроить Дока в задней части нашего автомобиля. На границе леса я остановился, чтобы попрощаться с имением и родиной предков. Я сомневался, что еще когда-нибудь вернусь сюда. Я обвел взглядом замок, почерневшие от копоти и дыма развалины усадьбы, гумно, конюшни, здания различных служб, луга и озеро в форме вопросительного знака, лес по другую сторону замка и огромный мегалит, стоящий на вершине холма, у подножия которого спал вечным сном первый Рандгрит.

«СТАРИК УСАДЕТСЯ В СВОЕ КРЕСЛО, КОГДА ДВА ВОРОНА ВЕРНУТСЯ», — гласит старая загадочная пословица. И, кажется, в ту минуту я понял ее тайный смысл. У старика, то есть у нашего деда, больше не будет возможности сесть на что бы то ни было, так как он был мертв, отныне и навсегда. И двум воронам уже никогда не вернуться.

Тем более я.. я тоже никогда не возвращусь сюда. По крайней мере не раньше, чем пройдут долгие, долгие годы.

Я задержался еще на мгновение, глядя, как солнце прячется за спинкой Высокого Кресла. Солдаты охраны пропустили нас, не чиня никаких препятствий. Но Девять очень скоро узнают

об исчезновении меня, Триш и Клио. Дока мы спрятали под одеялами, за целой горой узлов и чемоданов. Видя, что Хауторп не является к ним для рапорта, они беспокоятся и прикажут выяснить, что случилось. После чего сразу поймут, что Калибан жив и исчез вместе с нами.

И вот тогда начнется охота.

Но тебе, охотник, следует опасаться зверя, которого ты преследуешь!

Прежде чем все это закончится, за столом Девяти может оказаться гораздо больше пустых кресел, чем сейчас. К тому же может случиться и так, что мир наконец узнает о существовании его тайных властителей.

**ПОВЕЛИТЕЛЬ
ДЕРЕВЬЕВ**

ЗАМЕЧАНИЕ АВТОРА

Хотя мой издатель настаивает на публикации этого романа под моим именем, на самом деле речь идет о десятом томе «Записок лорда Грандрита», лишь обработанных мной для этой публикации. Я посчитал разумным избавить текст от слишком специфического британского маньеризма и англицизмов, дабы облегчить труд читателя.

Кроме того, я нарочито искажил географические координаты пещер Девяти, исключительно в целях безопасности тех, кто, прочтя эту книгу, ринется на их поиски.

Филип Хосе Фармер

Уж теперь-то Девять должны были считать мою смерть окончательной.

Я не знаю, видел ли летчик истребителя мое падение или нет, но он, вероятно, был полностью уверен в моей гибели, если не позаботился проследить за мной до конца. Он должен был думать, что если взрыв и пощадил меня, то падение с высоты уже прикончит наверняка. Мне предстояло пролететь не менее трехсот пятидесяти метров, прежде чем превратиться в раздавленную галету на каменистом берегу Габона. Не лучше был и другой вариант. В момент прикосновения поверхность Атлантики обещала быть почти такой же мягкой, как и закаленная шведская сталь.

Боюсь, этот пилот не знал, что некоторые люди переживали еще более головокружительные падения. В противном случае, не полагаясь на авось, он должен был спикировать за мной до самой поверхности воды и убедиться своими глазами в моей гибели. В 1952 году один русский, выпав из сбитого самолета, прокувыркался вниз без парашюта с высоты 6600 метров и упал в овраг, доверху заполненный снегом. Он даже ничего

себе не сломал. Другие выдерживали падение в снег или в воду с высоты в 600 метров и больше. Конечно, это были исключительные случаи. Но они были!

Пилот, вероятно, ограничился лишь тем, что доложил по радио, что моя двухмоторная амфибия при первой же атаке была разнесена в клочья. Пули крупнокалиберного пулемета, реактивные снаряды или что-то еще в том же духе угодили прямо в резервуар с горючим. Мгновенный взрыв разметал горящие обломки во все стороны. И где-то среди этих лохмотьев пылающего металла вихрем вращалось мое тело.

Я, наверное, все же потерял сознание, потому что, когда открыл глаза, по ним резанула ослепительная голубизна. Она была повсюду. Я мгновенно замерз, будто неистовый ледяной ветер выдрал из меня все внутренности. Моя одежда большей частью пострадала еще при взрыве, а остатки ее я потерял, когда был выброшен из носовой части самолета. Я неся к поверхности воды, вращаясь в штопоре, хотя в первое мгновение мне показалось, что я падаю в небо. Я рассекал воздух, крутясь как волчок, и в поле зрения то попадал, то вновь исчезал серебристый инверсионный след, протянувшийся в сторону побережья, все дальше уходивший от горячих обломков моего самолета, не переставших еще выписывать в небе огненные арабески.

Я видел сверкающую пенную бахрому прибоя, пляжи ослепительного белого песка и дальше, в глубине материка, безбрежный зеленый ковер девственного леса.

Момент был, конечно, не слишком подходящий для философствования, но, если бы у меня выдалась свободная минутка, я не преминул бы подчеркнуть иронию судьбы, возжелавшей вдруг, чтобы я помер едва ли не в нескольких милях от места, где родился когда-то. Если только я умру, конечно. Но я был абсолютно жив и до самой последней минуты буду довольствоваться констатацией очевидности. Я — ЖИВОЙ.

Я пролетел не менее шестидесяти метров, прежде чем мне удалось разогнуться. У меня была большая практика в затяжных прыжках с парашютом, которым я учился как ради удовольствия, так и ради инстинкта самосохранения. И вот теперь мой опыт пришел мне на помощь. Мне удалось развернуться и стабилизировать положение тела в воздухе таким образом, чтобы хоть на какую-то малость, но замедлить это беспорядочное падение. Я лег на бьющий в меня снизу столб воздуха грудью и попытался планировать, по возможности стараясь увести падение от вертикали и перевести его в некую пологую кривую. На последних пятнадцати метрах я пришел строго в вертикальное положение и вошел в воду почти без всплеска,

как лезвие ножа. Положение моего тела при вхождении в воду было идеальным. Тем не менее шок от удара вновь лишил меня сознания. Я пришел в себя, когда вода уже заполнила рот и носоглотку. И все же я выбрался на поверхность. Оценив собственное состояние, я, к моему удивлению, не ощутил ни переломов, ни особой боли в мышцах от удара о воду.

Небо было безоблачно и девственно чисто. Ни единого следа ни от истребителя, ни от моего сгоревшего самолета. Один растворился в небе, другой поглотило море.

Я находился приблизительно в миле от пляжа. И между ним и мной поверхность моря бороздили спинные плавники двух акул.

Было бы бессмысленно пытаться уклониться от них. Даже сделай я большой крюк, они обязательно почувствуют мое присутствие. Поэтому я поплыл прямо на них, лишь проверив предварительно, на месте ли мой кинжал. Как я уже говорил, одежда моя частично сгорела, частично была разорвана во время взрыва, но пояс и прикрепленные к нему ножны остались на своем месте. Мой кинжал был длиной в шесть дюймов, из отличной американской стали. Я выбрал его из-за прекрасного баланса, что позволяло точно метать его. В данный момент он был мне пока не нужен. Лишь когда один из плавников сменил направление своего движения и направился в мою сторону, я обнажил оружие и продолжал плыть, зажав кинжал зубами.

Второй плавник, казалось, не заметил моего присутствия и продолжал удаляться к югу.

Мысль, что акула, быть может, случайно сменила направление, быстро вылетела у меня из головы, когда я увидел, как резко увеличилась скорость ее движения. Ее плавник вспарывал застывшую как стекло поверхность океана подобно носу эсминца. Приблизившись, он отклонился вправо и лег на круговую орбиту. Я продолжал размеренно плыть вперед, стараясь держать дыхание и не делать слишком резких движений. Время от времени я бросал короткие взгляды назад. Это была большая белая акула, очень опасный вид, известный своими многочисленными нападениями на человека. Хищница вела себя пока осторожно. Она совершила три полных неторопливых круга вокруг меня, прежде чем устремилась в атаку с расстояния семи метров.

Вода вскипела и забурила вокруг ее плавника, когда она устремилась вперед. Но в самую последнюю секунду акула отвернула в сторону, едва не задев при этом мою ногу. Вероятно, это была хитрость с ее стороны, с целью вывести

возможную реакцию жертвы, чтобы принять окончательное решение: нападать или поостеречься.

Поняв, что от нее так просто не отвязаться, я решил атаковать первым. Зажав кинжал обеими руками, я согнул тело под прямым углом и, вскинув ноги вертикально вверх, беззвучно ушел в глубину. Кожа акулы так же крепка, как кожа гиппопотама, и к тому же покрыта мелкими чешуйками с острыми ороговевшими выступами. Достаточно одного ее прикосновения, чтобы ободрать кожу до мяса. Мой единственный опыт в обращении с этими бестиями восходит к годам второй мировой войны, когда мой корабль был потоплен в водах Индийского океана. Известное читателям сражение между мной и пресноводной акулой в водах африканского озера — выдумка чистой воды моего не в меру романтического биографа.

Крепко зажав кинжал, будто наконечник копья, в вытянутых вперед руках, я понесся навстречу чудовищу. Сталь вошла в глаз акулы на добрых семь сантиметров. Вода окрасилась кровью.

Акула освободилась одним движением головы, едва не вырвав кинжал из моих рук, и резко отпрянула в сторону, бешеным движением хвоста взбив розовую пену. Ее кожа лишь на мгновение коснулась моего живота, но этого было достаточно, чтобы она вмиг покрылась тысячью мелких ссадин и порезов, из которых заструилась кровь.

Но людоед не бежал с поля боя. Я знал это и ждал его. Даже если лезвие кинжала и пробило дырку в его крошечном мозгу, этого было явно недостаточно, чтобы окончательно вывести его из игры. Тем более что запах крови, как моей, так и ее собственной, должен был лишь еще более раздражить хищную рыбу.

И вот акула вновь приближается ко мне, точная и стремительная, будто торпеда. Не менее стремительно я нырнул в глубину, и поверхность воды бесшумно сомкнулась надо мной. Тишина и сумрак этого мира охватили меня со всех сторон. Видимость не превышала одного метра. Стремительная тень, вынырнувшая из опалесцирующей малахитовой бездны, промахнулась самую малость, не учтя, вероятно, скорости моего погружения. Мне удалось вонзить кинжал ей в брюхо. Но лезвие едва успело войти в ее тело на какой-то дюйм, как было вырвано у меня из рук. Это был почти конец. Без кинжала мне не продержаться и секунды. Забыв обо всем, я устремился в глубину вслед за тонущим оружием и успел подхватить его на границе видимости, там, где гасли последние лучи света, проливающиеся с поверхности.

На фоне светлой пленки, разделяющей два океана, проскользнула белесоватая тень моей убийцы с тянущейся вслед темной полосой крови, преследуемая по пятам другой акулой. Затем их заслонило мутное облако быстро растекающейся крови. Противники схватились насмерть. Я воспользовался этим, чтобы быстрее удалиться как можно дальше, надеясь, что шум подводной схватки и запах крови не соберут акул со всей округи.

Но не успел проплыть я и половину расстояния до берега, как сбоку появились еще три плавника, стремительно плывущих в моем направлении. К счастью, вновь прибывшие, наткнувшись на запах крови, устремились туда, где он был сильнее, в место, где «было погорячее», как выразились бы янки.

Взрыв самолета произошел несколько минут спустя после наступления полдня. Когда я наконец выбрался на берег, часы показывали, что с того момента едва прошло четверть часа. Падение, моя встреча с акулами и эта линия водной поверхности, на которой я побил все существующие рекорды скорости, полностью лишили меня всех запасов энергии. Пляж я пересекал, шатаюсь и спотыкаясь на каждом шагу, мечтая поскорее упасть в тени какой-нибудь растительности. Тысячи чаек, пеликанов и аистов неторопливо взлетали при моем приближении, уступая дорогу и тут же садясь за моей спиной, видимо, чувствуя, что сейчас я не представляю собой для них никакой опасности. Наверняка это были прапрапра... и так далее, внуки птиц моей юности. Лагуна, простиравшаяся когда-то между двумя песчаными косами, исчезла. За прошедшие годы море потрудились на славу, принеся тонны нового песка, к которому добавились полосы протекающей неподалеку речки, похоронившие над собой лагуну моего детства. С тех пор пляж стал шире, и теперь на добрых две мили выдавался в глубь материка.

Зато джунгли совершенно не изменились. Здесь еще не появлялось ни одно человеческое существо. Надо здесь сказать, что Габон вплоть до наших дней остается одной из наименее населенных стран Африки.

По правде говоря, территория, занимаемая Национальным парком «Малый Лоанго», не заслуживает того, чтобы относить ее к истинным джунглям. Настоящие тропические леса растут на более возвышенных местах вдали от побережья. Вся прибрежная низменность здесь занята густыми зарослями кустарника, кроме того места, где я находился сейчас, где к берегу океана скатывалась гряда округлых холмов. По ним широкой

полосой к самому побережью подступал девственный лес, под пологом которого однажды, восемьдесят лет назад, раздался мой первый крик. В то время лес принадлежал исключительно тому племени антропоидов, которое в скором будущем стало и моим. Лес тогда кишел мириадами животных и насекомых; которых я научился понимать, как говорится, с молодых ногтей (или когтей?).

В течение часа я восстанавливал силы, прежде чем отправиться в дорогу к старому жилищу моих человеческих родителей, месту моего рождения и первого вторжения Девяти в мою жизнь. В точку отсчета той исключительной судьбы, славные дела которой были запечатлены моим биографом в истинно романтической манере.

В этом месте растительность была именно такой, какой ее представлял себе какой-нибудь цивилизованный гражданин, обосновывая свои представления на совершенно нереальных пейзажах, выдаваемых за истинные джунгли в отвратительных фильмах, снятых обо мне.

Обнажив кинжал, я скользнул в чащу густо переплетенных ветвей низкорослых деревьев и высокого кустарника. Пусть даже это и не было еще тем естественным окружением, к которому я привык, все равно в нем я чувствовал себя в десять раз лучше, чем в Лондоне. В Англии я всегда чувствую себя стесненно, даже в относительно не густо заселенных землях моего имения в Камберленде, где достаточно места, чтобы повернуться, не задев локтем соседа.

Жизнь здесь была ключом. Воздух гудел от нескончаемых криков и щебета обезьян и жужжания насекомых. Земля кишела змеями, выдрами и мангустами. В ветвях то и дело мелькали миниатюрные полосатые камышовые коты, изящно выгибали головы на длинных шеях сервалы. Из-под ног выкатился какой-то костяной шар, развернулся в покрытого чешуйчатой попоной панголина и поспешно затопал прочь. В переплетении веток мелькнуло какое-то волосатое существо, быть может, одно из тех, так называемых кустарниковых детей. Крикам обезьян вторили бесчисленные голоса птиц, яркими разноцветными пятнами выделявшихся на фоне темно-зеленой листвы. Ветерок, доносивший до меня запах океана, пропитанный солью, свежестью и запахом водорослей, и знакомое окружение заставили меня вздрогнуть от радостного предвкушения удовольствия. Как хорошо возвратиться к себе домой!

Я приближался к местности, где восемьдесят два года тому назад мой отец выстроил бревенчатые хижины. К северу виднелись мангровые заросли. Их кромка тянулась слева от меня в какой-то четверти мили.

Через несколько минут поисков я обнаружил два небольших холмика, все, что осталось от строений, где я родился когда-то. Тогда здесь высились две хижины: одна, в которой мы жили, и другая, таких же размеров и формы, в качестве склада. Не вникая в детали, не способствующие развитию сюжета, мой биограф пренебрег упоминанием о втором сооружении. Но он все же упоминает о большом багаже, оставленном на берегу вместе с родителями. Поэтому внимательный читатель вполне справедливо мог бы задать себе вопрос, где же располагался впоследствии весь этот довольно объемный груз.

Оба строения давно рухнули и были похоронены под песком и грязью, принесенными ветром и потоками воды из прорвавшейся плотины, некогда окружавшей это место. Сама плотина тоже давно исчезла, уступив годам и эрозии. Давний пожар сжег всю растительность, которая пустила на ней корни, а дожди завершили дело, постепенно размыв насыпь.

Неподалеку на глубине двух метров должны были находиться четыре могилы. В этой насквозь пропитанной влагой земле, кишашей всевозможными насекомыми, останки не могли долго сохраняться.

Я был готов к тому, что увидел. В мой последний визит сюда в 1947 году прошедшие шестьдесят девять лет уже оставили свои разрушительные следы на строениях. Но ностальгия вновь привела меня сюда. Быть может, в каких-то аспектах чувств я и уступаю обычному человеку, но я не менее сентиментален, чем любой на моем месте, испытывающий волнение при виде места своего рождения.

Я рассчитывал задержаться здесь на несколько минут, чтобы почтить память родителей и двух других, похороненных рядом с ними. Вспомнить часы, что я провел в этих хижинах с книгами в руках или исследуя различные незнакомые мне предметы, которые я открыл здесь для себя в 1898 году. В то время я еще не знал, чему служит книга или инструмент, и, конечно, даже не имел понятия о словах, существующих, чтобы обозначить их на английском или любом другом человеческом языке. С особым чувством я всегда припоминал тот день, когда впервые увидел здесь длинные пепельные волосы Клио Исанны де Карполь.

В тот день она, естественно, не была одна. Ее два спутника были первыми самцами с белой кожей, которых я впервые увидел, так сказать, в живом виде. До этого они были мне знакомы лишь по иллюстрациям в книгах. Но Клио была женщиной, а мне было двадцать лет. Тогда я не знал (а если бы и знал, то это для меня не имело бы никакого значения), что она была дочерью университетского профессора в отставке,

который нарек ее этим именем в честь музы Истории, что она происходила из старинной гугенотской семьи, которая бежала из Франции после отмены Нантского эдикта. Семья бежала в Америку и занялась возделыванием плантаций и разведением лошадей в Джорджии, Вирджинии и Мериленде. Вне пределов периметра площади в несколько десятков метров мое знание внешнего мира ограничивалось теми крохами, которые я мог почерпнуть из книг, в основе своей остающихся для меня тайной за семью печатями.

Подозреваю, что я задумался более чем на одну минуту. Мое внимание привлек внезапно раздавшийся неясный шум. Повернувшись на восток, я успел заметить коротко блеснувший луч света среди густой листвы группы деревьев, располагавшихся метрах в шестидесяти от меня. В то же мгновение я оказался в ближайшей от меня рытвине, промытой в почве последними дождями. Секундой позже до меня донесся звук выстрела и шлепок пули, ударившейся в землю у подножия ближайшего дерева. И сразу вслед за этим кустарник над моей головой был прошит очередями трех пулеметов, сопровождаемых выстрелами автоматических винтовок. В чаще, метрах в двадцати к северу от меня, кто-то грозно крикнул и сразу же раздался взрыв гранаты точно в том месте, где когда-то располагался склад.

Я был открыт со всех сторон. Необходимо было срочно выбираться отсюда, но я не мог двинуться с места из опасения быть сразу же перерезанным надвое первой же очередью.

Да, уж если говорить о профессионализме, то на Девять всегда можно было положиться.

Обнаружив, что я покинул Порт-Жантиль на самолете и направляюсь в сторону Сетэ Гама, Девять, или их агенты, не без оснований предположили, что я не смогу не нанести визит в Национальный парк «Малый Лоанго», в места, столь дорогие моему сердцу. На самом деле я рассчитывал покинуть здесь самолет и дальше отправиться пешком в направлении горного массива Уганды. Конечно, пересечь материк на своих двоих у меня займет гораздо больше времени, но я считал, что к секретным пещерам Девяти лучше всего добираться, идя по джунглям. В лесу я становлюсь невидимым и неслышимым. Здесь даже Девять были бессильны помешать мне идти к цели тем путем, который я выберу сам. В дело мог вмешаться лишь какой-нибудь непредвиденный случай, но это вряд ли.

И все же, даже хорошо зная Девятку, я не предполагал, что они так быстро пойдут по моему следу, поэтому не ожидал ни встречи с истребителем, расстрелявшим мой беззащитный самолет как учебную цель, ни с этой засадой. По логике вещей,

пилот должен был бы сообщить им, что свою задачу он выполнил полностью. И, следуя дальше той же логике, Девять должны были отозвать своих наемников из всех пунктов, где они могли поджидать моего появления. Но в том-то и дело, что патриархи часто клюют на обычную логику. Скорее всего они приказали всем группам оставаться на своих местах еще в течение недели, что бы там ни случилось. В том, что касается осторожности и предусмотрительности, Девять не уступают никому, особенно в тех случаях, когда они собрались поквитаться с одним из своих бывших слугителей.

Тем не менее я думаю, что мое появление должно было их удивить. Вполне возможно, они не были сейчас уверены, что я именно тот, кого они были посланы поджидать. Засевшие в засаде должны были иметь связь по радио с остальными группами. Поэтому они наверняка не ожидали увидеть меня здесь так быстро после сообщения, что я отправлен на корм акулам. Однако это не помешало им соблюдать приказ об абсолютной тишине в месте засады, что говорило об их профессионализме и дисциплине. К тому же им помогал ветер, доносивший сюда соленый запах моря и помешавший моему обонянию предупредить меня вовремя.

Граната разорвалась совсем неподалеку от меня, и от грохота я наполовину оглох, но одной такой для меня было явно недостаточно.

Я выкатился из своего ненадежного укрытия и пополз в сторону людей, стрелявших в меня, вернее, в то место, где, как они считали, я должен был находиться. Сверху на меня продолжал сыпаться дождь веток и листьев, сбитых непрекращающимся ни на секунду градом свинца. Вторая граната взорвалась почти в том же месте, что и первая. Увидели они меня или нет? Думаю, что нет. В противном случае я был бы уже нашпигован свинцом по горло.

Я думаю, храбрость их безмерно бы возросла, заметь они одну деталь: то, что все мое вооружение состояло из одного-единственного кинжала.

Внезапно стрельба рядом оборвалась. Все тот же голос громко прокричал по-английски, чтобы солдаты рассыпались в цепь и окружили место со всех сторон. Голос приказал также прекратить стрельбу наугад, дабы в условиях кругового построения не перестрелять друг друга. При моем обнаружении стрелять только по ногам, чтобы обездвижить и уж после того спокойно прикончить.

Молодец. На его месте я приказал бы то же самое. Я был ужасно зол на себя. Настолько, насколько позволяло мне ощутить это мое внутреннее состояние, учитывая тот жуткий

цейтнот, в котором я сейчас находился. Я клял себя за самоуверенность и беззаботность, в то время как должен был быть осторожен, как никогда, и следить за любым шорохом, любой тенью в лесу. Мы совершили одну и ту же ошибку, как я, так и они, с той лишь разницей, что они были лучше вооружены, чтобы исправить ее.

Я продолжал осторожно передвигаться вперед. Количество врагов мне было неизвестно. Во время стрельбы я насчитал около десяти стволов, но мог и ошибаться, ведь часть их могла не стрелять, сберегая патроны. На то, чтобы замкнуть кольцо окружения, у них уйдет немало времени. Вначале они все находились в одном месте, а теперь им придется продираться сквозь густой подлесок, переплетенный ветвями кустарника и лианами, перекликаясь между собой, чтобы знать положение друг друга.

Я отчетливо слышал каждый их шаг, сопровождаемый шумом и треском ломающихся ветвей. Теперь до меня доносился и их запах. Их было десять слева от меня. Передо мной оставалось столько же или больше.

Когда я приблизился к дереву, поблизости от которого заметил вспышку света, предупредившую меня об опасности (вероятно, в тот момент, когда стрелок наводил свое оружие), то остановился и поднял глаза вверх. Он все еще был там, сидя верхом на толстой ветви в шести метрах над землей, и внимательно оглядывал окрестности. Я тоже тщательно прислушался и огляделся. Никого. Судя по всему, это был лишь часовой.

Мгновенно выпрыгнув из-под широких листьев растения с поэтическим названием «слоновые уши», я метнул кинжал. Этот маневр, хоть на долю секунды, но выдающий мою позицию, требовал максимальной быстроты и точности.

Элемент внезапности сыграл мне на пользу. Единственный, кто заметил меня прежде, чем я вновь оказался под листьями растения, был сам часовой. Но у него не осталось времени, чтобы крикнуть, лезвие тут же пронзило его гортань. Винтовка выпала из его рук и кувыркнулась в куст у подножия дерева. Солдат закачался, будто собираясь рухнуть вниз, но так и остался сидеть верхом, удерживаемый веревкой, закрепленной вокруг ствола дерева. Винтовка слегка лягнула при падении. Но в шуме и треске, доносившихся отовсюду, этот звук никто и не услышал. Солдаты, занятые тем, чтобы смотреть, куда следует сделать следующий шаг, даже не оторвали носа от земли.

Обойма бельгийской автоматической винтовки FN вмещала двадцать пуль калибром 7,62 миллиметра. Густая растительность вынуждала меня стрелять, при необходимости, очереда-

ми, поэтому я перевел рычажок в положение автоматической стрельбы. С сожалением я подумал о том, что придется расстаться с моим кинжалом. Я предпочел не подставлять себя лишний раз под пули, карабкаясь по стволу, чтобы достать его. С минуты на минуту здесь мог появиться какой-нибудь солдат и пустить по кругу новость, что я бежал с оружием в руках.

С восточной стороны слышались приближающиеся голоса. Кольцо за моей спиной должно было вот-вот сомкнуться. Среди солдат один, по крайней мере, нес на себе запас гранат. Я удвоил осторожность.

Возбуждение и ощущение приближающейся схватки заставило сердце забиться сильнее, что сразу отозвалось гулкими ударами в груди. Охотник или добыча, я всегда испытываю похожее опьянение. Какую-то особенную внутреннюю дрожь, когда предстоит поставить на кон самое ценное, что есть в этой жизни: себя самого, жизнь, которая может прерваться в каждую секунду. Мое существование может длиться бесконечно, во всяком случае около тридцати тысяч лет, и мне есть что терять, гораздо больше, чем большинству людей. Но я об этом никогда не думаю. Я всегда буду готов рисковать, будь то сейчас, или через тридцать тысячелетий (если доживу до той поры).

Солдаты медленно продвигались вперед на расстоянии около шести метров друг от друга. Передние — с повернутой вбок головой, чтобы их могли слышать те, кто шел следом. Ближайший из них находился в трех метрах от меня. Вот он сделал еще шаг. Приклад моей FN скользнул ниже ветвей и с силой обрушился на его кадык, мгновенно сломав все хрящи. Он еще не успел упасть навзничь, когда я поймал его голову и резким поворотом сломал ему позвоночник. Я тут же освободил его от кинжала и запасных обойм. Но тот, что следовал в шести метрах за ним, видимо, что-то услышал, потому что обеспокоенно спросил:

— Эй, Броди! Ты где? — Его английский был с явным итальянским акцентом. — У тебя как, все в порядке?

Я постарался как можно лучше воспроизвести голос Броди (которого, правда, никогда не слышал):

— Я ободрал себе лицо в этом чертовом кустарнике!

Послышалось несколько поспешных приближающихся шагов. Потом они остановились, и итальянец сказал:

— Поднимись и встань так, чтобы я тебя видел!

Я быстро надел на голову шляпу убитого — она оказалась мне в самый раз — и выпрямился, как раз настолько, чтобы тот увидел ее и самый верх моего лица. Ворча что-то, итальянец

приблизился и резко остановился, когда мой кинжал по самую рукоять вонзился в его солнечное сплетение.

В ту секунду за моей спиной раздались крики. Должно быть, был обнаружен труп часового.

Командир отряда, чей тяжеловесный английский выдавал его шотландское происхождение, разорался не на шутку, приказал всем оставаться на месте и не двигаться. И не стрелять ни в коем случае, чтобы не поранить друг друга. Сейчас он будет называть всех по очереди. Солдаты будут отвечать по очереди, чтобы обозначить свою позицию. Заодно станет ясно, кого не хватает.

Я подождал и, когда пришел мой черед, вновь постарался ответить за Броди, а затем за его друга — итальянца. Я не знал его имени, и командир легко мог бы вывести меня на чистую воду, если бы сам не снабдил меня необходимыми сведениями.

По голосам я насчитал тридцать двух человек. Как я и предполагал, они двигались в две линии, задние подстраховывали передних.

Пока шла перекличка, я успел незаметно подобраться к солдату, ближе всех оказавшемуся ко мне слева, и одним движением кинжала рассек ему сонную артерию. Путь был открыт и я мог бы воспользоваться брешью, чтобы спокойно углубиться в лес, где уже никто бы меня не смог поймать.

Но у меня есть собственное достоинство. Я не мог лишить себя удовольствия преподнести еще один урок Девяти, а с другой стороны — уменьшить количество моих противников. К тому же необходимо было учитывать, что на их базе, которая не могла быть далеко отсюда, наверняка имелся мощный радиопередатчик, с помощью которого они всегда могли вызвать к себе подкрепление.

Однако если когда-то и надо было действовать очень осторожно, то это был именно тот случай. Беззвучной тенью я скользнул под сень джунглей. Я неслышно преодолел метров пятьдесят, когда услышал за собой приглушенные возгласы. Они обнаружили трупы. Думаю, многих при этом охватил страх. Большинство, если не все, знали, кого они ждут. Они слыхали о моих делах, а теперь сами имели возможность убедиться в том, что это были не бабы сплетни. Кроме того, теперь им приходилось дрожать при мысли о том, как они будут докладывать о случившемся Девяти. Думаю, для них было бы лучше умереть, чем позволить мне выскочить из их капкана.

Я попытался представить себе, где они могли расположить свою базу. Но ничего не получалось. Было время, когда я мог

с закрытыми глазами точно определять расположение каждого дерева, каждого кустика в округе. Но с тех пор прошло много времени, и лес сильно изменился. Я чувствовал себя так же, как на любой другой незнакомой территории. Оставалось одно: забраться повыше и понаблюдать оттуда за противником.

Закинув винтовку на спину, я вскарабкался на самую вершину дерева и стал наблюдать оттуда сквозь густую листву. Увидеть меня было невозможно.

Вскоре я обнаружил с десяток солдат из тридцати двух преследующих меня. Остальные прятались в зарослях. Девять из них окружили офицера, лицо которого украшали длинные черные усы. Офицер оживленно размахивал, жестикулировал руками, сопровождая этим слова своих распоряжений, которых я, к сожалению, не мог слышать с того места, где находился.

Я уже видел его раньше и слышал его голос: это было в пещерах, где Девять собирались на ежегодные секретные инициации, во время которых члены их древнейшей организации, так называемые служители, подвергались мрачному ритуалу и вкушали Эликсир Молодости. В день нашей первой встречи этот офицер еще не носил усов и был гол, как новорожденный. Это случилось лет десять тому назад. Поэтому-то я не сразу его и узнал.

Он назвался Джеймсом Муртагом, что было достаточно близко к его настоящей фамилии, его и его знаменитого отца. Он родился в 1881 году в Мейрингене, в Швейцарии, и с восьми лет безвыездно проживал в Уэльсе. Так же, как и его отец, талантливейший математик, Муртаг был недалеко от того, чтобы прослыть гением в своей области. Он преподавал высшую математику в Оксфорде и в Таллинском университете. В то время он выглядел лет на сорок, значит, Девять пригласили его стать членом их организации в 1921 году.

Муртаг мало что рассказал мне о себе — я думаю, что он вообще был скрытным человеком, — но графиня Клара Экджайер, прекрасная валькирия из Дании, которая в течение шестидесяти семи лет была моей верной спутницей на всех ежегодных ритуальных собраниях в пещерах, знала о нем довольно много. И, конечно, ничего не утаила от меня. Может быть, и по приказу Девяти, которые заранее решили мою судьбу и готовили в замену тому, кто первый освободит свое кресло за церемониальным Овальным Столом в пещере Собраний.

Я мог бы свалить Муртага одним выстрелом, но предпочел пока этого не делать. Он мог бы помочь мне преодолеть некоторые трудности в будущем. Удостоверившись, что рычажок стоит в положении «автомат», я нажал на курок и опустошил весь диск в направлении окружавших его людей. Пятеро

человек упали, оставшиеся в живых бросились под защиту деревьев. Не дожидаясь, пока они придут в себя, я выпустил винтовку из рук и покинул свой пост, прежде чем они смогли высмотреть меня в листве. Соскользнув вниз по стволу, я побежал на юг. Было маловероятно, что их база располагалась к северу от меня, так как там были мангровые заросли. Бешеные автоматные очереди застучали мне вслед, целя по вершинам деревьев. Я прибавил ходу. Автоматные очереди уже доносились издалека, когда я услышал чей-то голос, неожиданно раздавшийся в нескольких сотнях метров от меня. Удвоив осторожность, я неслышно продолжал скользить от дерева к дереву, пока не выбрался на опушку большой поляны.

Поляна была искусственного происхождения. На это потребовалось, вероятно, не менее трех дней, чтобы топорами и мачете расчистить достаточно широкое пространство, на котором смогли бы расположиться джип с прицепом и два больших вертолета типа «Бристоль-192». Ближе ко мне на поляне были раскинuty шесть палаток. В самой большой из них располагалась полевая радиостанция, которую обслуживали три человека. Это подтверждала длинная тонкая телескопическая антенна, устремленная точно в зенит.

Я обошел лагерь по кругу и не обнаружил ни одного часового. Я шел очень осторожно, каждую минуту ожидая наткнуться на мину или еще какую-нибудь ловушку. Муртаг как раз был из того сорта людей, которые находили особое удовольствие в том, чтобы расставлять мышеловки на каждом шагу. Что же, эта игра мне, пожалуй, даже нравилась. Я сам подвластен такому искусству и частенько ловлю себя на том, что улыбаюсь, готовя своему противнику очередной сюрприз подобного рода.

Он был хорошим тактиком и должен был догадаться о моей ближайшей цели. Поэтому с минуты на минуту я ждал появления его людей, которых он, вероятно, уже послал в преследование за мной. Отсутствие часовых лишь указывало на то, что он не был готов к мысли, что я смогу уцелеть после атаки истребителя. Время поджимало.

Даже после того как по лесу прогулялись топоры и дисковые пилы, здесь еще оставалось достаточно растительности, которая помогла мне пробраться незамеченным. Согнувшись вдвое, я перебежал от одного пня к другому, прячась за вырванные с корнем кусты, с тыла приближаясь к самой большой палатке. Внутри работало радио. Уже сообщив о моем бегстве, радист продолжал доклад командира и закончил тем, что попросил подкрепления: штурмовиков, вертолетов, напалмовых бомб, людей и ищеек.

Особо меня позабавило кодовое название, которым они меня наградили — «Tree lord». Повелитель деревьев. Неплохо звучит, а?

Меня очень заинтриговало, где может находиться их основная база. Наверняка не в Порт-Шантиль, до которого было сто двадцать шесть миль на северо-запад. Слушая радиста, я понял, что подкреплений можно было ждать через десять минут. Значит, где-то в джунглях и совсем неподалеку. Быть может, на такой же искусственно сооруженной поляне. Но неужели все это было устроено лишь в мою честь? Или у базы были еще какие-то цели? Я больше склонялся в пользу последнего предположения. В противном случае ничто не мешало сразу доставить все материалы и оборудование прямо сюда.

Я обогнул палатку и подкрался к входу. Два выстрела подряд, и тела двух офицеров распростерлись на земле. Радио работало на волне в сорок пять метров. Третий, простой радист, даже не пытался протянуть руку к кобуре. Положив руки на стол, он продолжал смотреть на меня, выпучив глаза и открыв от удивления рот. Ошеломленный взгляд, белое до синевы лицо с клоком волос соломенного цвета над ним, крючковатый орлиный нос и торчащие по бокам головы наушники делали его похожим на сову, которую внезапно вытащили из темноты на свет.

— Отмени операцию, — приказал я. — Скажи им, что меня только что убили.

Он стал было отказываться, но, когда я шагнул вперед и дуло почти уткнулось ему в ухо, икнул от испуга и повиновался. Исполнив, что от него требовал, он продолжал таращиться на меня испуганными глазами, видимо, ожидая, что я все же разнесу ему башку. Он был вправе опасаться такого исхода событий, так же как и я был вправе именно так и закончить это дело, хотя я никогда особенно не заботился об этом, таком дорогом для каждого представителя человечества понятии «права» — кроме тех случаев, когда ему случалось совпадать с моей собственной убежденностью. Эта радиостанция принадлежала организации, которая хотела меня уничтожить. Он знал это и, зная, участвовал в операции. А значит, заслуживал смерти.

Моя философия очень проста, эффективна и абсолютно не совпадает с идеей о том, что любая человеческая жизнь священна. Если вас стремятся убить, стреляйте первым. В отличие от правил, которыми руководствуются нации в войне между собой. Когда я служил в британских войсках во время второй мировой войны, я свято соблюдал правила Женевской конвенции в отношении пленных. За исключением двух

случаев, это правда, но я подчинялся приказу Девяти, а их требования в то время для меня были выше всех остальных. В общем, за дар почти бессмертной жизни им приходилось платить иногда очень дорогой ценой. Но я никогда не испытывал никаких сомнений, ликвидируя тех, кого они хотели убрать со своей дороги. Если я вам скажу, что большинство из них были среди наиболее высокопоставленных и самых известных из наших врагов, вы вряд ли мне поверите. Особенно после того, как средства массовой пропаганды раструбили всему миру, что они покончили с собой, опасаясь попасть в руки русских.

— Подчинись, и ты спасешь себе жизнь, — сказал я радисту. — Если ты хоть немного слышал обо мне, то должен знать, что я всегда держу свое слово.

Он покачал головой и снова икнул.

— Ты можешь достать до Дакара?

Он мог и сделал все, чтобы настроиться на частоту Брасс Бвани. Это было, конечно, незаконно, но мне было плевать, что об этом могли бы подумать власти.

Сегодня передатчик должен был находиться в пустыне, в тридцати милях от Дакара. Моя подвижная станция вот так перемещается скоро уже двадцать шесть лет и никогда еще полиции не удавалось ее накрыть. Я уже пользовался ею, когда работал для Девяти, но в ордене никто не подозревал о ее существовании. Мои операторы были парни хоть куда, все вне закона и преданные мне до гробовой доски, не в силу, конечно, личной привязанности, а потому, что я им платил, как никто в мире. Через их передатчик я мог находиться на постоянной связи с сетью, установленной Доком Калибаном по заданию Девяти, когда он еще входил в состав служителей. Эта сеть состояла из передатчика, расположенного где-то в Вогезах, во Франции, и другого — в Черном Лесу, в Германии.

Я предпочел бы говорить сам, но должен был держать уши открытыми, чтобы не пропустить приближения Муртага. По моему приказу радист информировал Брасс Бвану, что я сменил код. В ближайшем сеансе я буду употреблять тот, что идет следующим по списку. Затем я объяснил им, что для связи вынужден пользоваться услугами одного из моих противников и что хочу связаться с Доком, — конечно, я назвал его имя кодовым словом. Прошла минута. Калибана нигде не могли найти, но пообещали мне, что мое послание будет ему обязательно передано. Док, со своей стороны, оставил послание для меня. Я выслушал его очень внимательно.

«Гном совсем сошел с ума. Он наш враг и враг наших врагов, его старых друзей. Гном ушел в подполье. Мы постараемся выкурить его».

Я поблагодарил и подал сигнал о конце передачи.

— Ты говоришь по-немецки? — спросил я радиста.

Он ответил отрицательно. Даже если он лгал, это не имело большого значения. Как бы он догадался, что «гном» был не кто иной, как Ивалдир, старый карлик-патриарх из состава Девяти? Когда я говорю «старый», это значит очень-очень древний. Ему должно быть не менее десяти тысяч лет. Если не все тридцать тысяч.

Если я правильно интерпретировал послание Калибана, Ивалдир сошел с ума и тоже решил бороться с Девятью. Док знал, где он находится, и отправился на его розыски.

Резиденция Ивалдира, замок Грамсдорф, прятался в знаменитом Черном Лесу, в Германии. Там Ивалдир проводил большую часть своего времени. Это, пожалуй, единственное, что нам с Калибаном удалось выведать о месторасположении убежищ, в которых скрывались члены Девяти. Калибану удалось побывать там вместе с двумя своими новыми помощниками, сыновьями его бывших ассистентов. После храброй смерти своих отцов они заняли их место, став верными помощниками Дока.

Открыв панели, скрывавшие внутренности радиопередатчика, я оторвал провода и превратил в пыль все лампы и платы с помощью приклада. Потом взрезал кинжалом полотнище палатки, обращенное к лесу, и приказал радисту Смиту идти впереди меня. Забравшись в соседнюю палатку, оказавшуюся складом оружия, я смог выбрать по своему усмотрению все, что считал необходимым, чтобы достойно подготовиться к встрече с людьми Муртага. К своему удовольствию, я обнаружил среди амуниции, сваленной в углу палатки, широкий пояс с рядами нашитых на него крючков. Пояс я надел как портупею, наискось через плечо, украсив его гирляндой гранат и других взрывчатых приспособлений. Вооружившись, я связал Смита и привязал его к дереву в тылу палаток.

Минутой позже две из моих гранат уже кувыркались в воздухе, направляясь каждая на встречу с прекрасными летательными аппаратами, стоявшими метрах в шестидесяти от палаток. Землю потряс двойной взрыв и над лагерем пронесся торнадо пламени от разлетевшегося во все стороны керосина, брызнувшего из взорвавшихся баков вертолетов. Я никогда не мог избавиться от некоторого внутреннего трепета перед мощными красивыми машинами, выдуманными представителями человеческой расы.

Это навсегда останется во мне, как след того впечатления, который я испытал при первом столкновении с человеческой цивилизацией. Взрывая эти сложнейшие убийственные

приспособления, я, кроме того, выражал вечную враждебность, испытываемую дикарем по отношению к науке и современным техническим достижениям.

— Где находится основная база? — спросил я Смита. — Только не вздумай мне морочить голову. У меня нет сейчас времени на развлечения.

— Около тридцати миль на северо-восток отсюда.

Если он врал, тем хуже для меня. И все же я оставил его жить и, обогнув лагерь, вернулся в чащу кустарника.

Гул и треск пожара, возникшего вокруг взорванных вертолетов, покрывали собой все другие звуки, а густой дым мешал моему обонянию. Так что в этих условиях я очень просто мог бы прозевать приближение солдат Муртага, даже если бы они шли по ветру. Однако все это не мешало мне ясно видеть, и я улыбнулся, заметив испуганные лица, то здесь, то там выглядывающие из листвы. Теперь они не осмеливались высунуть носа из-под деревьев, опасаясь попасть в ловушку более эффективную, чем та, которую они расставили мне. Муртаг предпочел осторожность. Наверняка он дожидался прибытия подкреплений.

Но он ничего не дождетсЯ. По крайней мере здесь. Я услышал, как он по одному подзывал к себе людей. Но пока я огибал их, чтобы зайти с тыла, они уже исчезли.

Их следы четко отпечатывались на влажной земле, и мне не составляло никакого труда следовать за ними. Но я не пошел точно по их следу, а несколько углубился в кустарник и направился параллельно ему. Через некоторое время я убедился, что был прав, предприняв эту меру осторожности. Хитрый Муртаг оставил засаду из четырех человек, которые должны были перехватить меня, вздумай я, как индеец, преследовать их, ставя ногу след в след. Четыре солдата сидели на тропе, тесно прижавшись спинами друг к другу, чтобы я ни с какой стороны не мог скрытно подобраться к ним. Снять их всех одной очередью было плевым делом, но я не хотел извещать Муртага о своем присутствии. Поэтому, оставив их сидеть там, где они были, с вытаращенными от страха глазами и судорожно вздрагивающих при каждом шелесте или движении ветки, я осторожно приблизился к хвосту колонны, направившейся к берегу океана. Муртаг возглавлял колонну. Арьергард замыкали четверо солдат, не перестававшие оглядываться и бросать через плечо затравленные взгляды.

Муртаг был человеком крепкого телосложения, с широкими плечами и ростом в метр девяносто четыре сантиметра. Тонкий изогнутый хрящеватый нос выдавался вперед, как киль корабля. Приподняв панаму, чтобы промокнуть пот с головы,

он обнаружил обширную лысину, обрамленную по краям редким венчиком седых волос. Тяжелая массивная челюсть и глаза, глубоко утонувшие под аркадами нависающих надбровных дуг, делали его похожим на аборигена австралийского континента. Длинная шея, несколько выгнутая кпереди, будто он постоянно принюхивался к чему-то, добавляла ему сходства с рептилией. Подобие это усиливалось непрерывным покачиванием головы влево-вправо при ходьбе.

В ряду солдат, шедших вслед за ним, первый и седьмой были вооружены огнеметами. Я расположился на расстоянии, равном от обоих, и выстрелил шесть раз. Первая пуля вспорола ранец, привязанный к спине первого солдата, но смесь не воспламенилась. Солдаты, находившиеся между двумя моими целями, уже лежали, уткнувшись носом в землю. Потом из ранца седьмого солдата вырвался ярчайший огненный шар, который мгновенно охватил собой всех уцелевших.

Сам я был уже далеко, кубарем скатившись с тропинки в первую подходящую достаточно глубокую рытвину в земле, прижавшись к ней всем телом. Над моей спиной пронесся ураган раскаленного ветра, и лес застонал, как под внезапным напором удара бури. Впечатляющая демонстрация, которая могла испугать кого угодно, вплоть до птиц и обезьян. Но не меня.

Я совершил ошибку, сразу не прикончив Муртага. Я не должен был его щадить, хотя и надеялся захватить его в плен и раздобыть кое-какие нужные мне сведения. Но я никогда ни о чем не сожалею. Я всегда готов признать свои ошибки и заблуждения, но никогда о них не сожалею. Что сделано, то сделано. Что касается остального, то это дело будущего.

Выбравшись на берег, уцелевшие от огня сразу активизировались. Здесь их ждали два огромных вертолета, из которых выплескивалась волна вооруженных до зубов людей. Муртаг приказал своим людям присоединиться к ним. Теперь у него вновь был передатчик и свежие людские резервы. Вертолеты патриархов были готовы к атаке.

Я тоже был готов, но для меня это значило брать ноги в руки и сматываться отсюда побыстрее. Однако я не двигался с места. Слишком долго я убегал от Девяти, чтобы теперь устоять перед искушением преподать им хороший урок. Оценив ситуацию, я решил отступить немного назад, в чащу мангровых зарослей.

Взобравшись на верхушку мангрового дерева, я оглядел окрестности. И правильно сделал. Вертолеты оставили высадившихся из них людей у кромки прибоя, а сами направились в глубь побережья, где начали бомбардировку, сбросив для

начала шесть напалмовых бомб. Вскоре к ним присоединились два реактивных истребителя, и шесть взрывов от их ракет вспахали землю на периметре в полгектара. Потом они сбросили еще несколько бомб, развернулись и прочесали джунгли в окрестностях возникшего пожара длинными очередями своих пушек и пулеметов. Истощив свой боезапас, истребители исчезли в небе, наверняка направившись на аэродром, чтобы пополнить его и повторить то же самое сначала.

Видимо, в этот раз они решили не останавливаться ни перед чем в достижении поставленной цели. Их тактика мне казалась настолько же неэффективной, как и дорогостоящей. Но для Девяти эффективность и экономия — это последнее, о чем они думают, если достигнута конечная цель.

Вновь прибывшие солдаты разделились на две равные группы. Каждую группу сопровождало шесть немецких овчарок и с десяток рвущихся с поводков ищеек. Я не знаю, что они взяли из моего гардероба, чтобы дать понюхать псам. Вероятно, Девять приказали хорошенько покопаться в моем родовом гнезде в Грандрите, чтобы раздобыть какие-нибудь мои тряпки.

Пока группы держались вблизи участков леса, орошенных напалмом, собаки не могли взять мой след. Но стоит им приблизиться к мангровым зарослям, как те тоже удостоются чести быть окропленными дождем из сгущенного бензина. Над каждой колонной висел вертолет, готовый вмешаться по первому сигналу с земли.

Пришлось поплавать некоторое время в солоноватой, больше похожей на густой кисель, воде, насыщенной разлагающимися и гниющими останками растительности, меж высокими и величественными сводами, образованными бесчисленными огромными корнями мангровых деревьев, тянущихся вдоль берега до бесконечности. По пути мне встретилось много змей и одна здоровенная речная выдра, но обошлось без инцидентов, и вскоре, повернув вдоль берега к югу, я смог выбраться на несколько более сухой участок берега. Здесь даже вне сезона дождей поливало достаточно часто, чтобы почва являла собой сплошное непроходимое месиво грязи. Приходилось быть очень осторожным, чтобы мои следы не так уж бросались в глаза. Несмотря на то что я старался наступать лишь на сухие мертвые ветви или гниющую листву, для собак не составит труда быстро обнаружить здесь мои следы.

Мое направление было на запад — в сторону гор и настоящего девственного леса. Вдалеке продолжал раздаваться стрекот моторов вертолетов. Внезапно тон их изменился. Прислушавшись, я понял, что один из них сменил направление и теперь быстро приближается ко мне. Шум лопастей винтов

доносился ко мне сквозь экран из густого дыма, поднявшегося к небу от горевших участков леса. Он появился совершенно неожиданно, прямо передо мной, выпрыгнув из-под густой пелены дыма. Для меня это был самый неподходящий момент. Я находился в самом центре естественной поляны, образовавшейся в результате того, что здесь недавно произошел оползень, обнаживший основание из песчаника, который толстым ковром покрывал слой гумуса.

Мангровые заросли находились слева от меня в четырехстах метрах. Опушка прогалины — в шестидесяти метрах справа. Впереди на добрую милю тянулись заросли густого кустарника, уткнувшиеся в крутой голый склон возвышенности. Это было начало первого отрога целой серии плато, полого уходящих вверх на высоту от двухсот до шестисот метров над уровнем океана. Именно там рос настоящий тропический лес с листвой деревьев, смыкающейся в вышине в непроницаемый зеленый экран.

Я устремился вперед. Бросив взгляд через плечо, я вовремя успел заметить две черные точки, стремительно падающие на меня с высоты. Ракеты класса «воздух—земля».

Даже не вспомнив о гранатах, опоясавших мою грудь, я бросился ничком на землю. От взрыва меня подбросило вверх и в спину тотчас заколотили ошметки земли, дождем упавшие сверху. Ракеты взорвались метрах в сорока от меня, но подняли вверх целую тучу пыли, которой я воспользовался, чтобы вскоре достичь спасительной полосы кустарника. Раздалось еще два взрыва. В этот раз позади меня. Стрелок вертолета довольно быстро исправил прицел, и если бы я еще хоть на мгновение задержался на том же месте, в воздухе бы сейчас летали клочки моего разодранного тела.

Несмотря на густую сеть растительности, ударная волна взрыва ничком бросила меня на землю. Я врезался в ближайший куст, будто от толчка гигантского кулака, со всей мочи врезавшего мне по спине. Но уже через две секунды я ужом скользил меж деревцами, вершины которых заволокло густым черным дымом.

Огромный аппарат вновь набрал высоту. Но в этот раз он пожалел на меня ракет или напалмовых бомб. Может быть, из-за приказа во что бы то ни стало схватить меня живым. Не знаю. Думаю, они были уверены, что я ранен и осталось прийти и подобрать меня на месте. Если только не хотели использовать оставшийся запас бомб для верного удара, чтобы сжечь не только тело, но и само воспоминание о нем на этой земле.

Что бы он там ни думал, но пилот решил спустить аппарат почти к самой поверхности и теперь несся над поляной со скоростью не менее восьмидесяти километров в час. Я полностью был в его власти, по крайней мере с виду. Я подпустил его на расстояние в три метра. Стрелки, сидевшие по правому борту у распахнутого люка вертолета, увидели меня на секунду позже, чем я их, и дула их автоматов закашлялись длинными сполохами огня, обрушив на меня шквал свинцового града. Вернее, на то место, где я находился. Потому что точность их стрельбы, как всегда, оставляла желать лучшего. Они водили стволами своего оружия будто носиками леек, следя за траекторией трассирующих пуль и надеясь, что они должны были расцечь меня надвое где-то на уровне талии.

Чего ради бежать? Это был заранее дохлый номер. Я возвышался в самом центре вихря, поднятого взвизывшей вверх листвой и мелкими ветвями, сбитыми этой лавиной огня. И, паники не проявляя, сдернув с пояса одну из гранат, швырнул ее навстречу стремительно проносившемуся мимо вертолету.

Если они и были готовы к отпору, то не такому. Граната описала точнехонькую дугу, как ей и было задано, и попала в кабину вертолета. И в самое время. Струи смертельного огня уже были готовы сомкнуться на мне и перерезать надвое, будто лезвия огромных ножиц.

Кто-то внутри вертолета оказался достаточно быстрым и хладнокровным, чтобы схватить гранату на лету. И все же реакция его чуть-чуть запоздала. Прежде чем он успел бросить гранату назад, она взорвалась у него в руке. Его тело послужило экраном, уменьшившим действенность гранаты. Он, конечно, был убит, и окружающие его — тоже. Но резервуары с горючим не взорвались, как я на то рассчитывал. По крайней мере не сразу. Аппарат закачался с боку на бок, развернулся под прямым углом и с ходу врезался в верхушку ближайшего дерева, на высоте трех метров от земли. Я уже улепетывал со всех ног. Метрах в пятнадцати обнаружилась довольно глубокая ямка, куда я и прыгнул, не раздумывая. Я был еще в воздухе в последнем прыжке, когда в воздух взлетели раскаленные обломки вертолета, подброшенные вверх сдвоенной силой взрывов резервуаров с топливом и остатков боеприпасов, куда входил и неиспользованный запас напалмовых бомб. Волна раскаленного взрывом воздуха прошла в нескольких сантиметрах над моей спиной, едва не спалив на ней всю кожу.

Повернувшись спиной к месту взрыва, я с трудом вдыхал раскаленный воздух, стараясь не обжечь легкие, потом пополз дальше. Можно было считать, что первый раунд я выиграл. Осталось выиграть следующий.

Второй вертолет, который до сих пор держался несколько в стороне, теперь в свою очередь приблизился к полосе кустарника. Однако он оставался на высоте не менее сотни метров, откуда экипаж пытался рассмотреть характер случившейся катастрофы. Следуя полученному приказу, он рисковал спуститься пониже, чтобы понять, было ли то следствием несчастного случая, или вертолет был сбит преднамеренно, то есть мной.

Невзирая на обжигающий легкие воздух, я продолжал лежать, затаившись под сенью уже завядшей, но еще не скрученной огнем листвы густого куста. Заросли были достаточно густые, чтобы спрятать меня, но они, к сожалению, не тянулись сплошняком, оставляя довольно обширные пространства, которые мне нужно было пересечь. И здесь не помогла бы даже моя быстрота. Если только они заметят меня сверху, это будет конец.

Вертолет по раскручивающейся спирали делал круг за кругом над местом катастрофы. Я ждал, медленно поджариваясь в горячем воздухе, идущем от стены приближающегося огня. Наконец пилот отчаялся что-либо увидеть сверху за густым дымом и плотной листвой и решительно направился на запад. Я тотчас же двинулся дальше в противоположном направлении.

Я почти добрался до скалистого обрыва, уходящего вверх к плато, когда прозвенел гонг второго раунда, обещавшего быть еще горячее и ожесточеннее первого. Вертолет возвращался. Он пролетел над зарослями справа от меня, на высоте тридцать метров. Как мне показалось, он был битком набит людьми, между которыми угадывались и собаки.

Я тут же понял их незамысловатый маневр: посадить эту группу на плато и поджидать меня в гости, в то время как вторая группа, изображая собой загонщиков, будет гнать меня к ним в объятия.

Вскоре я уже видел несколько голов, торчащих над краем обрыва и обзирающих раскинувшееся далеко внизу зеленое море кустарников, в котором прятался их грозный и неуловимый враг, то бишь я. Вновь показался вертолет, который принялся летать туда-сюда, периодически обстреливая подозрительные места. Выстрелов почти не было слышно за рокотом моторов и свистом рассекаемого лопастями воздуха, но несколько пуль вонзились в стволы деревьев достаточно близко от меня, чтобы я мог услышать их глухой чмокающий звук. Они хотели поднять меня, как зверя из берлоги, чтобы своим движением я выдал себя.

Положение было не из легких. Если я буду продолжать отсиживаться здесь, собаки, оставшиеся внизу, вскоре учуют мой след. Если уже не взяли его, так как их тявканье заметно приблизилось. Находясь в густой растительности, трудно точно определить направление, но мне казалось, что вся свора мчится прямо на меня.

Все это постепенно начинало мне надоедать. Нисколько не хвастаясь, я мог считать, что в течение одного дня потрудился вполне достаточно. Судите сами. Мало кому случается сверзиться с высоты трехсот шестидесяти метров на randevу с вечно голодной белой акулой. Дивертимент, скажу я вам, которым не стоит слишком увлекаться, не чаще раза в месяц, по крайней мере. Я уже не говорю о двух вертолетах, уничтоженных на земле, и одном, сбитом на лету. И уж совсем не вспоминаю о непрерывной стрельбе моих тридцати шести преследователей или об истребителе с его ракетами и напалмовыми бомбами. Для одного неполного дня сервировка была вполне достаточной, чтобы я наелся по горло. Я боялся переборщить и пропустить тот момент, когда фортуна может повернуться ко мне спиной. Мой гнев становился опасным для меня самого. А я не мог позволить себе потерять хладнокровие.

Моя внезапно нахлынувшая усталость была, честно говоря; для меня ощущением достаточно необычным. Те, кто прочел романы моего «биографа» или девятый том моих личных «Записок», знают, что я наделен колоссальной жизненной силой. Можно было бы сказать — животной силой. Но я лишь совсем недавно прошел через одно испытание, скажем так, довольно обескураживающее, вследствие которого моя жена, Док Калибан, его кузина Пат или Триш Вайлд и я сам были вынуждены почти два месяца прятаться, чтобы избежать мести Девяти. В течение последней недели я почти не спал и больше всего на свете хотел сейчас добраться до леса моего детства, чтобы увидеть, как снижается надо мной густой полог его листвы, чтобы насладиться его тишиной и заснуть, объятый его мягкой материнской теплотой и покоем.

Присев в зарослях, я пытался унять внутреннюю дрожь, внезапно охватившую все мое тело. Я кусал себе губы и с силой сжимал винтовку, будто пытаюсь расщепить, расплющить приклад руками. Я знал, что случится, если я сейчас уступлю самому себе: я выскочу из засады, поливая врага очередями из своей винтовки, а затем заброшу гранатами. Когда кончатся все мои боеприпасы, придет очередь кинжала, зубов, ногтей, локтей и кулаков, вплоть до того момента, пока никого не останется в живых или пока не померкнет сознание от оглушающего удара прикладом по голове.

Живые яркие картины возможного ближайшего будущего одна за другой вспыхивали перед моим внутренним взором. Но я преодолел это, мысленно посмеявшись над своей слабостью, и дрожь исчезла. Чтобы выскользнуть из сжимающегося кольца облавы, я должен был или вернуться на север, в мангровые заросли, или пробиваться дальше на юг, в джунгли, которые ждали меня.

С вершины плато вниз уже спускались люди в сопровождении по меньшей мере шести собак. Они продвигались медленно из-за крутизны склона, но упрямо и настойчиво. Наверху, у самого края обрыва, торчали оставленные ими часовые. За моей спиной приближалась вторая цепь людей, оставшихся в низине. Вертолет отвалил к югу и шум его моторов больше не заглушал отчетливого лая своры, идущей по следу.

С неба к земле вдруг устремились две черные точки, и из зарослей справа от меня к небу взвился огромный гриб пламени и дыма. Вертолет описал полукруг, пролетев почти у меня над головой, и завис над манграми. Еще секунда, и в небо поднялся новый столб огня и пылающих обломков деревьев.

Я восхитился их планом. Естественно, они не могли знать наверняка, попал ли я в кольцо окружения или нет, но действовали так, как если бы были в этом абсолютно уверены. И, как это иногда случается, это гипотетическое «если» выливается в теорию, которую они могут проверить опытным путем, если только я не постараюсь ускользнуть от их гипотетических предположений.

Мне не оставляли выбора. Я пополз влево, прятаясь за облаком дыма. Несмотря на все мои предосторожности и на то, что я полз, почти прижавшись носом к земле, я не мог дышать до бесконечности парами напалма, чтобы он наконец не стал мне раздражать гортань своими когтями. На меня напал сильнейший приступ сухого лающего кашля, от которого не становилось легче. Кроме того, я не мог по-настоящему рассчитывать на защитную полосу дыма, которая могла рассеяться при первом же дуновении ветерка. Мне любой ценой было необходимо сбить собак со следа. Еще несколько минут, и я насквозь пропитаюсь запахом бензина, который обычно отбивает у них всякое желание продолжать поиски.

Вдруг впереди, всего лишь в нескольких метрах, я услышал чей-то голос. Из дыма вынырнул солдат с овчаркой на поводке. Секунда, и я на ногах, утонув в тени ближайшего куста. Вторая, и я уже на спине солдата. Рывок, резкий поворот его головы в сторону, и его тело со сломанной шеей не успевает коснуться земли, как та же участь постигает и его пса.

Потрескивание пламени огня и плотный белесый дым горевшего напалма, лентами вьющийся меж стволами деревьев и сплетающийся в густую непроглядную пелену, обеспечивали мне надежное прикрытие от нескромного взгляда или уха. Обоняние позволило мне обнаружить второго солдата с собакой менее чем в трех метрах от меня. Но они проскочили мимо, не догадавшись о моем присутствии. Я вытряхнул мою жертву из уже ненужной ему одежды. Она пришлась мне почти впору. Солдат был почти такого же телосложения и роста — метр восемьдесят девять с половиной.

Переодевшись в защитный костюм — пятнистую куртку цвета хаки, перепоясанную ремнем с увесистым тесаком, — я легко смог приблизиться к другому из моих преследователей, который рухнул с кинжалом в горле, не успев даже понять, что я был именно тот, кого он преследовал. Двое следующих принадлежали к группе, сопровождаемой сворой собак. В этот раз я едва не был застигнут врасплох солдатом, который тащился за ними, отстав метров на десять. Но когда он споткнулся о тела двух своих сослуживцев, я уже был готов к встрече.

Для них было бы лучше не лезть в гущу зарослей, а дать возможность вертолетам затопить всю эту чащобу огнем напалма. Я уверен, что в таком случае они схватили бы меня. Но раз уж они захотели устроить на меня охоту в джунглях, где я чувствовал себя как рыба в воде, как никто изучив их за восемьдесят лет жизни, пусть не жалуются, что за это придется платить слишком дорого.

Больше не скрываясь, я напрямую направился к обрыву, с которого начиналось плато, спотыкаясь и прихрамывая, будто был ранен. За мной следило множество взглядов. Часовой, стоявший на гребне обрыва, что-то прокричал мне. Что именно, я не услышал, только видел, как шевелились его губы и открывался рот. Не обращая больше ни на кого внимания, я стал подниматься по откосу, останавливаясь время от времени, чтобы дать отдохнуть якобы раненой ноге и поправить повязку на ней.

Я уже был на полпути, когда навстречу мне стали спускаться два человека. Я сел, повернувшись спиной к тропинке. В двухстах метрах от меня, почти на моей высоте, вертолет продолжал описывать круги над горящим и дымящимся кустарником. В шестидесяти метрах ниже солдаты с собаками продолжали прочесывать заросли. Большую часть их скрывала пелена дыма и густая листва. На гребне обрыва показались три силуэта. У меня оставалось совсем мало времени. За спиной уже слышались шаги высланных мне навстречу солдат. Я на-

деялся сойти за одного из них, но моя хитрость, по-видимому, не удалась.

— Крамер? — окликнул меня один из них.

Продолжая оставаться спиной к ним, я медленно и с видимым трудом приподнялся. Винтовка оставалась за спиной, и мои руки были свободны. Я пытался максимально ослабить их настороженность, внушив мысль, что я слаб и беззащитен.

— Черт побери, что ты делаешь здесь? — продолжил тот же солдат по-английски, но с явным венгерским акцентом. — Ты не имел права покинуть свой пост! Это тот дикарь тебя ранил? Готов держать пари, что ты сам брякнулся на землю, запутавшись в своих ногах, чертов растяпа!

— Ни то ни другое.

Я стремительно обернулся. Кинжал, сверкнув на солнце своим длинным жалом, вонзился венгру под ложечку. Другой остолбенело вытаращился на меня, дав мне возможность спокойно вогнать пулю в самый центр его груди. Я тут же повернул дуло винтовки почти вертикально вверх, к трем бледнеющим наверху лицам с черными дырками разинутых ртов посредине. Расстояние было небольшим, но угол стрельбы очень неудобным. И все-таки я выстрелил, но, конечно, промазал. Лица тотчас же исчезли.

Оставив винтовку на склоне, я извлек из тела мой кинжал, вытер лезвие и отправил его в ножны. Дальше предстояло карабкаться по склону, где могли пройти только горные козы либо бабуины. Вертолет продолжал кружить вдали, значит, люди в долине пока что не подозревали, где я нахожусь.

Но это быстро раскроется. С плато вызовут долину, те — сообщат вертолету, и все. С секунды на секунду можно ждать его атаки.

Метрах в ста двадцати от гребня обрыва я остановился. Хорошенько укрепившись ногами, размахнулся и бросил гранату. Несмотря на расстояние, которое метров на двадцать превышало то, на которое могут кинуть ее большинство мужчин, граната приземлилась точно туда, куда я и целил. И как раз в тот момент, когда над гребнем вновь появились головы часовых, приготовившихся взять меня на мушку.

Взрыв поднял в воздух тучу пыли и мелких осколков камня, упавших затем сверху на меня. Взрывная волна подняла в воздух одного из часовых и швырнула о каменистый выступ несколькими метрами ниже гребня. Дальше тело покатилось по склону, крутясь и переворачиваясь, будто волчок. Когда дым и пыль рассеялись, гребень был чист. Двое оставшихся скорее всего тоже были выведены из игры. В противном случае

меня поджидала неприятная неожиданность, за которую я мог поплатиться жизнью.

Взглянув на вертолет, я понял, что пилот уже знает, где я нахожусь. Аппарат уже заканчивал разворот, направляясь в мою сторону. Но я уже был готов, моя рука крепко сжимала гранату и оставалось только точно бросить ее.

Вертолет шел прямо на меня, но почему-то больше не стрелял. Вероятно, он полностью израсходовал свой боезапас. В противном случае им хватило бы одной ракеты, чтобы выстрелить в меня прямой наводкой и превратить в пыль, подняв в воздух вместе с доброй половиной этого обрывистого склона.

Но, судя по тому что произошло дальше, я понял, что пилот не увидел меня на фоне обрыва. Его внимание привлек взрыв гранаты на самом гребне. Поэтому, подлетев, он вынужден был затормозить, разворачивая и стабилизируя аппарат в воздухе, чтобы рассмотреть, что там происходит. Тем самым он подставил мне бок своего аппарата как зависшую неподвижную мишень. Упражнение для ребенка. Моя граната уже кувыркалась в воздухе.

С точки зрения техники выполнения броска этот был, вероятно, лучшим за всю мою жизнь. Пролетев расстояние в шестьдесят метров, мой снаряд, весивший ровно девятьсот граммов, ударился в цель точно у основания несущего винта. Вертолет окутался дымным облаком и камнем рухнул вниз, сопровождаемый дождем обломков искореженного металла, на камни у самого подножия обрыва. Через секунду долину потряс мощный взрыв, разбросавший раскаленные части аппарата на многие десятки метров вокруг и осыпав ими людей и собак, приблизившихся к склону. Что, однако, не остановило их продвижения. Они поспешно приближались, стреляя наугад, что я почувствовал, когда поспешно преодолевал последние метры, отделявшие меня от вершины, сопровождаемый градом пуль, вслепую бивших в землю и рикошетирующих от камней.

Переваливая через гребень, я был готов к немедленной атаке двух часовых, уцелевших после взрыва гранаты, но, к счастью, моя предосторожность на этот раз оказалась излишней. Их тела лежали неподалеку и были совершенно неподвижны.

Обнаружив у них шесть гранат, я тотчас отправил их все вниз, к самым подступам к обрыву, и с удовлетворением добавил к числу своих поверженных врагов по крайней мере еще двух солдат и одну овчарку.

Забрав одну из винтовок и запасные обоймы к ней, я поспешил дальше. И правильно сделал. Едва я преодолел половину

расстояния, отделяющего меня от края леса, как над головой, не выше шестидесяти метров над уровнем плато, проревели моторы двух реактивных истребителей, едва не оглушившие при этом. Я прибавил скорость. Опушка леса, с первого взгляда совершенно непроходимого для пешехода, быстро приближалась. Еще несколько метров, и я проскользнул внутрь. И с первых шагов окунулся в прохладную тень густого зеленого шатра, раскинувшегося высоко над моей головой, удерживаемый стройными стволами деревьев, уходивших вверх, подобно колоннам естественного храма природы, созданного самим Создателем. Наконец-то я был у себя дома.

Теперь, как мне кажется, настал момент, когда можно немного перевести дыхание и припомнить события, приведшие меня в данную ситуацию.

Мое имя широко известно везде, где царит литература и кинематограф, то есть в трех четвертях обитаемого мира. Но даже те, кто не прочел ни одной книги или не видел ни одного фильма обо мне, знают, что оно собой символизирует (вернее, не мое настоящее имя, а то прозвище, которое я взял себе, чтоб скрыть его).

Мой «биограф» слишком приукрасил действительность и напридумывал событий, которых никогда не было, и в то же время убрал или не обратил достаточного внимания на то, что реально имело место. Но в своей основе два первых тома достаточно соответствуют истине, а последующие также, в большей или меньшей степени, содержат реальные факты. Мой портрет, данный им в своей книге, точно соответствует истине. Будет правильнее сказать, что он достаточно точно описал мои поступки, хотя для того, чтобы позволить читателю легче понять и принять меня, он решил смягчить некоторые черты моего характера, не решаясь углубить при этом анализ моей подсознательной надчеловеческой сущности.

В связи с этим мне не хотелось бы выглядеть несправедливым по отношению к нему. Не будучи настоящими людьми, создания, которые воспитали и вырастили меня, обладали тем не менее своим собственным языком. И я не знаю, могут ли те, кто общается между собой с помощью структурированного языка, каким бы он ни был, рассматриваться отдельно от всего остального человечества. (За исключением, быть может, лишь дельфинов, принадлежащих водной стихии и лишенных по этой причине рук.) Но члены моего племени, заменившие мне родных отца и мать, были антропоидами, возможно, представителями ветви огромных гоминидов, зинджантропов или

парантропов. И если их язык отражал свою концепцию окружающего их мира — очень странную, разумеется, с точки зрения англофила, — то она тем не менее была не более странной, чем, скажем, концепция мира могиканина с точки зрения какого-нибудь англичанина.

Начать писать мои «Заметки» я решил в 1948 году. Конечно, тогда я не мог надеяться на их публикацию в обозримом будущем, так как был в числе слушателей Девяти, которые тщательно следили за тем, чтобы в прессе не проскочило ни единого упоминания об их существовании. Перед лицом непосвященных запрещался даже малейший намек на их деятельность. Но сейчас, когда я пересмотрел свое отношение к Девяти, трудности, связанные с появлением моих «Заметок» в прессе какой-либо страны, не только уменьшились, а еще более возросли. Некоторые детали, как, например, эта загадочная постоянная молодость, которая позволяла в те мои шестьдесят выглядеть не более чем тридцатилетним, или происхождение моего огромного состояния (лишь ничтожная часть которого находилась на счетах в банках), не могли не привлечь ко мне внимания окружающих и даже некоторых властных структур. И потом, открытие того, что я реально существую на свете, а не являюсь плодом воспаленного воображения некоего писателя, произвело бы всемирную сенсацию, создало бы мне огромную рекламу, но начисто бы лишило какой-либо частной жизни. Не считая того, что я здорово рисковал быть обвиненным в сумасшествии и угодить вследствие этого в одно из тихих и уединенных учреждений под названием «психолечебница».

И все же я принялся за этот нелегкий труд. Подспудно меня мучила мысль, что, может быть, однажды и наступит день, когда все это будет опубликовано. Ведь впереди была почти вечность! Кроме того, мне очень нравилась сама мысль вновь пережить прошлое, вытаскивая его в строчках на белой бумаге. Мою память можно было квалифицировать как фотографическую. Но что удивительно, картины, которые вставляли передо мной, довольно часто поражали людей, переживших те же события, что и я. Настолько мое восприятие отличалось от того, что запоминает большинство людей.

Первый том открывается самым первым моим воспоминанием, относящимся к тому периоду, когда я еще был грудным младенцем. Тогда, подняв глаза вверх, я погрузился взглядом в нескончаемо добрые и ласковые темно-коричневые глаза живого существа, которое в течение последующих восемнадцати лет стало единственным, кто отдал мне всю свою любовь и нежность и окружил теплом и добротой. Заканчивается первый том временем, когда мне исполнилось десять лет — это

уж я потом прикинул — в ту ночь, когда я впервые пустил в дело кинжал. Последующие шесть томов описывают мою жизнь в течение семидесяти восьми лет. Некоторые из них тощи по объему и содержат в себе мало страниц, другие включают не менее миллиона слов.

Благодаря этой работе у меня есть возможность во многом заполнить пробелы и пропуски, а то и искажения истины, назвать настоящие имена, прячущиеся за псевдонимами, придуманными моим биографом. Предпочитая, чтобы все соответствовало правде, а не вымыслу, я рискую вызвать некоторыми деталями отвращение у части моих читателей. Например, в противоположность тому, что писал обо мне мой биограф, я никогда не испытывал никакого внутреннего протеста перед тем, чтобы есть человеческое мясо. Я это делал каждый раз, когда меня к этому вынуждали обстоятельства. Я никогда не следовал слепо принципам викторианской морали. Я предвижу, вернее, я знаю, что многие проклянут меня за то, что я столько лет служил Девяти. В их глазах я, должно быть, уподобился доктору Фаусту, продавшему свою душу дьяволу.

Критиковать, конечно, легче всего. Но пусть те, кто так осуждает меня, представят себе, что это именно им предлагают тридцать или более тысяч лет здоровой, цветущей жизни, и тогда послушаем, что они на это ответят.

По сравнению с условиями, в которых мы, моя жена и я, приносили присягу верности, церемониальные инициации Мау-Мау выглядят просто как занятия в воскресной школе. Мы скорее всего уже были не слишком порядочны, не слишком большими моралистами, если приняли ее, не поставив никаких условий. Само собой подразумевалось, что мы будем преданы Девяти до конца, взамен на напиток бессмертия, как и то, что от нас не будут требовать исполнения таких поручений, за которые нам в будущем пришлось бы краснеть. К счастью, мы были избавлены от этого, хотя должен признать, что я способен на такое, что возмутило бы большинство представителей этой так называемой цивилизации.

Теперь, надеюсь, читателю стало немного ясно, почему я никогда не испытывал чувства принадлежности ко всему остальному человечеству. Что, в зависимости от случая, можно рассматривать либо как смягчающее, либо как усиливающее вину обстоятельство.

Возвращаясь к бессмертию, должен сказать, что это товар, стоимость которого чрезвычайно высока. Но в этом низком мире ничего не дается бесплатно. За все нужно платить, это

так. И все эти годы мы с Клио чувствовали себя почти как «нищие», ободренные до нитки.

Этот эликсир бессмертия вынуждает меня вернуться в моих воспоминаниях немного назад. Тридцать тысяч лет, или около, тому назад некие досточтимые пещерные люди обнаружили таинственную субстанцию, которая при употреблении ее внутрь одаривала организм почти вечной юностью. Она была иммунизирована против всех существующих болезней и препятствовала старению и разрушению клеток организма. Процесс равнозначной регенерации становился бесконечным (любая часть тела становилась восполнимой, кроме мозга и сердца; но я хотел бы проделать несколько экспериментов, чтобы окончательно убедиться, что они не могут регенерировать). Так что становились опасными лишь очень тяжелые травмы: ранение сонной артерии, перелом шейного отдела позвоночника и так далее. Но если избегать их, то действительно, эти люди могли рассчитывать на практическое бессмертие. Конечно, они старели, но так медленно и незаметно, что человек, начавший принимать эликсир в двадцатилетнем возрасте, по истечении пятнадцати тысячелетий выглядел всего лишь на пятьдесят.

История умалчивает и мне тоже не удалось разузнать, что же происходило с этими «бессмертными» в период между 25 000 лет до Рождества Христова и 1913 годом, когда их агент обнаружил меня и вступил со мной в контакт. С тех пор я знал девять старейшин или патриархов, или просто «Девять». Это были: Аи-не-на, уроженка какого-то кавказского племени, самая древняя из всех. Уж ей-то было не менее тридцати тысяч лет. За ней шли Ксоксаз, Инг, карлик Ивалдир; один еврей, родившийся где-то около 3 года н. э., представитель племен прото-банту, два древних промонгола и один американский «протоиндеец». Их постоянные резиденции, строго секретные, конечно, были разбросаны по всему миру. Но раз в год они все собирались для проведения церемониала, корни и происхождение которого уходили в темную пропасть лет, в дни, вероятно, их молодости, в каменный век. Церемония состояла в том, что служители приносили в жертву часть своей плоти — операция чрезвычайно болезненная — в обмен на несколько глотков эликсира. Эти таинства проходили всегда в одном и том же месте, в лабиринте пещер и явных или скрытых переходов, пронизывающих гору в одном из отдаленных и малодоступных горных массивов Уганды.

После испытательного периода, длящегося несколько месяцев, «кандидаты» получали возможность впервые испить напитка юности. За стены пещер ни одна капля эликсира не

могла быть вынесена. Проникнуть в пещеры кандидаты могли только с помощью самого древнего способа передвижения, используя силу рук и ног и ловкости всего тела. Неуклюжих и слабых подстерегала смерть. (Своеобразный естественный отбор, не правда ли?) Тот, кто пытался сам докопаться до сути и состава напитка, немедленно обрекал себя на ужасную смерть.

По моим скромным подсчетам, число моих братьев «кандидатов» подходило к пятистам. Это была «элита» организации, которая в абсолютной тайне скрытно двигала рукавями управления во всем мире. Число же рекрутов низшего эшелона я даже не рискую назвать. А сколько было тех, кто, являясь на самом деле исполнителями воли Девяти, даже не подозревали ни об их существовании, ни об эликсире? Нет им числа!

Именно в рядах «элиты», среди «кандидатов», выбирался тот, который становился очередным патриархом, когда один из Девяти наконец-то умирал.

В девятом томе моих записок я описал, как мне пришлось спасти мою жену Клию в нашем родовом поместье Грандритов, которое состояло из усадьбы, старого замка, леса и деревни Кламби (Джеймс Кламби, виконт де Грандрит — таково мое истинное имя и титул). В то время как жена отправилась в Англию, я остался на нашей плантации в Кении и в одно не слишком прекрасное утро был выброшен из кровати взрывом снаряда, выпущенного из армейского орудия. Отряд кенийской армии по приказу Джомо Кенийяты попытался стереть меня с лица земли. Таким образом он решил положить конец ситуации, в течение которой я упрямо отказывался как принять кенийское гражданство, так и покинуть страну. (Хотя вполне могло быть, что это решение принял другой функционер кенийской администрации.)

Тем не менее мне удалось выбраться живым и невредимым из этой заварухи, и я ударился в бега, не сумев окончательно оторваться от остатков отряда, который бросился в погоню. К этим «охотникам» вскоре присоединилась еще одна банда, возглавляемая албанцем Анвером Ноли. Большинство ее состояло из арабов, вооруженных до зубов. Они шли за мной, как стая голодных волков, в надежде, что я приведу их к моим золотым приискам, расположенным по соседству, в Уганде. Что я и сделал, учитывая ту крошечную деталь, что в этих древних золотых рудниках уже давно не было ни грамма золота. Между тем у меня объявился еще один таинственный враг, который науськал на меня голодного льва. Впоследствии я выяснил, что это были некий Док Калибан и два старика, его давнишние приятели, остатки некогда сильной группы, которая поставила себе целью борьбу со Злом.

Док Калибан, когда я узнал его получше, оказался феноменом, столь же удивительным, как я сам. Если меня можно было назвать Диким Человеком, Человеком-из-Джунглей, то он вполне заслуживал, чтобы его звали Цивилизованным Человеком, Человеком Города. С самого раннего детства он подчинил себя развитию огромного потенциала своего организма, как физического, так и умственного. Нет, на самом деле его физические способности, сила и мощь, после моих, были, вероятно, самыми могучими в мире. В этом не было ничего удивительного, наш с ним дед был человеком каменного века, Ксоксаз, второй по возрасту и влиянию за круглым столом Девяти после самой Аи-не-ны. Это объясняет также и особенности строения нашего скелета, как моего, так и Дока, гораздо более массивного и крепкого, чем у современного человека, что в свою очередь послужило базой для прикрепления большей мышечной массы.

Но в тот момент мы еще не знали, что Ксоксаз был нашим общим предком.

Калибан преследовал меня, поскольку считал ответственным за исчезновение его красавицы-кузины Патриции Вайлд, а проще Триш, во время научной экспедиции в Африке.

Было известно, что эликсир бессмертия довольно часто вызывает необычные и непредвиденные побочные явления. Те, что почти одновременно проявились у нас с Доком, представляли собой симптомы выраженного психосоматического невроза (тех читателей, которые хотят узнать об этом поподробнее, я отсылаю к девятому тому моих «Записок»).

В первый раз мы сошлись с Доком лицом к лицу на узенькой полоске каменной арки, ведущей в пещеры Девяти. Но тогда нам не разрешили драться между собой. Умер Ксоксаз, и среди пяти сотен кандидатов мы с Доком были выбраны, чтобы оспаривать друг у друга вакантное место. После церемонии мы должны были быть доставлены в различные районы страны, найти друг друга и в окончательной схватке решить, кто из нас сильнее. Второй должен был умереть.

В конце церемонии Аи-не-на открыла нам, что мы являемся сводными братьями. Наш отец, лорд Грандрит, в свое время тоже был в числе кандидатов. Но побочное действие эликсира для него обернулось несчастьем: он сошел с ума. Оставаясь верен себе в абсолютной правдивости перед читателем, скажу, что сумасшествие превратило его в одно из самых отвратительных чудовищ, вошедших в человеческую историю под именем Джека Потрошителя.

Выздоровев, лорд Грандрит бежал в США, где изменил имя и стал называться с тех пор Калибаном. Тем не менее, даже

когда исчезли последние симптомы его психической неуравновешенности, он полностью сохранил воспоминания о тех преступлениях и жестокостях, которые совершил, находясь в невменяемом состоянии. Пытаясь как-то компенсировать обществу причиненный им ущерб, лорд Грандрит поклялся воспитать своего сына, родившегося на американской земле, истинным борцом со Злом. Мне кажется, у него было намерение рассказать сыну всю правду и настроить его на борьбу с Девятью. К сожалению, патриархи не дали ему времени осуществить его проект. Но Док уже тогда почувствовал что-то, потому что с самых юных лет стал стараться избегать любой огласки по своему поводу, старался не привлечь к себе внимания своих будущих врагов. Он легко мог бы, например, установить кучу мировых рекордов по многим видам соревнований (при условии, что я бы в них не участвовал, конечно), но он никогда на публике не занимался спортом, ни в колледже, ни в университете.

Впоследствии Док стал одним из самых, а скорее всего — самым блестящим хирургом всех времен и народов, весьма уважаемым авторитетом в самых различных областях знания, от археологии до химии. И здесь он всячески избегал огласки и старался пореже попадаться на глаза репортерам. Но, несмотря на все его предосторожности, некий писатель прослышал о его достижениях и использовал фигуру Дока и его ассистентов в качестве прообразов героев целой серии историй, опубликованных в каком-то задрипанном журнальчике. Ему гораздо больше, чем мне, не повезло с «биографами», которые в своих рассказах были еще менее правдивы, чем мои. Что не мешает, правда, всем этим рассказам содержать в себе зерно истины.

Когда, после церемонии, патриархи выпустили меня на свободу, я добрался до летней хижины, которую соорудил как-то на дереве, когда мы отдыхали в тех местах вместе с Клио. Там, к моему немалому удивлению, я обнаружил одного помешанного, который пытался меня копировать. Именно он и украл Пат, кузину Дока. Я спас ее, и она последовала за мной в Англию, где, как я знал, вскоре должны были объявиться Док и Анвер Ноли. Оба думали захватить в плен Клио и, сделав ее заложницей, обрести тем самым возможность влиять на меня.

К тому времени я уже стал задумываться, не была ли вся эта история сфабрикована по замыслу Девяти. Они вполне могли подмешать нам что-нибудь в питье, что и вызвало появление «побочного эффекта». С таким же успехом могли разыграть весь спектакль с похищением Патриции, а затем пустить слух о ее смерти, чтобы натравить Дока на меня. Что было единственным точно установленным фактом во всей этой

истории — это то, что непосредственная ответственность за смерть лорда Грандрита лежала именно на Девяти. Должно быть, они разузнали о его замыслах и решили устранить. Когда это случилось, Док еще не имел ни малейшего понятия об их существовании и, естественно, не мог их подозревать в убийстве нашего отца. Поэтому, когда патриархи предложили ему бессмертие, Док принял его, так же, как это сделал и я. И я уверен, как сделал бы это любой на его месте.

Встретившись в моем имении Кламби, мы с Доком полностью уничтожили банду Ноли. Но после этого, как ни пытался я его переубедить, нам пришлось вступить в схватку друг с другом. Вот это была битва, я вам скажу. Мы едва не разодрали друг друга в клочки, как два леопарда в брачный период, что почти стоило нам обоим жизни. (Док, правда, пострадал сильнее.) Но, как я уже говорил, к одной из особенностей эликсира относится невероятная быстрота регенерации поврежденных тканей и органов организма, пропитанного этим напитком. Поэтому все, что мы повредили себе или потеряли в этой жаркой схватке, вскоре заросло или выросло вновь.

И с того же дня наши организмы очистились от всех «побочных эффектов». Девять нас обманули, и с того дня мы поклялись вместе бороться против них. Мы прекрасно понимали, насколько мизерны были наши шансы на успех, но это не остановило нас. Я начал с того, что придушил нескольких эмиссаров, передавших нам приказ явиться на тайное собрание Девяти в Лондоне. После этого мы бежали.

Все это подробно описано мной в девятом томе «Записок».

С тех пор Док, его кузина, Клио и я разошлись каждый в свою сторону. Мы с Клио дважды «обежали» земной шарик. Во время первого путешествия я отправил рукопись девятого тома из одного почтового отделения в Лос-Анджелесе издателью данной книги, с которым познакомился накануне у одного нашего общего знакомого в Канзас-Сити.

Из Лос-Анджелеса я переехал в Нью-Йорк. Затем пересекли Атлантику на борту самолета, который Док всегда держал наготове в ангаре на косе Лонг-Айленда. После утомительного бреющего полета чуть выше верхушек волн мы приземлились на заброшенной тропе участка в Девоншире, давно мне принадлежавшем. Взяв машину, мы быстро достигли Лондона, где я вошел в контакт с Доком при помощи передатчика на коротких волнах из нашего тайника в Мерилебон Бороу.

У Дока к тому времени появилось два новых «ассистента», сыновья погибших стариков. Сейчас все трое шли по следу Ивалдира, где-то в Германии, и Док хотел, чтобы я присоединился к ним. Но я уже решил направиться в пещеры Девяти,

чтобы покопаться там немного. Я не собирался сражаться ни с кем, за исключением тех случаев, когда риск будет минимальным, а дело стоит того, чтобы рискнуть. Я хотел лишь хорошенько осмотреть место в расчете на тот день, когда мы с Доком будем готовы перейти в атаку.

Я не думал найти там кого-нибудь из патриархов, так как пещеры являлись лишь местом общих собраний, а не резиденцией кого-нибудь из них. Но был готов к встрече с армией часовых, заминированным проходам и всяким другим защитным штучкам. Я не был абсолютно уверен, но мне казалось маловероятным, чтобы вход в пещеры не охранялся. Хотя они и были расположены в отдаленных и труднодоступных горах, в стороне от всех центров цивилизации и оживленных дорог, никогда нельзя было быть уверенным, что мысль исследовать их не придет в голову какого-нибудь золотостарателя или разведчика нефти. На земле все меньше остается таких укромных уголков. Но скорее всего Девять использовали здесь свою власть и знание, чтобы район этот остался навсегда заповедной зоной. На необразованных негров, живущих в окрестностях, они воздействовали, сыграв на их суевериях. А когда те удалились, патриархи нажали на тайные пружины и чиновники в высоких сферах кенийского и угандийского правительств засуетились, объявив эти горы заповедной зоной, чтобы Девять могли царствовать там безраздельно, безнаказанно убивая всякого, поддавшегося соблазну любопытства.

Я был слишком известен как в Кении, так и в Уганде, чтобы мог сейчас позволить себе появиться там в открытую. Я предпочел другой путь. Я рассчитывал потихоньку приземлиться на побережье Габона и оттуда отправиться через весь материк самым удобным и любимым мной способом, один и пешком. Пересечь экваториальные леса Центральной Африки, избегая любого контакта с людьми, и приблизиться к отрогам заповедной зоны тихо и скрытно, как тень. Думаю, никто там не ожидал моего визита, поэтому у меня были все основания рассчитывать на спокойное и тщательное обследование всех помещений.

Меня особенно интересовала самая западная часть пещерного лабиринта. Кандидаты всегда проникали в эту зону по строго очерченному проходу. Правила запрещали любое отклонение от раз и навсегда установленного маршрута. Непослушание или любопытство карались строго и сразу. Наказание было одно — смерть, и не всегда быстрая и легкая.

Док не настаивал. Он был слишком независимым. К тому же, как мне казалось (хотя и не исключаю, что могу ошибиться), он не слишком горел желанием работать со мной в паре.

И, вероятно, был прав. Мы оба с ним выросли чудовищными индивидуалистами. Это, конечно, не значит, что при необходимости мы не можем исполнять приказы кого-то другого. Совершенно нет! Док служил в армии США и, будучи офицером, заслужил немало наград в 1918 году. Я, в свою очередь, был вначале в чине майора, а затем и полковника Королевских Воздушных Сил во время второй мировой войны и исполнял свой долг не хуже других. Кроме того, мы доказали, что можем вынести довольно суровую дисциплину, выдержав учение на медицинских факультетах и добившись дипломов врачей. Но каждый из нас делал это в своей собственной манере. И в каждом тайлось беспокойство, касающееся собственного превосходства.

Это может показаться ребячеством, но, когда столько лет считаешь себя самым сильным, самым быстрым и самым способным на всей планете и вдруг натыкаешься на кого-то, производящего впечатление не менее сильного, быстрого и одаренного, невольно появляются разного рода сомнения. Вы можете прочесть об исходе схватки между двумя такими противниками в девятом томе моих «Записок». Результат такого поединка совершенно неубедителен. Когда два противника настолько походят друг на друга во всем, что могут казаться близнецами, побежденный всегда имеет право задуматься над тем, каким будет исход схватки в другой раз. И я уверен, что Док думает об этом время от времени. Может быть, при этом он и посмеивается над своим ребячеством, но тем не менее не может помешать себе вновь и вновь задумываться об этом.

В таких условиях будет лучше для нас обоих, если мы постараемся атаковать Девять каждый со своей стороны — во всяком случае, на данном этапе.

Мысль остаться одной не очень понравилась Клио, но во время моего пути через джунгли я хотел иметь совершенно свободные руки. Как бы ни была вынослива эта хрупкая красавица-блондинка, она все же не провела всю свою жизнь в Африке и не получила достаточной закалки для подобного путешествия. Единственное человеческое существо, которое я мог бы взять с собой, так как был уверен, что он окажется на высоте в любой ситуации, был Док Калибан, но...

Поэтому я настоял на своем, попрощался с Клио и покинул Лондон, город, внушающий мне отвращение своей толпой, сутолокой и запахом. Отправляясь в свою секретную миссию, я нарушил все существующие законы страны по пересечению ее границы, но, видимо, «засветился» перед агентами Девяти.

когда сделал вынужденную посадку в окрестностях Порт-Джентилия. Мне нужны были сведения некоторых моих шпионов.

Обстоятельства, при которых мне вновь удалось избежать когтей смерти, могут показаться вызовом и насмешкой над слепым механизмом и законами вероятности. Но я повторяю: есть во мне что-то такое, что поворачивает обстоятельства в мою сторону, и слепая улыбка Фортуны разбивает в прах все черные замыслы моих врагов. Мало людей обладают этой способностью. По тому, что Док успел рассказать мне о себе, я нашел, что он тоже мог обладать в какой-то мере тем, что для себя я называю «волшебным магнитом».

Я понимаю, что неизбежное когда-нибудь да случится. Какая-нибудь пуля раскроит голову, или я упаду с дерева так же, как могу сверзнуться с крутой лестницы или попасть под колеса не соблюдающего правил дорожного движения автомобиля. Не менее редка смерть от утечки газа из обогревателя или сломавшейся газовой плиты. Все это так, и заставляет припомнить по этому случаю слова из поэмы Мерилла Мура «Предупреждение», в которой он говорит: «Смерть сильнее всего сущего на свете....»

Это случится со мной, как случается со всеми в этом мире. А пока я буду продолжать жить, будто из всего сущего на свете самым сильным остаюсь я.

Я вернулся к себе, на родину, и мог вздохнуть с облегчением. Я знал, что передышка не будет длительной, тем не менее впервые за очень долгие годы дышал полной грудью. Больше нигде, кроме как под этим непроницаемым сводом экваториального леса, воздух не был для меня столь чистым и живительным. Малейшее дуновение ветерка несет в себе эманацию всей бурно бьющей здесь через край жизни, как царства Флоры, так и царства Фауны.

В противоположность тому, что думает большинство людей, и несмотря на близость экватора, под пологом леса не царит удушающая жара. Конечно, под прямыми лучами солнца ожог кожи и перегрев тела мог бы иметь самые фатальные последствия. Внутри, на нижних уровнях, как в глубине колодца, защищенного густой листвой лиан и других ползучих растений, всегда царит ровная умеренная температура. А у земли воздух так же свеж и прохладен, как в английском парке. Здесь совершенно нет тех непроходимых зарослей, сквозь которые надо прорубаться с мачете в руке, которые люди автоматически ассоциируют со словом «джунгли», представляя их по безответственной и ложной голливудской кинопродукции.

Если бы люди Муртага обнаружили меня здесь, за то время, которое бы понадобилось мне, чтобы скрыться, они успели бы раз десять разнести меня в клочья. На нижнем этаже леса слишком светло и просторно, чтобы я мог здесь сражаться таким же образом, как в зарослях кустарника. Другое дело, если я использую «средние этажи», там, где ветви деревьев пересекаются и соприкасаются друг с другом. Несмотря на мой довольно солидный вес в сто двадцать килограммов, я могу пробегать большие расстояния, переходя от дерева к дереву по ветвям. Но то, что вы видите в фильмах, где я несусь между деревьями, повиснув на лиане, еще одна выдумка Голливуда. (Правда, я пользуюсь иногда этим способом, но лишь в случае крайней опасности.) А так, не слишком торопясь и переходя с ветки на ветку, я часто проходил многие десятки миль, ни разу не спускаясь на землю. В юности я, конечно, проделывал это гораздо быстрее.

Сейчас, чувствуя, как время поджигает меня, я решил двигаться как можно быстрее, то есть на самом нижнем этаже. Отправившись в путь быстрой трусцой, я бежал, пока не наткнулся на большую лужу, в которой смог утолить жажду. Напившись, я понял, что было бы неплохо перекусить. Слух и обоняние вскоре подтвердили, что неподалеку находится какое-то животное. Неслышно приблизившись, я увидел молодого, почти взрослого бородавочника. Едва завидев меня, тот взбрыкнул задними копытами и тотчас же пустился наутек. Если он хотел вымотать меня, то затея его была явно обречена на провал, потому что закалка всей моей прежней жизни сделала меня непобедимым во многих видах соревнований. Все кончилось так, как и должно было кончиться: животное остановилось, задохнувшись от бега, тяжело поводя боками. Развернувшись ко мне, он нагнул голову вниз, глядя исподлобья маленькими, налитыми кровью глазами. С желтоватых, загнутых вверх клыков падали клочья белой пены.

Чтобы не производить много шума, я отложил в сторону винтовку и прыгнул вперед. Бородавочник попытался отклониться в сторону, но я был быстрее, и лезвие моего ножа рассекло ему шею, задев сонную артерию. Я жадно напился алой, теплой, еще пульсирующей от ударов сердца крови, а затем принялся разделять тушу. Половину его я съел прямо здесь, не сходя с места. Оставшуюся часть, с лучшими лакомыми кусками, я оставил на потом, завернув ее в шкуру.

Дикие кабаны редко отходят далеко от источников воды, и, следовательно, неподалеку должен был находиться один из них. Тут я вспомнил о небольшом ручейке, текущем на север в миле отсюда. Вскоре я был уже на его берегу. Вволю напив-

шись, я еще немного поел. Мне повезло с такой добычей. Обычно они прячутся днем в густом тростнике и покидают свои лежки лишь ночью, пасясь стадами в двадцать или более особей.

Мне довольно часто приходилось сталкиваться с людьми, которые, не зная, с кем они общаются, открыто насмеялись над моей способностью жить в полном единении с природой, подобно дикому зверю. Они при этом в первую очередь опирались на мнение, что если бы я ел сырое необработанное мясо диких животных, то уже давно был бы буквально напичкан различного рода глистами и кишечными паразитами.

В таких случаях они все забывают об одной очень простой вещи: о том, сколько местных жителей живут, питаясь всю жизнь именно таким образом, и при этом не болеют. Некоторые заражаются, это бывает. Но их гораздо меньше, чем здоровых. Я абсолютно уверен, что никогда не болел никакими глистными инвазиями или другими паразитарными заболеваниями, потому что есть во мне что-то, что убивает как микробов, так и всяких других паразитов. Думаю, Девять распорядились моей жизнью еще до того, как я успел родиться. Кроме того, что я был сразу иммунизирован против всех возможных болезней, мне кажется, они держали мою жизнь под самым пристальным контролем, устраивая все так, чтобы я обязательно попал в руки антропоидов и был ими воспитан, как настоящий дикарь. (Причины, приведшие меня к этому заключению, изложены во втором томе моих «Записок», еще не увидевших свет.) Таким образом, мой образ жизни был не более «естествен», чем образ жизни Калибана. Это рассуждение привело меня к интересной мысли: сколько в мире людей, знаменитых или еще неизвестных, были «созданы» Девятью, по их замыслу и повелению. Сколько гениев были обязаны своим умом этим опаснейшим пращурам, которые в полном секрете и неизвестности продолжали дергать ниточками их жизней и судеб.

Спускались сумерки, и в лесу потемнело, когда я вновь пустился в путь. По моим подсчетам солнце должно было быть у горизонта. В тени огромных деревьев было относительно тихо. Лишь крикливая болтовня группы воротничковых мангабеев нарушала покой и тишину вечернего леса. Это довольно большие обезьяны с длинным цепким хвостом и густой серобурой шерстью, густым воротником, охватывающим голову, с розовыми мордочками, испещренными пятнами серовато-коричневого цвета. У них изумительно вкусное мясо, и время от времени я лакомился им, как изысканнейшим десертом.

Я уже собирался влезть на дерево и присмотреть себе местечко на ночь, когда вдали вновь послышалось сердитое

тявканье ищек. Честно говоря, я удивился настойчивости Муртага. Я двигался гораздо быстрее его людей. Значит, он вновь прибег к помощи новых вертолетов, которые свели на нет мой отрыв.

С большим сожалением мне пришлось расстаться с остатками поросенка. Вернувшись к ручью, я тщательно вымылся, пытаюсь максимально устранить все запахи. Потом выбрал дерево и влез по нему на шестиметровую высоту, устроившись в ветвях среднего уровня. Оттуда, оставаясь под прикрытием густой листвы, полностью скрывавшей меня от нескромного взгляда снизу, я быстро отправился им навстречу. Не было никаких сомнений, что они быстро обнаружат дерево, у которого кончались мои следы. Прикинув направление, в котором я шел, солдаты наверняка обстреляют верхушки соседних деревьев. Но им никогда и в голову не придет, что я могу вернуться назад и зайти им в тыл, пройдя над самыми их головами.

Через шестнадцать минут медленного и осторожного скольжения среди ветвей я был на месте. Прильнув к толстой ветви, густо оплетенной сетью лиан и скрытой плотным плащом широких сердцевидных листьев, я затаился и стал наблюдать. Подножие деревьев уже окутал густой сумрак, в котором мелькали огоньки многочисленных электрических фонарей. Туда, где я скрывался, еще проникали последние лучи уходящего солнца, и не будь густой листвы, солдатам стоило лишь поднять свои головы, чтобы увидеть меня на фоне еще светлого неба. Но густая тень делала меня совершенно невидимым. Оставалось лишь соблюдать абсолютную неподвижность. Малейшее движение могло вызвать подергивание или натяжение аркады ползущих растений, тянущихся с ветки на ветку до самой земли, и насторожить этим ищек, а значит, и моих преследователей.

Я собирался пропустить их под собой и дать удалиться на несколько сотен метров. Сторожевые псы бежали, уткнув чуткие носы к самой земле, точно следуя моим шагам. Взрыв их яростного лая подсказал мне, что они вышли на место, где я убил бородавочника. Здесь мой след стал, вероятно, более отчетливым, потому что они уверенно ринулись дальше, захлебываясь от собственного лая. Светляки фонарей затанцевали причудливый танец, обшаривая своими лучами все окрестности.

Я был уверен, что солдаты с большим удовольствием прекратили бы всякую погоню и устроились бы на ночь на привал, если бы не их упрямый командир. Они проникли на мою территорию и понимали, чем это может им всем грозить, учитывая приобретенный днем опыт от общения со мной. Тем не менее

они продолжали упрямо продвигаться вперед, с Муртагом во главе, пока не обнаружили дерево, которое я выбрал, чтобы начать свой путь по ветвям. Через секунду, как я и предполагал, все стволы торчали вверх, орошая вершины деревьев шквалом огненного дождя. Грохот раздавшейся канонады разбудил всех птиц и обезьян на многие мили вокруг. Их протестующие вопли, крики и карканье еще долго будоражили ночной лес после того, как Муртаг отдал приказ прекратить огонь.

Если бы я спрятался на одном из деревьев на площади радиусом в сто метров, я был бы прошит пулями не менее десяти раз. В этом меня убедили несколько шальных пуль, залетевших даже в такую даль от центра всего этого тарарама (я сидел в двух сотнях метров, спрятавшись за огромным толстым стволом одного из местных гигантов). Тщательный осмотр деревьев с помощью фонарей, увы, не обнаружил моего безжизненного тела, свисающего с одной из ветвей или лежащего на земле.

Получив сообщение об отрицательном результате их мероприятия, Муртаг воздержался от комментариев. Контуры его силуэта сами говорили за себя. Провал операции мог закончиться для него самого катастрофически. Он отдал приказ (на таком расстоянии слов не было слышно), и солдаты засуетились, устраивая бивак.

Не успел я сосчитать до ста, как на пустом месте вырос настоящий лагерь. Все, за исключением Муртага, имели за плечами походные рюкзаки. В них было немного еды, в основном в виде концентратов и консервов, вода, аптечка первой помощи и много боеприпасов. Кроме всего прочего, в них размещались палатки и складная мебель.

Эти палатки были одним из изобретений Дока и предназначались исключительно для служителей Девяти и их помощников. Ни одна из армий мира не обладала подобными или аналогичными им. Мне даже трудно найти для них подходящее сравнение. Если кто знает, то в скандинавской мифологии есть один персонаж по имени Скайдбладнир, который мог одним волшебным словом уменьшать свой драккар до размеров носового платка. В данном случае, чтобы развернуть платок, было достаточно коротко и резко встряхнуть его, будто пытаясь щелкнуть им в воздухе, словно кнутом. Но вместо драккара Скайдбладнира платок разворачивался в десятки метров тончайшей ткани, реющей на ветру, подобно вымпелу на мачте корабля. Эта ткань, по тонкости и легкости сравнимая, быть может, лишь с нежнейшей паутиной, обладала несравненной водо- и светонепроницаемостью. Кроме того, она прекрасно

сохраняла тепло и по прочности не уступила бы листу алюминия в палец толщиной.

Телескопическая арматура палатки хранилась в футляре, длиной в шестьдесят сантиметров при диаметре в десять, и раскладывалась менее чем за минуту. После этого ткань накидывалась на арматуру и крепилась к земле колышками. В тропическом лесу трудно рассчитывать на большее количество сухого леса. Но это не имело большого значения. Солдаты имели при себе металлические емкости, которые, будучи раскрытыми, составили собой шесть переносных жаровень, стоящих на треножниках. Топливом служил сжиженный газ, поэтому они могли служить как для приготовления пищи, так и для обогрева палаток. И палатки и походные жаровни Док изобрел еще в 1937 году, но Девять оставили их исключительно для своего пользования. У него было много подобных изобретений, которые еще тогда, в далекие тридцатые годы, неопровержимо доказывали, что Док обладает талантом, обогнавшим современную техническую и научную мысль на многие десятилетия вперед.

Осветив сильными лампами непосредственные подступы к лагерю, солдаты принялись натягивать колючую проволоку вокруг палаток. Кроме того, они укрепили на ней целую сеть миниатюрных передатчиков, которые, соединенные с центральным пультом, поднимали тревогу, едва мимо них проскальзывало любое живое существо размером больше обезьяны.

Палатка Муртага возвышалась в самом центре лагеря, окруженная рядом палаток солдат. Я насчитал пятьдесят человек и тридцать собак. Такое количество людей и животных, да еще так быстро могло быть доставлено к границе леса лишь при помощи каких-то транспортных средств, скорее всего — вертолетов. Появились часовые, которые попарно стали вышагивать по периметру лагеря, один в полтора метра за другим. Вторая такая же пара вышагивала в противоположном направлении. Смена караула происходила каждый час.

Я легко мог бы прыгнуть сверху на палатку Муртага, но перспектива упасть с высоты трех метров что-то мало привлекала меня сегодня, даже после всех моих утренних подвигов. И потом, чего стоила его смерть, если сам я после этого буду разорван на клочки? Подстрелить его, как кролика? Можно, но мало пользы. Слишком большой риск ради столь ничтожной личности. Лишь благодаря исключительному везению мне удалось невредимым унести ноги из облавы, которую он устроил на меня в кустарнике. Здесь, где свобода движений ограничивалась неустойчивым равновесием ветвей, они легко могли бы схватить меня, если только Фортуна не захочет еще разок

улыбнуться мне. Но бывают случаи, когда не стоит испытывать судьбу понапрасну. И это надо уметь чувствовать. Я — умею.

Однако я хотел знать, что там готовится против меня. Медленно, с бесконечной осторожностью, я стал сползать с ветви в глубь окружающей меня листвы, ближе к стволу. Не только из-за опасения поднять шум, но, главным образом, из-за того, что при каждом шаге должен был оценивать надежность опоры, которая не всегда была достаточно прочной. В юности я довольно часто падал с деревьев и дважды при этом едва не ломал себе шею. Один раз меня спасла лиана, которая, к счастью, не оторвалась, когда я вцепился в нее на лету, а в другой раз это была самая нижняя ветвь дерева, принявшая на себя вес моего тела и предохранившая от удара о сухую твердую землю, которая ждала меня тремя метрами ниже. Я видел трех самцов моего племени, которым не так повезло, как мне, когда один из них сорвался со скалы, а двое попались в большую охотничью яму, где и остались лежать их кости.

Через равные промежутки времени тонкий луч света обегал по периметру лагеря, на мгновение проникая сквозь густой покров зелени, выхватывая из окружающей лагерь темноты огромные стволы деревьев, казавшихся толстыми колоннами какой-нибудь пещеры, вырытой сказочными гномами. Это сходство усиливалось вспыхивавшими то здесь, то там в луче фонаря глазами ночных животных, казавшихся разноцветными драгоценными камнями на фоне черного бархата ночи. Я угадывал в них сову, галаго или сервала.

Солдаты, не стоящие в карауле, расположились между палаток и ужинали консервами. Сидя перед палаткой на складном стуле за складным же столом, Муртаг держал совет со своими офицерами. Расположившись прямо над его головой, я смог разобрать несколько его слов, но большая часть из того, что говорилось на этом военном совете, все-таки ускользнула от моего внимания. К несчастью для меня, он не был столь предупредителен, чтобы расположить свою палатку под деревом, чьи нижние ветви шли бы параллельно земле.

Однако мне удалось вытянуться на матраце из переплетенных лиан, поддерживаемом относительно устойчивой нижней ветвью дерева. Хриплые голоса солдат были слышны отсюда достаточно отчетливо, и я мог рассчитывать получить некоторые сведения. Двое из них, судя по акценту, канадец и метис из Конго, говорили между собой по-французски, как я думаю, с целью обмануть бдительность Муртага.

Такой цивилизованный человек, как Муртаг, должен был свободно говорить по-французски, с моей точки зрения. Думаю, что его подчиненные тоже это подозревали. Они скорее

всего рассчитывали на свой жуткий акцент, делающий их речь совершенно неузнаваемой. Я понимал едва ли половину из того, что говорил канадец. Что же касается говора конголезца, я сомневаюсь, чтобы парижанин понял хоть одно его слово. Они сами повторяли все по нескольку раз, чтобы преодолеть языковой барьер.

— Допустим, что его самолет взорвался, — говорил в этот момент канадец. — Если этот белый дьявол смог упасть с трехсот метров без парашюта и остаться при этом в живых, потом доплыть до берега, вырваться из засады и перебить при этом половину наших людей, то какого черта, спрашиваю я тебя, ему здесь надо? Почему он не хватается ноги в руки и не смывается отсюда?

— Мы здесь, чтобы подчиняться Муртагу, и мы ему подчиняемся, потому что он хорошо платит, — ответил негр. — Если хочешь знать мое мнение, этот белый дьявол, как ты говоришь, должно быть, совсем чокнутый. Я не вижу другого объяснения. В противном случае, зачем бы ему было подвергать себя такому риску. А потом, знаешь, что-то я не очень верю в это невероятное падение и...

— Да я сам слышал, своими собственными ушами! Я как раз стоял за спиной Муртага, когда пилот говорил с ним по радио. Когда самолет взорвался, он видел, как тело Грандрита кувыркнулось вниз. Он смотрел, пока тот не исчез под водой. Парашюта не было, это точно.

— Черт его знает, может быть, ты и прав. Однажды я прочел одну историю, как один умудрился сверзнуться с высоты в шестьсот метров. Он упал в глубокий снег и ничего, выкарабкался. И это не пустая болтовня, тут я уверен. Я прочел это в «Ридерз Дайджест», а это серьезное издание. Этот случай произошел во время второй мировой войны. Так вот, если уже были подобные случаи, этому типу тоже могло повезти.

— Может, оно и так. Но как ему удалось выскользнуть из наших рук? Ты что, считаешь, что на свете водятся такие счастливы, способные выжить после головокружительного падения, проскочить сквозь наш заслон, будто его не существовало, и при этом еще отправить к чертовой матери четыре вертолета? Так, что ли? А собаки? Ты посчитай, скольких он прикончил!

Пока я слушал их болтовню, в небе показалась полная луна и залила джунгли своим призрачным светом. Я располагался на самом нижнем уровне верхнего этажа леса. Надо мной был широкий просвет в листве, позволяющий видеть посветлевшее

небо и солнце, верхушки деревьев. Но снизу, естественно, меня было совершенно невозможно увидеть.

Я снова напряг слух. Собеседники перекинулись несколькими фразами по поводу их офицеров, не обошли вниманием и командира. Основной же темой разговора стало то, что они сделают с деньгами по возвращении в цивилизованный мир. Они несколько раз упомянули о базе, расположенной неподалеку отсюда, в направлении на северо-восток, и я нашел, что Смит, радист, не обманул меня.

Мне нужно было бы сразу отправиться после этого в путь, не дожидаясь больше ничего. Моей ближайшей задачей становилась база, местоположение которой я теперь себе представлял довольно отчетливо. Даже если не удастся проникнуть на ее территорию, я мог крутиться поблизости и слушать разговоры. Кроме того, всегда была возможность схватить кого-нибудь из персонала и вытянуть из него все необходимые сведения.

Но я продолжал медлить, надеясь услышать еще что-нибудь полезное. И вдруг за моей спиной раздался шорох листьев. Гирлянда гранат, висевших на поясе, вместе с винтовкой лежали сбоку от меня на подушке из переплетенных ветвей и лиан, поэтому я ограничился тем, что выхватил нож и направил его в сторону раздавшегося шума. Вглядевшись, в свете луны я разглядел смутную тень, как мне показалось, маленькую мартышку, и несущуюся к ней огромную крылатую тень.

Орел, должно быть, заметил свою жертву сквозь дыру в листе, на дне которой лежал я, в шатком равновесии вытянувшись на ветке. Внезапно вырванная из объятий сна, мартышка металась по веткам, не выбирая дороги. Она прыгнула сквозь завесу лиан и приземлилась точно на мне. Я смахнул ее тыльной стороной ладони. Издав жалобный крик, бедное животное ухватилось за ветку и исчезло в темноте. Но я уже не думал о ней. Хищник следовал за своей жертвой на таком близком расстоянии, что даже не успел заметить меня, пока не запустил свои когти в мою шкуру. Орел умудрился сесть мне точно на грудь, оглушительно хлопая при этом крыльями и испуская пронзительные гортанные крики.

Я помню, что услышал, как внизу разом загомонило несколько голосов. Вспыхнул ослепительный луч прожектора, который, пометавшись по верхушке дерева, остановился на мне. Но я уже падал вместе с орлом, продолжавшим крепко держаться на мне. Внезапное вторжение птицы нарушило неустойчивое равновесие моего насеста, чему помогли мои беспорядочные движения, когда я пытался избавиться от болезненной хватки ее когтей.

Я упоминал уже, что мой «волшебный магнит» так организует совпадения, что, выйдя из-под пера писателя или сценариста, они просто показались бы невероятными, и, кроме того, обращает мне на пользу самые скверные обстоятельства.

Но когда-нибудь наступает момент, когда приходится платить по счету.

Вот и для меня наступил именно такой момент. Я падал с высоты трех метров, и в этот раз, если бы мои способности не были парализованы внезапностью случившегося, я бы подумал, что подошел к концу пути, исключительно длинного и увлекательного. Я не мог рассчитывать выжить после двух падений за один день, даже если второе было гораздо менее впечатляющим, чем первое.

Я еще не коснулся земли, когда со всех сторон зазвучали выстрелы. Орел вновь громко и пронзительно закричал, когда пули стали впиваться и прошивать его тело насквозь, превратив в конце концов в дождь падающих перьев.

Свет прожектора и зеленая ткань палатки поочередно мелькали у меня перед глазами, то справа налево, то слева направо, исчезали из поля зрения, вновь попадали в него, становясь все ближе. В ушах гудело от рассекаемого мной воздуха, свиста пронесшихся мимо пуль, шума и треска сорванной листвы и сломанных моим телом веток. Крепко сжав зубы, я падал в пустоту, окончательно решив для себя, что они ничего не услышат от меня, кроме, быть может, невольно вырвавшегося стога.

Затем я потерял сознание.

Вновь открыв глаза, я обнаружил, что кругом еще темно. Я был чрезвычайно удивлен. Не тем, что еще длится ночь. Просто я приготовился к тому, что уже давно должен был быть мертв.

Солдаты восстановили палатку, на которую я обрушился спиной, раскинув в стороны руки и ноги. Под весом моего тела ткань крыши палатки прогнулась до самой земли, но не лопнула, что ослабило удар тела о землю и предотвратило перелом позвоночника, хоть и не избавило от многочисленных ушибов и ссадин по всему телу.

Я лежал на земле, а вокруг кольцом расположились шестеро солдат с наставленным на меня оружием. Мои руки, связанные за спиной, украшала еще и пара стальных наручников. Ноги на уровне лодыжек стягивали цепи из дюралюминия, соединенные с железным кольцом, охватившим мои конечности сразу ниже колен. И это было еще не все. Мою талию

охватывало нечто похожее на металлический пояс или обруч, также из дюрала, который прижимал к животу диск из пластика, сантиметров двадцати в диаметре и в три сантиметра толщиной. Мой собственный пояс с прикрепленным к нему кинжалом, как и следовало ожидать, был снят.

Муртаг стоял совсем близко от меня, перед ближайшим ко мне часовым. Наклонясь, он внимательно разглядывал меня. Взгляд его глаз был холоден и безразличен, как у трупа, скулы выступали больше, чем когда-либо, а голова судорожно подергивалась взад-вперед отвратительным рептилиевидным движением, не подчиняясь, видимо, его самоконтролю.

— Лорд Грандрит, — произнес он, медленно выпрямляясь. — Единственный и уникальный экземпляр *Pelus blancus simiagum* на всей планете. Демон джунглей. Последний дикарь. Повелитель Деревьев, Черный Дух черной Африки, член Палаты Лордов и первый атлет этого мира.

У него был высокий пронзительный голос. Все в нем было мне отвратительно. Даже запах, хотя я не думаю, что другие были способны почувствовать его.

— А также предатель! — добавил он. — И труп в очень скором будущем! Ты стал бы им прямо сейчас, если бы это зависело только от меня! Вы слишком опасны, чтобы можно было вам позволить прожить хоть одну лишнюю секунду!

Мне нечем было ответить ему, да я и не собирался. Поэтому я просто мрачно смотрел на него, ожидая продолжения. И оно не заставило себя ждать.

— Спустя совсем немного времени вы будете сожалеть, что я сразу не свел с вами счеты, прямо здесь, сейчас. Старый Мубанига пожелал, чтобы вас доставили к нему на базу, чем мы сейчас и займемся. Таким образом, я передам вас с рук на руки Девяти. А уж вы-то знаете, что вас там ожидает.

Несмотря на свежесть и прохладу земли, я вспотел. Не от страха, нет. Просто у меня очень живое воображение, и я тут же представил себе некоторые из методов, применяемых патриархами в подобных случаях.

— Говоря математическим языком, ваши шансы уцелеть при взрыве самолета, и уж тем более после падения с такой высоты, были исчезающе малы... э-э... и потом... Вы первый, кто заставил меня заикаться! Примите мои поздравления! Поверьте, это были последние, которые вы слышали в этом мире.

Он криво усмехнулся самыми углами рта, повернул и вошел в свою палатку.

Я повернулся на бок и осмотрел окрестности. Никто из часовых не шелохнулся при моем движении. За их спинами я

обнаружил еще четырех солдат, поставленных как бы по углам квадрата, с центром в том месте, где я находился. Ситуация, судя по всему, была безнадежной. Я даже не пытался испытать мои узы на прочность. Мне никогда в жизни не сломать подобные металлические кольца, из которых состояла цепь на ногах. И даже если вдруг мне удастся осуществить это, я мало в чем продвинулся на пути моего освобождения.

Я закрыл глаза и через секунду уже спал. Эта способность мгновенно отрешаться от окружающего мира, чтобы восстановить свои силы, несмотря ни на какие обстоятельства, в которых бы я ни находился, относится к природе чисто животных инстинктов. Мой биограф подчеркивал эту мою особенность несчетное число раз, да и сам я не раз говорил на этих страницах, что добрая половина моего «я» относится к животному миру.

Из сна меня вывело потряхивание за плечо. Находясь в обычном состоянии, я обязательно услышал бы приближение человека, так же как и его запах, который иногда будил меня раньше, чем слух подтверждал, что кто-то находится поблизости. В этот же раз я не почувствовал ничего. Видимо, я был действительно здорово утомлен. Денек, что и говорить, выдался напряженный.

Это вновь был Муртаг. Получалось, что я проспал всего несколько минут. Или лишение сна входило в список предварительных пыток? Но мне что-то в это не верилось.

Муртаг почему-то пытался изобразить любезную улыбку на своем лице, что делало его еще больше похожим на рептилию.

— А вы не любопытны, лорд Грандрит! Вас не интересует, что это там прикреплено у вас на животе?

Я не ответил.

Его рот растянулся еще шире.

— Сейчас я вам скажу. Это одно очень запретное приспособление. Если, благодаря несчастной случайности, вам все-таки удастся бежать, вы не сможете уйти слишком далеко. Взгляните сами, — добавил он, показывая на металлическую коробочку, которую он держал в руках. — Вот передатчик. А здесь маленькая такая кнопочка. Стоит ее только нажать, как отсюда вырвется сигнал, который будет уловлен приемником. А тот, в свою очередь, соединен с детонатором пластиковой взрывчатки, которой заполнен этот красивый металлический диск на вашем пупке. Вы наверняка догадались, что следует дальше. Маленькое нажатие моего пальца и — ба-бах! — ваш живот и все, что его окружает, развеется в воздушной атмосфере в виде дисперсной пыли и капелек. Не надо будет и похорон устраивать. Это даже лучше, чем сжигать на костре.

Вот, кажется, и все. Ах нет, забыл! Допустим невероятное: вам удалось каким-то образом, неважно, избавиться от цепей, наручников, пояса — словом, от всего, что мы тут на вас повешали. Но вот от диска вам ни за что не избавиться, если только не с куском вашей собственной кожи, к которой он приклеен с помощью эпоксидного клея и который можно снять лишь очень специфическим растворителем. Вот теперь, кажется, действительно все.

Было очевидно, что дальность действия этого передатчика не бесконечна. Но я оставил это замечание при себе.

Муртаг продолжал глядеть на меня, холодно и презрительно улыбаясь. Он явно колебался, говорить ему или нет. Потом все-таки не выдержал.

— Хочу также сообщить вам еще одну приятную новость. К сожалению, приятную не для вас. Я — один из десяти кандидатов, выбранных, чтобы заменить кандидатуры вашу и Калибана. Благодаря вашему пленению или вашей смерти — это уже неважно — я становлюсь одним из двух, которые останутся из всего списка. Вторым будет тот, кто доставит Калибана, или его тело. Но так как я сдам вас на руки Девяти, то буду удостоен чести принять участие в охоте на Дока. Таким образом, у меня появится шанс встать во главе списка. Так что можете порадоваться за меня. Пройдет не слишком много времени, и я займу вакантное место за столом Девяти.

Я снова проигнорировал его тираду. Тогда, поджав губы и обнажив при этом свои желтоватые клыки, Муртаг шумно всосал в себя воздух, будто собираясь плюнуть мне в лицо. Но не сделал этого. Вместо этого он снова круто повернулся и задернул за собой полог своей палатки.

Не прошло и шести секунд, как я снова крепко заснул.

Было шесть часов утра, когда меня вновь разбудили. В течение ночи я несколько раз наполовину просыпался из-за дождя. Густой и плотный лиственный полог верхних и средних этажей леса не позволял дождю падать прямо на мое тело. Но то здесь, то там прорывалась крупная тяжелая капля или тоненькая струйка, которые время от времени наполовину будили меня. Но я человек привычный к таким мелким неудобствам и почти не обращал на них внимания. Меня по-настоящему не обеспокоили бы даже внезапное резкое понижение температуры воздуха или проливной дождь.

Не то что мои охранники! Они чертыхались и проклинали меня на чем свет стоит, как причину, из-за которой они должны были мокнуть под дождем, когда все остальные находились

в тепле под непромокаемой тканью их палаток. Но, ругаясь, солдаты не забывали приглушать свои голоса, чтобы не вызывать на себя гнев их офицеров.

Через несколько секунд после утреннего свистка «на побудку» Муртаг уже стоял на пороге своей палатки. Он вновь пристально и внимательно осмотрел меня, будто пытаюсь удостовериться, что я не собираюсь испариться у него на глазах вместе со всеми его чаяниями и надеждами на щедрую компенсацию. Затем вновь нырнул в палатку, и вскоре оттуда донеслось жужжание электробритвы.

Были зажжены все жаровни, и вскоре мне развязали руки и сняли с них наручники, чтобы я смог поесть самостоятельно. Вокруг меня количество стражников не уменьшилось. После завтрака мне было позволено встать. Я потянулся и сделал несколько движений, возвращая гибкость сочленениям и восстанавливая кровообращение в затекших руках и ногах. Все тело болело от многочисленных ударов о ветви во время падения, и за ночь эта боль нисколько не уменьшилась.

Выбора у меня не было. Поэтому я нисколько не сопротивлялся, когда мне вновь связали руки за спиной. Зато теперь с меня сняли ножные кандалы и разрешили немного размять ноги, прогуливаясь туда-сюда, пока отряд сворачивал лагерь. Ткань палаток вновь превратилась в «носовые платки», а арматура заняла место в походных чехлах.

Вся мебель тоже была складной и в походном виде занимала совсем мало места. Пустые консервные банки сминались простым ударом каблука и отправлялись в общую кучу отходов, собранную в одном месте. Нескольких капель бензина и одной спички было достаточно, чтобы все это вскоре запылало в огне яркого костра. Впрочем, все прогорело очень быстро, оставив после себя лишь кучку серого пепла, который был тщательно собран и затем развеян по дороге. К моменту выхода отряда на поляне не осталось ничего, что говорило бы о нашем здесь пребывании. Даже следы в земле от палаточных колышков вскоре исчезли под ударами подошв солдатских ботинок, снабженных широкими пластмассовыми дисками.

Шествие вновь возглавил Муртаг. Он шел, часто поглядывая на компас и то и дело поднося к уху маленький приборчик, висящий на цепочке у него на шее. Любому человеку, за исключением, пожалуй, лишь аборигена, очень легко заблудиться в тропическом лесу. Говоря об аборигене, я не говорю о среднестатистическом африканце, который рискует забраться в мир лесных гигантов, лишь защищая собственную жизнь. Я имею в виду истинных аборигенов, живущих в этом мирном

краю: пигмеев, антропоидов и диких зверей. Только они знали, как найти дорогу в зеленом лабиринте джунглей. Они и я.

Я шел в середине отряда, недоумевая про себя, почему Муртаг ведет отряд другой дорогой, вместо того чтобы вернуться по своим же следам к опушке леса, до которой было от силы шесть километров. Но он выглядел уверенно и, казалось, знал, что он делает. И действительно, прошагав полдня по лесу, отряд вышел на обширную прогалину, как потом оказалось, специально вырубленную в центре леса, на которой хватало места для посадки сразу двух вертолетов.

Вскоре приземлился один из них, «Сикорский S-62». Мне снова связали лодыжки и в таком виде я был вынужден проскакать до аппарата. Влезал я в него в основном при помощи рук. За мной на борт вертолета поднялись Муртаг и двенадцать солдат. Остальных вертолеты перевезут позже, делая челночные рейсы. При этой мысли у меня потеплело на сердце. По крайней мере, мне удалось уменьшить их воздушные силы.

Но я ошибся. Когда, после двадцати пяти минут полета (по часам Муртага), мы приземлились в центре другой вырубki, гораздо большей по площади, я увидел целый палаточный городок. Он состоял из сорока палаток, стоящих концентрическими кругами, и занимал большую часть открытого пространства. В одном углу располагалась вертолетная площадка, но хватало места и для еще нескольких. Но я не увидел ни одного истребителя. Не было даже взлетной полосы для него.

За все время перелета, сидя напротив меня, Муртаг не произнес ни единого слова. Лишь один раз он вышел по каким-то делам из кабины. Все остальное время он проторчал у меня перед глазами, восседая с гордым видом «большого белого человека», который возвращается с охоты с головой самого крупного в мире слона. Остальные тоже притихли и сидели, помалкивая всю дорогу. Это меня удивило. Честно говоря, я ожидал увидеть с их стороны гораздо больше энтузиазма, хотя им было чего опасаться. Их эффективность оставляла желать гораздо лучшего. Куда они все годились, если всего один человек уменьшил их силы более чем наполовину? Хуже того, мое пленение стало следствием чистой случайности, а не их ловкости и умения, и они прекрасно знали это.

Но тогда почему Муртаг, их шеф и начальник, отвечающий за исход всей операции непосредственно перед Девятью, не разделял вполне законного беспокойства своих людей?

А может быть, именно потому и не разделял, что для него, как и для Девяти, был важен лишь результат, и плевать он хотел на то, каким способом достигнут этот результат.

Меня спустили на землю и сняли все железки, кроме пояса и диска. Муртаг вытащил из кармана коробку с передатчиком, поиграл с ним с многозначительным видом и приказал моему эскорту трогаться в путь. Три ряда палаток отделяли нас от той, что стояла в самом центре. Самая большая по размерам, около трех метров в высоту, это, судя по всему, была палатка главного шефа. Стража несла охрану по бокам от входа и по всем четырем углам, как снаружи, так и изнутри. Свисающее с потолка полотнище делило помещение на две половины.

Муртаг отсалютовал офицеру, сидящему перед портьерой, и протянул ему небольшой пластиковый квадратик. Я был уверен, что оба хорошо знают друг друга, что не помешало им провести необходимую проверочную процедуру. Офицер вложил квадратик в щель аппарата со встроенным в него телевизионным экраном (дисплей компьютера?). Я не видел, что высветилось на нем, но вероятно то, чего и следовало ожидать. Офицер снял трубку полевого телефона и объявил кому-то о прибытии доктора Муртага и его пленника. Внимательно выслушав ответ, он повесил трубку.

— Детонатор, — приказал он и протянул вперед руку.

В течение нескольких секунд Муртаг оставался неподвижен, застыл на месте, будто статуя. Лишь голова, словно самостоятельное живое существо, судорожно дергалась взад и вперед. Он открыл рот, собираясь, видимо, запротестовать, но тут же опомнился и вытащил коробку с передатчиком. Офицер принял коробку и исчез с ней за портьерой. Вернулся он уже с пустыми руками.

Тот, кто ждал нас, явно стремился сохранить контроль над ситуацией. На его месте я поступил бы так же. Муртаг был слишком амбициозен и вполне способен попытаться распылить на атомы не только меня, но и прихватить при этом своего непосредственного начальника, объявив потом, что произошел несчастный случай или что он вынужден был воспользоваться детонатором при моей попытке к бегству.

Конечно, было маловероятно, чтобы сейчас, когда Муртаг практически добился права быть избранным в число Девяти, он пошел бы на такой риск. Но тот, кто ожидал нас по другую сторону портьеры, прожил на свете слишком долго, чтобы поставить свою жизнь в зависимость от какой-то случайности.

Этим кто-то был Мубанига.

Он величественно восседал за огромным складным столом, стоящим прямо напротив входа. Его кресло с высокой прямой спинкой украшала великолепная шкура леопарда, служившая не столько для украшения, сколько для того, чтобы защитить его сухое высохшее тело с пергаментной кожей и тонкими

хрупкими костями, столько веков носившими это тело, от возможных травм и переохлаждения. Под седыми курчавыми волосами виднелось лицо с черной, пепельного оттенка кожей, густо исполосованной глубокими морщинами. Когда он говорил, во рту виднелись широкие, редко расставленные зубы. Под мощными подбровными дугами глубоко прятались черные глазки с желтоватыми, исчерченными красными прожилками белками. Взгляд их был злобен и безжалостен. Тело облегал комбинезон из легкой белоснежной ткани, а морщинистую тонкую шею он кутал в черный шарф.

Мубанига, патриарх, один из Девяти. Мы встречались с ним не реже раза в год в течение вот уже пятидесяти семи лет. И всегда, за исключением всего одного случая, он держал себя высокомерно, подчеркивая всю пропасть, лежащую между ним и мною, простым рекрутом. Встречи всегда были коротки, но весьма волнительны для меня. Я имею в виду ежегодную ритуальную церемонию, во время которой кандидаты приносили жертву Девяти частью своей плоти в обмен на эликсир молодости.

Чуть больше я узнал его, когда в течение семи месяцев выполнял функции их Глашатая (некто вроде мажордома). Мубанига ни разу не снизошел до того, чтобы поговорить со мной. Его единственными словами, обращенными ко мне, были лишь слова приказов и распоряжений. Но по роду моих обязанностей я присутствовал на всех собраниях Девяти и слышал их беседы между собой. Мне приходилось слышать и Мубанигу, беседующего сам с собой или бормочущего что-то себе под нос на языке, показавшемся мне прообразом языка целой группы диалектов современного банту.

Не хвастаясь, могу сказать, что, живя в течение всей моей жизни среди африканских племен, говорящих на разных языках и диалектах, я являюсь теперь самым сильным африканистом в мире. Я даже защитил степень доктора языкознания при Берлинском университете. Моя докторская диссертация (кстати, до сих пор не опубликованная) как раз и основывалась на сведениях о праязыке древней Африки, которые дал мне Мубанига, сам того не подозревая.

Слушая его монологи, мне удалось выманить из его речи некоторые слова и обороты, которые я понял ввиду их очевидной схожести со словами языка одного маленького племени в Новой Гвинее. Я совершенно случайно обнаружил его, когда мотался по всему материку во время второй мировой войны.

В своем труде я доказывал, что негроиды, родина которых лежала на юго-востоке азиатского континента, вероятнее всего в южной части Индийского субматерика, расселились затем

в двух основных направлениях: в Меланезии и на африканском материке, и в дальнейшем эволюционизировались в настоящих негров. Оттесненные к югу более светлокожими племенами севера Африки, негры частично уничтожили, частично ассимилировали предков современных готтентотов и бушменов. Те же, кого не коснулся основной поток миграции, были постепенно поглощены кавказоидами и монголоидами.

Несмотря на свой весьма почтенный возраст в 2250 лет, Мубанига родился гораздо позже великого переселения народов. Но все же он еще помнил легенды, мифы и сказки, передаваемые изустным путем, той поры, когда южная часть аравийского побережья узкой полоской суши была связана с Африкой. Следовательно, моя концепция основывалась на вполне реальных фактах. Но, естественно, я не мог просить Мубанигу прийти и лично подтвердить их. Немецкие эрудиты вначале напрочь отменили мою теорию. Но затем, поразмыслив, согласились с обоснованностью лингвистических признаков, на которые она опиралась. Не то чтобы они полностью приняли мои выводы, но были единодушны во всем остальном, что диссертация, несмотря на всю спорность предпосылок, была блестящим и талантливим исследованием.

И вот я вновь перед Мубанигой, не сводящим с меня свирепого взгляда разъяренного леопарда. По-английски он говорил едва-едва, поэтому предпочел обратиться ко мне на суахили, на котором изъяснялся едва ли лучше, зато я им владел в совершенстве.

— Ну вот и конец твоей длинной дороги. Длинной, правда, только для тебя, потому что в моих глазах она ничтожно мала.

В этом вряд ли кто-нибудь стал с ним спорить. Я ограничился тем, что лишь пожал плечами:

— Мертвому все равно, прожил ли он тридцать тысяч лет или один день. И если я уже подошел к концу моего пути, твой мне кажется не таким уж и далеким.

Мубанига поперхнулся и поспешно схватил в руки детонатор, лежавший до этого перед ним на столе.

— Если конец мой так близок, что я теряю, если сам нажму эту кнопку. Потом нужно будет лишь вычистить пол от того, что останется от нас: меня, тебя, тех, кто внутри палатки, и большого количества тех, кто снаружи.

Судя по всему, Муртаг тоже понимал суахили. Он шумно выдохнул воздух и побледнел прямо на глазах.

Патриарх вновь положил детонатор на стол, но руки не убрал.

— Хитрый, словно заяц, сильный, как леопард, живучий, будто гиена, ах, как бы ты точно подошел на вакантное место

за нашим столом! Ты мог бы править за ним тридцать тысяч лет! Как Аи-не-на. Но нет. Ему, видите ли, плевать на столь уникальную возможность. И почему? Потому что он не может переварить некоторые вещи, которые не имеют абсолютно никакого значения в глазах бессмертных! Ты что, забыл, что все эти людишки, которым ты так сочувствуешь, будут мертвы через несколько лет? Ничто из того, что ты предпринял против них, не может реально им повредить. Они не заслуживают никакой жалости. Единственное, что имеет какое-то значение и о чем ты должен помнить, — это то, что ты бессмертен, или почти бессмертен. Остальное не представляет собой никакой ценности.

— Я знаком с этой точкой зрения. Но у нас есть собственное достоинство, у Дока и у меня. Вам не удастся заставить нас проглотить это.

Теперь пришла очередь пожать плечами старому негру.

— Вы не первые, кто реагирует на это подобным образом. Все остальные кандидаты погибли, пытаюсь бороться против нас. — Он повернулся к Муртагу. — Думаю, не стоит прибегать к помощи наркотиков, чтобы заставить его сказать, где находится Калибан. Мы получили сообщение от наших агентов, что он в Грамсдорфе, в западной части Германии. Вполне очевидно, что Грандрит и Док стоят во главе организации, ставящей своей целью наше уничтожение. Вытяните из него все необходимые сведения об этом. После чего отправляйтесь в Германию и берите в руки руководство операцией. Если только Калибан не будет схвачен к тому времени, пока вы здесь не закончите с Грандритом.

Следствием этого разговора явилось то, что ритмичное покачивание головы Муртага туда-сюда несколько уменьшилось.

— Огромное спасибо, сир, — пробормотал он.

Мубанига улыбнулся:

— У вас будет еще возможность поблагодарить меня. Если, правда, к тому времени у вас еще останутся силы на это.

Голова Муртага застыла и — удивительное дело! — целых тридцать секунд оставалась совершенно неподвижной, в то время как лицо приняло синюшно-бледный оттенок.

Я не понял, что хотел сказать Мубанига, но вскоре мне предстояло это узнать. Правда, все началось совсем не так, как я ожидал. Вместо того чтобы завести меня в палатку и начать допрос, меня усадили и подали хороший завтрак. Только после этого вывели за ряды палаток на прогалину.

Там уже стояло раскладное кресло для Мубаниги. Он все так же продолжал держать в руках детонатор. Метрах в пятнадцати от кресла длинной чередой были установлены двадцать

пять больших горшков двухметровой высоты. Меня подтолкнули к ним и приказали остановиться, когда до ближайшего оставалось пройти еще около метра.

В этот момент появился Муртаг во главе двадцати четырех солдат, входивших в состав его отряда. Все были обнажены до пояса и шли друг за другом цепочкой, как индейцы на тропе войны. По бокам шли вооруженные охранники. В числе двадцати четырех был и Смит, радист, которого я пощадил.

Повернув всех спиной к просеке, им привязали руки к сужающимся горлышкам горшков. Из рядов окруживших нас людей вышел незнакомец, которого, как я позже узнал, звали Гринриг, с тонким длинным хлыстом в руке. Это был здоровый мужик с выпирающим вперед огромным брюхом при росте в два с небольшим метра. Его тело колыхалось при ходьбе от толстого слоя жира и сала, накопленного им за свою жизнь. Его вес был, вероятно, столь огромен, что даже сидя на строжайшей диете в течение месяца, он не успел бы скорее всего уменьшить его ниже ста тридцати пяти килограммов.

По сигналу Мубаниги толстяк поднял хлыст вверх. Честь первого удара выпала на долю Муртага. Он вздрогнул, и на спине его мигом возник кровоточащий след от хлыста. Затем наступила очередь следующего и так далее до самого конца ряда. Гринриг повернул и вернулся к Муртагу, с которого вновь начал отсчитывать удары, неторопливо продвигаясь вдоль шеренги голых спин, разукрашивая их рубцами и полосами, вдоль или поперек, как ему нравилось. В итоге каждый получил по десять ударов, все, кроме Смита. При последнем прохождении те, кто еще не потерял сознание от боли, вопили или ругались на чем свет стоит или что-то неслышно шептали про себя. Лишь Муртаг стоял, не проронив ни звука, гордо поднимая голову вверх. Когда его отвязали, он не спеша и с достоинством, лишь крепко сжав зубы, направился в санитарную палатку, где для наказуемых были готовы повязки, нашатырь и все, что полагалось в таких случаях.

Но пока им еще не разрешили покинуть место экзекуции. Все были обязаны присутствовать при наказании Смита. Его секли отдельно от всех, без передышки, секли, пока не забили до смерти. Мне не нужно было объяснять, почему с ним поступили именно так. Я достаточно знал патриархов, чтобы догадаться самому. Смит — единственный, кто был моим пленником. Не применив при его допросе наркотиков, они не могли точно знать, что он мне сказал, а что — нет. И у них не было времени для допроса. Кроме того, его смерть должна была устрашить всех и послужить наглядным примером тому, как хозяева поступают с теми, кто предает их.

Муртаг добился своей цели: его не устранили от дальнейшего хода операции, как он мог опасаться. Но ему ясно дали понять, что то, как он это делает, далеко от того, чтобы удовлетворить патриархов, и заслуживало порицания. Все заставляло думать, что, если с Калибаном дела у него не пойдут лучше, он потеряет свое звание «кандидата», а может быть, и жизнь.

Один из офицеров, не входящий в состав его отряда, имел неосторожность пройти на его счет по поводу перенесенной им порки. Муртаг немедленно поставил его на место, заставив навечно замолчать с пулей в сердце, после чего спокойно вложил свой револьвер в кобуру. Мубанига не обратил на инцидент ни малейшего внимания. Муртаг уже понес наказание за свои ошибки. Он не был лишен своих полномочий, поэтому никто не смел непочтительно обращаться с офицером Девяти.

Сразу после инцидента я был прикован к полу кабины одного из вертолетов. Со мной в вертолете летел Муртаг и двое из его людей. Мубанига долго стоял на просеке, подняв к нам свое темное морщинистое лицо, пока белое пятно его комбинезона не было заслонено верхушками деревьев. Я не знал, увижу ли я его когда-нибудь еще, но надеялся, что если это случится, то лишь для того, чтобы сжать его горло обеими руками и сломать эту старую сморщенную шею. Как видите, мое показание, как бы ни было оно деликатно, ни в чем не поколебало моего неистощимого оптимизма. Я еще не был мертв.

Вертолет поднялся на высоту в сто пятьдесят метров и, преодолев двести миль сплошного, непроницаемого для человеческого глаза зеленого экрана, приземлился на очередном тайном аэродроме. Это было настоящее инженерное сооружение, с ангарами, посадочными площадками не только для вертолетов, но и взлетными полосами для винтовых и реактивных самолетов. Я имел возможность лишь коротко взглянуть на него, пока нас переводили в ожидающий самолет, по всей видимости британский, рассчитанный на шесть пассажиров. Меня снова посадили на цепь, приковав к кольцу в полу самолета, с той лишь разницей, что теперь мне было позволено держать руки спереди. Детонатор вновь находился у Муртага. На то, что он воспользуется им, было мало шансов, и еще меньше было на то, что я смогу заполучить его.

Нам подали обед. Спустилась ночь, и я спокойно задремал, утолив голод. Проснулся я лишь тогда, когда кто-то позвал меня по имени. И почти сразу же самолет произвел посадку. Посадочная полоса была проложена в джунглях, как и предшествующий аэродром, но ближе к горам, в сердце небольшой

долины, обрамленной остроконечными зубцами невысоких скал. Вход в долину, лежащую, вероятно, довольно высоко над уровнем моря, шел через единственную узкую щель в кольце скал, и надо было быть достаточно искусным пилотом, чтобы пролететь в нее, не задев за узко стоящие друг к другу каменные исполины и сразу выйти на посадочную полосу. Полоса была узкой и едва позволяла самолету развернуться, чтобы взлететь в обратном направлении. Вдоль всей полосы шли яркие посадочные огни. Здесь нас ожидал очередной отряд солдат, на этот раз в большинстве своем черных. Военный джип по узкой каменистой дороге доставил нас на склон горы. Шофер с феской на голове, уроженец Занзибара, брал самые крутые повороты, не снижая скорости, нисколько не заботясь о том, что колеса автомобиля то и дело висят над краем головокружительной пропасти. Муртаг, то и дело морщившийся при толчках и бросках джипа из стороны в сторону, приказал шоферу в конце концов сбросить скорость и ехать медленней.

Раны на его спине беспокоили бы его еще сильнее, если бы он служил в любой другой армии, а не Девяти. Мазь, которой смазали все следы хлыста, значительно уменьшила боль и быстро заживляла все раны. Это лекарство было еще одним ребенком блестящего гения Дока. Оно могло стать настоящей панацеей для всего человечества, не будь, как и все остальные значительные изобретения Калибана, оставлено Девятью для своего личного пользования. Патриархи, заседающие за круглым дубовым столом, весьма любили такие «подарки» своих талантливых служителей. Страдания остального мира их ничуть не заботили. И потом, разреши они Доку открыть миру самую малость из его открытий, Калибан в мгновение ока стал бы самым известным человеком планеты, а патриархи не любили столь широкой популярности своих служителей. Стоило им чем-то выделиться из окружающей среды и привлечь к себе внимание, как Девять отзывали его к себе, прятали какое-то время, а затем человек появлялся совсем в другом месте, под другой фамилией и часто с другой внешностью. Случай с Доком может служить отличным тому примером. Когда Калибан стал заниматься нейрохирургией в одной из самых больших клиник Нью-Йорка, они положили конец его блестящей карьере, как только блестящая техника и новации молодого доктора привлекли к нему внимание собратьев-медиков.

Теперь джип из-за крутизны склона настолько замедлил скорость подъема, что мы с Муртагом даже смогли перекинуться парой слов.

— Должен поблагодарить вас за кооперацию. Вы не оставили без ответа ни один из моих вопросов, — спокойно поведал он мне. — Вашим людям будет подготовлена хорошая ловушка. Думаю, за Калибаном дело тоже не станет.

— А... так вы накачали меня наркотиками в самолете?

Отблеск света фар от сколотой гранитной поверхности скользнул по лицу Муртага. Он довольно улыбался:

— Вы правы. Во время обеда. Вы сами вынудили меня к этому. Надо было раньше быть пообщительней. Даже сейчас мне пришлось прибегнуть ко всему моему опыту в данных вещах, чтобы вытянуть из вас эти сведения. Но вы все-таки заговорили. И выдали всех, кто работает на вас.

— Они не знают, против кого сражаются.

Он пожал плечами:

— Какая разница. Они помогают вам.

Эти люди прекрасно знали, на что идут, когда решились помочь мне. Они знали, насколько велик риск и чем это грозит им лично, и тем не менее протянули мне руку помощи. И теперь я чувствовал, что в каком-то смысле все же предал их. И даже знание того, что никто на моем месте не устоял бы перед действием наркотиков, ничто не меняло в моем ощущении виновности перед ними.

К счастью, я мало что мог сказать Муртагу о Доке. Если Муртаг и чувствовал себя уверенно, то точно не из-за моей помощи. Док никогда не посвящал меня в то, как функционирует его организация. Его и мои люди знали друг друга только по радиоразговорам. Стало быть, у Муртага не было никакой возможности нащупать след, ведущий от меня к Доку дальше Вогезов.

Я подавил готовое вырваться ругательство. Но по тому, как дернулись мои губы, Муртаг догадался, что мучает меня.

— О да! Вы сказали мне, где находится ваша жена.

Я молчал. Подождав немного, Муртаг невозмутимо продолжал дальше:

— Если это вас может утешить, мы попросим ее присоединиться к вам. Нам просто невыносимо думать, как страдает ваша жена вдали от своего мужа.

Я очень надеялся, что Клио вовремя почувствует опасность и успеет ускользнуть от них, но не стал делиться с ним моими надеждами. Пусть не рассчитывает, что от меня можно добровольно получить хоть какие-нибудь сведения.

Я был взбешен. С каким удовольствием я схватил бы его за отвороты куртки и вышвырнул из джипа через открытую справа от меня дверь, прямо в зияющую пропасть, по краю которой неся автомобиль. Но руки мои вновь были связаны за спиной,

ноги прикованы к днищу машины, а дула пистолетов и автоматов упирались в мои бока.

— Способности Дока Калибана и ваши собственные ни для кого не секрет, вы не раз доказывали, на что вы оба способны. Благодаря им вы и попали в число кандидатов. Но оспаривать кресло Ксоксаза вас выбрали лишь потому, что вы сами являлись его потомками.

Муртаг не мог знать о нашем родстве с усопшим патриархом, если только я сам не рассказал ему всего, находясь под влиянием наркотиков. А это уже была опасная игра. Девять не любили, когда совали нос в их дела. В одном он был прав, никто из тех, кто оспаривал кресло за столом Девяти, не страдал от отсутствия отваги и дерзости.

То, что Муртаг нашел необходимым подчеркнуть, что Док и я были выбраны среди всех кандидатов лишь благодаря родству с одним из патриархов и тем самым как бы пользовались его протекционизмом, мне много сказало о сомнениях, которые он сам испытывал на собственный счет. А то, что он не смог устоять перед соблазном и дать мне понять, что в курсе моих родственных отношений с Ксоксазом, высветило для меня еще одну черту его характера.

Небо над пиками вершин стало светлеть. Мы достигли перевала и стали спускаться вниз. Когда джип наконец оказался у подножия горы по другую ее сторону, заря уже полностью вступила в свои права и первые лучи солнца осветили лежащую перед нами долину.

Дальше дорога проходила по полупустынной местности. Здесь было так сухо, что я невольно спросил себя, уж не находимся ли мы внутри заветного заповедника, в котором скрывается пещерный лабиринт Девяти. К этому пустынному оазису со всех сторон вплотную примыкали джунгли. Но какая-то местная атмосферная аномалия препятствовала нормальному прохождению дождевых туч над этим участком и они обходили его стороной, освобождаясь от принесенной в себе влаги над джунглями или уходя к океану.

Через несколько сотен метров дорога уперлась в массивные металлические ворота высокой стены, перегородившей долину во всю ее ширину. Над верхним краем то тут, то там виднелись несколько сторожевых вышек, по бокам ворот из бойниц высывались дула трех тяжелых пулеметов и пушки Бофора. Человек, сидевший слева от водителя, подбежал к воротам и сунул в щель нечто вроде пропуска. Через минуту ворота дрогнули и медленно откатились в сторону. Джип осторожно двинулся вперед, и огромная, четырехметровой высоты сталь-

ная пластина вновь встала на свое место, но уже за нашей спиной.

Впереди дорога петляла меж палаток уже известной мне конструкции Дока Калибана. В лагере я насчитал человек тридцать солдат, чуть меньше на стене, около двадцати. За последним рядом палаток дорога устремлялась вдаль, прямая, как стрела, и исчезала у противоположного конца долины, узкого, словно горлышко бутылки.

По дороге к верхнему, сужающемуся концу долины, Муртаг несколько раз вступал в радиопереговоры с невидимыми охранниками, видимо, называя пароль. Нас никто не останавливал. Но эти меры предосторожности лишь укрепили меня в предположении, что мы приближаемся к пещерам. Из разговоров Муртага с его корреспондентами я понял, что те испытывают нужду в боеприпасах. Не знаю почему, но у меня появилось впечатление, что в результате последних серьезных операций (в числе которых, вероятно, числилось и мое пленение) численность размещенного здесь контингента войск значительно уменьшилась.

Джип проскочил под нависающей глыбой серого гранита, испещренного красными прожилками. Из бойниц, пробитых в толще камня у подножия скалы, на нас смотрели белые и черные лица батальона охраны. Обернувшись назад, когда джип миновал скалу, в трех метрах над выступом я увидел грот или небольшую пещерку, тоже битком набитую вооруженными солдатами. Да, если это и был секретный вход в пещеры, то охранялся он весьма основательно.

Шофер притормозил, огибая выпуклый бок скалистого выступа, и мы вновь затряслись по ухабистой, каменной дороге. Так мы проехали еще пару миль и наконец остановились. В этом месте стены ущелья сходились почти вплотную, оставляя узкий проход, едва позволявший пройти одному человеку. Лучи солнца еще не проникли сюда и в глубине прохода царил таинственная темнота.

Как только джип остановился, солдаты попрыгали на землю. Замок, которым моя цепь крепилась к скобе в полу машины, был снят и меня вытащили наружу. Маленький отряд поспешно зашагал по узкой тропе. Плечи почти касались скал, уходящих ввысь на неведомую мне высоту. Небо почти не было видно. Здесь всегда царили полумрак и прохлада. Через пару минут нам пришлось остановиться перед очередным постом, состоящим из четырех охранников. Мы прошли еще совсем немного и вновь были вынуждены остановиться. Тропинка обрывалась на краю провала, уходящего вниз метров на

шестьдесят. По другую сторону пропасти, метрах в трехстах от того места, где мы находились, был виден обрывистый склон другой горы, вершина которой пряталась в клубах густого тумана, медленно поднимающегося из темного провала.

Муртаг дулом пистолета подтолкнул меня к самому обрыву. Я взглянул вниз. Когда глаза привыкли к полумраку, я смог увидеть далекое дно ущелья, усеянное голыми безжизненными скалами. Лишь узенькая полоска зелени выдавала редко растущую траву и кустарник по берегам неширокого извилистого ручейка, бегущего по каменистой почве. Ручей начинался в небольшом озерце, расположенном в дальнем конце провала, и исчезал где-то у подножия каменной стены, на которой мы сейчас стояли. Три маленькие, сложенные из камня хижины, приклеившиеся к противоположной стороне провала, были единственными признаками жизни в этом месте, больше похожем своей дикостью на один из кругов Дантова Ада.

Внезапно справа от меня взвыл мотор. Я обернулся и увидел приближающийся задним ходом автомобиль. В кузове находился подъемный кран с прикрепленной на конце стрелы корзиной из плетеной кожи. Я сразу понял, что мне предстояло. Судя по всему, они собирались спустить меня в этой корзине на дно провала.

Я оказался прав. Осклабившись в улыбке, обнажившей его длинные желтоватые клыки, Муртаг не сводил с меня ненавидящего взгляда своих глаз и дула пистолета, пока с меня снимали наручники. Я с удовольствием потянулся и сделал несколько разминочных движений. Затем, повинувшись приказу, забрался в корзину. Собственно, у меня не было выбора. Дула их автоматов были достаточно красноречивы и все они были нацелены на меня.

Грузовик вновь попятился, пока его задние колеса не нависли над обрывом. Я повис в пустоте. Стрела дрогнула и барабан с намотанным на нем тросом медленно закрутился, корзина заскользила вниз. Стена оказалась совсем рядом, и я мог хорошо рассмотреть ее поверхность. Что меня поразило, так это ее невероятная гладкость. Будто все выступы, которые могли бы послужить опорой для рук или ног, были специально стесаны и камень был зашлифован наждачной бумагой.

Достигнув дна, я вылез из корзины, которая тотчас же была поднята наверх. Снизу лица нагнувшихся над пропастью людей казались похожими на маленькие белые и черные луны. Но вот одно за другим они исчезли и я остался один.

Они слишком хорошо знали меня, чтобы подумать, что в отчаянии я могу покончить жизнь самоубийством. Они могли

быть спокойны. Я никуда не мог деться из этой западни, ставшей моей тюрьмой вплоть до второго пришествия.

Я начал с того, что понюхал и попробовал воду в ручье. Она оказалась превосходной. Потом медленно пошел вдоль ручья к озерцу, из которого он вытекал, и остановился, поравнявшись с хижинами. Принюхавшись, я уловил запах самки человека и какого-то другого создания. Запах был смутно знаком, но мне не сразу удалось идентифицировать его. Внезапно, еще не поняв толком, в чем дело, я почувствовал, как взъерошились волосы у меня на затылке, а из горла вырвалось рычание. Подсознание опередило сознание. Теперь я вспомнил! Запах, доносящийся из одной из хижен, был запахом взрослого самца Племени!

В двери показалась голова женщины, которая, едва увидев меня, бросилась мне навстречу.

— Джеймс! — закричала она смеясь. — Джеймс? Неужели это ты!

Едва я услышал ее голос, как понял, с кем свела меня судьба. Красотка, ростом в метр восемьдесят четыре с половиной сантиметра, с копной светло-рыжих золотистых волос, бросилась мне на шею. Это была датчанка, графиня Клара Экджайер. Последний раз мы виделись с ней восемь месяцев тому назад, во время последней ежегодной церемонии. Клара сохранила те же привычки в одежде и, как всегда, совершенно не пользовалась макияжем. Да он был ей и ни к чему.

Она сжала меня в своих объятиях, использовав весь запас «чувственного трепета», который каждая Ева должна беречь и копить для своего Адама. Ее улыбка не была бы более ослепительна и прекрасна, даже если бы я специально спустился в эту преисподнюю, чтобы вызволить ее из тюрьмы.

Но я почти не обратил на нее внимания, сосредоточив все внимание на жителе соседней хижины. Появление его головы в дверном проеме подтвердило точность диагноза, установленного моим обонянием.

Мне не приходилось раньше видеть его. Но в этом не было ничего удивительного. Племя всегда предпочитало жить в стороне, не привлекая к себе излишнего внимания. Как и их предки, эти последние представители антропоидов всегда отличались излишней, прямо-таки болезненной, скромностью. Я был уверен, что раса угасла, считая, что в живых осталась лишь одна самка, самца которой я был вынужден убить восемь месяцев назад. И вот я видел перед собой нового Штб-тб, или Убийцу Леопардов, как это приблизительно переводилось. Большой юный самец и в полном расцвете сил.

Остановившись на самом пороге, он надолго застыл в неподвижности, освещенный светом нарождающегося дня. Высокой в метр девяносто, его прочный, крепкий скелет служил хорошей основой для ста шестидесяти килограммов великолепно развитых мышц. Длинная рыжеватая шерсть покрывала все тело, придавая ему общую темно-коричневую окраску. Создавалось впечатление, что он чрезмерно волосат. Но оно было обманчивым. Количество волос на единицу поверхности кожи у него было гораздо меньше, чем у среднестатистического человека, особенно южных районов. Просто у него, как у шимпанзе, длина волос компенсировала их количество.

Строение его тела, включая мощные округлые ягодицы и форму таза, побудило одного антрополога сразу отнести его к классу гоминидов. Однако ноги его были немного короче, в то время как руки — гораздо длиннее человеческих, ступни ног уже значительно отличались от обезьяньих. Их скорее можно было сопоставить со ступней неандертальца.

Антропоиды никогда не ходили, опираясь на все четыре конечности, как то делают гориллы. И уж тем более не тем способом, который описал мой биограф в главе, которую им посвятил. В то время когда он писал свои первые два тома, ему были неизвестны многие детали. Поэтому он часто компенсировал отсутствие знаний своим разыгравшимся воображением, что, естественно, привело к большому количеству ошибок. Впоследствии, будучи, с одной стороны, справедливым, он признал их, но с другой, как человек весьма упрямый, решительно отказался их исправить, не желая разрушать единство текста.

Шея этого юноши была толстой и мускулистой. Лицо его с первого взгляда было больше похоже на лицо гориллы, чем человека, и какой-нибудь профан не отличил бы их друг от друга, даже при длительном изучении и сравнении. И заметьте себе, что кажется для меня совсем уж невообразимым, но никто из живущих ныне людей не согласился бы изучать его вот так, лицом к лицу, а лишь находясь под защитой прочной металлической решетки. Его огромные выступающие надбровные дуги, плоский, приплюснутый нос, выдвинутая вперед нижняя челюсть со скошенным подбородком, черные вывернутые губы, прикрывающие длинные желтоватые клыки, низкий лоб и высокий затылочный гребень могли бы если не напугать, то, по крайней мере, заставить почувствовать себя весьма неуютно большую часть людей.

Каждая его черта была снимком с воспроизведенного антропологического портрета парантронуса, травоядного гоминида, населявшего некогда восток африканского континента, около

миллиона лет тому назад. Как и горилла, он был в основном вегетарианцем, о чем говорит сходство строения их челюстей и зубов. Но, в отличие от горилл, члены Племени при случае ели и мясо. И это не было их единственным отличием. Самая большая разница была в объеме их черепной коробки и в том, что они могли объясняться друг с другом словами. А сколько легенд было обязано им своим появлением на свет. Антропoid, стоящий сейчас передо мной, был во много раз увеличенной копией агогвы, «маленького волосатого человечка», фигурирующего в сказках племен, живущих в самой глубине джунглей.

Молодой самец заковылял ко мне, покачиваясь из стороны в сторону и нелепо размахивая длинными руками. Огромная, заостренная впереди грудная клетка вздымалась с угрожающей быстротой.

Я обратился к нему на языке Племени, тихом и спокойном, будто журчание ручейка. Он остановился, недоуменно похлопал ресницами и двинулся дальше. Я повторил фразу. Он вновь притормозил и спросил:

— Что означает эта абракадабра?

Теперь хлопал глазами я. Он говорил на английском языке! Конечно, произношение весьма страдало из-за формы его ротовой полости, не позволяющей формировать многие звуки английской речи. Особенно плохо ему давались гласные. И все-таки он говорил настолько бегло, будто английский был его родным языком, что, впрочем, так оно и было, так как он никогда не слышал звуков речи его родного Племени. Но на этом неожиданности не кончились. Он вовсе не был агрессивен настроен по отношению ко мне, как я предположил вначале. Жизнь в Племени приучила меня к тому, что самцы, какими бы ни были их истинные намерения, всегда начинали с того, что показывали, насколько они воинственны. На этот раз я ошибся. Юноша просто хотел поболтать по-английски или на суахили.

Мы очень мило побеседовали. Он рассказал мне свою историю, а Клара дополнила ее объяснениями кое-каких деталей, не подвластных его пониманию. Получалась вот такая история.

Двадцать лет тому назад кто-то из служителей Девяти отобрал его у матери, когда ему исполнилось всего несколько дней от роду. По приказу патриархов Дик, как они называли его, был принят в семью и в дальнейшем рос вместе с детьми одного кенийца, состоящего на службе у Девяти. Все первые годы своей жизни он провел на природе, на границе между саванной и девственным тропическим лесом, к востоку от конголезской границы. Когда ему исполнилось двенадцать лет, пришел

другой посланец Девяти, забрал его и поместил в это угрюмое место.

— С какой целью?

Клара положила свои длинные, с остро заточенными ногтями пальцы мне на руку.

— Вероятно, они думали его использовать в будущем. Может быть, это как раз тот случай. Меня не удивило бы, если в один из ближайших дней они заявятся сюда и заставят вас драться между собой, как гладиаторов.

— Это правда? — спросил я Дика.

— Я мало чего знаю на этот счет. Тут был один тип, который вечно досаждал мне. Он то швырял мне камни в спину, то добавлял что-нибудь в пищу, чтобы я заболел. Я ни разу не видел, как он это делал, но я уверен, что это был он. Он не мог выносить меня. Не знаю почему. Я никогда не делал ему ничего плохого. В конце концов я пожаловался нашему главному, и он сказал ему оставить меня в покое. Но другой, Сканнер его звали, продолжал приставать ко мне. А потом, одним вечером, забравшись в кровать, я обнаружил там змею, которая сама никак не могла туда попасть. Вот тут я разозлился по-настоящему. Конечно, это был Сканнер. Я не собирался его убивать, но я сломал ему челюсть, а заодно и шею. Я потом говорил им, что я не виноват, что все так получилось, но они все равно спустили меня сюда.

Было странно слышать от него даже такую простую, незамысловатую речь, но произнесенную по-английски. Да, получалось, что, несмотря на свое происхождение, у него не было ничего общего с Племенем — кроме наследственных генов.

— А мне кажется, что вся эта история со Сканнером была не более чем предлогом, — высказала свое мнение Клара.

— Тогда что он тут делает?

— Это наш сторож. Вернее, твой. Они отлично знают, что сама я не смогу удрать отсюда. Патриархи могут натравить Дика на тебя просто из желания поразвлечься, ты же знаешь их.

Вполне вероятно, что она была права. С другой стороны, все могло быть наоборот: слова Дика были правдой, а Кларе было поручено следить за мной. Не для того, конечно, чтобы попытаться помешать мне, если я вздумаю сбежать, а с целью выудить у меня еще какие-нибудь сведения, которые Муртагу не удалось вытянуть из меня. Перед их «сывороткой правды» не может устоять никто, но ответы допрашиваемого обычно лаконичны и нужно умело ставить вопросы, чтобы собрать много информации. А я сомневался, что Муртаг способен квалифицированно допросить пленного. Думаю, что Девять были

такого же мнения о нем, поэтому-то они и решили использовать в этих целях прелести датчанки, зная о нашей с ней давней дружбе.

Я не стал расспрашивать ее о причине, по которой она оказалась в этой тюрьме. Зная ее, я просто ждал начала рассказа. Что она и сделала через несколько минут, заговорив слегка обиженным голосом, будто обвиняя меня в недостатке интереса к ее персоне.

Оказалось, что ее вина состоит в некоем небрежении при выполнении очередного задания. По приказу Девяти, она должна была вылететь в Рио-де-Жанейро.

Вместо того чтобы немедленно покинуть Лондон и приступить к заданию, прекрасная графиня решила задержаться и на несколько дней продлить ее роман с одним англичанином. Датчанку на следующий день похитили, накачали наркотиками и самолетом доставили сюда. Любовника же ее ждала какая-нибудь мучительная смерть, секреты которой были так хорошо известны Девяти. «В целях моего воспитания», — предложила Клара в конце.

Такой конец романа, казалось, нисколько ее не смутил, но Клара всем была известна своей храбростью. А может быть, ей было просто на все плевать. Это было импульсивное и страстное существо, живущее лишь настоящим моментом и на всю катушку и никогда не задумывающееся о последствиях. Однако она была не настолько глупа, чтобы не понимать того, что ее здесь ожидало.

— Ты сама знаешь судьбу тех, кто оказался, подобно тебе, туг на ухо. Тебе некого винить, кроме самой себя.

— Но я была без ума от этого мужика!

Я улыбнулся. В этом была вся Клара. Если уж она была влюблена, а это происходило почти постоянно, если не в одного, так в другого, то только «страстно» или «безумно». Чтобы поддерживать постоянный накал горевшей в ней страсти, ей приходилось довольно часто менять своих партнеров.

В полдень нам спустили обед в сетке, привязанной к концу веревки. Ножей, вилок и ложек не полагалось, видимо, из опасения, что мы используем их для изготовления оружия. Еда была вкусной и обильной, хоть и слегка переваренной, на мой вкус. Меню Дика состояло из мяса, ростков бамбука, орехов, ягод и бананов.

Пока мы ели, я поинтересовался, согласится ли Дик попробовать удрать отсюда вместе со мной. Мой вопрос не мог навредить никому. Если антропоид был помещен сюда, чтобы следить за мной, это означало, что они подозревали, что я могу попытаться бежать укрادкой.

Это касалось и Клары.

— Да, — ответил он, бросив на меня взгляд из-под своих выступающих надбровных дуг. — Но куда идти? Даже если нам удастся бежать, что невозможно, куда мы сможем двинуться?

Хороший вопрос. Дик был абсолютно неспособен интегрироваться в обществе известных мне племен. Он или был бы сразу же убит, или стал бы подопытной собачкой для целой армии взбудораженных ученых. Тем более его нельзя было оставить жить в лесу. Он бы просто не выжил. Он оказался бы в той же ситуации, что и любой европеец, заблудившийся в девственном тропическом лесу.

— Если тебе вырвать клыки и обрить все тело, то ты, вероятно, сойдешь за представителя человечества. Достаточно уродливого, конечно. Я это говорю без всякого намерения обидеть тебя, пойми. Ты мог бы стать борцом или боксером и сделать себе на этом неплохое состояние. Я знаю одного менеджера, достаточно честного, который мог бы заняться тобой. Только думаю, что это тебе быстро надоест. К тому же рано или поздно ты привлечешь к себе внимание какого-нибудь зоолога или антрополога, и вот тогда вокруг тебя начнется настоящая вакханалия. Боюсь, ты не сможешь жить в наших городах. Выхлопные газы, шум, сутолока... все это просто убьет тебя...

Он был нужен мне. И с моей стороны было не слишком ловким ходом пытаться сразу его обескуражить перспективами будущей жизни. Будь на его месте какой-нибудь представитель человечества, я солгал бы ему не моргнув глазом. Но он был из Племени. Пусть я любил всего лишь двух его представителей, а остальных терпел, если не ненавидел, но все равно я не мог обмануть такую чистую и доверчивую душу, если он действительно был таким, каким мне казался. Я не должен был забывать и о том, что он мог быть подсадной уткой.

— Случись это раньше, ты мог бы жить со мной в Кении. Но у меня больше нет там плантации, и мне теперь навсегда заказана туда дорога под моим собственным именем. Ну да я что-нибудь придумаю. Главное сейчас, это выбраться отсюда. И чем раньше, тем лучше.

— Если кто-то и способен на это, то это только ты, — сказала Клара. — Может быть, еще Калибан. Но вообще-то мне кажется, это не под силу никому. Тут нужны крылья, я не вижу другого способа.

На закате солнца нам вновь спустили сверху еду. В хижинах не было никакой домашней утвари, никакой мебели, кроме ведра, в которое собирались отбросы. Постелью служила кипа старых одеял, которые, вместо того чтобы защищать нас от

холода, позволяли сохранять тепло, идущее от тел лежащих рядом соседей.

С наступлением ночи — а темно в этой дыре становилось очень рано, в то время как высоко над нашими головами, метрах в ста, вечернее небо было еще полно пронзительной голубизны — я предложил моим компаньонам слегка прогуляться по дну провала.

Южная оконечность этой огромной впадины освещалась мощными прожекторами. Один из них постоянно шарил своим лучом по пространству, остававшемуся неосвещенным. Не обращая на него внимания, мы прошли в противоположный конец впадины, туда, где плескалось маленькое озерцо длиной в восемнадцать и шириной в девять метров. Не обращая внимания на ледяную температуру воды, я с удовольствием окунулся. Кроме того, меня интересовала скала, служащая противоположным берегом этого озера. Я обнаружил в ней множество щелей и впадин, но ни одна из них не была достаточно широка, чтобы я мог протиснуться в нее. Осмотрев все самым тщательным образом, я вылез на берег и галопом пустился по каменистому дну каньона, стараясь побыстрее согреться. Дик и Клара быстрым шагом следовали за мной.

Прожектора заливали все вокруг ярким светом, и сверху мы должны были быть отлично видны. Таким образом, они могли следить за каждым моим маневром и вмешаться в любую минуту, если что-то им покажется подозрительным. Но пока все, что я делал, могло лишь их развлекать, поэтому я не ждал от них сейчас никакого вмешательства.

Я снова нырнул в озеро и решил на этот раз исследовать его подводную часть. Каменный карман, в котором набиралась вода, оказался довольно глубоким, метров девять, и в самой нижней его части я обнаружил широкое отверстие метров двух в диаметре, в которое с силой устремлялась вода. Течением потока меня прижало к толстой металлической решетке, прочно вделанной в скалу, которая перегораживала подводный туннель. Сколько я ни прикладывал усилий, чтобы сдвинуть ее с места или погнуть толстые прутья, у меня ничего не получалось. После нескольких попыток, во время которых я то поднимался на поверхность, чтобы глотнуть свежего воздуха, то вновь уходил под воду, я почувствовал, вернее, почти перестал чувствовать свое тело из-за холода, пробравшего меня до костей. Внутри, казалось, все превратилось в сплошную глыбу льда. Я понял, что еще немного, и я замерзну окончательно. Пришлось снова выбираться на берег.

С вершины скалы кто-то приветствовал мое появление на берегу издевательским хохотом. Но мне все же казалось, что

я не даром потратил время. Если они были вынуждены поставить здесь решетку, то скорее всего это был проход, который вел наружу.

Сжатый с боков телами Клары и Дика, я нетерпеливо дожидаясь, пока мое заочеченвшее тело вернет себе чувствительность. Согревшись, я вновь выскользнул наружу. Несмотря на то что был воспитан в человеческой семье, Дик, что, впрочем, было особенностью мышления всех представителей его расы, был неспособен представить себе будущее. Ложась спать, он не думал, что будет завтра, он хотел спать. Мне с трудом удалось его убедить, что, отдавая дань сну, мы тем самым укорачиваем время, которое оставлено нам, чтобы попытаться все-таки бежать отсюда, и, если нам это не удастся сделать вовремя, он рискует иметь для сна столько часов, что они явно превысят его физиологические потребности.

В конце концов до него дошло, и он с ворчанием пошел вслед за мной. Теперь свет мне был ни к чему, и я старательно избегал освещенных участков. В северо-восточном углу каньона я нашел то, что искал. Дик помог мне собрать осколки кремня, попавшие сюда, вероятно, после взрыва динамитом большого скального выступа метрах в пятнадцати над нашими головами.

Я с трудом дождался первых лучей зари, чтобы приняться за работу. Закутавшись от холода в рваное одеяло, я сидел перед хижинкой и вспоминал навыки, полученные мной за годы жизни в Племенах. Вскоре рядом со мной лежали шесть готовых каменных топоров, ножи, кинжалы и скребки. Технику их изготовления я усовершенствовал с помощью одного моего друга, французского антрополога, как-то гостившего в моем имении Грандрит.

— Что ты собираешься делать этим доисторическим оружием, дорогой пещерный житель? — спросила Клара.

— Еще сам не знаю.

Это была чистая правда. Но даже если бы знал, то не стал бы ей открывать своих планов до того, как придет время их осуществления.

— Во всяком случае, занимаясь этим, ты не делаешь других глупостей.

День прошел точно по сценарию предыдущего, с единственным изменением, что сегодня со мной в озеро нырял и Дик, пытаясь помочь мне сдвинуть в сторону решетку. Всякий раз, как мы выныривали на поверхность озера, с вершин скал, окаймляющих каньон, раздавались насмешливо-издевательские возгласы и поздравления наблюдающих за нами часовых. Они ни разу не попытались помешать нам в наших «забавах», без-

условно, потому что знали, что все наши потуги закончатся ничем. К тому же, если эти имбецилы хотят поупражняться, а заодно и отвлечься немного от осточертевшей рутины казарменной жизни, это было их личное дело и мешать им было ни к чему.

Со второй попытки мы поняли, что дело тухлое. Если даже соединенные усилия таких далеко не слабых людей, как мы, не привели к тому, чтобы подвинуть хоть на чуть-чуть эту решетку, продолжать дальше пытаться сделать что-то без инструментов было гиблым занятием.

Вторую половину дня я провел, бродя по дну провала и внимательно изучая его стены. На северо-восточном участке я нашел одно место, где две скалы подходили друг к другу, образуя прямой угол. Упираясь спиной в одну, а ногами — в другую сторону образованного угла и медленно перебирая ими, можно было попытаться подняться по ней вверх, по крайней мере на первые тридцать метров. Выше плоскости начинали сходить, и у вершины угол между ними был гораздо острее, около восьмидесяти градусов. Там мне пришлось бы приложить колоссальное давление на стены, чтобы удержать тело на весу, и я не был вполне уверен, что буду способен на это.

Зато это место, насколько я мог судить, никем не охранялось.

Часа за два до заката солнца лебедка спустила к нам двух солдат. Наставив оружие, те заставили нас отойти подальше. Так мы и стояли, пока сверху в люльке не спустился офицер, некий Лал Сингх. Следом прибыли еще несколько человек и среди них ныряльщики, одетые в легкие водолазные костюмы.

Судя по всему, они решили проверить, чем мы занимались под водой. Осмотр решетки, видимо, удовлетворил их. Тем не менее они учинили обыск во всех трех хижинах, естественно, безрезультатный. К тому времени я уже спрятал мои каменные орудия под водой, выбрав для этого одну глубокую трещину в каменном ложе озера. Никому из обследующих озеро и в голову не пришло исследовать все имеющиеся в нем укрытия в виде трещин, ямок и впадин.

Порыскав еще немного, они решили наконец оставить нас в покое и поднялись на край обрыва. Лал Сингх усаживался в свою люльку, когда я подошел к нему и спросил, где находится сейчас Муртаг. Ответом мне было молчание. По моим расчетам он должен был сейчас находиться в Германии. И от него, вероятно, ждали в ближайшее время известий о пленении или смерти Калибана, чтобы окончательно принять решение на мой счет. Но это были лишь предположения. Если им удастся

схватить и Клио, у Девяти будет вполне достаточно жертв, чтобы позволить себе праздник на римский манер.

Ночью я вновь выбрался наружу. Выбрав несколько крепких сучьев, я сломал их, очистил от коры, и ею же крепко привязал к ним каменные лезвия. Я не знал, пригодятся ли мне они когда-нибудь, но теперь, во всяком случае, у меня было кое-что под рукой, если понадобится.

Дик и Кларе я решил ничего не говорить о своем плане. Конечно, если они не вешали мне лапшу на уши и рассказали о себе правду, они могли бы мне помочь. Но Клара, несмотря на прекрасную физическую форму, все равно не смогла бы осуществить подобный подъем, так же как и Дик, которому помешали бы его излишний вес и меньшая, чем у меня, гибкость. Так что если и стоило пытаться, то лишь одному. Кроме того, я еще полностью не отбросил подозрений в том, что один из них мог быть шпионом. А может, и оба.

Прошел час, как наступила ночь. Дик и Клара спокойно дышали во сне. Я выскользнул наружу. Спрятавшись за кустом, подождал немного. Но никто не вышел следом. Избегая хаотично бегущего по дну впадины луча прожектора, я подобрался к озеру и вытащил мое каменное оружие. Прежде чем начать подъем, я решил избавиться от приклеенной к животу мины. Выбрав осколок покрепче и поострее, я принялся за ее пластиковую оболочку. Она была очень прочной и с трудом поддавалась ударам кремня, мне пришлось давить на нее изо всех сил, чтобы наконец-то она поддалась. Оставалось лишь надеяться, что она не взорвется у меня под руками от столь неделикатного обращения. Но я почти не думал об этом. Девять слишком дорожили своим желанием отомстить, чтобы позволить мне умереть от случайности. Так что минер, приготовивший для меня этот подарок, должен был позаботиться, чтобы она могла взорваться только в одном случае, когда этого захотят патриархи.

Под защитной оболочкой я обнаружил завернутый в полиэтиленовую ткань взрыватель, состоящий из крошечного приемника и такого же миниатюрного цилиндрика детонатора. Проблема становилась горячей, образно выражаясь. Теперь одно неверное движение, и от меня останутся рожки да ножки. Уперев подбородок в грудь и почти не дыша, я медленно и осторожно ввел внутрь самый тонкий из моих кинжалов. Плавным движением введя его в тягучую замазку взрывчатки под взрыватель, я потихоньку стал «выдавливать» его вверх, где смог ухватить пальцами. Еще пара томительных минут, и детонатор с приемником булькнули на середине озера.

Оболочка мины и сама взрывчатка оставались приклеенными к моей коже, но были уже не опасны. Чтобы удалить их, мне нужен был сильный растворитель, так что дело откладывалось на будущее. Остался еще металлический пояс, обручем сжимавший мою талию и поддерживающий мину в одном положении. Но черт с ним. От него я тоже не мог сейчас избавиться, да он и не слишком сильно мешал мне. Я завязал поверх него еще один пояс, сделанный мною тайком из старого одеяла, и заткнул за него два кремневых наконечника и шесть ножей. Если я буду взбираться по стене, как и предполагал, в положении прямого угла — спина прижата к одной стене, ноги упираются в другую — я не рискую потерять их.

Первое же прикосновение голой спины к камню пронзило меня холодом. Но это неприятное ощущение длилось всего несколько секунд. Очень быстро кожа моей спины покрылась многочисленными ссадинами и царапинами от ерзанья по голому камню и стала кровоточить. Чем дальше, тем сильнее. Ползя вверх, я оставлял на скале широкий кровавый след, будто огромная раненая улитка.

Пытаясь умирить боль и кровотечение, я был вынужден замедлить подъем. На то, чтобы преодолеть первые тридцать метров, у меня ушло двадцать минут. И это был самый легкий участок пути. Усилия, которые я прилагал, медленно продвигаясь вверх, уже начали сказываться. Давление, с которым я упирался ногами в противоположную сторону, и потеря крови постепенно подтачивали мои силы. Угол, образуемый поверхностями обеих скал, не всегда был постоянным, иногда расширяясь и переходя в тупой, что заставляло меня прилагать дополнительные усилия, при этом нагрузка на одну ногу значительно превосходила ту, что падала на другую. От дикого напряжения мышцы ягодиц затекли и теперь дрожали мелкой противной дрожью, которую мне с трудом удавалось унять.

Луч прожектора продолжал безостановочно метаться по дну и стенам каньона. Он уже несколько раз прошелся над моей головой. Меня частично прятала тень от противоположной стены, тем не менее каждый раз при его приближении я застывал на месте, приклеившись, будто муха к стене. Вряд ли стражники могли увидеть меня, даже если бы смотрели специально. Но они были уверены, что из провала сбежать абсолютно невозможно, поэтому скорее всего луч прожектора направлялся автоматически, а стражники лишь время от времени отрывали взгляд от карт, в которые, должно быть, играли, чтобы мельком скользнуть им по освещаемым местам.

Чуть отдохнув, я пополз дальше, вступив на верхний, самый трудный участок подъема. Ощущение, что я ползу, как муха,

прилепившаяся к потолку, все усиливалось. Теперь я двигал ступнями безостановочно, передвигая их сантиметр за сантиметром все выше и выше. Ступня — спина, ступня — спина, и так раз за разом, уже не обращая внимания на режущую боль в спине и судороги в ногах. Спина, покрытая кровью, скользила, и упираться ею становилось все труднее.

Стены стали сближаться, угол становился острее. Чем ближе я продвигался к цели, тем кривизна плоскостей становилась все заметнее. Единственное утешение состояло в том, что по мере того как стены сближались, мне становилось все удобнее упираться ногами. Я предвидел этот момент. Именно из-за этого я и отчаялся на столь рискованный трюк. Но чем выше я полз, тем щель становилась все уже. И вскоре я оказался в столь скрюченном положении, будто эмбрион, напрягшийся изо всех сил, дабы вырваться из чрева на свет Божий.

За время подъема я видел много трещин, пронзающих скалу, куда мог бы вбить колышки. Но я предпочел сохранить их до последнего участка подъема, где они могут оказаться необходимы для преодоления гребня скалы.

Мои мучения, казалось, длятся уже долгие часы. На самом деле преодоление последних тридцати метров заняло не более пятнадцати минут. Таким образом вскоре я оказался втиснутым в своеобразный «карман» между двумя скалами, на которые опирался при подъеме, и выступающим гребнем стены, в который они переходили.

Наступил самый опасный момент, который едва не заставил меня отказаться от всей затеи. Преодолеть этот выступ можно было лишь единственным способом: я должен был протянуть руку под прямым углом в сторону, потом ухватиться ею за край обрыва, и самый опасный момент! — повиснуть над пропастью, полагаясь только на силу пальцев одной руки, на то время, которое понадобится, чтобы подтянуть вторую руку; затем надо будет вскарабкаться на край скалы и перевалить через него.

Но вначале было необходимо избавиться от оружия, переправив его, по мере возможности, наверх, за край обрыва и выступающий над мной его козырек. Осуществить это можно было лишь изогнув тело под немыслимым углом, полагаясь лишь на силу ног, которые только и будут удерживать мое тело от падения. Первые два кремня приземлились удачно, о чем свидетельствовал звук их падения на камни. За ними с тем же успехом последовали два кинжала. Но вот четыре оставшихся натолкнулись на какое-то невидимое для меня препятствие и отскочили в пропасть.

Я больше не колебался, протянул правую руку в сторону, обогнув выступ, и ухватился за край гранитного скола, предоставившего моим пальцам опору в виде небольшой шероховатости, свойственной каждому камню. Миг — и я повис над пропастью, почти в горизонтальном положении, удерживаясь лишь с помощью пальцев одной руки. Нечего было и думать помочь себе каким-нибудь резким толчком ног. Теперь любое неосторожное движение могло закончиться катастрофой. Прогнувшееся вниз тело стало тянуть за собой руку, судорожно вцепившуюся в край обрыва. Несмотря на все мои усилия, та начала скользить, обдирая кожу пальцев о камень и оставляя на нем кровавые следы. Наконец тело развернулось достаточно, и я смог выбросить вторую руку вверх и вцепиться ею в край камня, рядом с первой. Теперь можно было дать ногам возможность оторваться от поверхности скалы.

Я повис над пропастью, удерживаемый лишь силой кистей и пальцев. Затем стал медленно подтягиваться, чувствуя, как «потрескивают», как старые сухие сучья, мышцы рук и спины. Когда подбородок оказался на уровне края скалы, я оперся им о камень и дал немного отдохнуть рукам, удерживая тело на весу лишь с помощью мышц шеи. Так я провел секунд двадцать. Затем вытянул руки максимально вперед и перенес на них весь вес тела.

Упираясь ими, я стал сантиметр за сантиметром подтягивать тело вверх, обдирая грудь и живот о гранитный выступ, покрывая их кровотокающими ссадинами и порезами. Наконец мое тело до пояса вышло над краем скалы, и я лег грудью на камень. Оставалось проползти последний метр. Но этот метр, который сам по себе не представлял какой-то особой трудности, стоил мне стольких же усилий, как и весь предыдущий подъем.

Я долго лежал на скале, восстанавливая силы и дыхание. Наконец почувствовал, как ночной воздух холодит мое тело, кровоточащее от многочисленных порезов и царапин спины, груди, подбородка, рук и ног. Кровь смешивалась с потом и покрывала коркой все тело.

Вскоре я ощутил в себе достаточно сил, чтобы подогнуть ноги, повернуться на бок и сесть. Хоть и с трудом, мне это удалось. Теперь можно было оглядеться. Передо мной возвышался гранитный блок высотой метра в два, о который и стучались мои кремни. Два из них упали у самого края, и я был вынужден вновь опасно приблизиться к самой кромке пропасти, чтобы достать их.

Наконец я поднялся на ноги, засунул поднятые кремни за пояс, оставив в руке лишь один из каменных кинжалов, и

пошел по узкому карнизу, огибающему каньон по всему периметру.

Неподалеку в темноте угадывались отроги высокого горного хребта. Я мог бы попытаться достичь их и скрыться. Или пройти через него и отыскать главный вход в пещеры. Другой возможный вариант состоял в том, чтобы пойти в противоположном направлении и добраться до джунглей, где никто, даже Девять, не смогли бы меня обнаружить.

Но я предпочел следовать моему первоначальному плану: выяснить, где находится тайный вход в лабиринт пещер, присоединиться к Калибану в Европе или там, где он к тому времени окажется, и уточнить с ним все детали нашей решающей схватки с патриархами. Между нами уже было обговорено, что атака должна будет состояться во время обязательной ежегодной ритуальной церемонии, единственной возможности накрыть всех патриархов сразу. Все остальное предстояло обговорить, когда мы соберем дополнительные данные, каждый со своей стороны.

Для того чтобы пересечь всю Африку пешком от берега Габона до этих гор, я отводил себе сорок дней. Но, благодаря усилиям моих недругов, я теперь опережал собственный график действий и имел в запасе около шести недель.

Была самая середина ночи, и высоко поднявшаяся в небе луна довольно неплохо освещала окружающие меня горы и каньоны. Я торопливо шел по узкому карнизу между поднимающейся вверх скальной стеной и краем обрыва, пытаюсь использовать участки, залитые тенью, чтобы внимательно осматривать противоположный край провала и дорогу перед собой, которая могла быть заминирована. Освещенные места я пересекал в несколько прыжков, призвав на помощь все свое умение сохранять равновесие, ибо карниз то расширялся, то практически исчезал на протяжении нескольких десятков сантиметров, а в одном месте даже больше метра, так что приходилось прыгать или перебираться, используя трещины в скале и силу моих пальцев рук и ног.

Прошло не менее часа, прежде чем я добрался до южной оконечности каньона. Лучи прожекторов были направлены вниз, в провал, но их рассеянного света, отраженного от скал, было вполне достаточно, чтобы обнаружить меня.

Я еще ускорил шаг, желая наконец закончить эту часть операции и молясь в душе, чтобы никому из стражников не пришла в голову шальная мысль поднять голову выше и осмотреть края каньона.

Их было четверо. Первый, завернувшись в одеяла, сидел рядом с передвижным прожектором. Я был прав, когда предпо-

ложил, что движениями прожектора управляет автомат, подчиняющийся определенной программе. Солдат сидел рядом и попивал кофе из огромного термоса, стоящего неподалеку. Двое других сидели в кабине грузовика. Его мотор потихоньку урчал, и они грелись в теплом воздухе, идущем от его печи. Четвертый находился внутри герметично закрытой палатки. Я видел его голову и плечи сквозь прозрачный пластик в окошке палатки. Он сидел и писал или читал что-то.

Вначале я занялся тем, кто находился рядом с прожектором. Передок грузовика был развернут в противоположном направлении. Конечно, кто-нибудь из солдат, сидящих в кабине, мог заметить меня, взглянув в зеркало заднего обзора, но тут уж приходилось рисковать. У меня не было другого выхода. Как говорится: или пан, или пропал.

Я не стал прибегать к помощи моего кремневого оружия. Я просто неслышно приблизился к солдату со стороны спины, зажал его голову между ладонями и резко повернул в сторону. Раздался негромкий сухой треск, тело солдата обмякло. Теперь у меня был его тесак, пояс с запасными обоймами и револьвер 38-го калибра. Неподалеку стоял ручной пулемет Брена, и его я тоже забрал с собой.

Проверив тесак, я остался им доволен. Нож был хорошо сбалансирован и годился для метания.

Следующим был человек в палатке. Откинув полог, маскирующий вход в нее, я вошел внутрь. Солдат поднял на меня удивленный взгляд. Когда он прыгнул вперед, то был еще жив, но упал уже трупом, встретившись в прыжке с моим ножом, пропоротившим ему горло. Он не успел даже вскрикнуть.

Внутри стояли стол, этажерка, забитая дешевыми изданиями карманных книг, электрическая кофеварка и передатчик. Кроме того, я обнаружил отсек, занятый винтовками и боеприпасами к ним, диски к автоматам, полевую аптечку, запас консервов и крошечный электрический обогреватель системы Калибана.

Я с удовольствием проглотил горсть бисквитов и запил все чашкой горячего кофе, который обожаю. Потом направился к грузовику.

Если и был визит, который они могли ожидать меньше всего на свете, так это точно был мой. Девять обычно брали к себе на службу сильных парней и далеко не трусливых. И все же, увидев меня, один от неожиданности стал испуганно икать, а второй открыл рот, но ничего, кроме писка, из него не вышло. Надо отдать им должное, парни быстро пришли в себя. Им хватило на это времени; пока они вышли из кабины с руками

на затылке, и встали у борта грузовика уже будучи настороже, готовые мгновенно отреагировать.

Но я им не предоставил такой возможности. Поставив обоих в классическую позу, известную всем по полицейским фильмам — тело наклонено вперед, упираясь руками на капот, ноги широко расставлены в стороны — я обшарил их карманы, но не нашел ничего примечательного. Двое мне были не нужны, и я вновь пустил в ход тесак, пощадив того, который стал икать от страха.

По моему приказу он подвел грузовик задним ходом к краю обрыва и показал, как пользоваться лебедкой. Затем я связал ему руки на животе и усадил в люльку, объяснив, что от него требуется, если он хочет сохранить себе жизнь. Конечно, он мог воспользоваться моментом, когда я отошел от него и залез в кабину грузовика, чтобы выскочить из люльки на землю и побежать, громко крича и стараясь поднять тревогу, но я не думал, чтобы героическая смерть так уж привлекала его. Я оказался прав. Он позволил спокойно опустить себя в провал, где тут же заковылял в сторону хижины.

Вскоре оттуда показались фигуры Дика и Клары, закутавшиеся от холода в одеяла. Их подъем из пропасти занял некоторое время, но я справился и с этим. Солдат остался внизу, полагаю, из опасения, что я могу передумать насчет него.

Клара быстро избавилась от наготы, сняв то, что ей казалось необходимым, с тела одного из солдат. Его форма оказалась ей почти впору, все, кроме ботинок, оказавшихся гораздо большего размера. Дик выбрал себе шинель, которая хоть и несколько стесняла его движения, но хорошо защищала тело от холода. Пока мы совещались, они немного подкрепили свои силы, съев по тарелке супа и выпив кофе. Я держался настороже и доверял им теперь еще меньше, чем раньше.

Вообще-то, учитывая ту опасность, которую они представляли для осуществления моего плана, самым разумным с моей стороны было бы оставить их там, где они находились. Но, как и большинство людей, я не всегда поступаю, исходя из принципов холодного рационализма, и часто позволяю себе руководствоваться чувствами любви и дружбы в ущерб очевидной реальности. Это та черта моего характера, в которую никак не хотел поверить мой биограф, считая, что звериная сущность всегда превалировала во мне над человеческой. Правда, он строил свое заключение на фактах моего поведения при первой встрече с людьми, когда я еще не привык к человеческому обществу и не отождествлял себя с людьми, продолжая считать себя членом Племени.

С точки зрения рафинированного цивилизованного представителя человечества, во мне остаются черты и рефлексy зверя, или чудовища, как некоторые считают, но лишь в моих отношениях с врагом.

Клара выудила из аптечки и смазала мне порезы и ссадины знаменитой анестезирующей мазью Калибана, что сразу избавило меня от личных неприятных ощущений. Потом я подобрал себе кое-что из одежды. Даже она, хорошо зная меня, с трудом могла поверить в то, каким образом мне удалось выбраться из нашей тюрьмы. Но факт был налицо, и им с Диком ничего не оставалось другого, как признать тот факт, что я если и не совсем еще избавил их от опасности, то, по крайней мере, вытащил из этой дырки в земле и дал возможность сражаться за свою жизнь.

Мы загрузили стоящий там же джип провизией, боеприпасами и оружием. Определенного плана не было. Для начала необходимо было добраться до лагеря. Дальше будет видно. Если бы я был один, я попытался бы найти вход в пещеры. Теперь же было необходимо вначале укрыть Дика и Клару в лесу. После этого я мог бы не бояться за их судьбу. Там они сами смогут выбраться, куда решат. Я же мог бы вернуться, чтобы продолжить свои поиски здесь.

Я оставил себе пистолет, положил пулемет так, чтобы он оставался под рукой, и проверил, хорошо ли скользит кинжал в ножнах. Он мог понадобиться мне в любую секунду. Во мне все больше росло недоверие к Дикy. Клара тоже могла быть опасна, но Дик, который соединял в себе огромную физическую силу и быстроту гориллы со знанием стрелкового оружия, знакомством с боксом и каратэ, мог оказаться страшным противником, таким, с которым мне еще никогда не приходилось встречаться. Пока что он вел себя в соответствии с тем, каким хотел казаться. Но теперь я опасался поворачиваться к нему спиной.

Дик ловко управлялся с джином. Впрочем, я бы не удивился, если бы он проявил подобную ловкость в обращении с большинством механизмов, изобретенных человеком. Наши разговоры с ним ограничивались чисто материальными потребностями и не касались абстрактных понятий. Но какая разница, был ли он способен заметить тонкости рассуждений Платона, Спинозы, Шекспира или Джойса? Много ли найдется таких и среди людей?

Я решил доверить вести джип Кларе. Дик сел рядом с ней, а я устроился сзади. Мы ехали не торопясь, не быстрее тридцати километров в час, с зажженными фарами, когда у подножия очередной скалы вдруг открылась пещера. Вооруженные

люди, заполнившие ее, не обратили на нас особого внимания. Вероятно, они не нашли ничего необычного ни в самом появлении джипа в такое время, ни в нашей одежде, ни в том, как мы ехали. На это-то я и рассчитывал. Слава Богу, они не страдали маниакальной подозрительностью ко всем и всему!

Через четверть мили пути, лежащего между высокими остроконечными склонами, которые мы огибали, едва не касаясь бортами их граней, прямо перед нами показался лагерь. Горящие электрические лампы обозначили его периметр. Все палатки были задернуты и темны, за исключением самой последней: сторожевой пост с четырьмя часовыми, стоящими по обе стороны дороги. В палатке виднелся офицер, сидящий за столом.

Клара притормозила. Мы договорились заранее, что она остановится, если у нас потребуют документы. Если нет, то она должна будет спокойно ехать вперед с постоянной скоростью до тех пор, пока кто-то не попытается нас остановить. Над дорогой, на протянутой поперек проволоке, раскачивалось несколько ламп. Но их света было вполне достаточно, чтобы солдаты с первого взгляда признали в Кларе женщину, а в Дике человека-обезьяну из каньона.

Я рассчитывал, что удивление и неожиданность парализуют их действия не менее чем на три секунды. И не ошибся. Ни Клара, ни Дик не сделали ни единого жеста, который можно было расценить как сигнал или предупреждение. Может быть, потому, что боялись, как бы я не пристрелил их тут же на месте.

Один из часовых вышел на дорогу и направился к джипу, предостерегающе подняв руку вверх. По мере приближения автомобиля лицо его приобретало все более удивленное выражение. Дальше медлить было нельзя. Как мы и договаривались, Клара открыла огонь в тех, что были справа от нас. Мой «брен» выпустил длинную очередь в тех, что были слева. Эффект был одинаковый, все четверо часовых растянулись на земле. Вторую очередь я выпустил в темноту, несколькими метрами дальше, а затем чуть-чуть приподнял ствол пулемета. И в самое время. Офицер, сидящий в палатке, прыгнул по направлению к выходу. Очередь вначале прошла ему живот, а потом кровавой строчкой прошла по груди.

Дорога освободилась, но я сожалел, что пришлось поступить именно таким способом. Я хотел как можно меньше шума. Стража, стоящая на стене, перегораживающей долину, теперь была настороже. Они, вероятно, уже направили дула своих пулеметов и единственной пушки в нашу сторону.

Стрельба разбудила спящий лагерь.

Мне нужно было бы подобраться к часовым пешком и снять их, пока джип пересекал освещенную зону поста. Но это значило бы подставить себя под пули Дика и Клары, которые, если они были завербованы патриархами, не остановились бы перед тем, чтобы пожертвовать своими собственными людьми, лишь бы свести со мной счеты.

Теперь же я заставил их вылезти из джипа и первыми войти в палатку офицера. В ней находился настоящий арсенал. Автоматические винтовки, базуки, ракеты, пулеметы и гранаты. Я приказал им повесить их винтовки за спины и заняться погрузкой всего этого военного богатства в джип. Дик взял в руки базуку, повертел перед носом и заявил, что не знает, как этим пользоваться. Клара успокоила его, сказав, что нет на свете оружия, с которым бы она не умела обращаться. И это было правдой.

Я подвесил к поясу целую гирлянду гранат. Потом оторвал все телефонные провода, ведущие к распределительному щитку, висящему за палаткой. Закончив погрузку, я вновь уселся сзади, и мы, не слишком торопясь, отправились дальше, пока до стены осталось не более двух шагов. Здесь мы остановились.

Прожектора, установленные на гребне стены, лихорадочно обшаривали долину во всех направлениях. Начальник охраны стены, должно быть, уже оборвал телефон, пытаясь дозвониться до контрольного поста. Теперь же для того чтобы понять, в чем дело, они должны были побывать в самой палатке. Вот тогда уж репродукторы завопят во всю мочь.

Клара остановила джип, заведя его в небольшую ложбину. Не спуская с моих приятелей глаз, я вновь приказал им вылезать и идти передо мной. От предвкушения предстоящей драки оба обильно потели. И вот здесь, кроме запаха обычного пота, я почувствовал исходящий от Дика какой-то новый, неизвестный для меня компонент.

Сейчас я знаю, что он означает. Если мне случится еще раз почувствовать этот аромат в присутствии кого-нибудь из его расы, я тотчас же уловлю этот горьковатый запах предательства.

Дик опустился на колени, и теперь над уровнем долины торчала лишь одна его голова. Стоя рядом, Клара зарядила базуку. Я забрался на гребень ложбины и выпустил по прожекторам несколько длинных очередей, пока не закончились патроны. Прожектора потухли, и на нас обрушилась темнота. Я спешно сменил диск.

Настала очередь Клары. Широко распустив свой огненный хвост, ее первая ракета прочертила в черном небе след, будто

огненная комета, которая воткнулась в землю прямо перед огромными металлическими воротами. Земля содрогнулась от тяжкого взрыва, и в воздухе возник огромный султан из дыма и выброшенной вверх земли, которая ошметками стала сыпаться вокруг нас. Клара уже перезарядила, на этот раз ее целью стала амбразура, сквозь которую плевалась огнем пушка Бофора. Снаряд ударил в стену, чуть ниже отверстия. Пушка, вероятно, уцелела, но людям должен был быть нанесен большой урон.

После минутной передышки «бофор» вновь начал стрельбу. Пригнувшись, Клара и Дик зарядили оружие в третий раз. Пока они занимались этим, я поливал грохочущую темноту очередями из ручного пулемета. Залп мортиры, вспахавший землю долины в каких-нибудь пятидесяти метрах, заставил меня отступить. Я укрылся за склоном ложбины. Артиллеристы, обслуживающие пушку, уточнили прицел, но удача все равно была за нас. Первый снаряд, взорвавшийся на самом гребне впадины, оглушил нас своим взрывом и почти похоронил под дождем из гравия и земли. Второй просвистел прямо над нашими головами сквозь густую завесу из дыма и разнес вдребезги противоположный склон оврага, в котором мы прятались. В этот раз они почти достали нас. Мы все были контужены и наполовину оглохли. Придя в себя, я первое время никак не мог понять, где нахожусь. Наконец головокругление прошло и зрение восстановилось. Я поднялся на четвереньки, продолжая сжимать в руках ставший неразлучным «брен», все так же направленный на Дика и Клару.

Глубокую темноту ночи прорезали редкие лучи прожекторов, которые успели починить. При их свете мои компаньоны смогли рассмотреть оружие, направленное на них, и догадаться о моих намерениях. Ни слова не говоря, они вновь зарядили базуку, и очередная ракета взлетела в воздух. Едва снаряд достиг цели, хриплое рыкание выстрелов пушки прекратилось. Но, несмотря на несравненное умение Клары обращаться с базукой, со стен продолжали огрызаться три пулемета и шесть автоматических винтовок...

К счастью, они стреляли наугад. И наша четвертая, и последняя ракета разом подавила их жалкое твякание. Досталось и «бофору», дуло которого исчезло из амбразуры в султанах огня. Мы уже сидели в джипе, который с ревом выбрался из полузасыпанного оврага и устремился прямо к разнесенным в клочки воротам. Клара припала к пулемету и прошивала очередями любую движущуюся тень слева от нас. Я делал то же самое справа. Потом, когда кончился диск, швырнул в каждую сторону по гранате. Пули прошивали тент джипа над нашими

головами, дырявили капот; одна разбила левую сторону ветрового стекла, прожужжав у самого уха Клары. Казалось невозможным уцелеть под этим дождем огненных пчел. Но мои гранаты и точный огонь прекрасной графини несколько уменьшили число наших противников и обескуражили уцелевших. Дик уже пересекал черту ворот. Но тут колеса джипа столкнулись с куском искореженного металла. Его занесло в сторону, и нас выбросило на обочину.

Ситуация становилась деликатной. Вынужденная обернуться и стрелять поверх голов по стене, Клара могла лишь слегка наклонить ствол своего оружия, чтобы разрезать меня пополам. Я растянулся плашмя на заднем сиденье, не сводя глаз с дула ее винтовки.

Что же, могло быть и хуже. Пока солдаты перетаскивали пулеметы с одной стороны на другую, мы были уже в двухстах метрах от наблюдательных вышек. Со стен вслед нам неслись вереницы трассирующих пуль. Наш отпор держал противника на почтительном расстоянии достаточно долго, чтобы позволить нам миновать первый зигзаг горной дороги.

Когда мы вскарабкались на вершину склона, я приказал Дикю остановиться. От подножия к нам доносился шум моторов по крайней мере десятка джипов, стремившихся в атаку на первый вираж горного серпантина. Клара наклонилась вперед, будто могла таким образом рассмотреть сквозь обступившую нас темноту, что там делается внизу. И тут она меня удивила.

— Я вижу их, — спокойно заявила она. — Десять машин. Два грузовика, остальные джипы.

Откуда у нее такое зрение?

— Вы вдвоем поезжайте вперед, я — за вами.

Они было запротестовали, но скоро замолчали, когда я напомнил им, кто организовал все это дело и благодаря кому они очутились здесь. Одним прыжком я преодолел расстояние, отделяющее меня от кучи гранитных глыб, лежащих слева от дороги, и спрятался за ними. Пусть не рассчитывают, что я останусь на линии огня, если они решили предать меня. Но Дик рывком включил первую скорость, и машина рванулась вперед. Клара, обернувшись, обеспокоенно смотрела на меня, пока джип не скрылся за поворотом дороги.

Я бегом пересек дорогу и кубарем скатился вниз, к густым зарослям кустарника, нависшего над предшествующим виражом. Я решил ждать здесь. Как только показался нос первой машины, я сорвал гранату с пояса. Не успела еще взорваться первая, как в воздух взлетели две последующие.

Результат был вполне обнадеживающий. Я не стал смотреть, что там творится на дороге. Но за то время, которое

понадобилось мне, чтобы вновь забраться туда, где я вылез из джипа, на уровень следующего виража, внизу уже полыхал огромный костер, ярко осветивший весь склон горы. Здесь я остановился и посмотрел вниз: дорога была заблокирована. Первый автомобиль перевернулся, второй взрывом вывернуло наизнанку, и он горел яркой свечой, загородив всю ширину дороги, третий не успел, вероятно, затормозить, врезался ему в бок и теперь горел вместе с ним. Пусть только грузовик, идущий четвертым, попытается столкнуть горящие машины с дороги, его водитель и солдаты, сидящие в нем, поджарятся не хуже, чем в духовке. Честно говоря, я очень хотел, чтобы они попытались.

С дороги доносились крикливые возгласы офицеров, пытающихся восстановить порядок в колонне. Я швырнул в них четыре из пяти оставшихся у меня гранат. Думаю, что они навели там больший порядок, чем командиры, так как беспорядочная пальба во все стороны сразу заметно ослабла. Тем не менее для того чтобы убить меня, хватило бы и того, что еще летало и жужжало вокруг, поэтому я осторожно стал подниматься по склону вверх, к следующему витку серпантина. Осторожно потому, что от огня горящих машин стало почти так же светло, как днем, и снизу были хорошо видны все передвижения на склоне.

У меня осталась всего одна граната, автомат с полным диском, кинжал и «брен», последняя лента которого уже была на три четверти пуста. Едва я успел спрятаться в щели между двумя гранитными блоками, как услышал какой-то приглушенный шум выше себя по склону. Клара? Я застыл, прислушиваясь. Внезапно тишину ночи разорвал бешеный крик ярости. Затем послышался звук металлического предмета, катящегося по склону и задевающего за камни. По характеру звука я догадался, что это должна была быть винтовка, видимо, брошенная в ярости Диком.

Это можно было интерпретировать по-разному. В любом случае надо было посмотреть, в чем там дело. Быть может, тот, кто находился в затруднительном положении, нуждался в моей помощи. Я вновь полез вверх, стараясь выбирать наименее освещенные участки склона.

Я чувствовал заметное колебание почвы под тяжелыми шагами. Издалека приближалось чье-то шумное, затрудненное дыхание. Послышался голос Клары, которая что-то неразборчиво сказала. И вслед тотчас же раздался тихий шелестящий звук, который я сразу узнал, ибо это был звук пронзающего воздух кинжала, брошенного с огромной силой.

Поднявшись, я рискнул поднять голову над полотном дороги. В мечущемся свете огня передо мной возник огромный силуэт Дика, бросившегося на хрупкую фигурку Клары. Он уже протянул руки, готовясь схватить ее. Но женщина ловко увернулась и отступила на несколько шагов. Отблески огня играли на лезвии кинжала, которым она размахивала перед собой. Джип с потушенными фарами стоял на обочине в нескольких метрах от сражающихся.

Я прыгнул вперед и встал между ними.

— Что это должно означать?

Они замерли на месте. Дик даже попятился. Потом одновременно заговорили, перебивая друг друга.

— Тихо, тихо, тихо! — поднял я руку вверх. — Дик, будь вежлив, уступи очередь женщине: Клара, давай!

Однако мой юмор их не развеселил. Но к этому я уже привык: мои шутки обычно или не так понимают, или считают неудачными. Может быть, момент был и не слишком подходящим, но я всегда думал, что именно в самые драматические моменты необходимо отколоть что-нибудь, что снизило бы напряженность.

— Этот предатель, это отвратительное чудовище собиралось пристрелить тебя! — возмущенно воскликнула Клара по-французски. — Я трахнула его по голове и выбросила его винтовку вниз. Слава Богу, у него не было другого оружия, а у меня еще оставался этот нож. К сожалению, я тоже расстреляла все патроны, но надеялась дождаться тебя, сдерживая его на расстоянии с помощью кинжала.

— Это все вранье! — завизжал Дик по-английски. — Это она хотела пустить тебя в расход, а я помешал ей, выбив из руки винтовку!

— И давно ты знаешь французский язык, Дик?

Он залепетал что-то, но я уже не слушал.

— Почему ты решил, что будет лучше сказать мне неправду? — обманчиво мягко спросил я.

— Я вовсе не обманываю тебя, — прорычал он. — Я понимаю французскую речь, хотя и не могу произнести ни единого слова! Я никогда не говорил, что не понимаю его!

Если он был невиновен, то это его упущение не имело большого значения. Но если же Дик служил Девяти, то допущенная им оплошность вписывалась в цепь фактов, имеющих огромное значение.

Во всяком случае, это доказывало, что я был прав, когда не слишком доверял им. Один из них был шпион. Теперь, когда в отношении моих спутников у меня появился долг, нечего было и думать продолжить мой путь в одиночку. Один из них вполне

заслужил самого сурового наказания. У меня нет привычки забывать тех, кто хотел моей смерти.

Клара насупилась, обвинив меня в черной неблагодарности и упрекая в моем недоверии ей. Я не перебивал ее, понимая, что ей надо выговориться, чтобы спустить пары. На моем месте она поступила бы точно так же, и она знала это. Датчанка гневно швырнула кинжал на землю и отстранилась, когда я нагнулся, чтобы подобрать его. Я заставил ее обыскать Дика в поисках спрятанного оружия. Затем антропид повторил то же самое с ней. Я не спускал глаз с обоих. Ни у одного, ни у другого оружия больше не было. Тогда я бросил винтовку Клары рядом с собой на заднее сиденье джипа. Клара уселась впереди, рядом с Диком, который повел автомашину. Мы двинулись вверх к перевалу с максимально возможной в этих условиях скоростью в двадцать километров в час, учитывая извилистость горной дороги и слабую освещенность ее. Зажечь фары я не разрешил.

Внезапно далеко впереди показались огоньки двух автомашин, двигавшихся нам навстречу. Они то появлялись, то исчезали, скрываясь за очередным поворотом дороги. Машины могли быть только с аэродрома. Я приказал Дикю остановиться и вылез из джипа, чтобы лучше определить, как далеко они от нас находились. Но идущие навстречу автомобили внезапно выключили свои фары.

Дело требовало предельной осторожности. Я вернулся в джип.

— Они или решили устроить нам засаду, или считают, что так приблизились к цели, что дальше будут продвигаться на ощупь. Ладно, посмотрим. Двигай дальше. Будь готов остановиться, как только я скажу.

Мы приближались к перевалу. Дик останавливался через каждую сотню метров, и я напряженно вглядывался в темноту, стараясь различить движущиеся тени или услышать ворчание моторов. Звук здесь далеко разносился, отражаясь о грани гранитных скал. До нас продолжали отчетливо доноситься крики с нижних участков дороги. Наконец впереди послышался едва различимый звук моторов, работающих на холостом ходу. Затем он вновь исчез. Это было, как мне помнится, во время нашей третьей остановки. Вывод напрашивался сам по себе: солдаты наверху услышали звук нашего мотора и теперь поджидали, когда мы появимся. Я приказал Дикю выключить контакт. Мотор умолк. Мы только что миновали самую высокую точку перевала. Дальше дорога некоторое расстояние шла почти горизонтально с медленным, постепенно нарастающим уклоном, что позволяло нам двигаться по инерции, не включая

мотора. Затем все чаще и чаще пришлось прибегать к помощи тормозов из-за увеличивающейся крутизны дороги. Проехав так еще с полмили, я вновь остановил джип. Визг тормозов громко раздался в тишине окружающей нас ночи.

— Дальше я пойду пешком и постараюсь зайти к ним в тыл, — сказал я. — Я оставляю тебе кинжал, Клара. Если ты сказала мне правду, он может тебе понадобиться. Но винтовку я все же заберу. Не двигайтесь с места до моего возвращения. Это приказ.

— Стоит тебе отойти, как он тут же убьет меня! — воскликнула графиня.

— Она перережет мне глотку! — запротестовал Дик.

— Вы оба достаточно сильны, чтобы защитить себя один от другого. Держитесь друг от друга на расстоянии, и ничего не случится.

В винтовке Клары оставалось еще четыре патрона. Прежде чем начать спуск, я решил спрятать ее за скалой, нависающей над самой дорогой. Мне понадобилось целых четверть часа, чтобы преодолеть осыпь, затем спуститься вниз по склону вне поля видения моих компаньонов. Я решил спуститься ниже и в стороне от предполагаемого места засады. Но я переборщил. Когда я вновь стал подниматься вверх, осторожно крадась вдоль края дороги, перебегая от камня к камню, от скалы к скале, мне пришлось пройти около мили, прежде чем заметил темнеющие впереди пятна двух автомашин. Это были джипы, спрятавшиеся между скал, по форме напоминающих остроконечные заколки для волос. Я сумел неслышно подобраться почти вплотную к ним.

С расстояния не более двух метров мне были хорошо видны все восемь солдат, затаившихся у колес автомобилей. Если мне не изменила память, на охрану взлетной дорожки было оставлено всего четверо солдат. Значит, за это время они успели получить подкрепление.

— Должно быть, они заметили нас, — негромко сказал в это время офицер. — Нужно сходить кому-то посмотреть, что там происходит. Давайте, вы трое, — он указал на ближайших солдат. — Только тихо. Если заметят, отбивайтесь сами и уходите через гору на ту сторону, к лагерю.

Трое разведчиков сразу двинулись в путь. Я подождал немного и осторожно поднялся по склону на несколько метров над дорогой. Офицер и оставшиеся четверо солдат сгрудились у капота переднего джипа, что очень облегчило мне задачу. Я лишь сожалел, что нельзя одним махом уничтожить всех восьмерых.

Моя последняя граната упала точно в центре группы и взорвалась с оглушительным грохотом. Когда дым рассеялся, на земле валялись четыре трупа. Скорее всего они даже не успели понять, что случилось. Лишь один из солдат, мельком увидев падающий с неба предмет, интуитивно понял и, в испуге заорав: «Граната!», отпрыгнул подальше, но упасть не успел. Взрыв подхватил его и швырнул далеко в сторону, на круто уходящий вниз склон, по которому он закувыркался безвольной тряпичной куклой, то и дело натыкаясь и отскакивая от выступающих повсюду камней и скал, пока не исчез в темноте.

Взрыв подтолкнул джип к обрыву, и теперь он стоял, нависнув над ним своей передней частью. Он не загорелся, но оба правых колеса разнесло в клочья, а вся правая сторона была покоржена, так что он был полностью выведен из строя.

Услышав взрыв, разведчики бегом бросились назад. Они вынырнули из темноты и натолкнулись на струю раскаленного свинца, вырвавшуюся из моего автомата, которая уложила их носом на землю в двух шагах от их приятелей.

Убедившись, что никто не движется, я выбрался на дорогу, собрал валявшиеся на земле винтовки, автоматы и кинжалы и покидал их в кузов второго джипа, оставшегося невредимым. Тут я наклонился. Что и спасло мне жизнь. В задней части кузова джипа стоял металлический ящик, и я решил посмотреть, нет ли в нем гранат. Едва я склонился над ним, как раздались четыре быстро следовавших один за другим выстрела, эхом отразившиеся от скал над моей головой. Две пули, продырявив брезентовый верх машины, просвистели на уровне моей головы. Я бросился на землю. Две следующих пронеслись там, где я только что стоял, и канули в ночи через открытую дверь джипа. Не среагируй я столь мгновенно, они наверняка пронзили бы меня насквозь. В воздухе раздался какой-то низкий басовитый звук, затем глухой стук предмета о землю, и разряженная винтовка приземлилась сзади меня.

У Клары никогда не хватило бы сил бросить винтовку так далеко. Пожалуй, никто, кроме Калибана и меня самого, не был способен на столь выдающееся спортивное достижение.

И тут мысль о Кларе ледяной удавкой сдавила мне горло. Что он с ней сделал?

— А ну, спускайся сюда, ты, колченогая образина! — забыв обо всем, заорал я во все горло. — Спускайся оттуда, вонючая обезьяна! Подойди поближе, урод несчастный! Я не буду стрелять. Вытаскивай свой нож, который ты отнял у слабой женщины, и докажи свою храбрость мне! С каким наслаждением я продырявлю твое тухлое брюхо! Эй, ну где же ты? Ты слы-

шишь меня, недостающее звено? Ты, двурушник, патриарший подхалим!

Ответом мне было гробовое молчание. Он не хотел выдавать свою позицию. И правильно сделал, потому что в следующую секунду я схватил первый попавшийся под руку автомат и полностью опустошил диск, поливая пулями уходящий вверх склон горы. Перезарядил и опорожнил второй, а за ним и третий диск подряд. Шестьдесят пуль с разрывными головками пропели свою песнь смерти в холодном ночном воздухе.

Наконец грохот эха очередей затих вдали, и пули прекратили щелкающие па балета, перестав рикошетировать от скал. Вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь пронзительными криками какой-то птицы, вырванной из сна звуками этой стрельбы.

В небе послышался звук приближающегося реактивного самолета. Он летел с потушенными огнями на значительной высоте. Внезапно на нем вспыхнули все бортовые огни, а под брюхом завертелась мигалка. Из-за скал в небо метнулся мощный сноп яркого света, четко высветивший верхушки скал на фоне черного неба. Проектора и сигнальные лампы, стоящие вдоль посадочной полосы, указывали летчику направление полета, ярко осветив при этом узкую щель в кольце гранитных скал, через которую только самолет и мог попасть внутрь долины.

Я прыгнул за руль, включил мотор и рванул с места, огибая покоренный взрывом гранаты джип. Я не мог уйти, не зная наверняка, что с Кларой. Я не думал, что моя бешеная стрельба нанесла хоть какой-то урон Дикю. Скорее всего он просто отлежался за какой-нибудь глыбой гранита, пока выстрелы не прекратились, но теперь, если мы встретимся, ему придется защищать себя лишь с помощью кинжала. Другого оружия у него не было.

Я плюнул на все меры предосторожности и, чтобы увеличить скорость, ехал с зажженными фарами. Не успел я проехать и первых шестидесяти метров, как от вершины ближайшей к дороге скалы отделилась огромная тень и, сделав головокружительный прыжок, приземлилась на заднее сиденье.

Он не упал прямо на меня лишь потому, что в самый последний миг, заметив, как он уже летит в воздухе, я успел до предела выжать газ, утопив в полу педаль акселератора. Я рассчитал, что внезапное ускорение отбросит его к задней стенке машины, а я в это время успею выскочить из джипа, предоставив его самому себе и судьбе, которая позаботится обо всем остальном. Я не видел другого выхода. Я не успел бы повернуться и защитить себя, если бы Дик напал сзади. Особенно

если бы удался его план, по которому он сразу же должен был прыгнуть мне на плечи, едва его ноги коснулись бы заднего сиденья.

Видя, как я ускользаю прямо из-под его носа, он взревел в ярости. Я лишь краем глаза заметил шевеление огромной массы его тела у задней стены автомобиля. В следующее мгновение я уже был снаружи. Прыгнул я, правда, не очень удачно, и яркие звездочки еще долго плавали в поле моего зрения после того, как голова моя пришла в соприкосновение с одной гранитной глыбой, лежащей у самой обочины.

Если бы Дик покинул машину с той же быстротой, с которой в нее забрался, мне кажется, я проиграл бы. Но он промедлил на самую малую долю секунды. В моем броске из джипа я невольно придерживался рукой за руль. И, уже отпуская его, рука как бы повлекла баранку за собой, заставив ее повернуться, отчего джип, резко вильнув, устремился в сторону откоса.

Машина уже наполовину нависла над обрывом, и ее передние колеса крутились в пустоте, когда Дик все-таки умудрился выпрыгнуть из нее. Я лишь заметил, как огромный темный шар выкатился из открытой двери и покатился по земле. В тот же миг джип исчез за кромкой обрыва. Но склон был слишком каменистым, чтобы он мог далеко укатиться. Наткнувшись на обломок скалы в нескольких метрах ниже уровня дороги, он чуть-чуть помедлил и затем взорвался в яркой вспышке пламени.

Огонь осветил гигантский силуэт с ненормально длинными руками, стоящий враскоряку на дороге прямо передо мной. В его огромном кулаке тускло поблескивало лезвие тесака.

Превозмогая пульсирующую в голове боль, я с трудом встал на колени и потянулся к револьверу, висящему в кобуре у меня на поясе, но пальцы мои встретили пустоту. Я, должно быть, был контужен при падении сильнее, чем предполагал, ибо в первые мгновения никак не мог уразуметь, как такое могло случиться. Потом голова чуть-чуть прояснилась, и я вспомнил, что положил револьвер рядом с собой на сиденье. У меня остался только мой кинжал. В других обстоятельствах этого мне было бы более чем достаточно. Мне не раз приходилось драться с самцами Племени, не имея ничего другого под рукой, кроме ножа, и я всегда побеждал, иначе не был бы сейчас здесь. Но антропиды никогда не покидали джунглей и не учились умению владеть оружием. Точно так же они оставались в полном неведении относительно таких видов борьбы, как каратэ или дзюдо.

Я расстегнул пояс и обмотал его широкой кожаной полосой свою левую руку. Правой я крепко сжал рукоять кинжала.

Пригнувшись и полусогнув ноги в коленях, Дик медленно, но решительно направился в мою сторону. Свет пламени горящей машины кровавыми бликами играл на лезвии его приближающегося ножа.

Вдалеке слышались многочисленные голоса, и вскоре донесся шум поспешных шагов. Судя по всему, приближались мои преследователи. Реактивный самолет, заходивший на посадку за частоколом высоких скал и пиков, взревел обоими моторами так, что задрожала земля. Я сконцентрировал все внимание, подготовившись к атаке.

Сделав шаг вперед, я одновременно крутанул левой рукой. Пряжка моего пояса со свистом рассекла воздух. Не ожидавший этого Дик резко прынул в сторону, пряжка ударила точно по клинку его тесака, и если и не выбила его из руки, то «отсушила» Диду кисть, это уж точно.

И снова кожаная полоса взлетела в воздух. В этот раз Дик поймал ее на лету. Его движения были просто молниеносными. Он был гораздо быстрее любого из всех моих предшествующих соперников. И гораздо сильнее каждого, в том числе и меня самого. Пояс был вырван из моей руки с такой силой, что содрал мне кожу на ладони. К тому же рывок едва не бросил меня прямо на лезвие его тесака.

Нацелив свой нож мне в живот, Дик бросился вперед. Я парировал атаку. Металл дико скрежетнул по металлу. Отступив в сторону, я дал ему проскочить мимо меня. И как только он вновь развернулся, метнул мой кинжал. Этим броском я поставил свою жизнь на карту. Если он поймает или отобьет его, мне конец.

Клинок с тупым звуком на пять дюймов вошел в его широкое брюхо.

Пошатнувшись, Дик выронил тесак на землю и обеими руками ухватился за рукоять моего ножа. Постояв так секунды две-три, он опрокинулся на спину и, захрипев, повалился на землю.

Будто дожидаясь этого момента, со всех сторон в ночной мгле рядом засверкали огоньки выстрелов. Раздался свист пролетающих рядом пуль. Приходилось действовать, не раздумывая. Только жаль было оставлять кинжал в этой туше. Потом я пожалел, что не плюнул на пули и не забрал все-таки мой нож. И дел-то было на секунду, не больше... Но чего не сделал, того не сделал. Историю вспять не повернешь.

Освещаемый огнем горевшего джипа, я был слишком заметной целью. Прыжок в сторону крутого склона, и вот я уже карабкаюсь от скалы к скале, прячась в их тени. Солдаты безостановочно продолжали поливать дорогу свинцовым дождем.

Если они и видели меня, то вряд ли узнали. Расстояние, с которого они открыли свою пальбу, было достаточно большим. Ни о какой прицельной стрельбе не могло быть и речи. А сейчас они вообще должны были потерять меня из виду, что и подтвердила их стрельба, сконцентрировавшаяся далеко от того места, где я находился. Затем она постепенно ослабела и наконец прекратилась вообще. Они или поняли ее полную бессмысленность или решили поэкономить боеприпасы.

Оставаясь в тени скал, я прополз на животе метров шестьдесят параллельно дороге. На всем пути я не встретил ни одного человека, кто мог бы блокировать мой подъем к тому месту, где я оставил джип и Клару.

Машина стояла там, где я ее оставил, и я удивился, подумав, почему солдаты не использовали ее в погоне за мной. Справа от нее был виден одинокий часовой. У его ног темнело чье-то неподвижное тело. Темнота мешала рассмотреть, кто это. Тогда я пустил в ход обоняние. Запах Клары, без сомнения. И живой.

Скрытно приблизиться к часовому и свернуть ему шею было делом одной минуты. Он и пикнуть не успел. Я снова был вооружен: автоматическая винтовка, пистолет и нож.

Клара лежала на земле, связанная по рукам и ногам кусками материи, оторванными от ее рубашки. Дик пощадил ее с единственной целью: увидеть, как ее предадут еще большим мучениям, предназначенным для тех, кто переходит на сторону неприятеля. Одним движением руки я освободил ее от пут.

— Ты сможешь карабкаться по склону?

Она откашлялась.

— Да, как тебе удалось вывернуться? Где Дик?

— Умер. Что случилось с джипом?

— Понятия не имею. Наверное, шальная пуля. Солдаты тут пытались было завести его, но у них ничего не вышло. Мотор не заводится.

Так. На помощь техники рассчитывать не приходилось. Придется топтать на своих двоих. Я покидал в вещевой мешок несколько коробок с консервами и два бидона с водой. Взял винтовку и две запасные обоймы к ней и все это протянул Кларе.

Мы лезли по скалистому склону, направляясь к вершине, когда небо над нашими головами стало бледнеть. Я поторопил Клару. Часом позже мы все еще продолжали карабкаться вверх, но Клара уже явно выдохлась. Быстро светало. Далеко внизу два джипа, до краев забитых солдатами, остановились рядом с тем, который я подорвал гранатой. На таком расстоянии я, конечно, не мог видеть их лиц. Это, вероятно, были солдаты,

входившие в контингент войск, прибывший на реактивном самолете, который должен был находиться на аэродроме, так как мы не слышали, чтобы он снова взлетел.

Спрятавшись за скалой, я смотрел, как они сгрудились вокруг поврежденной машины и о чем-то оживленно беседуют. Время от времени кто-нибудь из офицеров подносил к глазам бинокль и осматривал склон. Но ни разу я не увидел, чтобы он остановился, глядя в моем направлении. Потом джипы снова двинулись в путь, перевалили на другую сторону горы и стали спускаться в долину. Если с ними едет хоть один из Девяти, охранникам стены надо будет здорово молить своего Бога, чтобы им повезло остаться в живых. Девять не прощают ошибок и нерадивости никому.

На этой стороне подожженные мной машины уже не горели. Дорога была свободна от их обгоревших обломков. Я насчитал девять джипов, поднимающихся из долины к перевалу, ползущих бампер к бамперу в густых клубах пыли. Они придвинулись вплотную к краю обрыва, чуть ли не повиснув колесами над пустотой, чтобы освободить дорогу тем, кто спускался к ним с перевала. Потом колонна поползла дальше по извилистой змее серпантина.

Вначале я подумал, что их послали, чтобы устроить на меня очередную охоту. Но я ошибся. Спустившись вниз, колонна обогнула подножие горы. Чтобы зайти мне в тыл? Но тогда их было слишком мало, чтобы прочесать все склоны. Без помощи вертолетов это была бессмысленная затея.

Я понял их замысел, лишь когда добрался до вершины. Все девять джипов, казавшихся отсюда крошечными, словно муравьи, выстроились в ряд неподалеку от двухмоторного реактивного самолета. Судя по всему, визитеры не собирались задерживаться здесь надолго и приняли свои меры предосторожности на тот случай, если мне придет в голову атаковать их.

Дав Кларе немного отдохнуть, мы начали спускаться по противоположному склону и к полудню уже почти достигли подножия горы. Время от времени внизу поблескивали зайчики солнечных лучей, отразившихся от линз биноклей, обшаривавших гору снизу доверху. Но если нас и заметили, никто на это не реагировал. И мне что-то не верится, что они остались бы стоять руки в боки, если бы и вправду обнаружили нас.

— Какого черта мы сами лезем льву в пасть? — поинтересовалась Клара

— Потому что этого-то они ожидают от нас меньше всего. По крайней мере, я надеюсь на это. И потом, я хочу находиться максимально близко на тот случай, если в этом самолете полетит хоть один из Девяти. Я думаю, самолет сразу же взлетит,

как только вернутся те два джипа, которые направились в долину. Кроме всего прочего, если можно будет захватить его, я не вижу причин отказывать себе в этом удовольствии.

Клара бросилась мне на шею.

— Джеймс, нет, ты просто чудо! Настоящий Тарзан! Истинный Бэтмэн! Мой обожаемый Супермен!! Самсон, Геркулес и хитроумный Улис в одном лице! Никто, кроме тебя, не выбрался бы из того каньона. Клянусь, любой из нас отказался бы от такой безумной затеи и остался бы навечно гнить в этой яме! Но тебе мало всего этого! Вместо того чтобы спокойно удрать и заняться своими делами, ты не можешь отказать себе в удовольствии пощекотать им нервы! Нет, ты действительно феномен!

— Я немного злоупотребил моим везением в последние дни, это верно.

Не знаю почему, но Клара нашла это страшно смешным и чуть не задохнулась от приступа хохота.

На полпути к долине, где прятался аэродром, нам срочно пришлось искать себе убежище. Склон горы подвергся внезапному артиллерийскому обстрелу. Спрятавшись за скалу, мы лежали ничком, закрыв головы руками. Из-за поднявшейся тучи пыли почти нечем стало дышать. Я насчитал не меньше тридцати пяти взрывов. Самый близкий снаряд разорвался метрах в сорока от нас. Достаточно близко, по-моему. Но, в общем-то, мы совсем не пострадали, если не считать истерзанные нервы и болевшие барабанные перепонки.

После последнего взрыва я выждал еще минут пять, прежде чем рискнул высунуть нос из-за толстого гранитного блока, послужившего нам укрытием. Крошечные фигурки человечков чем-то весьма деятельно занимались на посадочной полосе. Там же стояла и пушечная батарея, поблескивая стволами в лучах солнца. Никому не было дела до нас. Отсюда я сделал вывод, что обстрел склона носил характер чисто превентивный, чтобы поугатать нас, если мы случайно там окажемся.

И все же я предпочел еще немного подождать, не выходя из нашего укрытия. Тени от вершин удлинились и поползли в долину. Когда спустились сумерки, мы были уже почти у подножия горы. До взлетной полосы оставалось не более четверти мили, и я решил сделать небольшой привал. Вскрыв несколько банок, мы подкрепились консервами и попили воды.

Холодный скудный ужин был вскоре закончен. Мы решили уже отправиться дальше, когда послышался характерный звук мотора и из-за склона горы вынырнул низко летящий вертолет. Мы бросились на землю, не спуская с него глаз. Лампы уже ярко горели, освещая посадочную площадку, но вертолет ми-

новал аэродром и исчез в западном направлении. Похоже, у них прибавилось воздушного транспорта. Я был уверен, что вертолет отправился в долину за визитерами, чтобы доставить их сюда, к самолету, избавив от рытвин и поворотов крутой горной дороги и риска попасть в неожиданную засаду.

А завтра, с восходом солнца, они используют его для нашей поимки. Думаю, что к тому времени к нему присоединятся и другие и устроят на нас настоящую охоту. Лишний аргумент в пользу того, что нам нельзя было здесь задерживаться.

Оставив Клару в укрытии за скалой у подножия горы, я ждал наступления ночи. Взлетная полоса оставалась ярко освещенной. Сбоку от нее стояли четыре походные палатки. Я был готов к тому, что весь аэродром обнесен по периметру сетью электрических проводов, присоединенных к центральному сигналу тревоги. Четверо мужчин заканчивали установку странной металлической конструкции метров двенадцати в высоту, верхняя, заостренная в виде стрелы часть которой очень походила на антенну. Через минуту конструкция пришла в движение, развернулась и стала медленно вращаться. Я продолжал наблюдать, спрятавшись за зарослями кустарника. Это сооружение очень напоминало следящую антенну или радар. И если учитывать, что некоторые из них способны отличить мужские шаги от женских на расстоянии в двадцать миль, то становилось понятно, насколько осторожным надо было быть, находясь в непосредственной близости от одного из них. Нам еще повезло, что мы успели спуститься с горы до того, как он начал действовать. Тогда нам было бы не убежать.

Наблюдая, я насчитал тридцать шесть солдат. Половина из них охраняла аэродром по периметру и несла караул непосредственно у самолета. Остальные занимались кто приготовлением пищи у походных кухонь, кто отдыхал в спальнях мешках, растянувшись прямо на земле. Некоторые проводили часть времени в палатках, затем снова выходили на свежий воздух. Я чувствовал нервное напряжение, царившее среди них, что подтверждали и раздававшиеся время от времени взрывы внезапного хохота. Территорию охраняли два шестидесятимиллиметровых орудия с запасом снарядов сбоку от каждого и шесть крупнокалиберных пулеметов, стоящих на треножниках. Все солдаты были вооружены автоматическими винтовками. Джипы были расставлены в круг, наподобие повозок переселенцев в индийских фильмах, и, в случае необходимости, могли послужить как баррикада и местом круговой обороны.

По идее, вертолет должен был опуститься как можно ближе к самолету, чтобы переход пассажиров из одной машины в

другую осуществился наиболее быстрым способом при соблюдении строжайших мер безопасности.

Рассмотрев все, что считал необходимым увидеть, я пополз назад и вернулся к тому месту, где меня дожидалась Клара. Это заняло у меня довольно много времени, так как пришлось ползти зигзагами, используя малейшие углубления в почве и замирая каждый раз, когда чаша радара поворачивалась в мою сторону.

— У вертолета, — объяснил я своей подруге, — есть два возможных варианта возвращения. Или через проем в скалах, но тогда им придется огибать гору, или напрямую, просто перелетев через эту каменную гребенку. Они знают, что у нас есть один М-15. Поэтому постараются остаться за пределами дальности его стрельбы, если будут осторожны.

Давай порассуждаем. Представим себе, что они не считают нас глупцами, способными спрятаться в какой-нибудь дыре, в то время как есть верная возможность смотаться отсюда дальше. Если они так думают, то будут вести себя не слишком настороженно. С другой стороны, они с таким же успехом могут сказать себе, что, когда речь идет обо мне, никогда нельзя решить заранее, поступлю ли я сообразно обычной логике или нет. События последних дней могли их убедить, что я не всегда сразу смываюсь с места событий.

Клара рассмеялась и чмокнула меня в щеку.

— Хочешь знать мое мнение? Они просто не знают, что им теперь и думать.

Потом я рассказал, чего жду от нее, если она хочет мне помочь. Если не согласна, то ей лучше уйти. Мне бы не хотелось отвлекаться на то, чтобы думать, что она слоняется где-то в окрестностях, рискуя привлечь к себе внимание. Я должен был точно представлять себе диспозицию: где она находится в каждый момент времени и чем занята. Клара согласилась, не колеблясь ни секунды, но ушла с явным сожалением, поцеловав еще раз напоследок. При этом она заявила, что очень рассчитывает на нашу скорую встречу. И все же я думаю, что она уходила с легким сердцем. Ей, естественно, было страшно. Тем не менее положение, в котором она оказывалась, было гораздо менее опасным, чем то, в котором оставался я, и при любом исходе она довольно легко сможет выкрутиться.

Ей предстояло провести большую часть ночи в пути, по дороге к месту, которое я определил ей в моем плане. Эта точка находилась по другую сторону вершины горы, над самым проходом в скалистом кольце, окружавшем аэродром. Я же строился в скалах, в четверти мили от взлетной полосы. Если вертолет предпочтет выбрать этот путь напрямик через кольцо

скал, он уже должен будет начать снижение и, поравнявшись со мной, будет уже практически на той же высоте, что и я, и в пределах досягаемости моего оружия. После чего мне, естественно, придется улепетывать под огнем часовых, стороживших аэродром и самолет.

Я взвесил мои шансы. Один на сто, что мне удастся сбить вертолет. Возможность же выбраться из заварухи живым была еще ниже, один на тысячу, или еще меньше.

Я не стал бы так сильно рисковать, если бы не надеялся прихлопнуть хотя бы одного из Девяти. Я слишком ненавидел их, чтобы сейчас отступить. Кларе часовые не угрожали. Если это ей подвалит счастье свалить вертолет, у нее будет достаточно времени, чтобы скрыться оттуда.

Темнота ночи дрогнула и рассыпалась под первыми лучами солнца, вынырнувшего из-за горных вершин. Как я и предвидел, вертолет решил прилететь днем. Это было разумно: и нас можно увидеть, если что, и легче осуществить пересадку из самолета в вертолет.

Рокот его моторов донесся до меня через минут тридцать после восхода солнца. Аппарат летел гораздо ниже, чем я мог надеяться, на высоте не более ста пятидесяти метров. Но он летел не прямо, а делал резкие повороты то влево, то вправо, и в один момент я даже подумал, что он собирается повернуть назад. Потом он полетел прямо на меня, и я понял смысл его странных эволюций. Вместо знаменитостей, которых я поджидал, он был битком набит вооруженными до зубов солдатами. Детская хитрость, рассчитанная на простаков. Они хотели спровоцировать нас на стрельбу и этим выдать свою позицию (если мы все же находимся в окрестностях аэродрома). Уничтожив нас, они вторым рейсом перевезли бы визитеров в целости и сохранности.

Чему-чему, а уж мерам предосторожности, предпринимаемым для сохранения их жизней, у Девяти стоило поучиться!

Я плотно прижался к камням под прикрытием широкой гранитной скалы и сам окаменел, стараясь почти не дышать. С диким ревом моторов вертолет промчался чуть ли не над самой моей головой, слегка отклонившись в сторону. Он облетел аэродром, развернулся и полетел теперь в сторону проема, туда, где его поджидала Клара. Я очень надеялся, что она вовремя раскусит его нехитрую стратегию. Огромная масса горы глушила собой все звуки, идущие с ее противоположного склона. Из-за радара я не мог сейчас вскарабкаться на ее вершину и должен был теперь лишь ждать и надеяться. Раз уж

меня заставляли ждать, я ждал. Мое терпение было безгранично. Я научился ему в жестокой школе жизни, когда, совсем еще ребенком, вынужден был долгими часами сидеть в засаде, чтобы добыть себе свежего мяса. Но никогда еще я не испытывал столь возбужденного состояния, подобного тому, что охватило меня сейчас.

Прошел час. Вертолет наконец вновь появился над острыми пиками близлежащих скал. В этот раз он шел на бреющем полете, будто в последний раз пытался вызвать на себя огонь. Потеря еще одного вертолета и нескольких солдатских жизней ничего не значила для Девяти. Случись это, они постарались бы добраться до самолета по дороге или просто дождались бы прилета нового аппарата.

Теперь я был более чем когда-либо уверен, что среди визитеров был по крайней мере один из Девяти. Они никогда не предприняли бы подобных предосторожностей для защиты кого-нибудь другого, даже ради спасения жизни кандидата, предназначенного занять вакантное место.

В этот раз вертолет не довольствовался тем, что просто пролетел над гребнем скал. Он миновал разбитый на летном поле лагерь и принялся за облет каждой из скал, обрамляющих долину. Он осматривал их от подножия до самой вершины, перелетая от одной к другой по периметру всей долины, кружась над ними в течение целого часа или более того.

Когда он наконец решил прекратить это бесполезное занятие и развернулся в обратном направлении, я пришел к выводу, что лишь зря расходую здесь время. Мой план был слишком рискованным и вряд ли осуществимым. Мне надо было сразу об этом подумать.

Но временами я становлюсь упрямым, как буйвол. И вот я сидел и ждал, сам не зная чего. Солнце уже скрылось за горными пиками. Внизу, в лагере, не происходило ничего необычного. Шла повседневная рутинная работа. Джипы, выехавшие из лагеря поздним утром, возвратились с тем же количеством солдат, которые привезли с собой еще две базы.

В конце концов я плюнул на все, пробрался на вершину и спустился по противоположному склону до того места, где, как я знал, должна была прятаться Клара. Легкий ветерок донес до меня ее запах. Она была одна. Я легонько свистнул. Голова женщины выглянула из-за скалы метрах в шести справа от меня. Я присоединился к ней в ее убежище. Место она выбрала хорошее. Проем лежал прямо перед нами и ниже. Клара находилась в самой верхней точке его бокового створа.

— Не знаю, что он придумал, — сказал я. (Она сразу поняла, кого я имею в виду, говоря «он» — одного из Девяти.) —

Уверен, что сейчас он сидит где-то в пещерах и рассылает по всему свету свои послания. Где-то здесь у них находится мощный передатчик. Черт его знает, когда этот тип теперь соберет свои манатки. И он все так же остается вне нашей досягаемости, как и два дня назад.

— Ты хочешь сказать, что мы уподобились той лисе, которая видит виноград, да не может съесть? — с надеждой в голосе спросила Клара. — Может быть, перенесем нашу встречу на потом?

— Будем ждать еще двадцать четыре часа. Если за это время ничего не произойдет, мы уйдем.

Назад мы возвращались вместе. Уже прошла добрая половина ночи, когда мы вновь оказались у подножия горы со стороны аэродрома. К счастью, мы сразу же наткнулись на неглубокий овраг, идущий в нужном для нас направлении. По его дну мы выбрались в долину. Она незаметно поднималась к центру, туда, где была проложена взлетная полоса. За нашими спинами осталась изрытая ямами, трещинами, буграми и впадинами поверхность долины с кое-где торчащими сухими ветвями редкого кустарника. Обычный пейзаж каменистой пустыни, протянувшейся еще на две сотни метров до самой подошвы горы. Там дно долины плавно поднималось, будто края огромной чаши, стенами которой были мощные горные пики с изъеденными дождем и ветрами вершинами. С первого взгляда они казались неприступными. Лишь в одном месте их рассекало узкое глубокое ущелье, будто прорубленное ударом топора, через которое только и мог попасть в долину самолет. Для этого ему было необходимо пролететь на бреющем полете над лабиринтом оврагов и узких проходов в скалах и, почти достигнув противоположного края долины, сделать довольно крутой вираж, выводящий его к узкой горловине.

Радар, поднятый над землю высокой стрелой мачты, без устали продолжал свои круговые движения. Свет прожекторов, освещавший взлетную полосу, падал и на него. Поэтому мы могли соизмерять свое продвижение вперед с положением луча, испускаемого его чашей, каждый раз укрываясь за складками почвы, когда он приближался к нам.

Устроившись в небольшом овражке, я рассказал Кларе о новом плане, придуманном мной. Она нашла его смелым, хотя и самоубийственным. Я был совершенно согласен с ней, но тем не менее твердо решил попытаться осуществить его.

До рассвета оставалось всего несколько часов, и я решил с толком использовать их и хоть немного поспать. Вторая бессонная ночь сказывалась даже на моем железном организме. Я спокойно проспал остаток ночи, проснувшись всего один раз,

когда раздался какой-то звук, напомнивший мне рыкание леопарда. Но животное, если это и было оно, находилось далеко. Кроме того, леопарды, которые могли бродить по округе, вряд ли относились к людоедам, так что можно было продолжать спать спокойно. Что я и сделал.

На рассвете мы разделили с Кларой остатки нашей скудной провизии и воды. Спустя час в воздухе послышался звук летящего вертолета. Он пролетел высоко над кольцом скал и вертикально опустился рядом с самолетом. Мы были далеко, и люди, выпрыгивавшие из вертолета на землю, отсюда казались совсем крошечными. Но один приземистый силуэт с огромными непропорционально длинными руками и характерным заостренным черепом я узнал сразу. Вне всякого сомнения, это был Дик.

Вот так фокус! Значит, я не убил его тогда. Либо мой кинжал не проник достаточно глубоко, чтобы смертельно ранить его, либо он специально притворился, чтобы внезапно схватить меня, когда я приближусь. Он не выглядел тяжело раненным, шел один, не прибегая ни к чьей помощи. Еще одно доказательство чудесной силы лекарств, изобретенных неутомимым Доком Калибаном.

Другой силуэт, привлечший мое внимание, был коренаст, с темной, почти черной кожей и белоснежной головой. По его характерной походке я сразу же узнал в нем Мубанигу.

Сразу за ним шел человек высокого роста с поблескивающей на солнце лысиной. Еще один сюрприз! Это был не кто иной, как Муртаг, собственной персоной.

Случилось нечто важное, если его отозвали из Германии и срочно перевезли сюда.

На борт самолета поднялся один Мубанига, сопровождаемый многочисленной охраной. Дик и Муртаг остались стоять на поле аэродрома. Теперь кое-что прояснилось. Им, вероятно, было поставлено в задачу начать новую охоту на меня. Девять вызвали Муртага, предоставив ему возможность реабилитировать себя. Думаю, что ему очень хотелось сказать Мубаниге, что ничего этого не случилось бы, если бы ему было разрешено сразу прикончить меня, как только я попал в плен. Но он, конечно, никогда не осмелится сказать подобное патриарху.

Два джипа сорвались с места, промчались по взлетной полосе и остановились там, где она кончалась. Из них выпрыгнуло с десятков вооруженных солдат, которые, разделившись на две группы, стали тщательно осматривать все ямы, трещины и впадины по обе стороны взлетной полосы. На краю ее, лицом к горам, встали двое часовых, как раз в том месте, где начи-

нался наш овраг. Остальные выстроились в два ряда, слегка отступив вглубь, перекрыв всю ширину полосы.

Самолет взревел своими моторами. Я осторожно вылез из оврага, скользнул за ближайший валун и пополз дальше лабиринтом трещин и впадин, избороздивших поверхность долины. Начиная с этого момента я двигался, ориентируясь только на слух. Почти прижав лицо к земле, я неслышно скользил в тени, сжимая в руке автоматическую винтовку. Справа висела кобура с револьвером 45-го калибра, слева ножны с кинжалом.

Клару я отправил в грот на склоне горы, куда не мог достать луч радара. Она должна была выпрыгнуть из своей дыры, как только увидит, что я встал в полный рост.

Пилот проверял моторы, то заставляя их реветь во всю мощь, то сбрасывая обороты до едва слышного бормотания. Внезапно к этому шуму добавился еще какой-то звук. Я рискнул приподнять голову и увидел вертолет, зависший над конечной частью взлетной полосы. Не знаю почему, но я совершенно выпустил его из виду, когда разрабатывал свой план. Во всяком случае, я допустил явную ошибку, думая о нем лишь исключительно как о способе переброски живой силы. И вот теперь он на низкой высоте облетал участки долины, непосредственно прилегающие к взлетной полосе, чтобы в последний раз убедиться, что там нет никого постороннего.

Я перекатился на бок и застыл, стараясь как можно больше походить на кусок камня. Кожа моего лица и рук, так же как и вся одежда, были запорошены пылью, землей и гранитной крошкой, что придавало им вполне подходящий маскирующий меня оттенок. К тому же я находился в тени большого валуна.

Почти не поворачивая головы, я следил глазами за маневрами вертолета, который летал широкими зигзагами над самой поверхностью земли с бортами, ошестинившимися от торчащих стволов винтовок и автоматов. Пилот пролетел за оконечность полосы на полкилометра, затем, решив, что за пределами этой зоны самолет уже наберет достаточную высоту, чтобы ему не грозили выстрелы с земли, сделал разворот и вернулся на посадочную площадку. Он уже собирался приземлиться, когда моторы самолета взревели вновь, указывая на то, что его пилот готов к взлету.

Для меня это прозвучало как выстрел стартера.

Я вскочил на ноги и, пригнувшись, бросился вперед. Клара уже должна была выбраться из своей дыры и бежать ко мне. В ее задачу входило убрать того часового, который находился слева от меня. Тот, что был справа, по какой-то причине решил в этот миг повернуться лицом к полосе. Быть может, для того, чтобы убедиться, что он не стоит на пути у самолета, не знаю.

Я не предвидел этого, но воспользовался, чтобы преодолеть несколько лишних метров, прежде чем открыть огонь.

Вертолет все еще покачивался в воздухе, в полуметре от земли, и стрекотание его моторов, добавившись к нарастающему реву самолета, поглотило звук выстрелов графини.

Мой часовой обернулся, увидел меня, удивленно открыл рот и рухнул на бок, выпустив из рук оружие. Мне пришлось перепрыгнуть через него, чтобы добраться до следующего, стоящего в первом ряду. Но он упал раньше, чем я успел выстрелить, сраженный одной из пуль Клары.

Стоя в центре расщелины, я прикидывал расстояние, которое быстро уменьшалось под колесами шасси самолета. Пора было действовать. Присев и напрягшись, я буквально одним прыжком взлетел на гребень стены расщелины, нависшей надо мной на уровне двух метров над землей. Не успели мои ноги упрочиться на камне, как моя винтовка уже вступила в действие. Все солдаты, стоящие справа от полосы, полегли как один.

Первый солдат, стоявший слева от меня, видел, как упали часовые. Он успел выстрелить, и его сосед услышал это, несмотря на грохот моторов приближающегося самолета. Сосед начал стрелять в Клару. Остальные тут же поддерживали его. Но, зажатые огнем с двух сторон, они пали под нашими пулями один за другим.

Пилот самолета слишком поздно понял, что происходит. Он был уже не в силах что-либо сделать, кроме как попытаться преодолеть препятствие из человеческих тел.

Я присел на корточки. Клара невозмутимо опустошала обойму за обоймой, безостановочно стреляя в самолет, уже вышедший на взлетный режим. Вот его колеса оторвались от бетонной полосы, быть может, чуть раньше, чем следовало бы. Я не знаю. Я распрямился, как пружина, и швырнул винтовку в стремительно приближающийся самолет. Она лишь раз кувыркнулась в воздухе и исчезла в сопле левого мотора.

У меня уже не оставалось времени, чтобы броситься на землю. Крыло скользящим ударом задело мою голову, и мир на мгновение исчез в диком всплеске боли.

Исходя из теоретических предпосылок, ничто не мешает самолету продолжать полет на одном моторе, но все произошло слишком быстро. Моя винтовка вывела из строя один из моторов, пилот оторвал машину от земли немного раньше положенного, и пули Клары, наверное, задели кого-то или что-то, жизненно важное для самолета.

Я успел вовремя открыть глаза, чтобы увидеть, как самолет врезался в склон горы, где мгновенно вспух крутящийся торнадо, обрушивший на нас через несколько секунд дождь из

земли, пыли и каменистых осколков. Над местом катастрофы возник густой столб черного дыма, устремившийся к небу на высоту метров в тридцать. В основании его плясали языки яркого пламени, охватившего весь самолет и значительную часть земли вокруг него.

Всех, находящихся на аэродроме, охватил ужас при виде случившегося. Я рассчитывал именно на такую реакцию. Наклонившись, я схватил Клару за руку и рывком поднял ее к себе. Причем так стремительно и резко, что женщина не удержалась от болезненного вскрика. Следующей нашей целью был ближайший джип. Клара прыгнула за руль и включила зажигание.

Первым пришел в себя пилот вертолета. Аппарат стремительно взмыл вверх, развернулся и открыл по нам огонь из пулемета. Очнувшись от ступора, со всех сторон на взлетную полосу хлынули солдаты и стали рассаживаться по машинам. Во главе их бежали Дик и Муртаг.

Если бы у них было хотя бы пять минут на то, чтобы обдумать все спокойно, они все побежали бы совсем в другом направлении, не обращая больше на нас ни малейшего внимания. Позволив совершиться покушению на жизнь одного из патриархов, они тем самым подписали себе смертный приговор. Муртаг, как кандидат, безвозвратно терял все свои шансы. Отныне он превращался в такую же жертву Девяти, как и я сам.

Но их реакция была чисто рефлекторной, им поставили задачу охранять жизнь Девяти, поэтому они, не размышляя, бросились преследовать того, кто давно уже заслуживал смерти (с их точки зрения), хотя бы за то, что срывал все их планы.

Клара стремительно развернула джип на месте и бросила его навстречу вертолету, до предела выжав газ. Маневр был чисто психологический и блестяще удался. Вертолет, продолжая лететь на бреющем полете, отвернул в сторону, замер на месте, будто в нерешительности, а затем полетел в обратном направлении, почти параллельно взлетной полосе. Пули взмывали фонтанчики пыли перед джипом. Несколькими из них задело капот. В руках Клары джип прыгал из стороны в сторону, будто бык, которому к хвосту привязали осиное гнездо. Он выделял совершенно немыслимые пируэты, внезапно тормозя, поворачиваясь, разворачиваясь, бросаясь из стороны в сторону. Я не вылетел из него лишь благодаря тому, что уперся ногами в спинку переднего сиденья.

Мне все труднее становилось вести прицельный огонь по вертолету. Но он вдруг лег на бок и, резко вильнув хвостовой частью, врезался в землю перед самым носом преследующих

нас автомашин. В воздух взлетели струи горящего бензина и огненным дождем оросили близлежащую местность. Клара вовремя успела нажать на тормоза, чтобы не врезаться во внезапно образовавшуюся перед нами пылающую лужу. Она дала задний ход, обогнула пылающий заслон, и мы вновь понеслись вперед.

Остальные джипы тоже были вынуждены остановиться перед горящими обломками вертолета. Один за другим они разворачивались, чтобы объехать его. И тут вертолет взорвался. Огонь подобрался к боезапасу. Пламя взрыва накрыло большинство автомашин. Солдаты в горящей одежде на ходу прыгивали на землю и катались по ней, завывая от боли.

Машина Муртага тоже попала в эту мешанину из горящих джипов и людей, но ей все же удалось выбраться почти не поврежденной. Я стрелял в нее не переставая, но мне никак не удавалось попасть.

В последних джипах конвоя сидели решительные люди. Обогнув обломки вертолета, они бросились в погоню за нами, будто забыв все уроки, которые я преподнес им в течение последних трех с небольшим дней. Может быть, в их упорстве и был резон. Удача не могла мне светить вечно.

Клара вела джип вдоль узкого прохода в скалах. Вырвавшись из него, мы оказались на местности, больше напоминающей знаменитые «русские горки». Тряска стала настолько сильной, что не позволяла ничего делать. Приходилось сидеть, крепко вцепившись обеими руками и упираясь в дно ногами, чтобы не выпасть по дороге. К счастью, наши преследователи были в такой же ситуации.

Джип высоко подпрыгивал на неровностях почвы, будто взбесившийся козел. Поверхность земли вся была в складках и морщинах, напоминая кожу столетнего старика. В стук и скрежете амортизаторов, испытывающих предельное напряжение, машину кидало из стороны в сторону, как во время хорошего шторма. Вдруг пронзительно заскрипели тормоза. Клара попыталась удержать машину на краю внезапно появившейся впадины. Но джип занесло инерцией. Его задник развернуло; бросив на выступающий из земли камень, и машина перевернулась.

Мы успели выпрыгнуть, каждый со своей стороны. Я вскочил на ноги с мыслью, что Клара может угодить под завалившийся на бок джип. Но все, к счастью, обошлось. Она лежала поодаль, уткнувшись в землю лицом. Я перевернул и поднял ее. Лицо Клары было блее мела.

— Ну как ты? Все в порядке?

Она молча кивнула головой. Я протянул ей винтовку

— Подержи-ка их на расстоянии, пока я исправлю кое-что.

— И как же ты хочешь это исправить?

Я не ответил. Клара спустилась в ближайший ровчик и, опершись грудью на его край, как на бруствер окопа, приготовилась к встрече наших противников.

Наклонившись и согнув ноги в коленях, я крепко ухватился за кузов автомобиля. Раздался жалобный скрип покореженной жести, и кузов приподнялся сантиметров на десять. Но тут у меня подвернулась нога и я едва не потерял равновесие. Каким-то чудом я все же вывернулся и мощным рывком вернул машину в обычное положение на четырех колесах.

В это время Клара начала стрелять. Я прыгнул в ее окоп и постучал по плечу. Она повернулась, широко открыла глаза и улыбнулась. Щеки ее вновь приняли обычный оттенок.

Но сейчас было не время любоваться друг другом. Клара вновь заняла место за рулем — и вперед!

Грохот выстрелов преследовал нас по пятам, пока мы неслись по дну глубокого оврага. К несчастью, эта дорога вскоре закончилась. Через каких-то триста метров нам преградила путь глубокая расщелина, в которую впадал наш овраг. Нам опять пришлось прыгать в самый последний момент, причем Клара выпрыгнула последней, уже когда машина отрывалась от земли. Я надеялся, что джип выдержит падение. Но он ткнулся в землю носом, и радиатор разлетелся на куски, выплеснув наружу кипящую воду.

Наши преследователи рискнули последовать за нами долгое время спустя, после прекращения стрельбы. Каньон, лишивший нас автомобиля, мешал им быстро догнать нас. В любом случае машины могли ехать только в объезд, что заняло бы много времени. Мы продолжали путь пешком, они решили сделать то же самое. Но к тому времени мы выиграли у них значительное расстояние и уже проделали первые сотни метров подъема по склону горы, когда они только выбрались из долины. Растительность вокруг нас становилась все пышнее и гуще. Я ожидал появления леса сразу за вершиной. А оказавшись на той стороне, мы легко сможем уйти от них. Лишь Дик был способен отличить наши следы, и то я сомневался, так как он никогда не жил в лесу.

Его можно было всерьез опасаться, если бы он был воспитан Племенем. Но, живя среди людей, ему негде было развить свой природный дар. Боюсь, оставшись в джунглях, он не смог бы самостоятельно найти дорогу назад. Ну а как ходок он вообще ничего не стоил: его огромный вес и короткие искривленные ноги не позволяли ему передвигаться даже со скоростью среднетренированного человека. Он должен был заметно

тормозить продвижение нашего неприятеля. Я был уверен, что им нас не догнать.

Мы сделали несколько остановок, чтобы дать возможность отдышаться Кларе, которая выдыхалась, естественно, гораздо быстрее меня. Но даже при этом мы поддерживали достигнутое преимущество. К наступлению ночи мы добрались наконец до края леса, и я с огромным облегчением нырнул в родной прохладный сумрак его таинственных глубин.

Выбрав дерево понадежнее, я с комфортом устроил на нем Клару и оставил отдыхать. Мне же еще предстояли кое-какие дела. Первым делом я той же дорогой вернулся к опушке джунглей. Вытянувшись на толстой крепкой ветви, нависшей над землей на уровне пяти метров, я следил за крошечными темными силуэтами, медленно карабкавшимися в гору. Быстро темнело, и вскоре я уже ничего не мог различить.

Я давно выбросил винтовку с пустым магазином. В другой еще было шесть патронов, но я оставил ее Кларе. У меня имелся лишь револьвер и нож. Весь день я чувствовал, как усталость накапливается во мне. И сейчас вот она навалилась на меня всей своей тяжестью. Мы успели утолить жажду и наполнить водой бидоны по дороге, наткнувшись на источник на склоне горы. Но Клара ничего не ела с самого утра, и сам я смог довольствоваться лишь жалкой тушкой землеройки, которую поймал за хвост по пути сюда. Я был голоден, вымотан до предела и чувствовал, что с меня достаточно на сегодня. Как бы я хотел сейчас устроиться где-нибудь в развилке дерева и спокойно выспаться в густой листве, отключившись от всего.

Но я не мог еще это себе позволить. Дело прежде всего.

Я спустился с дерева и скользнул в кустарник. Я помнил, каким острым должно быть обоняние у Дика, поэтому удвоил осторожность.

Я прошел уже с сотню метров, когда впереди послышался странный шум. Прислушавшись, я понял, что хор мужских голосов скандирует одну и ту же фразу.

— Лорд Грандрит! Лорд Грандрит!

Если это была уловка — а я не видел другого объяснения происходящему — то уловка довольно оригинальная. Во всяком случае она возбудила мое любопытство до такой степени, что я не смог устоять перед желанием узнать, в чем, собственно, она заключалась.

Я разглядывал их лагерь с вершины дерева, стоящего на краю небольшой прогалины.

В жаровнях Калибана разогревался ужин. Восемь из десяти солдат выкрикивали хором мое имя, причем сиплый бас Дика.

легко перекрывал остальные голоса. В центре группы Муртаг дирижировал ими, размахивая своими руками.

Я улучил паузу между их воплями и крикнул:

— Эй, вы, там! Что вам нужно?

— Мы хотим поговорить с вами, — ответил Муртаг.

— Чего ради?

— Вы сами знаете, что патриархи никогда не простят нам того, что случилось. Мы все будем уничтожены. Поэтому, посоветовавшись, мы решили перейти на вашу сторону. Некоторые из нас уверены, что у вас с Калибаном есть шанс одержать верх. Мы предоставляем себя в ваше полное распоряжение. Думаю, вам не стоит отказываться. Вам тоже необходима помощь. Не вечно же вам будет везти.

— Бросьте оружие на землю! Все оружие, что у вас есть: ножи и пистолеты тоже, если они у вас имеются.

Им это было явно не по душе, но они повиновались. Без оружия эти солдаты чувствовали себя голыми, словно земляные черви; с другой стороны, они не были уверены, что я не воспользуюсь моментом и не свалю их всех одной очередью.

Когда они сняли все, что на них имелось, и побросали свои винтовки, автоматы и все остальные причиндалы в окружающие их густые заросли, я спустился к ним, перепрыгивая с ветки на ветку, в последнем прыжке преодолев оставшиеся пять метров, отделявших меня от земли. Пистолет и нож все так же висели каждый в своей люльке у меня на поясе. Я скрестил руки на груди.

Лицо Муртага расплылось в улыбке. Теперь, когда он пытался выглядеть приветливым, его рожа для меня не стала менее отталкивающей, чем в тот момент, когда она излучала ненависть и страх.

Но во время войны не приходится выбирать союзников, руководствуясь личными симпатиями. Он собирался что-то сказать, но я остановил его жестом.

— Если вы хотите заключить со мной договор, докажите сначала, что игра стоит свеч. Что вы знаете о моей жене? Как дела у Калибана?

— Даже ранг кандидата мне не позволил быть в курсе всех секретов Девяти, вы должны об этом знать. Честно говоря, я ничего не слышал по поводу вашей жены. Я даже не знаю имени того, кому поручено заниматься ею. Что же касается Калибана, то я получил приказ заняться его поисками в Германии, где его заметили в окрестностях Грамсдорфа. Мне доложили, что он пытался убить Ивалдира. Кстати, мне тоже было поручено убить этого старца, если представится такая возможность. Но...

Нет, решительно, мир готов был перевернуться и встать с ног на голову. Я объединяю усилия с теми, кто все время гонялся за мной, а Девять пытаются избавиться от одного из своих. Ивалдир, древний карлик с длиннющей седой бородой и лицом, похожим на сморщенное печеное яблоко.

Вступать в альянс с недавним противником — вещь не новая в истории человечества. Впрочем, для меня тем более. Во время второй мировой войны я уничтожил немало немцев на востоке африканского континента. И патриотизм тут был ни при чем. Все дело было в личной мести. Зверства, толкнувшие меня на тропу войны, были делом рук отряда бандитов, принадлежащего к контингенту германских войск, расквартированному в Африке. Их скорее можно было назвать карательным отрядом, если бы они делали это с согласия офицера. Но фон Леттов об этом ничего не знал.

Впоследствии я стал хорошим другом полковника Пауля фон Леттов-Форбека, который нанес поражение британской армии в двести тысяч солдат, командуя лишь корпусом в одиннадцать тысяч человек, состоящим в основном из чернокожих африканцев. Среди вас, естественно, есть те, кто читал книгу, в которой мой биограф описывает этот эпизод в совершенно искаженном виде, не имеющем ничего общего с тем, что было на самом деле. Если ему верить, то эти германские орды имели преимущество в численном составе войск, а героические англичане снискали себе славу победы в упорной борьбе. Но мой биограф всегда питал слабость к эффектам в ущерб простым и ясным фактам. Кроме того, в то время он был насквозь пропитан антинемецким настроением. Правда же состоит в том, что фон Леттов был партизанским вожаком, еще более ловким, чем знаменитый Лоурснс Арабский. Но имя его осталось в тени и не пользовалось столь громкой известностью, как имя знаменитого англичанина. Но что в этом удивительного? Ведь он воевал на стороне побежденных.

Я сомневался, что пресмыкание этого Муртага вызовет когда-нибудь мое уважение, как это произошло в случае с фон Леттов-Форбеком. Но я знал, что этот умный и достаточно хитрый человек мог быть мне полезен, даже если я буду ему доверять лишь частично.

— Я уже отправился было в Германию, — продолжил Муртаг, — когда мне внезапно изменили пункт назначения и направили в Париж. Именно здесь терялись следы Калибана. Затем новая неожиданность: мне срочно приказывают вернуться. Я никак не мог поверить в то, что вам все-таки удалось бежать. Но, как вы знаете, приказы Девяти обсуждению не подлежат. Я подчинился. Мубанига ждал меня в Конго, на

аэродроме, и мы напрямиком отправились сюда. Мне вновь было поручено схватить и убить вас, после чего он вновь сел в самолет, как вы знаете. Но не говорил мне, куда собирался отправиться после этого. Правда, я перехватил одну его радиопередачу, из которой понял, что он намеревался посетить Солсбери, в Англии. Зачем — не имею ни малейшего понятия.

Я обратил внимание на один аспект данной ситуации, что вызвало у меня улыбку. Муртаг, сам того не подозревая, выдал мне секрет, что ему знаком язык Девяти, которым они пользовались только в разговорах между собой.

Мне так и не удалось узнать ни происхождения, ни давности этого языка. Как-то, исполняя обязанности в качестве Глашатая при патриархах, во время одной из церемоний мне удалось увести несколько документов, написанных на этом языке, благодаря чему я и смог выучить его. Муртаг, вероятно, проделал нечто подобное. Удивительная смелость или феноменальное безрассудство.

Таинственный язык Девяти, да простит мне читатель это небольшое отступление, несколько похож на баскский. Думаю, это родной язык Аи-не-ны, главы Девяти. Вероятно, истоки его лежат в большой группе языков Присредиземноморья, которые распространились по всей Европе до того, как арийцы вышли из своих лесов, расположенных там, где сейчас находится центр Германии.

Я продолжал расспрашивать:

— Где находится этот аэродром? Там есть передатчик, способный добраться до Европы? Как туда можно добраться: пешком, или обязательно нужен вертолет или самолет?

Муртаг медленно засунул руку в карман, настороженно следя за моей реакцией, и вытащил карту, которую расстелил затем на земле, осветив лучом фонарика.

— Здесь, — сказал он. — В лесу Итури.

Карта была французской, и его палец указывал на маленький красный крестик, начерченный в зоне, где виднелась надпись «Пигмеи».

Этот лес находился на расстоянии примерно в сто тридцать миль. Пешком я мог бы добраться до него за сутки, при условии, что буду точно знать его месторасположение. Если идти туда всей группой, путь займет не меньше недели. А они могут мне понадобиться, особенно Муртаг. Кроме того, я не хотел расставаться с Кларой. Когда мы выберемся из джунглей, она будет вольна поступить, как ей заблагорассудится. Но сейчас я чувствовал себя обязанным вернуть ее цивилизации живой и невредимой. А это могло быть только в том случае, если она будет все время рядом со мной.

— Вы ждали там прилета еще каких-нибудь самолетов? — спросил я, указывая на долину, которую только что покинул.

— Да, еще нескольких, для смены контингента. Должен вам заметить, что вы довольно дорого обходитесь Девяти.

— Для них не существует цены. Подождите меня здесь. Я скоро вернусь.

Я пошел за графией. Во время ужина, которым мы занялись, вернувшись с Кларой на поляну, разговор продолжился, напряженный и нервный, полный скрытого внутреннего сопротивления. Муртаг, правда, несколько раз пытался поставить мой авторитет под сомнение. Было видно, что он никак не может примириться с мыслью, что уже не он командует операцией. Мне приходилось осаживать его и ставить на место. Но, щадя его самолюбие, я принял некоторые из его предложений. Впрочем, вполне толковые.

Ночь уже была в полном разгаре, когда все наконец стали устраиваться на отдых. Я бы мог вновь вернуться с Кларой в лес, чтобы быть абсолютно уверенным, что никто не набросится на нас во время сна, но боялся, что мои только что обретенные союзники расценят мой жест как бестактный и обидный. Лучше было быть готовым расторгнуть наш договор при малейшем признаке предательства, чем открыто показывать им, что я считаю их отношение ко мне подобным тому, как действует леопард, затаившийся в тени и поджидающий, когда я окажусь на расстоянии его прыжка.

Несмотря на усталость во всем теле, я долго не мог заснуть. Быть может, из-за Дика. Я все еще не знал, что мне с ним делать. Нечего было и думать забрать его с нами в Англию. Обритый, одетый и избавленный от клыков, он все равно не станет незаметным и лишь привлечет к себе, а значит, к нам, излишнее внимание со стороны окружающих. А я не мог себе этого позволить. Оставить его в джунглях — означало обречь его на голодную смерть или на сумасшествие от одиночества. Будь у меня достаточно времени, я научил бы его охотиться, строить хижины, в которых он мог бы прятаться от холода и сырости, особенно в период дождей. Самка, которую я видел около года тому назад, быть может, все еще бродила в предгорьях Уганды. Мы могли бы найти ее, и у Дика тогда появилась бы подруга. И, кто знает, это послужило бы, быть может, началом рождения нового Племена.

Но все это было напрасными мечтаниями, и я это прекрасно понимал. Привычки Дика питаться определенной пищей, увы, были уже неисправимы. Он никогда не сможет адаптироваться к меню, которое джунгли могут предложить ему: сочные личинки, различные грызуны, птичьи яйца, орехи, ягоды и сырое

мясо, не все всегда первой свежести, к тому же под влажным и часто холодным пологом леса он часто будет подхватывать простуды, что закончится когда-нибудь тяжелой пневмонией и смертью. Можно было бы переместить его ближе к побережью, в Габон, например, где места посуше и лес пореже, но, боюсь, на это не согласилась бы его самка.

Хотя, как он сам рассказывал мне во время нашего короткого периода совместного проживания в каньоне, Дик, воспитанный и выросший среди людей, желал иметь только человеческую самку. Последняя представительница свободного Племени показалась бы ему такой же отвратительной, как марышка человеку.

Я был совершенно спокоен в том, что касалось его отношения ко мне. Мы оба помнили, что он пытался убить меня, выдавая при этом себя за моего сообщника. Но это была обычная военная хитрость, к которой во время войны прибегают солдаты с обеих сторон. Поэтому я был не в претензии на него.

Потом мне вдруг стало очень тоскливо на душе. Во мне внезапно родилось желание немедленно оставить все, чем я занимался последние годы: мне надоело вести непрестанную борьбу. Хватит убивать — убегать — атаковать. Я знал, что в конце пути меня поджидает если не смерть, то уж неврастения, это точно. С каким удовольствием я бросил бы все это к черту, оставив здесь этих людей и человекообразных, и навсегда скрылся бы в могучем девственном лесу! Я жаждал жить обнаженным, охотиться на диких свиней и антилоп лишь с помощью моего ножа. Я устроил бы себе огромное роскошное гнездо в густой кроне какого-нибудь патриарха леса и упивался бы там тишиной под его сумрачным таинственным сводом. Я не хотел больше видеть ни одно человеческое существо. И, думаю, еще очень долго не захочу. Я хотел быть свободным, отчитываться лишь перед самим собой. Я хотел общаться с животными, с природой, той природой, которую воспел в своих поэмах Уитмен. Цивилизация не будила во мне сейчас никаких других чувств, кроме дикой ненависти. Я ненавидел людей. Я ненавидел города, особенно Лондон, и в нем больше всего я ненавидел его знаменитый туман, насморк и всегда промокшие ноги, галдеж и крики на улицах, уличные потасовки, толпу, толкотню, вечно спешащих куда-то прохожих, ощущение безумия и ненависти, отравляющих атмосферу города не меньше, чем выхлопные газы сотен тысяч автомобилей.

Не будь у меня жены и Калибана, я не медлил бы ни минуты и сразу же пустился бы в путь. Пусть оставшиеся сами решают

свои проблемы. Лишь бы только Девять забыли о моем существовании. Большого мне не надо. Я прекратил бы свои розыски и тоже постарался бы забыть о них.

Но Клио скорее всего была в опасности. И Калибан, когда-то мой самый страшный и опасный враг, ставший моим лучшим другом.

Я глубоко вздохнул, перевернулся на другой бок и попросил ночь успокоить мой мятущийся разум.

На следующий день первый же вопрос Дика был: собираюсь ли я взять его с собой в Англию. Я объяснил ему, почему вынужден сказать «нет». Похоже, он согласился с приведенными ему аргументами, но тут же спросил, что же ему делать дальше? Я посоветовал ему вернуться к приемным родителям, живущим на том же месте, у границы джунглей и саванны. Однажды придет день, когда мы с Калибаном начнем операцию против Девяти, и тогда нам потребуется и он сам, и его несравненная сила.

Дик скривился и почесал повязку, прикрывавшую его пупок. В следующий раз, когда он будет драться на ножах, он не забудет урока, полученного от меня. Он будет помнить, что нож может еще и летать, и больше не позволит застать себя врасплох.

Лезвие моего кинжала не глубоко проникло в его плоть, так как он все-таки в самом конце успел несколько ослабить силу удара, задев кинжал рукой. Руки его, кстати, были все в следах многочисленных ран и порезов, но целлюлярная псевдоткань, изобретенная Калибаном именно для таких случаев, сотворила свое очередное чудо, и все раны уже затянулись. То же самое было и с дыркой в животе, которой я удостоил его.

На данный момент Дик еще не мог полностью выпрямляться без риска, что от натяжения рана не откроется вновь. Безумное преследование меня на джипе по изрытой ямами и трещинами долине было для него сущей пыткой. Но если не случится ничего непредвиденного, скажем, какого-то несчастного случая и раскрытия раны, через неделю он будет совершенно здоров.

Когда я сказал ему, что все получается лишь у тех, кто умеет ждать, Дик покачал головой и вновь скривился в жуткой гримасе — зрелище, надо сказать, не для слабонервных. И так-то он с его огромными, выступающими над дикими глазами аркадами надбровных дуг, иссиние-черной кожей лица, выпирающей вперед челюстью с длинными заостренными клыками не выглядел красавцем. Улыбка же делала его лицо еще более свирепым и диким.

Во время всей дороги, когда мы уже возвращались в долину, он хранил упрямое, угрюмое молчание и лишь коротко и односложно отвечал, когда кто-либо задавал ему вопрос.

Первое, что сделал Муртаг, когда мы вернулись к оставленным ими джипам, он связался по радио с лагерем на аэродроме. Оператор, услышав его, не мог скрыть своего крайнего удивления. Он, как и все остальные, думал, что Муртаг если не убит в погоне за мной, то давно уже удрал, стараясь проложить как можно большее расстояние между собой и пославшими его на эту операцию Девятью.

— Я схватил лорда Грандрита, — доложил Муртаг офицеру, прибежавшему по вызову радиста. — Графиня тоже у меня. Сейчас я их вам доставлю.

Офицер, некий Ибн Кхалим, долго молчал, видимо, онемев от изумления. Я понимал его. Причин тому было несколько. Первая, то, что я все-таки был схвачен. Вторая, не просто схвачен, но схвачен живым. Из этого возникала третья, и самая важная: благодаря этой поимке Муртаг мог вновь рассчитывать на снисхождение и благодарность Девяти, что сразу меняло к нему отношение. За время этого молчания офицер, вероятно, успел связаться со своим начальством. Наконец в рации раздался щелчок, и он заговорил. Приказ был следующий: Муртаг и все его люди немедленно должны отправиться в лагерь; Клара и я должны быть доставлены живыми. Таково было приказание Аи-не-ны, которое она передала по радио откуда-то из Европы.

Старая гарпия, вероятно, придумала для меня нечто изысканное. Быть может, она даже решила придержать меня в резерве для ближайшей церемониальной инициации, где показательное приношение меня в жертву послужило бы хорошим примером для всех собравшихся кандидатов. Я очень хорошо представлял себе ее злобную радость. И не мог удержаться, чтобы не улыбнуться, хотя думать о ней было не более радостно, чем о собственной смерти.

Если все пойдет так, как я себе представлял, ей вскоре представится не один случай прийти в ярость.

Наше возвращение на аэродром в этот раз было менее поспешным и более комфортабельным, чем бегство с него. Я сидел на переднем сиденье джипа, возглавившего колонну, прижав друг к другу руки и ноги, будто они были у меня связаны. В голову мою целились два винтовочных ствола, по одному с каждой стороны. Клара сидела впереди в следующей машине и, так же как и я, изображала из себя пленницу, связанную по рукам и ногам. В полумиле от взлетной полосы

нас встретил вертолет, который завис над нами на высоте пятнадцати метров и сопровождал дальше весь остаток пути.

К моему удивлению, мои расчеты на помпезную встречу нас большим воинским отрядом не оправдались. Я насчитал всего около двадцати солдат на все и про все. Шестеро из них охраняли собственно посадочную площадку, остальные, прибывшие сюда из лагеря за крепостной стеной по ту сторону горы, занимались рутинной работой. Столь малый состав встречающих, казалось бы, говорил о том, что действия Муртага и его людей расцениваются как героические и им оказывается полное доверие. И все это для того, чтобы усыпить их бдительность и снять чувство настороженности. Но мы прекрасно знали, что произойдет после того, как Муртаг сдаст нас на руки присутствующего здесь офицера: Муртаг будет отделен от своих людей и с этого момента все, кто пришел с ним, станут пленниками.

Это избавит солдат от лишней крови, которая обязательно прольется, если они открыто арестуют его. А так все будет тихо и спокойно. Это доказывало, что даже для Девяти потери последних дней стали весьма ощутимыми, раз они пустились на такие тонкости.

Мы были готовы встретить огнем настоящую армию, рассчитывая прорвать линию их обороны и захватить самолет. И вот вдруг они сами чертовски облегчили нашу задачу.

Вертолет приземлился одновременно с остановкой наших джипов. Появился офицер и направился к Муртагу, чтобы приветствовать его. Муртаг вылез из джипа и хладнокровно застрелил офицера, послав пулю точно в сердце.

В последующей перестрелке мы потеряли убитыми всего двух человек и один был ранен. Большая часть наших противников полегла на месте, не успев притронуться к оружию.

В нашем распоряжении оказалось два вертолета. Я вел первый, Муртаг — второй. Мы взлетели, проверив наличие горючего в баках и сразу после того, как все люди устроились в машинах. Перевалив через горы, мы полетели над бескрайним зеленым морем джунглей, приминая верхушки деревьев воздушными струями от пропеллеров наших машин, и вскоре приземлились еще на одной тайной взлетной полосе, расположенной в самом центре леса Итури. На дальнем конце полосы ждал взлета самолет с четырьмя реактивными двигателями. Чуть в стороне стояли два вертолета. Сражение было коротким, но яростным. Четверо уцелевших предпочли спастись в лесу, чем сдаться. Никто их не преследовал.

Наши люди сразу занялись минированием аэродрома. Муртаг занялся проверкой приборов и подготовкой самолета к

полету, а я постарался установить радиоконтакт с моими людьми. Честно говоря, я не очень рассчитывал на удачу, так как Муртаг сказал мне, что моя база близ Дакара была обнаружена и стерта с лица земли. Однако эта радиостанция была весьма подвижная — и до такой степени, что я лучше не буду о ней ничего рассказывать, так как хочу ее использовать и в дальнейшем. И они ответили мне.

Допрашивая меня в свое время, Муртаг забыл спросить меня, используем ли мы лишь один код или несколько. Он узнал от меня ключевое слово (пароль), применимый именно к этому дню, дню допроса. Когда же Девять использовали его на следующий день для своей передачи, пароль и код были уже другими. Результат: мои люди выдали им ложную информацию и срочно поменяли расположение.

Была среда. Я использовал код, предназначенный для этого дня недели, подвел итог ситуации, в которой находился, и зачитал список вещей, которые мне понадобятся к моменту моего прибытия. Потом спросил новости о Клио и Калибане.

Клио не подавала никаких признаков жизни. Зато они получили ответ на мое послание Доку, которое я отправил несколькими днями раньше.

Послание было получено, когда он находился на пути к местечку Уилтшир, на юге Англии. Конечной целью его был Стоунхендж, античное поселение, расположенное милях в семи с половиной к северу от Солсбери. Я должен присоединиться к нему как можно быстрее, если только развитие ситуации в Африке не будет требовать моего обязательного присутствия здесь. Док шел по следу Ивалдира, и дело продвигалось как нельзя лучше.

Послание было датировано вчерашним числом. Если уж этот маньяк независимости от кого-либо просил у меня помощи, значит, он действительно оказался в весьма затруднительном положении.

Я велел передать ему мой ответ, который наверняка придет слишком поздно, если он вообще когда-либо получит его.

Закончив передачу, я приказал солдатам Муртага занять места на борту самолета. Тут меня перехватил Дик. Рычание его голоса перекрывало шум заработавших моторов самолета.

— Вы действительно не можете взять меня с собой? Ведь я мог бы быть очень полезен вам. Вряд ли вы знаете много людей, таких же сильных, как я.

Я отрицательно покачал головой и принялся кричать во весь голос:

— Сожалею. Нет, действительно, я очень сожалею, но ты нам будешь гораздо полезнее, оставаясь здесь. Придет день, и

ты сможешь оказать нам большую поддержку. Пойми, нам нельзя брать тебя с собой. Ты слишком видная фигура и сразу привлечешь к себе излишнее внимание, я уже говорил тебе. А это поставит под угрозу всю операцию. Одного твоего присутствия будет достаточно, чтобы убить всех нас.

— Тогда проваливайте ко всем чертям! — проревел он, и его горловой мешок угрожающе раздулся, что, как было мне хорошо известно, являлось у антропоидов признаком сильнейшего возбуждения и слепой ярости. В таком состоянии они были готовы на все.

Самое правильное в такой ситуации было бы пристрелить его на месте. Никто бы не взялся предсказать, на что он может решиться, чтобы отомстить, а мы не могли позволить себе ни малейшего риска. Но это — если рассуждать логически. Меня же, по-видимому, мало заботила логика, так как я не хотел убивать его без явной провокации с его стороны. Я даже посоветовал ему поскорее убраться со взлетной полосы, когда мы взлетим, чтобы не попасть под взрывы мин.

После этого я влез на борт и захлопнул за собой дверь. Взлетев, самолет развернулся и вновь прошел над аэродромом. Я нажал кнопку дистанционного устройства, и взлетная полоса, вертолеты и палатки скрылись под черными букетами взрывов.

Думаю, узнав эту новость, Девять разъярятся еще больше, если к тому времени они еще не достигнут предела в своих эмоциях. Никогда еще за все время их существования им не грозила такая опасность. Никто не осмеливался оскорбить их или сделать — ногой — длинный — нос, да простится мне подобное выражение (неологизм, заимствованный мной из языка Племени). Я очень надеялся, что артерии древней Аи-не-ны вздуются, словно кишки, наполненные водородом, что приведет ее к смерти от сердечного приступа.

Но на самом деле имел значение лишь окончательный результат этого дела. И в ожидании его я вполне мог умереть или даже сожалеть, что уже не умер через один-два дня, а то и раньше. И я знал это.

Четырнадцать часов спустя наше небольшое судно причалило к пирсу рядом с Бурнемутот, маленьким бальнеологическим санаторием на берегу Ла-Манша. На вершину высокого обрывистого берега вела простая деревянная лестница. Там нас уже ожидали четыре автомобиля. Было четыре часа утра, и густой туман, наползавший с моря, окутывал нас со всех сторон.

Видимость не превышала одного метра, но наш шофер, видимо, всецело доверял своему инстинкту. В этом густом молочном киселе мы пересекли весь Бурнемут на почти самоубийственной скорости в сорок миль в час. Правда, внутри машины перед водителем имелся экран радара, на котором можно было видеть гротескные силуэты пешеходов и автомобилей, уличных фонарей и дорожных указателей, хотя в таком тумане никто, естественно, не мог видеть, на что они указывают.

Наше путешествие в этот раз прошло без всяких неожиданностей. В Дакаре, вернее — в пустыне в окрестностях Дакара, меня избавили наконец от металлического пояса и оболочки пластиковой мины, приклеенной к животу эпоксидным клеем. Нас снабдили чистой одеждой и новыми фальшивыми документами. Мы сменили самолет и, обогнув Испанию, приземлились на крошечном аэродроме на юго-западе Франции. Оттуда амфибией нас доставили на яхту, стоящую на якоре в двадцати милях от берега, на границе зоны плотного прибрежного тумана.

Когда столько лет посвящено созданию организации в продвижении неизбежной схватки с Девятью и у вас есть достаточно денег, быстро убеждаешься, как можно сделать множество разных дел за короткий промежуток времени.

Пока я буду в состоянии снабжать своих людей достаточным количеством денег — а их у меня достаточно, как в самой Африке, так и в других местах — я могу быть уверен, что в крупной драке всегда рядом со мной будут стоять верные люди. У Дока, естественно, была своя организация и свои средства.

«Что значит быть богатым», — как частенько говорит мне Клио.

Было еще темно, и туман даже не собирался рассеиваться, когда мы остановились перед маленьким отелем в пригороде Солсбери, при выезде на скоростную автомагистраль А-338.

Клара долго сидела на краю кровати и безостановочно курила одну сигарету за другой, пока я не попросил прекратить или выйти курить в другую комнату. Я сам курил огромное количество сигарет в первые дни моего знакомства с цивилизацией. Но это у меня продолжалось недолго. Неприятный привкус во рту после сигарет вскоре вызвал у меня отвращение к курению, и я завязал с этой вредной привычкой. С тех пор я не выношу, когда при мне начинают курить в замкнутом помещении.

На следующий день горничная разбудила нас, постучав в шесть утра в двери нашего номера. Клара еще спала, но уже была на ногах к тому времени, как я кончил бриться.

— Я все думаю, что здесь нужно Девяти? — задумчиво проговорила она. — Да, я знаю, по официальной версии они здесь

преследуют Ивалдира. Но почему именно здесь? Вчера вечером, думая над всем этим, я вспомнила, как однажды, несколько лет тому назад, случайно столкнулась с человеком, которого видела до этого в пещерах всего пару раз. Зовут его Вильям Гриффин. В то время я гостила у одних своих приятелей в Лондоне. Вильям, один из сыновей лорда Брейбука, сказал мне, что как-то случайно услышал разговор между одним радиодиктором и его женой. Как ты знаешь, кандидаты коллекционируют всякие сплетни, чтобы собрать побольше информации насчет Девяти. Так вот, если верить этому диктору, то Шомбен в разговоре с Титалокком как-то обмолвился о том, что мир изменился настолько, что теперь стало совершенно невозможно совершать ритуальные погребальные церемонии в некоторых местах, столь дорогих сердцу Девяти. Например, там, где когда-то родилась Аи-не-на, высится в настоящее время один из самых высоких небоскребов Испании.

(Шомбен был одним из двух монголоидов, входящих в круг Девяти. Титалок — старейший протоиндеец из Центральной Америки.)

— Теперь умер Ксоксаз, — продолжила Клара. — Что ты знаешь о нем? Что общего может быть между ним и Стоунхенджем?

— В тот день когда мы с Доком получили приказ прикончить друг друга, Аи-не-на рассказала мне целую серию весьма интересных деталей на его счет. Оказывается, мы с Доком сводные братья, а Ксоксаз наш общий предок. Он наш дедушка и скорее всего наш прапрапрадед одновременно. Одному лишь Богу известно, сколько у него было сыновей. Его братья Эбн Ксоксаз и Триджаз, которые уже умерли, тоже внесли свой вклад в разрастание семьи еще задолго до того, как Грандриты покинули свою родную Скандинавию и переселились в Англию. Они, вероятно, жили еще тогда, когда германские языки не выделились в отдельную ветвь. Конечно, это всего лишь мое предположение. Я не вижу ничего невозможного в том, что старый Инг, который в стародревние незапамятные времена почитался как живое божество и который, кстати сказать, дал свое имя нашей доброй старой Англии, тоже сыграл свою роль в продолжении рода Грандритов. Так вот, возвращаясь к Ксоксазу, должен сказать, что ему к тому времени было по крайней мере восемнадцать с половиной тысяч лет, когда был воздвигнут Стоунхендж и, насколько мне известно, он еще не предпринимал никаких длительных путешествий. Со своей стороны вессексы, которые построили Стоунхендж и являлись потомками людей бронзового века; не имели никаких контактов с

нордическими племенами. Впрочем, протогерманцев в то время просто еще не существовало.

Конечно, я могу ошибаться. Быть может, Ксоксаз уже был к тому времени в Англии и сам контролировал сооружение Стоунхенджа. Мы скорее всего никогда этого не узнаем. Но присутствие здесь Девяти говорит о том, что они в чем-то замешаны.

В этот момент в комнату постучался и вошел Муртаг. Я сразу обратил внимание на возросшую амплитуду колебательных движений его головы. Лицо заметно побледнело, и губы едва выделялись на нем короткой прямой линией.

— Вы нервничаете? — спросил я его.

— Я всегда нервничаю накануне схватки. Но у меня крепкие нервы. На них всегда можно положиться.

Я коротко посвятил его в суть нашего с Кларой разговора и спросил, есть ли у него какие-нибудь дополнительные сведения.

— С моей точки зрения, патриархи крайне консервативны и во что бы то ни стало стремятся сохранить древние традиции. Думаю, проживи вы столь же долго, как и они, вы тоже стали бы таким. Но вам, по-моему, это не грозит. При вашем образе жизни вам не прожить и какой-нибудь сотни лет. Я это говорю без малейшего намерения уязвить вас, — добавил он, сухим тоном.

Я улыбнулся. Очевидно, наш временный союз несколько не уменьшил его антипатии ко мне.

— Они собираются здесь для совершения церемонии погребения Ксоксаза, — продолжил он. — Не настоящие похороны, конечно. Даже Девяти не под силу захоронить одного из них в самом центре Стоунхенджа без риска возбудить повышенный интерес к происходящему. Но сама церемония может быть осуществлена, а захоронение произойдет в одном частном владении, расположенном неподалеку.

Что ж, с его доводами можно было согласиться. Я собирался уточнить некоторые детали, когда зазвонил телефон. Из трубки раздался странный голос, глубокий и низкий, словно хрюканье свиньи, запертой в глубоком колодеце.

— Уай-Си? Ди-Си, — сказали в трубке. Это был обычный пароль, и я ответил соответствующим образом.

— Си-Ди? Си-Уай у аппарата.

— Я говорю по поручению Ди-Си, — прозвучало в трубке. — Вэн Вилар. Для друзей Паунчо*. Пат вам передает привет. О'кей?

* Паунчо (сленг) — здесь: толстопузый. (Примеч. авт.).

Несомненно, он думал, что имя Пат послужит дополнительным подтверждением того, что он действительно является эмиссаром Калибана.

— Встреча на перекрестке Бернара и Шиган-стрит. Я буду курить толстую сигару. Вы помните, как выглядит Гберинги?

Он наверняка имел в виду гориллу беринги, живущую в горных местностях.

— Я хорошо ее себе представляю, да.

— Так вот, это вылитый я. Неуклюжая копия старой беринги. Вы не сможете меня спутать ни с кем. Сигара и черный «роллс». Всегда любил комфорт. Пошевеливайтесь. Думаю, ваша линия прослушивается. А, чуть не забыл! Те, у кого есть какие-нибудь металлические включения в теле, не должны участвовать в деле. Пломбы, металлические стержни, стальные пластины на черепе или еще где-нибудь. Усек? До скорого.

В трубке раздался щелчок. Я отдал приказания, и через пять минут мы расплатились за ночлег и были уже в пути. Туман и не думал рассеиваться. Солнце просвечивало сквозь него бледным пятном. Судя по метеосводкам, туман стоял здесь уже в течение двух суток и не проявлял никаких тенденций к исчезновению в течение ближайшего времени. Такого здесь еще никогда не видели. Туман плотным облаком распластался по земле, накрыв собой огромную поверхность земли, тянущуюся более чем на сорок миль вдоль побережья.

Последний раз я был в Солсбери лет двадцать тому назад, но у меня отличные память и чувство ориентации. Кроме того, у нас был детальный план города.

На перекрестке проспекта Бернара и Шиган-стрит нас поджидал черный «роллс-ройс» модели «Silver Cloud», припаркованный в месте запрещенной стоянки. Я пошел к машине по тротуару, Клара и Муртаг — со стороны проезжей части.

Ветровое стекло в дверце было опущено. Паунчо сидел, подняв воротник плаща и глубоко надвинув на лоб свою шляпу. Из окна вились полосы голубоватого сигарного дыма, не желавшего рассеиваться в холодном влажном воздухе. Я наклонился к дверце. Его профиль был точным слепком с лица самцов Племени. Клара перекинулась с ним несколькими словами, после чего он повернулся ко мне и пригласил в машину. Когда я сел, он зажег верхний свет. Никогда еще в своей жизни я не видел таких густых бровей. Нос выглядел так, будто по нему прошли катком, расплющив до основания. Сохраняя основные пропорции, его верхняя губа тем не менее была такой же вытянутой, как у орангутанга. Выдвинутые вперед челюсти, широкие, редко посаженные зубы, маленькие, стального цвета глазки, утонувшие под массивными надбровными

дугами — все это делало его лицо ужасающе уродливым. Но, самое странное, при всем своем безобразии он казался весьма симпатичным.

— Док говорил мне о вас, — сказал он. — Я знаю все. Во всяком случае, все, что мне необходимо знать. Вы — шеф. Я полностью в вашем распоряжении. Но сейчас нам пора двигаться. Нельзя больше терять ни минуты. Вытаскивайте вашу рацию и передайте своим, чтобы держались за нами следом и поближе, не то в этом молоке все сразу растеряют друг друга.

Я показал ему наши портативные передатчики размером с зажигалку, очередное изобретение Дока. Они действовали на расстоянии до полумили. Вэн Вилар был уже знаком с ними. Четыре машины нашего эскорта подъехали вплотную, едва не упираясь бамперами, и выстроились за нами.

Руки Паунчо были необычайной длины, и под плащом угадывалось крупное массивное тело, округлое, словно пивной бочонок. Говорил он, не разжимая губ, из которых не выпускал горящую сигару. При этом двигался лишь самый уголок рта.

— Нет времени рассказывать вам все, что произошло в Германии. Самое основное — мы выследили Ивалдира. Старый гном находится здесь, так как все остальные патриархи тоже съехались сюда со всего света. Усек? Похороны Ксоксаза. Девять тоже в курсе, что Ивалдир не только здесь, но и где-то совсем близко. Не более того. Они едва не засекли нас, но им надо встать чуть пораньше, чтобы поймать нас. Взгляните на указатель. Передайте своим, чтобы держались шоссе А-360, как только выедем из города. Я хотел последить за ними вчера, но с этим киселем снаружи... Эй! Ты что, спятил? Не можешь быть повнимательней, черт бы тебя побрал!

Мимо нас, едва не коснувшись, пронеслась темная масса, отчаянно клаксоня по пути.

— Слушайте сюда, — продолжил Паунчо. — Вчера по радио я услышал одного чокнутого. Так он распространялся, что в Стоунхендже проводится съезд колдунов, которые собираются праздновать что-то, а этот туман — нечто вроде их рождественского подарка нам. По-моему, он не так уж далек от истины, этот тип. Док говорит, старуха Аи-не-на владеет силой, доставшейся ей в наследство от какого-то колдуна времен каменного века. Что ж, поживем — увидим. Пока что вернемся к делам нашим насущным. Вот наш план. Док, Пат — чертовски соблазнительная девчонка — и Барни, мой неразлучный приятель, уже на месте. Они ждут нас на пересечении А-360 и А-303. Если, когда мы приедем, их уже не будет на месте, мы двигаем напрямик в Стоунхендж. Церемония назначена на сегодня. Когда? Мы не знаем. Но, учитывая сезон,

Девять не рискуют быть потревоженными туристами. К тому же они нажали на нужные кнопки, и теперь все здесь кишит фликами. Доку стало известно, что им было велено наблюдать, но держаться спокойно, пока секретная служба будет сводить счета с агентами противника. Все важные шишки на Даунинг-стрит находятся на содержании Девяти, поэтому им было легко дать себя убедить.

Таким образом, нам всем предстояло встретиться здесь: Девяти, Ивалдиру, Калибану и мне: и снова мы будем в меньшинстве. Но главным в этой операции будет быстрота, с которой нам надо будет напасть и сразу же смыться. Если нам удастся достать хотя бы одного из Девяти, это уже будет большой удачей.

Паунчо указал нам на ящики, стоящие на полу «роллса». В них мы нашли кольчуги, защитные пояса и каски. Все из пластика.

— Наденьте их прямо сейчас, — предложил он. — Потом у вас уже не будет времени. Вы переодевайтесь, а я буду продолжать вводить вас в курс дела. Эти доспехи очень прочные, правда, для какого-нибудь силача, вроде меня, это не преграда, но все-таки.

Переодеваться в тесном пространстве автомобиля дело не такое уж простое, как может показаться, но мы справились с этим: графиня, Муртаг и я.

— Вы были несколько сдержаны в деталях, когда говорили со мной по телефону, — напомнил я ему. — Не могли бы вы чуть больше просветить меня на этот счет? Что за странная идея исключить всех, у кого есть пломбы в зубах? Я, кажется, немного догадываюсь о возможной причине, но предпочел бы не плавать в тумане. С меня достаточно того, который сейчас на улице.

— Увы, — проворчал Паунчо, — всему свое время. Ведь так говорится? Я сейчас вам объясню. Док придумал одну машинку, генератор индукционного поля, так он его называет. Он жрет уйму энергии, но уж сам выдает, что надо! Действует на расстоянии в полмили. И вот, стоит его пустить в ход, все, что есть металлического в радиусе полмили от него, начинает плавиться. Сечешь? Это надо видеть. Пломбы, кольца, часы, браслеты, ножи — все, что хотите. Телефонные кабели и линии электропередачи, даже дома, если они несут в себе металлический каркас, а ведь таких множество, например — небоскребы. Баки с горючим, особенно с бензином, взрываются как петарды, потому что бензин успевает загореться от раскаленного металла прежде, чем тот начинает течь. Учитывая действие этого поля, Док напридумывал кучу всякого оружия, не

подверженного ему. Его у меня целый чемодан. Палицы, биты для бейсбола, кинжалы из пластика. Ими, быть может, и не разрежешь котлету, но заколоть им кого-нибудь можно с неменьшей легкостью, что и стальным. А большего нам и не надо. Кроме того, у меня есть арбалеты из стекловолокна, с тетивами из свитых кишок и деревянными стрелами, но с наконечниками из того же пластика. Господи, я же забыл о гранатах! Естественно, из пластика. А вместо пороха, тринитротолуола, динамита и всех остальных взрывчатых веществ, которые слишком нестабильны, Док изобрел специальный газ. Хотя ему пришлось здорово над ним попотеть, уж можете мне поверить!

— Возвращение к доисторическим временам, — усмехнулся я. — Не сказал бы, чтобы меня это тяготило.

Меня весьма позабавила мысль, что в диких лесах далекой Африки Девять сражались с нами с помощью армады вертолетов, напалмовых бомб, автоматических ружей, радаров и артиллерии современной из армий, в то время как здесь, в сердце страны, одной из наиболее развитой технологически, мы собираемся вооружаться античными арбалетами. И можно даже предположить, что наступит момент, когда все эти кистени и булавы станут совершенно бесполезными в этом молочном киселе, струящемся за окнами автомобиля, и тогда мы будем вынуждены прибегнуть к самому древнему способу ведения войны — с помощью ногтей, зубов и кулаков.

— Со всеми этими штуками, изобретенными Доком, — продолжал между тем Паунчо, — бессмысленно прибегать к помощи радаров. Они тут ничем не помогут. Но, к сожалению, патриархи могут вооружить своих людей таким же оружием. И Ивалдир тоже. К тому же я не знаю в точности, даст ли он о себе знать или нет. Вообще-то надо быть сумасшедшим, чтобы подвергнуть себя такому риску. Но он как раз такой и есть, поэтому можно ожидать всего, чего угодно. Девять наняли целую армию гангстеров и напичкали ими все окрестности в надежде поймать в эту сеть как Ивалдира, так и нас заодно. Но для этого им нужно еще выиграть первый раунд.

Ну вот, еще милую проковыляем, а там по газам, и вперед! К сожалению, придется оставить наши тачки на подъезде. Док говорил, что каждый из Девяти имеет специальную машину, из синтетического корпуса и с мотором на паровой тяге. Это еще одно изобретение Калибана, в предвидении именно такого случая. Да вы сами увидите. Пока мы будем тут ковылять еле-еле, эти старые кретины подвоят в своих шикарных лимузинах на пару. Ну где тут справедливость?!

Выехав на шоссе А-360, Паунчо резко увеличил скорость, она достигла ста двадцати километров в час, что, впрочем, не

мешало ему болтать не переставая. Благодаря его болтовне, которая в обычное время быстро вывела бы меня из себя, я, не задав ни единого вопроса, узнал все, что хотел бы узнать.

Паунчо был сыном «Джоко», Симмонса, а его друг, Барни Банк, сыном «Порки», Риверса. Джоко и Порки были теми самыми двумя стариками, которые шли бок о бок с Калибаном, вплоть до их героической смерти при освобождении Клио в замке Грандрит. Об этом мной написано в девятом томе моих «Записок». Они были последними оставшимися в живых из знаменитой Банды Пятерых, посвятивших свою жизнь Калибану и его борьбе с силами Зла. (То, что взамен бессмертия Док одновременно работал и для Девяти, мало что меняло. Он всегда стремился оставить за собой свободу действий и вел свою собственную борьбу, не оглядываясь по сторонам. Правда, он никогда не вмешивался, когда чувствовал в деле руку Девяти. Но в любом случае не я ему судья, так как сам не устоял перед соблазном эликсира молодости.)

Паунчо и Барни родились в 1932 году малое время спустя после разводов их родителей. Джоко и Порки слишком много времени проводили со своим шефом в ущерб желаниям их жен, что привело к тому, что обе они ушли, хлопнув за собой дверями, когда решили, что с них достаточно.

— Я еще хорошо помню визиты моего старика, — сказал мне Паунчо. — Моя мать спустя два года после развода с отцом вновь вышла замуж, и ее новый муж стал моим отчимом. Он был шикарным типом по отношению ко мне, но это ничего не меняло. Каждый раз, когда эта старая обезьяна появлялась в нашем доме, происходило одно и то же. Я не знал ни что мне делать, ни как мне себя вести. С одной стороны, я его очень любил, отца то есть, с другой, — никак не мог усесть, почему он меня оставил одного. Я понял это лишь потом, много лет спустя. Он предпочел приключения своим войлочным тапочкам, и не мне осуждать его за это. Но с тех пор я невзлюбил все, что имело к нему хоть какое-то отношение. В том числе и химию, в которой мой отец, как говорят, волок лучше всех в мире.

Паунчо вспомнил также визиты его «дядюшки Дока» и набеги, которые он совершал в полную чудесных и загадочных предметов лабораторию, располагавшуюся где-то на верхних этажах Эмпайр Стейт Билдинга.

Барни жил в трех домах от Паунчо, и они с самого детства росли вместе. Затем, во время войны в Корее, служили в морской пехоте в одной и той же части. И вновь они были вместе в тот день, когда нашли Дока, после смерти их отцов. Оба унаследовали от отцов страсть к стычкам и приключениям.

ям. Когда они узнали, что исследования Дока близки к завершению и вскоре он будет сам производить эликсир, подобный полученному им от Девяти, Паунчо и Бэни, не колеблясь решили помогать ему во всем.

При скорости, с которой мы неслись по шоссе, мы должны были достичь пересечения двух автомагистралей меньше чем за десять минут. Но столкновение трех автомобилей, вошедших друг в друга в тумане, как отрезки телескопической трубы, задержало нас на некоторое время. Авария несколько охладила пыл Паунчо и дальше он ехал с весьма умеренной скоростью, не превышая шестидесяти километров в час. Через некоторое время он сверился со счетчиком расстояния, снизил скорость еще больше и так тащился до самого перекрестка, который совершенно внезапно вынырнул из тумана прямо перед нашим носом. Паунчо свернул вправо, проехал еще несколько метров и остановился на обочине. Остальные машины остановились за нами. Два водителя вышли наружу, поминая на чем свет стоит «этого проклятого шофера-янки».

Туман вроде бы как стал еще гуще, видимость практически терялась на расстоянии вытянутой руки. Я знал, что вокруг нас окружающая местность такая же ровная и плоская, как долина Иллинойса. Наша А-303 была нацелена, будто дуло винтовки, точно на северо-запад и через милю пересекалась с простой грунтовой дорогой. Оттуда, чтобы попасть в Стоунхендж, нужно было повернуть налево, и, приблизительно через пару сотен метров, вы оказывались перед величественным монументом, огороженным от любопытствующих колючей проволокой. Если ехать по грунтовой дороге дальше и у пересечения ее с А-344 взять влево, то сразу попадаешь к центральному входу «почтенного и замечательного памятника долины Солсбери, возведение которого молва приписывает Великому Мерлину, Магу и Волшебнику», если говорить словами знаменитого архитектора, Джона Вуда.

Паунчо вышел из машины и снял плащ. Я стоял не дальше тридцати сантиметров от него, поэтому-то и смог понять, несмотря на отвратительную видимость, откуда у него такое прозвище. Его огромный живот торчал вперед, словно у гориллы, только что проглотившей огромное блюдо побегов молодого бамбука. Не мягкое и расплывшееся, как студень, а упругое и твердое, это изумительное чрево по жесткости больше походило на грудную клетку орангутанга. Компенсируя невероятную длину его рук, ноги были толстыми и короткими. Тем не менее рост его был не ниже метра восьмидесяти — в то время как его отец не превышал метра пятидесяти, — а вес достигал, вероятно, ста шестидесяти килограммов.

Он открыл ящики и раздал всем оружие. Я взял бейсбольную биту, кинжал из пластика с семидюймовым лезвием и колчан со стрелами, который повесил на поясе рядом с кинжалом. Арбалет был совсем маленьким, но нужно было иметь сильную кисть, чтобы максимально натянуть тетиву и закрепить ее на предохранительном крючке. Для выстрела достаточно было нажать на курок, расположенный в нижней части ложа, выточенного в форме рукоятки пистолета.

— С помощью этой штуковины, на расстоянии одного метра, вы пробьете любой доспех, даже подобный вашему, — поучал нас Паунчо. — В таком случае стрела войдет неглубоко, всего на полтора-два сантиметра. Но этого достаточно, чтобы вывести из строя человека, а то и убить его. Но если стрела не встретит препятствия, она пронзит человека насквозь.

Гранаты больше походили на теннисные шары. Сверху, выдаваясь над поверхностью на сантиметр, торчала чека.

— Надо нажать, повернуть налево, вырвать, бросить и бежать, — продолжал он инструкции. — Никакого промедления. Эта штука взрывается через две секунды с силой семисотграммового заряда тринитротолуола. Главное — это место, куда она упадет.

Я перепрыгнул через проволоку ограждения, отставая от Паунчо на два шага. Проволока уже была теплой под воздействием индукционного поля. Когда впереди очертилась округлая форма кургана, у которого была назначена встреча с Доком, Паунчо остановился и негромко позвал:

— Док? Эй, Док! Это я!

Никакого ответа. Наши люди встали вокруг холма и стали звать Дока. Я влез на его вершину и прошелся по всей длине, но никого не обнаружил. Лишь приблизив глаза к самой земле, я обнаружил следы чьих-то ботинок.

Пришлось возвращаться к машинам. Паунчо ругался сквозь зубы, дыша на ладони своих огромных ручищ.

— Чертов холод! Я продрог до костей. Эй, графиня! Не знаете ли вы, как можно было бы согреть одного бедного парня, вроде меня?

Клара рассмеялась:

— Попробуй поймать меня, торопыга питекантроп. Пока тебе удастся это, уверяю, ты весь будешь в пене! Но сейчас, мне кажется, тебе лучше поберечь свои силы для другого.

— Согласен, — тихонько прорычал он. — Мы поговорим об этом за стаканчиком доброго мартини.

— Я жду тебя после этой заварушки.

— Посмотрим, что скажет наш волокита Барни, когда узнает про это, — хихикнул Паунчо.

Когда он смеялся, было впечатление, будто с горы катится мешок с орехами. Я повысил голос:

— Тихо!

Сквозь окружавшую нас серую пелену донеслись чьи-то приглушенные крики, шум и треск. Сухой звук удара одной биты о другую, по доспехам или по голове? Поди узнай.

Мы бросились бежать, когда шум усилился и раздался сильный вопль, оборвавшийся совершенно внезапно, будто отрезанный ударом кинжала. Не успел я сосчитать до трех, как взорвалась граната. И все. Тишина. Все звуки мгновенно исчезли, будто всосанные медленно клубящимся туманом.

Во всем Стоунхендже было, вероятно, множество сражающихся, но сейчас и речи не могло быть о какой-либо организованной схватке. По тому, что мы слышали, можно было лишь предположить, что тут вслепую бродит целая армия теней, не знающих, как им отличить в этом киселе своего от чужого.

Я передал по цепочке:

— Всем выходить на дорогу и идти до первого кургана.

— А что это такое, курган? — пробормотал чей-то голос.

— Это искусственный холм, в которых древние хоронили своих умерших, — объяснил я. — Здесь кругом таких масса. Но нам сейчас нужно произвести разведку. Будьте осторожны. Ивалдир и патриархи наверняка расставили здесь повсюду своих часовых. Не ходите поодиночке, только группами. Не хватает еще потеряться в этом «молоке». Я хорошо понимаю, что легче пройти незамеченным, если идти по нашей стороне дороги, но у нас нет выбора. И не забывайте: люди Дока наши союзники. В них не стрелять. Если вы узнаете их, скажите пароль: «Пончо»

— Узнаем? Он что, смеется? Тут не видно дальше пятидесяти сантиметров!

— Уж как-нибудь постарайтесь. Можете прибить кого угодно, кроме Калибана и его ассистентов. Всем ясно?

Конечно, я не верил, что солдаты Муртага смогут удержаться от выстрела до того, пока наверняка не убедятся, что перед ними противник. Среди этой банды черствых, грубых парней не было ни одного, кто в первую очередь не думал бы о себе. Они, естественно, не будут ждать, пока им врежут по мозгам, чтобы лишь потом ответить. Жизнь их научила тому, что «потом» может уже не быть. Но я все же надеялся, что мое описание Дока, Пат и Барни, которое я им дал, поможет отличить их от всех остальных. Большого я не мог от них требовать.

Я возглавил отряд с арбалетом в правой руке и с бейсбольной битой в другой.

С тех пор как мы вышли на дорогу, тишину не нарушил ни единый звук. Но лишь только мы поравнялись с первым курганом, как три последовавших друг за другом взрыва гранат разорвали ватный полог, окружавший нас на протяжении вот уже скольких миль. Отряд, как один человек, плюхнулся на сырую землю. Однако вроде бы ничто не говорило о том, что эти гранаты предназначались нам.

Я поднялся и, согнувшись вдвое, броском добрался до канавы, идущей вдоль внешней стены могильной насыпи. Сложив ноги вместе, я прыгнул вниз, прямо на спину затаившемуся в канаве человеку, присевшему на корточки. Он завопил. Я тоже рывкнул что-то и сломал ему челюсть, наотмашь ударив битой.

— Эй, там! Что случилось? — спросил чей-то голос в тумане. — Все в порядке, Митерс?

Мою жертву звали по-другому, потому что настоящий Митерс ответил, что у него все нормально. Его голос раздался левее меня метрах в трех.

В следующий момент Клара и Паунчо вынырнули из тумана. Я выпрямился и бросился вперед, вопя как одержимый. В левой руке у меня угрожающе вертелась бита, правая в любой момент была готова нажать на курок арбалета. Я был готов встретить сразу двух противников, чтобы испытать эффективность стрел Калибана. Звонко тренькнула тетива. Первый неприятель упал с хвостом стрелы, торчащим из его широко открытого рта; второй присоединился к нему в следующую секунду, сраженный ударом, сломавшим мою биту, его биту, его каску и проломившим ему верхнюю часть черепа.

С моей стороны путь был свободен. Но я слышал шум топающих и толкающихся в канаве других солдат. Вместо того чтобы дружно броситься и освободить узкий проход или напасть на нас с вершины кургана, они предпочли дать деру. Укрытые туманом, некоторые из них становились на колени и осыпали нас дождем стрел. Они зарывались в грязь и стреляли оттуда, и вскоре весь холм ошетинился лесом воткнувшихся в землю стрел. Мы отступили и вновь сгрудились в оставленной противником траншее, едва не отдавив друг другу ноги.

Я сосчитал наших убитых и раненых — их было всего двое. Муртаг и Паунчо решили обследовать окрестности и определить, по возможности, потери противника. Они насчитали десять трупов, но сказать, к какому лагерю они принадлежали, Девяти или Ивалдиру, было совершенно невозможно. Все убитые были одеты в гражданское платье, с нашитой поперек груди широкой ярко-желтой полоской материи. Под костюма-

ми у всех была защитная одежда, изобретенная Калибаном, — кольчуга и корсет из пластика. Головы прикрывали точно такие же каски, как и у нас.

Гбампв, один негр из Центральной Африки, похвалявшийся, будто он является чемпионом в метании копья, помог мне разбросать по округе гранаты.

Они пронзили покрывало белой ваты, душившей нас отовсюду вспышками алого огня. Но установить, накрыли ли мы ими какую-нибудь цель, было невозможно. Единственным ответом на это был новый ливень стрел, которые усеяли всю землю и склон кургана вокруг нас.

Вдали раздался чей-то зов. Но из-за расстояния и тумана было не очень понятно, что именно кричат. На всякий случай я крикнул в ответ: «Пончо! Пончо!»

— Пончо, мой!.. — проревел чей-то голос. Последние его слова утонули в общем гвалте, в котором крики и проклятия переплелись с глухими звуками ударов бит и топанием ног о размытую землю.

— Местные фермеры, наверное, уже давно висят на телефонах, — сказал Паунчо. — Готов держать пари, что взрывы слышны по ту сторону долины, в Амсбери. Это недалеко, милях в двух отсюда.

Он был прав. Местная полиция, видимо, давно ломала себе голову над тем, как объяснить все эти взрывы и падение напряжения в электрической сети и как связать все это с деятельностью британской секретной службы в районе Стоунхенджа. Но воля Девяти крепко запечатала их рты и связала руки. Думаю, аналогичный приказ получили и войска, расквартированные в округе.

Очередная моя граната взорвалась точно посередине между точками попадания двух предшествующих. В ответ обрушилась новая волна стрел, не причинивших, правда, никому вреда. Вполне вероятно, я убил нескольких солдат, бежавших от нас из этой канавы, но с такой же вероятностью можно было предположить, что эти взрывы никого не задел, что неприятель держится настороже и лишь выжидает момент, чтобы наесть на нас основательно.

Справа вновь донесся глухой перестук сталкивающихся между собой импровизированных булав. По моему приказу все покинули курган. Я собирался провести отряд параллельно дороге до так называемого жертвенного камня, с внешней стороны кольца каменных столбов. Едва мы отправились в путь, как разом смолкли все звуки и над городищем вновь пала мертвая тишина.

На многие мили вокруг не было слышно ни единого звука, кроме шороха наших башмаков по подмерзшей траве и хлопаящие звуки подошв, отрываемых от липкой грязи. Мы шли по трое в ряд. Я возглавлял шествие, за мной шли Клара, Паунчо и Муртаг, дальше все расплывалось в серо-молочной дымке. Туман стал настолько густым, что стоило мне сделать шаг чуть длиннее, чем у идущих за мной следом, как я тут же оказывался в одиночестве, отделенный от них тонкой, но непроницаемой для глаз завесой.

Когда, как я рассчитывал, мы были на полпути к жертвенному камню, я поднял руку. За моей спиной Клара, Паунчо и Муртаг повторили мой жест и так далее, пока не остановилась вся колонна. Кругом царил гробовая тишина.

Единственное, что удалось мне уловить, — это было нервное напряжение большого количества людей.

Повсюду вокруг нас неслышно и молчаливо перемещались солдаты, вытаращив от напряжения глаза, пытаясь уловить какое-нибудь движение в колышущейся вокруг пелене тумана. Они шагали на цыпочках, напряженно вслушиваясь в тишину, в надежде уловить хоть какой-нибудь звук.

Как я уже объяснил во втором томе моих «Записок», слух и обоняние у меня были развиты гораздо сильнее, чем у обычного человека, но и я не мог различить ни одного звука и уловить хоть след какого-либо запаха, поглощаемых этой стелющейся по земле ватой. Мысленно я представил себе всех этих людей, которые, имея они возможность определить, где мы находимся, обрушили бы на нас град ударов своих дубинок и бит и задавили бы просто своей численностью.

Я вновь подал сигнал, и мы двинулись дальше. Но в то же мгновение, уловив едва слышный свист, происхождение которого, как доказало будущее, я сразу определил совершенно верно, я повернулся к отряду и приказал всем броситься на землю.

Не успел я прильнуть к липкой жиже, в которую превратилась поверхность этой равнинной низменности, как яркая вспышка света пронзила эту тишину, подбитую ватой. Как я догадывался, это должна была быть осветительная ракета, в конструкцию которой не входило ни одной металлической части.

Нельзя сказать, чтобы ночь превратилась в день. Но стало гораздо светлее. И в этом свете стали видны силуэты людей, сгрудившихся у выхода из кювета, огибающего жертвенный камень. Ракета выдала нам также присутствие еще одной группы людей, окруживших огромный наклонившийся гранитный блок, так называемый Камень Талона (хотя только Богу известно, откуда пошло это название), который вознесся на высоту

четыре метра восьмидесяти сантиметров над самым краем дороги.

Кроме того, ближе к нам располагались еще с десяток людей, играющих роль авангарда, по-видимому. Ни один из них не подал обусловленного сигнала, о котором мы договаривались, подразумевая тот случай, когда видимость станет нормальной.

Теперь все увидели друг друга: и мы врагов, и враги то место, где мы залегли.

Мы выпустили два залпа по расположившимся перед нами отрядам, которые тоже ответили нам стрелами. Затем наступила сумятица рукопашного боя. В самом сердце туманного облака, упавшего на Стоунхендж и окружающие его земли, расцвели огнем фейерверка алые бутоны взрывов мощных гранат Калибана. Впереди, сзади, справа, отовсюду неслись крики людей, сошедшихся в яростной схватке.

И опять резко и внезапно установилась тишина, нарушаемая лишь стонами и хрипом раненых и умирающих. Уцелевшие заставляли их замолчать, закрывая им рты руками и поспешно вводя наркотики, избавлявшие тех от страданий. Думаю, в этот момент все занимались одним и тем же, так как вскоре уже не было слышно ни единого стога.

Ни звука, ни движения, ничего. Гробовая тишина.

Выждав немного, я бросил наугад одну за другой две гранаты подряд, которые взорвались с резким оглушительным хлопком. Раздались глухие крики, тотчас сменившиеся жалобными стогами. В ответ неподалеку взорвалось несколько гранат противника.

Наши раненые перестали стонать. Я поднялся и приказал моим людям отойти левее, чтобы выйти из досягаемости вражеских гранат.

Это было ошибкой.

Темный силуэт выскочил из тумана в каком-то метре от меня. В полной тишине тетива арбалета запела как басовая струна, за которой вслед раздался мощный аккорд. Шестеро из моих людей безмолвно пали на землю. Я бросился в жижу под ногами и выстрелил в упор. Пока я перезаряжал оружие, из-за плотного туманного занавеса, маячившего перед самыми глазами, не раздалось ни единого звука.

Приготовив арбалет, я решил рискнуть и пополз в сторону противника, где вскоре наткнулся на три неподвижных тела. Все были мертвы. Рядом негромко застонал раненый. Он был без сознания. На груди его была желтая нашивка, перепачканная в крови. Ударом кинжала я положил конец его страданиям.

Наше перемещение спровоцировало новую атаку со стороны руин. Вновь над головами засвистели стрелы. Еще один человек упал, пораженный стрелой в шею.

Я продолжал ползти. Вскоре я снова наткнулся на тела, в беспорядке лежащие на относительно небольшом клочке земли. В общей сумме их оказалось здесь тридцать человек.

— Послушай, — обратился я к Паунчо, не отстававшему от меня ни на шаг, — я не понимаю, что здесь происходит, но ни один из Девяти не станет подвергать себя риску в такой слепой драке, которую мы вынуждены сейчас вести. Они слишком любят свои старые каркасы. И все же они должны быть где-то здесь. Слишком уж велико их желание поймать старого гнома. Как ты считаешь, может быть, они уже уничтожили всех людей Ивалдира и дали деру, или посиживают где-нибудь, запершись в своих лимузинах?

Патриархи никогда не были трусами, но отличались крайней осторожностью, особенно в том, что касалось их собственной жизни. Но еще более того они были упрямы и злопамятны. Они никогда не уйдут отсюда, покуда не будут абсолютно уверены в смерти Ивалдира. А если узнают, что Док и я ползаем в округе, патриархи не дадут отбоя, пока им не принесут наши головы. Это уж точно.

— Пожалуй, я вернусь на дорогу. Ждите меня у ограды, — распорядился я. — Если через двадцать минут я не появлюсь, решайте дальше сами, как поступать.

— Где же Док, черт бы его побрал! — пробурчал Паунчо. — Здесь все так и кишит от людей!

Будто для того, чтобы лишний раз подтвердить его правоту, слева от нас одна за другой разорвались три гранаты. Поднявшиеся вверх клубы дыма и тумана пронзила новая туча стрел. Следующий залп был направлен гораздо выше, будто сделанный наугад.

Подползла Клара и прижалась к моему боку.

— Я пойду с тобой, Джеймс! Когда-то у нас неплохо получалось вместе.

— Хорошо. Пошли.

Паунчо задержал меня за рукав.

— Док приказал мне оставаться в вашем распоряжении столько, сколько вам будет нужно. Но сразу вернуться, коль скоро такая необходимость минует. Поэтому, если вы не возражаете, я хотел бы сейчас вас покинуть. Я боюсь, как бы мой дружок не увяз обеими лапами в каком-нибудь дерьме. Если я не подскажу ему, куда нужно ставить ноги, он вполне способен расквасить себе физиономию в этом проклятом киселе. И по-

том, мне кажется, у Дока возникли серьезные трудности. Поди узнай, что тут творится на самом деле!

Я был растроган этим проявлением верности и чувства товарищества. К тому же он выполнил свое поручение, доставил нас в самую гущу драчки.

— Ступай, куда зовет тебя твой долг, дружище.

— Это не потому, что мне тут скучно с вами, — несколько сконфуженно, будто оправдываясь, пробормотал Паунчо, — но у меня впечатление, что Док не откажется от небольшой дружеской поддержки. А пока, до скорого, ребята! Удачи вам!

И он ползком удалился, мгновенно утонув в непроницаемом молоке тумана.

Вскоре мы снова оказались на дороге, у подножия Камня Талона. Он наклонился к югу, похожий на древнюю погребальную плиту, приподнятую с земли умершими, которые, покинув свой последний приют успокоения, выбрались на поверхность и замерли вокруг него. Я насчитал более десяти трупов. По меньшей мере половина из них погибла в результате взрыва гранаты. Вполне возможно, что это была одна из наших. У всех на одежде была нашита желтая поперечная полоса.

— Я предпочел бы, чтобы все мы держались вместе, — сказал Муртаг. — Здесь недолго уложить друг друга в этом проклятом тумане.

После непродолжительной тишины туман озарился новыми вспышками разрывов справа от нас.

— Оставайтесь здесь с людьми, — сказал я Муртагу. — Я быстренько смотаюсь с Кларой до шоссе посмотреть, что там происходит. Даже если услышите перестрелку, не двигайтесь отсюда ни на шаг. Узнаете, что возвращаюсь я, по паролю. Паунчо знает, где вы находитесь. Если он найдет Дока, то вернется с ним.

Графиня скользнула за мной в туман. До дороги добрались без приключений. Мы уже ползли по грязи, в которую превратилось дно сточной канавы вдоль шоссе, когда впереди у перекрестка я услышал шорох колес об асфальт. Прислушавшись, я уловил едва слышимое бормотание мотора, что сразу заставило меня подумать об одном из автомобилей на паровой тяге. Кто-то из Девяти! На то, чтобы определить, насколько значителен сопровождающий конвой, у меня не хватило времени. Прямо перед моим носом внезапно туман был разодран в клочки взрывами нескольких гранат.

В какой уже раз осторожная стратегия Девяти вновь дала осечку. Их гранатам не хватило самой малости, чтобы разнести нас в клочки.

Быстрый ответ Муртага не заставил себя ждать. В ярком свете взрывающихся гранат из тумана стали выпрыгивать колеблющиеся тени. Шуршание шин по дороге приближалось. В этот миг я вдруг почувствовал несильный удар в грудь. Наклонившись, я увидел у ног смутную тень, напоминающую мяч для тенниса. Я тут же схватил ее и отшвырнул подальше. Она взорвалась где-то на взлете у меня над головой, и блеклый свет серого дня сменился в моих глазах непроницаемой чернотой.

Когда я пришел в себя и открыл глаза, я все еще лежал в грязи на дне канавы. В моих ушах тикало, будто в каждом из них завелся будильник. Кроме того, у меня появилось оригинальное ощущение, что вместо головы у меня на плечах растет огромная пустая тыква.

Я потрогал странно слипшиеся волосы на голове и поднес руку ко рту. Это была кровь. В голове что-то шумело, звенело и топало, будто там поселилось целое стадо диких мустангов, которые носились внутри моего бедного черепа, словно им смазали задницы скипидаром.

Естественно, кроме грохота их копыт, я не слышал практически ничего, хотя подозревал, что надо мной и вокруг меня должен сейчас бушевать оглушительный шум воплей, криков и стонов. Рядом со мной лежали два трупа, уютно прижавшись друг к другу. Я встал на четвереньки, собираясь поползть вокруг в поисках какого-нибудь оружия. По дороге я встретил еще три полностью инертных тела. У них я позаимствовал арбалет и колчан со стрелами. С трудом встав на ноги, я спотыкаясь пошел на другую сторону дороги, но запнулся о еще чей-то труп и свалился в какую-то дыру.

На то, чтобы выбраться из этой ямы, мне понадобилось некоторое время. Я сделал несколько шагов и вынужден был остановиться, уткнувшись в большую темную массу, перегородившую мне путь.

Я оперся об эту штуку, чтобы обеспечить себе большую устойчивость. В голове у меня немного прояснилось. Достаточно, во всяком случае, чтобы я внезапно понял, что опираюсь на одну из машин конвоя.

Она лежала на боку, с дверцами, широко распахнутыми к небу. Я бросил взгляд внутрь. В углу заднего сиденья лежало чье-то скорчившееся тело. Переднее стекло отразило несколько ярких вспышек, затанцевавших на нем, будто балет светлячков. По всей видимости — взрывы гранат. Битва кипела вовсю, но глухота повергла меня в состояние зрителя, глядящего немое кино.

Пробираясь на ощупь по обочине, я почти сразу наткнулся на тело человека в ливрее, лежащего лицом вниз. Шоферу Девяти чья-то бита разможила затылок и в горле торчала рукоять кинжала.

Мне совсем не улыбалось быть застигнутым врасплох внутри автомобиля, но мое неистребимое любопытство толкало меня на то, чтобы узнать, что за пассажир остался на его заднем сиденье. Я не мог устоять.

Мне пришлось вскарабкаться наверх и протиснуться в дверь, как в люк, стараясь, чтобы при этом она не захлопнулась за мной. Подъем дался мне с трудом, и если мне это и удалось, то не по причине ловкости, но лишь в силу въевшихся в меня навыков лазания по деревьям. Видимо, взрыв основательно встряхнул меня: Пробравшись наконец внутрь, я склонился над телом и зажег спичку на уровне его лица.

Это был старый Джизфан, один из монголоидов со сморщенной, как жухлое яблоко, кожей лица. Один из тех, кто сидел за овальным дубовым столом Девяти. Его глаза, открывшиеся в мир еще в то время, когда Англия была соединена с материком узким перешейком, были покрыты мутной пеленой. На его теле не было видно ни одной раны, кроме маленькой черной точки во лбу. Я приложился ухом к его груди, но ничего не услышал. Но, взяв его за тонкое иссохшееся запястье, я уловил едва ощутимое биение пульса.

Я распрямился и вновь заглянул в бездну его слепых глаз. Рука его слегка вздрогнула. Я взял эту дрожащую руку в свою и медленно сжал пальцами. Кости ее сухо треснули, словно сломалась старая высохшая ветка. Он закричал. Жалобный раздирающий крик, который, однако, не пробудил во мне никакой жалости.

За прошедшие тысячелетия этот кровавый монстр усеял свой путь тысячами и тысячами трупов. Только одному Богу известно, сколько себе подобных он отправил на тот свет, подвергнув страшным пыткам. И какое бы королевское пиршество он устроил бы над моим телом, окажись я в его власти.

Я вытащил из бардачка перед передним сиденьем фонарь и осветил им свое лицо, чтобы он видел, от кого получит свой прощальный *coup de grace**. Потом я посветил прямо ему в лицо. Выпучив от ужаса глаза, от откинулся назад, насколько позволяла спинка сиденья, открыв рот в беззвучном немом крике.

И прежде чем я успел свернуть ему шею, он дернулся и обмяк всем телом. Я пощупал пульс. Ничего. Джизфан не

* *Coup de grace* (фр.) — последний удар.

выдержал моего внезапного появления, и сердце его остановилось.

Однако человек с его опытом, столько лет проживший на Востоке, вполне мог научиться так владеть биением своего сердца, что по его желанию оно замедляло свой ритм, вплоть до полной остановки. Поэтому в целях чистой предосторожности я вылез из автомобиля с его головой, которая покачивалась в моей руке, удерживаемая за его длинную седую шевелюру. Честно говоря, я не знал, что мне с ней делать. Может быть, брошу в гущу его солдат, если найду их. Не знаю. А пока что я положил голову около переднего колеса, пока собирался осмотреть окрестности, да так и оставил ее там.

Положение тел, разбросанных вокруг автомобиля, и борозды на дороге, оставленные его боковым скольжением, позволили мне восстановить картину случившегося.

В тот момент когда отряд солдат Девяти выскочил на дорогу, то ли атакуя, то ли спасаясь от преследования, головная машина, идущая со скоростью не менее восьмидесяти километров в час, врезалась в них. Некоторые солдаты были отброшены далеко в стороны, другие раздавлены колесами. Машину повело в сторону, и она опрокинулась на бок. Вторая машина заскользила на телах раздавленных и воткнулась передком в задний бампер переднего автомобиля. Потом, дав задний ход, ей удалось выбраться из мешанины тел, и она скрылась в направлении перекрестка.

Оставшиеся в живых пассажиры с помощью шофера выбрались наружу. Джизфана, вероятно, посчитали мертвым. (Теперь я вспомнил, что видел этого шофера раз или два во время ритуальных церемоний.) Шофер был убит во время всеобщей свалки, но остальным служителям вместе с патриархами удалось скрыться. Уехали ли они в двух других автомобилях, или бродят еще в тумане где-то в округе, я определить не мог. Для этого мне сначала нужно было бы найти их следы.

Я не знал, сколько времени оставался без сознания. Я не знал, куда делись Док и Клара. Они вполне могли находиться в двух метрах от меня и во все горло кричать пароль, я все равно бы их не услышал. Исследуя местность в непосредственной близости от катастрофы, я нашел тела почти всех бойцов моего отряда, за исключением графини, Муртага и чемпиона по метанию копья. Я набрал стрел про запас и зарядил арбалет. Затем снова побрел вслепую в тумане, с кинжалом, зажатым в правой руке. На поясе у меня болтались две последние гранаты.

Цвет тумана стал постепенно меняться, переходя из молочно-белого в серый или даже в черно-сизый цвет. Новый фронт

облаков грозил скопиться у самой земли, превращая белесую полутьму в полную непроглядность. У меня никак не проходило ощущение, что моя голова вот-вот лопнет. В ушах свистело и звенело, как никогда.

Когда я добрался до перекрестка, видимость слегка улучшилась. Я свернул в сторону центрального входа в Стоунхендж, продираясь сквозь облака тумана, которые медленно бледнели.

Одна за другой сероватые массы выныривали из тьмы, плотные и молчаливые, ложась по обе стороны меловой дороги. У входа во внешней стене развалин я нашел тридцать три трупа. Я не стал останавливаться, чтобы детально осмотреть их, но и так было видно, что у большинства были проломлены головы, сломаны позвоночники или разбиты вдребезги челюсти. У тех, кто не носил на себе явных следов насилия, были отеки лица и выпученные глаза. Кровь, брызнувшая у них из носов, глаз и ушей в тот момент, когда их накрыл взрыв гранаты, покрывала траву темными пятнами.

Я довольно долго стоял, прислушиваясь и пытаясь услышать хоть что-нибудь. Холодный ветер тоже не помог мне. Он не доносил никакого другого запаха, кроме запаха пропитанной влагой земли. Я медленно пошел вдоль стены влево, пока в темноте не обрисовались два приземистых силуэта. Это были обломки двух каменных столбов. От последнего из них, если мне не изменяла память, начинался ряд монолитов «творения гигантов». Память не подвела меня. Еще несколько шагов, и я увидел огромные усеченные гранитные блоки, стоящие передо мной, как мачты каменного корабля, омываемого волнами тумана.

Моя нога запнулась о неподвижное тело. Рядом в тумане смутно просвечивали тела еще двух. Мои чувства не говорили мне о присутствии поблизости живых существ, и я решил повернуть вправо и пройти вдоль внутренней поверхности круга, образуемого мегалитами. Это было идеальное место для проведения погребальной церемонии. Если наше вмешательство прервало ритуал, начатый Девятью, я мог надеяться, что, быть может, обнаружу тело Ксоксаза еще на месте.

Через две минуты я действительно обнаружил чье-то тело в серой мгле, продолжавшей окружать меня. Только оно было живым и продвигалось, осторожно ставя одну ногу перед собой, как канатоходец на проволоке, наклонившись вперед и напряженно вглядываясь в темноту перед собой. Спустя мгновение выплыло знакомое лицо и дуло арбалета, направленного прямо мне в грудь.

Мы бесшумно сближались. Зазвенела тетива, но, к счастью, Клара в последний момент узнала меня и успела выстрелить в сторону.

Она с радостным криком бросилась ко мне, и в этот момент из темных облаков над нашими головами вывалилась какая-то черная масса и обрушилась на нас. Можно было бы сказать — упала прямо с неба, но думаю, логичнее было предположить, что наш противник следил за нами, затаившись на вершине одного из монолитов в четырех метрах от земли.

Он обрушился на нас всей тяжестью своего тела, но промахнулся и грохнулся на землю в метре от нас. Упав на бок, он откатился в сторону и тотчас был поглощен туманом. Но так же стремительно тень вновь выпрыгнула из него, чтобы тут же обрушиться на Клару.

Клара ускользнула от атаки, на мгновение исчезнув из моего поля зрения, но почти сразу вновь появилась спиной вперед, отступая шаг за шагом, в упор стреляя из своего оружия в гигантский, чудовищных размеров силуэт, покрытый, как мне показалось, густой темно-бурой шерстью.

Я рванулся к ней на помощь, но опоздал на какую-то самую малую частичку секунды. Уродливая тень подмяла графиню под себя и сразу же высоко подняла ее вверх. Я отпрянул в сторону, чтобы избежать удара. Монстр, схватив женщину за руку, крутил ее телом над головой, словно это была боевая палица. Когда это животное наконец остановилось, Клара лежала неподвижно в луже крови. Ее оторванная рука, панцирь и шлем разлетелись в разные стороны.

Моя Клара, моя чудесная, несравненная, моя отважная Клара была мертва.

Ее конец был таким жестоким и неожиданным, что на какое-то время меня будто парализовало. Был еще один момент, который лишь усугубил мой шок и недоумение, — это совершенно неожиданное появление на поле битвы этого получеловека-полуобезьяны. Я был абсолютно уверен, что Дик остался в Африке и нетерпеливо дожидается нашего возвращения.

Я не понимал, как он мог так быстро добраться сюда, если только тут не были замешаны Девять, вновь спустившие его на меня. Они были рады найти мне противника по силам, поэтому пошли даже на то, чтобы простить ему временную измену, лишь бы он свел счеты со мной. И вот сейчас, когда мы оба были лишены какого-либо оружия и могли рассчитывать лишь на силу своих рук и ног, Дик постарается показать мне все, на что он был способен. А способен, как я чувствовал, он был на многое. К своей чудовищной звериной силе он мог добавить хитрость и разум почти человеческого ума.

Оглушенный внезапным горем, я еще стоял над безжизненным телом моей обожаемой графини, теперь столь же холодной и безучастной, как те древние каменные столбы, что окружали нас сейчас, когда Дик бросился на меня.

От удара я покатился на землю. К счастью, этот удар вывел меня из ступора столь же верно, как если бы кто-то врезал мне ногой по заднице. Удар моих ног обезоружил его, выбив из рук битую и арбалет, которые отлетели далеко в сторону. Он уже протягивал свои лапы к моему лицу, намереваясь вырвать глаза, если бы ему хватило на это времени. Но моя нога уже уперлась в низ его живота, рука захватила запястье и резко дернула на себя. Я упал на спину, а он пролетел надо мной и покатился по земле, задев по дороге за что-то твердое.

Я подобрал его битую и встал на ноги, готовый встретить его, как только он появится. Но он возник, летя почти параллельно земле, ногами вперед, выстрелив собой, будто из катапульты. Его ноги, закованные в броню мощнейших мускулов, были подобны ногам гориллы. Я едва успел уклониться в сторону, не то моя грудная клетка была бы смята словно пустая яичная скорлупа. Тем не менее он задел за плечо, выбив оружие из моих рук. Мы вновь оказались безоружными, с одними кулаками в качестве оружия защиты и нападения.

Но в данный момент это мало что значило, так как от удара я отлетел на несколько метров, прежде чем смог остановиться, скользя и кувыркаясь по траве, залитой кровью Клары.

Некоторое время Дик не появлялся, видимо, потеряв направление, в котором я исчез. Я воспользовался передышкой и, нащупывая землю руками, направился к ближайшему столбу. Я хотел иметь точку опоры для ног, чтобы, когда появится противник, броситься на него головой вперед. Могло случиться и так, что мы потеряем друг друга в этом молочном супе и встретимся в следующий раз в другом месте и в другой битве. Но я не очень-то на это рассчитывал. Уж больно Дик хотел проявить себя. Как тогда, только что выбравшись из каньона, так и сейчас. Это был его звездный час. Он был в отличной форме, в то время как я продолжал ничего не слышать и голова моя продолжала раскалываться от боли. Все шансы были на его стороне.

Единственной для меня возможностью выбраться живым из этой ситуации было тщательно следить за своим тылом и тем, чтобы не произвести ни малейшего шума, что было весьма непросто, учитывая мою глухоту. Я был вынужден контролировать даже свое дыхание, чтобы не выдать себя.

У подножия шероховатой массы наполовину обрушившейся колонны мой ботинок наткнулся на какой-то предмет. Я встал

на колени и ошупал его руками. Это была рука Клары, оторванная антропидом.

Я взял ее в правую руку и сел, прислонившись к колонне спиной. Видимость не превышала тридцати сантиметров. Я подумал о том, что пока я там сидел, вокруг могла кипеть яростная схватка, сотрясающая воздух яростными криками и ударами сталкивающегося оружия, в которой мои помощники напрасно разыскивали меня или звали на помощь.

Внезапно я почувствовал приближающийся запах Дика. Он должен был находиться совсем близко, чтобы я смог уловить его запах в этом холодном, насквозь пропитанном влагой воздухе. Он тоже должен был меня почувствовать. Я швырнул руку Клары прямо перед собой. Удар пришелся Дикю по лицу в тот самый момент, когда его выпирающие вперед челюсти вынырнули передо мной из тумана, будто гримасничавшая маска гигантского призрака, одетого в черное и волосатое.

В ответ я получил не менее крепкий удар, едва не сломавший мне запястье и выбивший из руки кинжал, который взвился в воздух и сразу же канул в тумане.

Ослепленный кровью, залившей ему лицо из руки последней его жертвы, Дик промахнулся в своем следующем ударе. Его палица просвистела в волоске от моей головы и разбилась, ударившись о камень колонны. Я вложил все силы в прямой удар правой, угодивший ему в живот, точно в то место, куда он был мной ранен.

Он сложился вдвое, прижав обе руки к пупку. Мой кулак тут же врезал ему за ухом. Дик зашатался, и, когда он упал на колени, ребро моей ладони, будто нож гильотины, опустилось на его затылок.

Любой другой человек на его месте был бы окончательно выбит из игры и скорее всего умер на месте. Он же был лишь наполовину оглушен. Антропид встал на ноги, развернулся и, повинаясь рефлексу, вбитому в него занятиями каратэ, сделал выпад, задев мое правое плечо. Он опять едва не попал мне в голову. Рука тут же онемела и потеряла чувствительность, будто больше не принадлежала мне.

Я знал, что секунды через две рука отзовется дикой болью. Но в данный момент я совсем ничего не чувствовал. То же самое и с моим коленом, которое я ушиб во время падения и которое впоследствии заставило меня хромать в течение многих месяцев. Но я ни о чем не жалею. Сделанное стоило того.

Ноги Дика дрогнули в коленях, подкосились под его огромным туловищем и он рухнул на землю, лицом вниз. На секунду я подумал, что это был конец. Но еще нашел в себе силы перевернуться на бок. В этот момент мои конечности внезапно

вновь обрели жизнь и я закусил губу, стараясь не закричать от боли в них. Выпучив глаза, я изумленно смотрел, как Дик с трудом сгибает свое тело, пытаясь сесть на землю.

Презрев терзавшую меня боль, я качнулся вперед и нанес ему удар ногой под подбородок. В этот момент он поднял глаза и, не двигаясь, позволил мне преодолеть узкую полосу тумана, разделявшую нас. Потом откинулся на спину и застыл с широко открытыми глазами.

Это могло быть очередной уловкой. Медленно, с трудом опираясь на поврежденную ногу, я зашел со стороны головы и приблизился к нему. Дик не двигался. Я свалился рядом, вскрикнув от боли в поврежденном колене, и сомкнул пальцы здоровой руки на его горле. Они сжимались все сильнее и сильнее, медленно, но неотвратно. Глаза антропоида вылезли из орбит, язык вывалился наружу сквозь оскаленные зубы. Он дважды дернул головой, пытаясь втянуть голову в плечи, но конечности его не пошевелились. Наконец его огромная бочкообразная грудная клетка опустилась в последний раз и замерла, чтобы уже больше никогда не подняться.

Я убил его благодаря чистой случайности, позволившей мне в последний раз воспользоваться «рукой помощи» Клары. По логике вещей, учитывая преимущество, которое он имел с самого начала, на его месте должен был лежать я, раздавленный и побежденный.

С огромным трудом, кряхтя и постанывая от боли, я распрямился на ногах и повернулся спиной к огромным мегалитам, стоящим по окружности вокруг центра всего ансамбля. Недалекий взрыв гранаты пахнул мне в лицо дуновением слабого ветерка. Но ветерок после этого не исчез, а внезапно усилился, и пока я доковылял до центра руин, туманная вуаль разорвалась во многих местах и облака стали быстро уходить вверх. Вскоре перед моими глазами предстала полная картина разыгравшегося здесь побоища.

Среди поломанных и целых булав, бейсбольных бит, боевых цепов, арбалетов и прочей средневековой техники десятки и десятки тел неподвижно лежали на земле, усеянной сотнями торчащих в ней стрел. Но я нигде не нашел ни тела, ни следов Муртага. В центре, в огромном катафалке из столетнего дуба, украшенного резьбой и большими медальонами из чистого золота, над всеми возвышался Ксоксаз, со скрещенными на груди руками и огромной распушенной по ветру белой бородой, укрывавшей его тело до пояса. Правый глаз его прикрывала черная повязка, на голове сидела мятая черная шапка. Два огромных черных ворона переступали ногами, прохаживались по его плечам. При моем приближении они раздраженно

и негодуяще закаркали, захлопали крыльями, взлетели и стали описывать низкие круги над величественными развалинами загадочного Стоунхенджа.

За пределами памятника, сквозь щели меж каменных столбов, куда ни кинь взгляд, повсюду виднелись многочисленные неподвижные тела людей.

«Да, — подумалось мне, — старик не мог и мечтать, вероятно, о подобной грызне».

Я остановился, глядя на своего деда. На того, кто поддерживал и укреплял своей кровью бесконечную череду Грандритов. Старец, переживший многие сотни поколений, почитаемый в свое время как истинный, живой и живущий бог, которому разные народы и в разное время поклонялись как Вотенджизу, Вотану, затем как нордическому богу Одину и Воклану, тот, кого также называли Божественным Безумцем, перестал смущать общество и природу своим неоправданно долгим пребыванием на этой земле. Ксоксаз, ибо таково было его истинное имя, под которым его все знали в Пещерах Девяти — «Великий», на протогерманском языке, — присоединился к своим давно ушедшим братьям Эбн Ксоксазу, что значит «Равновеликий», и к Тритджазу — «Третьему».

Очень быстро туман рассеялся по всей равнине, открыв взгляду одиноко стоящие голые каменные исполины древних руин. Тем, кто вскоре придет сюда, откроется странное зрелище огромного богатого саркофага с находящимся в нем стариком, который, несмотря на внешний вид человека, прожившего не более ста лет, увидел свет своего первого дня не ранее 15 000 лет до нашей эры. Не меньшее удивление и интерес вызовет к себе и труп странного создания, которое ученые считали исчезнувшим с лица земли миллион лет тому назад. Да и по поводу остальных трупов, лежащих среди разброшенного средневекового оружия, будет немало толков и пересудов, если только Девять не используют вновь своего влияния, чтобы закрыть этот неолитический памятник на время, необходимое для уборки территории. Если не принять этой меры предосторожности, история «побоища при Стоунхендже» мгновенно станет сенсацией во всех средствах массовой информации и распространится по всей Земле. Но не думаю, чтобы истинная причина этого события стала известна человечеству, хотя бы через несколько веков. Скорее всего этого не случится никогда.

Хорошо зная патриархов, я вышел за каменную ограду. Мне казалось, что при вспышке одной гранаты я видел большое количество велосипедов, стоящих на стоянке у ограды. Вероятно, они тоже все были из пластика и принадлежали людям

Калибана. Если бы мне удалось взгромоздиться на один из них и заставить работать ушибленную ногу, можно было бы забыть о тревогах на ближайшее будущее. А уж выбравшись на магистраль, раздобыть автомобиль было и вообще плевым делом. При необходимости можно будет просто его украсть, без проблем. То, что я родился в джунглях и воспитывался обезьянами, еще не говорило о том, что я совершенно не знаю, как взяться за это дело.

К тому моменту туман рассеялся окончательно, и внезапно, совершенно неподалеку, я различил знакомый силуэт. Я тут же узнал так хорошо знакомую мне шевелюру и кожу цвета золотистой бронзы; эту высокую, ослепительно красивую женщину, сопровождавшую его и человека с удивительно диспропорциональным телом, который стоял за их спинами. Это, конечно же, был Паунчо.

У их ног не было видно земли за покрывшими ее телами поверженных врагов.

Я ускорил шаги и пошел в их направлении. Но вскоре вынужден был притормозить из-за боли, расплзавшейся от колена по всему бедру.

Док обернулся. Увидев, в сколь плачевном состоянии я нахожусь, он бросился мне навстречу.

Впервые, с начала вечности, я с облегчением рассмеялся. Теперь нам все было нипочем. Мы и в этот раз вышли сухими из воды.

Оставалось вернуться в имение и узнать, что все-таки случилось с Клио. А потом мы с Доком отправимся в горы Уганды и займемся наведением порядка в Пещерах Девяти.

Содержание

От издательства	5
МЕМУАРЫ ЛОРДА ГРАНДРИТА	
<i>Теодор Старджон.</i>	
Предисловие	9
Пир потаенный, роман, <i>перевод О. Артамонова</i>	23
Повелитель деревьев, роман, <i>перевод О. Артамонова</i>	235

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том двадцать второй

Составитель *Д. Смушкович*

Редактор *Л. Моргун*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, И. Лаздина, А. Хиришфелде*

Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*

ЛР № 062455 от 17.06.97.

Подписано в печать 6.02.98. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Антикwa. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5000 экз.

Заказ № 2181.

ООО издательство «Полярис»

101000, Москва, Главпочтамт а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Пир потаенный

Внебрачный сын Джека Потрошителя, приемный питекантропа лорд Грандрит, владыка африканских джунглей, выходит на охоту. Но на сей раз ему уготована роль дичи. Ибо на единственное место в Совете Девяти бессмертных, тайных правителей человечества, претендуют двое: сам Грандрит и его злейший враг, и победа достанется сильнейшему!

Повелитель деревьев

Попытка Девяти сравнить двух сверхлюдей закончилась провалом. Лорд Грандрит и Док Камбан вместе выходят на бой против бессмертных правителей, ревниво оберегающих свой секрет. Но у Девяти есть свои способы усмирять непокорных...

